

Вятский государственный университет

**В Е С Т Н И К
ВЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 2 (152)

Киров
2024

Главный редактор

Н. А. Низовских, д-р психол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-5541-5049

Заместители главного редактора

О. А. Останина, д-р филос. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-7421-0615

С. С. Куклина, д-р пед. наук, проф., Вятский государственный университет, ORCID: 0000-0002-4838-9233

Ответственный секретарь

Е. В. Динер, д-р пед. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-6233-7571

Редакционный совет

В. Т. Юнгблюд, д-р ист. наук, проф., председатель редакционного совета, президент ВятГУ (г. Киров), ORCID: 0000-0002-2706-3904;

И. А. Баева, д-р психол. наук, проф., РГПУ им. А. И. Герцена, академик РАО (г. Санкт-Петербург);

Ю. П. Зинченко, д-р психол. наук, проф., академик РАО (г. Москва);

В. В. Лаптев, канд. физ.-мат. наук, д-р пед. наук, академик РАО (г. Санкт-Петербург);

А. В. Лубков, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАО (г. Москва);

А. В. Смирнов, д-р филос. наук, проф., академик РАН (г. Москва);

А. П. Тряпицына, д-р пед. наук, проф., академик РАО (г. Санкт-Петербург).

Редакционная коллегия

И. Е. Валитова, д-р психол. наук, проф., БрГУ им. А. С. Пушкина (Республика Беларусь, г. Брест), ORCID: 0000-0003-0751-8534;

Е. М. Вечтомов, д-р физ.-мат. наук, проф., ВятГУ (г. Киров), ORCID: 0000-0002-3490-2956;

Е. О. Галицких, д-р пед. наук, проф. (г. Киров), ORCID: 0000-0003-1145-3315;

И. Н. Грифцова, д-р филос. наук, проф., МПГУ (г. Москва), ORCID: 0000-0003-3399-8551;

А. М. Дорожкин, д-р филос. наук, проф., ННГУ им. Н. И. Лобачевского (г. Нижний Новгород);

Р. В. Ершова, д-р психол. наук, проф., РУДН (г. Москва), ORCID: 0000-0002-5054-1177;

С. И. Калинин, д-р пед. наук, проф., ВятГУ (г. Киров), ORCID: 0000-0001-5439-9414;

В. Г. Маралов, д-р психол. наук, проф., ЧГУ (г. Череповец), ORCID: 0000-0002-9627-2304;

Л. А. Мосунова, д-р психол. наук, проф., ВятГУ (г. Киров);

Г. Н. Некрасова, д-р пед. наук, проф., ВятГУ (г. Киров), ORCID: 0000-0003-2252-9682;

М. И. Ненашев, д-р филос. наук, проф. (г. Киров);

В. Я. Перминов, д-р филос. наук, проф., МГУ (г. Москва);

В. Б. Помелов, д-р пед. наук, проф., ВятГУ (г. Киров), ORCID: 0000-0002-3813-7745;

Л. Т. Ретюнских, д-р филос. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова (г. Москва);

Н. Л. Росина, д-р психол. наук, проф., МГЭУ (г. Киров), ORCID: 0000-0002-7734-1343;

Е. Е. Сапогова, д-р психол. наук, проф., МПГУ (г. Москва), ORCID: 0000-0002-0581-7429;

Ю. А. Сауров, д-р пед. наук, проф., чл.-корр. РАО, ВятГУ (г. Киров), ORCID: 0000-0002-8756-8103;

Г. И. Симонова, д-р пед. наук, проф., ВятГУ (г. Киров), ORCID: 0000-0002-0721-287X;

Е. А. Счастливецова, д-р филос. наук, доц., ВятГУ (г. Киров);

Т. Н. Суворова, д-р пед. наук, проф., МГПУ (г. Москва), ORCID: 0000-0003-3628-129X;

Е. А. Ходырева, д-р пед. наук, проф., Университет Иннополис (г. Казань), ORCID: 0000-0001-7079-6372;

Е. С. Черепанова, д-р филос. наук, проф., УрФУ (г. Екатеринбург);

М. А. Щукина, д-р психол. наук, СПбГИПСП (г. Санкт-Петербург), ORCID: 0000-0002-0834-3548;

Е. Protassova, д-р пед. наук, профессор-адъюнкт, Хельсинкский университет

(Финляндия, г. Хельсинки), ORCID: 0000-0002-8271-4909;

А. Prusak, PhD, Академический образовательный колледж Ораним (Израиль, г. Кирьят-Тивон), Академический педагогический колледж Шаанан (Израиль, г. Хайфа).

**Научный журнал «Вестник Вятского государственного университета»
как средство массовой информации зарегистрирован в Роскомнадзоре
(Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67510 от 18 октября 2016 г.)**

Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»

Адрес издателя: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36

Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36,

тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Цена свободная

*Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук*

**HERALD
OF VYATKA STATE
UNIVERSITY**

S c i e n t i f i c j o u r n a l

№ 2 (152)

Kirov
2024

Chief editor

N. A. Nizovskikh, Dr. of psychol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-5541-5049

Deputy editors

O. A. Ostanina, Dr. of philos. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0001-7421-0615

S. S. Kuklina, Dr. of ped. sciences, prof., Vyatka State University, ORCID: 0000-0002-4838-9233

Executive Secretary

E. V. Diner, Dr. of ped. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0001-6233-7571

Editorial council

V. T. Yungblud, Dr. hist. sciences, prof., chairman of editorial council, president of Vyatka State University, (Kirov) ORCID: 0000-0002-2706-3904;

I. A. Baeva, Dr. of psychol. sciences, prof., Herzen State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen, academician of the RAE (St. Petersburg);

Yu. P. Zinchenko, Dr. of psychol. sciences, prof., academician of the RAE (Moscow);

V. V. Laptev, PhD of physical and mathematical sciences, Dr. of ped. sciences, academician of the RAE (St. Petersburg);

A. V. Lubkov, Dr. of hist. sciences, prof., corresponding member of the RAE (Moscow);

A. V. Smirnov, Dr. of philos. sciences, professor, academician of the RAS (Moscow);

A. P. Tryapitsina, Dr. of ped. sciences, professor, academician of the RAE (St. Petersburg).

Editorial board members

I. E. Valitova, Dr. of psychol. sciences, prof., State Pedagogical University n. a. A. S. Pushkin (Republic of Belarus, Brest), ORCID: 0000-0003-0751-8534;

E. M. Vechtomov, Dr. of phys.-math. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-3490-2956;

E. O. Galitskykh, Dr. of ped. sciences, prof. (Kirov), ORCID: 0000-0003-1145-3315;

I. N. Grifcova, Dr. of philos. sciences, prof., Moscow Pedagogical State University (Moscow), ORCID: 0000-0003-3399-8551;

A. M. Dorozhkin, Dr. of philos. sciences, prof., Nizhny Novgorod State University n. a. N. I. Lobachevsky (Nizhny Novgorod);

R. V. Ershova, Dr. of psychol. sciences, prof., Peoples' Friendship University of Russia (Moscow), ORCID: 0000-0002-5054-1177;

S. I. Kalinin, Dr. of ped. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0001-5439-9414;

V. G. Maralov, Dr. of psychol. sciences, prof., Cherepovets State University (Cherepovets), ORCID: 0000-0002-9627-2304;

L. A. Mosunova, Dr. of psychol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov);

G. N. Nekrasova, Dr. of ped. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0003-2252-9682;

M. I. Nenashev, Dr. of philos. sciences, prof. (Kirov);

V. Ya. Perminov, Dr. of philos. sciences, prof., Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov (Moscow);

V. B. Pomelov, Dr. of ped. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-3813-7745;

L. T. Retyunskikh, Dr. of philos. sciences, prof., Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov (Moscow);

N. L. Rosina, Dr. of psychol. sciences, associated prof., MHEU (Kirov), ORCID: 0000-0002-7734-1343;

E. E. Sapogova, Dr. of psychol. sciences, prof., Moscow Pedagogical State University (Moscow), ORCID: 0000-0002-0581-7429;

Yu. A. Saurov, Dr. of ped. sciences, prof., corresponding member of Russian Academy of Education, Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-8756-8103;

G. I. Simonova, Dr. of ped. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-0721-287X;

E. A. Schastlivtseva, Dr. of philos. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);

T. N. Suvorova, Dr. of ped. sciences, prof., Moscow State Pedagogical University (Moscow), ORCID: 0000-0003-3628-129X;

E. A. Khodyreva, Dr. of ped. sciences, prof., Innopolis University (Kazan), ORCID: 0000-0001-7079-6372;

E. S. Cherepanova, Dr. of philos. sciences, prof., Ural Federal University (Ekaterinburg);

M. A. Shchukina, Dr. of psychol. sciences, associated prof., St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work (St. Petersburg);

E. Protassova, Dr. of ped. sciences, associate prof., University of Helsinki (Finland, Helsinki), ORCID: 0000-0002-8271-4909;

A. Prusak, PhD, Academic Educational College Oranim (Israel, Kiryat Tiv'on), Shaanan Academic Teachers College (Israel, Haifa).

**Scientific journal «Herald of Vyatka State University» as a mass media registered with Roskomnadzor
(Certificate of registration of mass media ПИ № ФЦ 77-67510 of October 18, 2016)**

Founder of the journal Federal State Budgetary Educational Establishment of Higher Education "Vyatka State University"

Address of editor: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Address publishing company: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov

Tel. (8332) 208-964 (Scientific Publishing Company of VyatSU)

Free price

*The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals,
in which the main scientific results of theses for the degree of Dr. and PhD should be published*

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Ковалев Андрей Андреевич. Антропологические аспекты гибридной войны как войны нового поколения</i>	7
<i>Макарьев Игорь Викторович. «Без прошлого нет будущего»: взаимосвязь прошлого и будущего как философская проблема</i>	18
<i>Чащин Елисей Владимирович. О некоторых аспектах связи и различий «естественного» и «искусственного» мышления</i>	28
<i>Смирнов Николай Алексеевич. Феноменология священного и мирского в свете проблемы самости (опыт прочтения «Чхандогья-Упанишады» VIII, 7–15)</i>	38
<i>Куликов Михаил Вячеславович. Генезис и причины кризиса американской утопии: от Генри Торо до Ричарда Рорти</i>	48
<i>Фоминых Елена Александровна. Образ вампира как выражение архетипа Тени в культуре</i>	56
<i>Излученко Татьяна Владимировна, Гергилев Денис Николаевич, Илларионов Григорий Андреевич. Профилактика деструктивной деятельности в образовательных организациях высшего образования: проблемы и предложения</i>	65
<i>Овчаров Дмитрий Александрович. Проблема социального и природного в человеке в зарубежной философской мысли II половины XX – начала XXI вв.: историко-философский аналитический обзор</i>	74

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

<i>Печатнов Валентин Владимирович. Празднование столетия Русской православной миссии в Северной Америке</i>	81
<i>Головнев Георгий Андреевич. Особенности проявления премиллениаристских идей на примере «Свидетелей Иеговы»</i>	91

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Благин Анатолий Вячеславович, Попова Инна Григорьевна. Семантическая составляющая точных наук: проблемы и возможные пути решения</i>	99
<i>Лебедева Наталья Васильевна. Нейроандрагогика как область обучения взрослых в современной системе образования</i>	109
<i>Бородатая Марина Николаевна, Ерофеева Оксана Николаевна. Возможности методов photovoice и sensemaking в формировании традиционных ценностей студентов (на примере ценностей патриотизма, гуманизма и гражданственности)</i>	120
<i>Левушкина Ольга Николаевна, Калачева Ирина Евгеньевна. Лингвокультурологический анализ слова как части речи в обучении морфологии на уроках русского языка</i>	134
<i>Еременко Татьяна Вадимовна. Педагогический инструментарий противодействия академической нечестности студентов: анализ публикаций российских авторов</i>	148

CONTENTS

PHILOSOPHICAL SCIENCES

<i>Kovalev Andrey Andreevich. Anthropological aspects of hybrid warfare as a New Generation war</i>	7
<i>Makariev Igor Viktorovich. "There is no future without the past": the relationship between the past and the future as a philosophical problem</i>	15
<i>Chashchin Yelisey Vladimirovich. On some aspects of the connection and differences between "natural" and "artificial" thinking</i>	28
<i>Smirnov Nikolay Alekseevich. Phenomenology of the Sacred and the Mundane in the light of the problem of the Self (experience of reading the Chandogya Upanishad VIII, 7–15)</i>	38
<i>Kulikov Mikhail Vyacheslavovich. The genesis and causes of the crisis of American utopia: from Henry Thoreau to Richard Rorty</i>	48
<i>Fominykh Elena Aleksandrovna. The image of a vampire as an expression of the Shadow archetype in culture</i>	56
<i>Izluchenko Tatyana Vladimirovna, Gergilev Denis Nikolaevich, Illarionov Grigory Andreevich. Prevention of destructive activity in educational institutions of higher education: problems and suggestions</i>	65
<i>Ovcharov Dmitry Alexandrovich. The problem of the social and natural in man in foreign philosophical thought of the second half of the XX – early XXI centuries: historical and philosophical analytical review</i>	74

PHILOSOPHY OF RELIGION AND RELIGIOUS STUDIES

<i>Pechatnov Valentin Vladimirovich. Celebrating the centenary of the Russian Orthodox Mission in North America</i>	81
<i>Golovnev Georgy Andreevich. Features of the manifestation of premillennialist ideas on the example of "Jehovah's Witnesses"</i>	91

PEDAGOGICAL SCIENCES

<i>Blagin Anatoly Vyacheslavovich, Popova Inna Grigorievna. The semantic component of the exact sciences: problems and possible solutions</i>	99
<i>Lebedeva Natalia Vasilyevna. Neuroandragogy as an area of adult education in the modern education system</i>	109
<i>Borodataya Marina Nikolaevna, Erofeeva Oksana Nikolaevna. The possibilities of the methods of photovoice and sensemaking in the formation of traditional values of students (using the example of the values of patriotism, humanism and citizenship)</i>	120
<i>Levushkina Olga Nikolaevna, Kalacheva Irina Evgenievna. Linguistic and cultural analysis of the word as a part of speech in teaching morphology in Russian language lessons</i>	134
<i>Eremenko Tatyana Vadimovna. Pedagogical tools for countering academic dishonesty of students: analysis of publications by Russian authors</i>	148

Антропологические аспекты гибридной войны как войны нового поколения

Ковалев Андрей Андреевич

кандидат политических наук, доцент, Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Россия, г. Санкт-Петербург. ORCID: 0000-0002-7760-5732. E-mail: kovalev-aa@ranepa.ru

Аннотация. Военная антропология как отдельная научная дисциплина в отечественной науке сформировалась в 2000 г. С тех пор она развивалась, дополнялась новыми знаниями, однако вызовы гибридной войны поставили перед исследователями новые задачи, которые подвигли научное сообщество сформировать новое направление военной антропологии, антропологию гибридной войны. Войны нового поколения – гибридные войны – характеризуются отсутствием четких и даже условных границ между состоянием войны и состоянием мира, когда человек находится в неопределенной позиции, а антропология войны существенно усложняется. Цель исследования – рассмотреть место и роль человека в гибридной войне современности. В работе были использованы исторический подход, а также методы систематизации и концептуализации. В настоящее время понятие «война» и подходы к его изучению меняются, по этой причине целесообразно говорить о новой философии войны. При этом роль человека по сравнению с ролью техники (оружия) в новых войнах стала первичной. Сознание и под-сознание человека становятся главными мишенями в новых войнах. Именно поэтому человеку необходимо не только найти свое место в доминирующей гибридной реальности, но и защититься от ее возрастающих вызовов и угроз. Ввиду важности вопросов, изучаемых в настоящем исследовании, полученные результаты имеют научно-прикладную значимость, а перспективность дальнейшего рассмотрения и осмысления данной проблематики объясняется прогрессирующим усложнением и совершенствованием гибридной войны и необходимостью поиска способов противодействия ее проявлениям с целью защиты человека.

Ключевые слова: гибридная война, гибридный мир, технологии войны, человек, безопасность, сознание, управление, манипуляции.

Введение. Современность характеризуется состоянием гибридности, под которой подразумевается размывание границ между миром и войной. Если раньше война (как понятие и как состояние) и место человека в ней были однозначно определены и понятны, то в XXI в. соотношение человека и войны уже не выглядят столь однозначными. Человек окружен новыми технологиями, комфортом, быстрой связью, он мобилен и о многом осведомлен, но он также осознает, что все эти «блага цивилизации» создают для него невидимую угрозу, не до конца осознаваемую, но все же присутствующую. Человек больше не уверен в том, война идет в тот или иной момент, перемирие или полноценный мир. Эти категории устарели, в настоящее время человек погружен в гибридную реальность, которая не война и не мир, и в то же время и война, и мир.

Такое положение создает неопределенность, хаос, дискомфорт и желание все-таки понять, в каком мире находится современный человек, какое место он занимает в этом мире, какие от него исходят угрозы и как их преодолеть. Раньше на все эти вопросы пыталась ответить философская антропология, а позднее и образованная от нее военная антропология. Однако эти дисциплины уже не могут дать адекватные ситуации ответы на извечные вопросы, поэтому целесообразно в настоящее время развивать такую отрасль научного знания, как антропология гибридной войны. Она позволит и осмыслить сам феномен гибридной войны, и место человека в новой гибридной реальности, и наметить дальнейшие пути развития человека в ней.

Цель исследования – рассмотреть место и роль человека в гибридной войне современности.

В работе были использованы следующие научные методы и подходы: исторический подход, позволяющий проследить преемственность философского знания о феномене войны и его трансформациях даже при его изменении с течением времени под влиянием различных факторов; метод систематизации, благодаря которому война в разных ее проявлениях признается единым объектом философского осмысления; метод концептуализации, согласно которому человек рассматривается как центральное звено гибридной войны, нуждающееся в изучении.

Ряд авторов считают феномен гибридных войн не новым и не требующим серьезных научных и прикладных усилий, чтобы его осмыслить. Среди таких исследователей Л. Л. Ломако и К. Г. Мальцев [14], И. Чубаров и Ю. Апполонова [27] и ряд других. Однако такие ученые, как Я. Даниэль и Я. Эберле [28], А. М. Ильницкий [10], М. Калдор [29], Родачин [20] и др., интенсивно изучают антропологию войны, в том числе гибридную, и стремятся осмыслить место человека в этом процессе. При этом стоит отметить, что исследования антропологии гибридной войны находятся в настоящее время в стадии становления, так как сам этот феномен вызывает множество вопросов. Поэтому изучение данного направления довольно перспективно и с научной, и с прикладной точек зрения.

Войны нового поколения характеризуются отсутствием четких и даже условных границ между состоянием войны и состоянием мира, когда человек находится в неопределенной позиции, а антропология войны существенно усложняется.

Философия войны. Философия войны – это направление, которое посвящено изучению вопросов войны и всего, что с ними связано; это определенный инструментарий ведения военных действий, то есть некая теоретическая концепция войны, отраженная в реальной действительности [8, с. 370]. Несмотря на давность своего происхождения, это направление всегда востребовано и актуально. В настоящее время понятие «война» и подходы к его изучению меняются, по этой причине целесообразно говорить о новой философии войны. Если в прежние времена ключевой целью войны было порабощение и захват территорий, то в настоящее время основная цель войны – это контроль (политический, финансовый, экономический, информационный и т. д.) [2]. Иными словами, физическое уничтожение не является приоритетом в войне XXI в. Именно поэтому и методы войны, и ее участники будут претерпевать качественные изменения для достижения главной цели.

По справедливому утверждению коллектива авторов, изучающих новую философию войны, роль человека по сравнению с ролью техники (оружия) в новых войнах стала первичной. При этом такие войны размыты во времени. Они не нацелены на разрешение назревших противоречий, на достижение и поиск компромисса. Напротив, «они ведут не к разрешению конфликтов, а к их усугублению, расширению зоны воздействия, увеличению количества участников конфликта и т. д.» [7, с. 19]. То есть такую войну можно назвать непрерывной, в ней человек не уничтожается и не поработается, а программируется (или перепрограммируется). Это становится возможным благодаря способности манипулировать сознанием, как массовым, так и индивидуальным. Таким образом, философия новых войн базируется на следующих положениях: 1) война нового поколения носит скрытый характер; 2) она не объявляется заранее; 3) невозможно точно определить участников такого противоборства, поэтому отсутствует возможность и привлечь ту или иную сторону к ответственности; 4) широко используются невоенные методы; 5) главная цель таких войн – это распространение влияния и контроль противника во всех сферах за счет подавления его воли; 6) усиливается значение антропологического фактора.

Итак, антропологический фактор является одним из ведущих среди тех, что определяют сущность войны нового поколения. В связи с этим особое значение начинают приобретать теории, связанные с исследованием роли человека и общества в войнах нового типа. Например, одним из направлений этих теорий является рассмотрение борьбы смыслов как одного из аспектов войн нового поколения [9].

Таким образом, новые войны в антропологическом измерении являются разнонаправленными. Они несут в себе свойства информационного, психологического, интеллектуального, ментального противостояния, кибервойн. Такие войны сочетают в себе методы классической и неклассической войны, используют как военные, так и невоенные методы. А в совокупности разные направления новых войн составляют так называемые гибридные войны.

Сущность гибридных войн. Категория «гибридная война» (hybrid warfare) является мультидисциплинарной и изучается такими науками, как социология, политология, философия, юриспруденция. Единого и однозначного определения данной категории не существует, при этом в имеющихся описаниях делается акцент на тех или иных значимых свойствах и характеристиках этого феномена. В первую очередь гибридная война – это война, то есть противоборство, крайняя степень противостояния, которые организуются для достижения определенных целей. Так, видный теоретик войны Карл фон Клаузевиц под войной понимал «продолжение политики, только иными средствами» [12, с. 55–56]. Таким образом, война позволяет добиваться политических целей с привлечением иных средств.

В настоящее время войну следует определить «в виде постоянно трансформирующегося комплекса боевых и информационных средств достижения политического, социального и экономического превосходства, установления типа правоотношений, позволяющего достичь вполне "законным" способом стратегических интересов» [1, с. 69–70]. При этом важно отметить, что современная война отходит от традиционного ее понимания. В этом процессе меняются и участники (это необязательно суверенные государства), и методы (происходит сочетание военных и невоенных инструментов), и пространство (современные войны проходят и на физическом, и на нефизическом поле боя), и временные рамки (война XXI в. зачастую является необъявленной и без четкого окончания), и субъектно-объектные роли (зачастую сложно определить, кто является объектом, а кто – субъектом, при этом эти роли нередко меняются между акторами-участниками).

Итак, латинское слово «hibrida», от которого произошло слово «гибридный», означает «помесь», «смешение». Изначально оно использовалось в зоологии и ботанике для обозначения результата процесса скрещивания разных видов и сортов животных и растений. Однако в последующем этот термин стал междисциплинарным. В общественных науках это понятие закрепилось благодаря стремлению выразить и описать всю сложность современного мира. Действительно, такой неподдельный научный интерес в настоящее время гибридные войны и их изучение вызвали «в связи с формированием новой, сложной и турбулентной среды безопасности, провоцирующей нестабильность, военно-политическую напряженность и многообразие форм военных конфликтов» [20, с. 103]. Иными словами, гибридная война стала естественным состоянием современного мира.

Впервые термин «гибридная война» был использован на рубеже 1990-х – 2000-х гг. американскими военными. Гибридные войны стали предметом исследований в последние несколько десятилетий, хотя сам принцип ведения войны, основанный на гибридности (смешанности методов), имеет давнюю историю. Так, среди невоенных способов достижения военных целей можно отметить подкуп, обман, хитрость и пр. Очевидно, что такие инструменты были доступны участникам военных конфликтов и в прежние времена. Об этом, в частности, писали Сунь-Цзы [24], Нику Попеску [33], Вильямсон Мюррей и Питер Мансур [32] и др. Очевидно, что такой невоенный арсенал средств для достижения военных целей нельзя назвать полноценной гибридной войной, поэтому справедливо было бы придерживаться той позиции, что гибридная война – это продукт современного периода развития человечества. Во-первых, раньше невоенные методы в традиционных войнах использовались как вспомогательные средства; во-вторых, разнообразие инструментария современных гибридных войн намного превосходит возможности воинов прошлых времен и по масштабам, и по целям, и по ряду других параметров [20, с. 104].

Однако существует и другая точка зрения, согласно которой в феномене гибридных войн нет никакой новизны. Так, не все исследователи признают состоятельность и самого феномена гибридной войны, и тех его определений, которые имеются в социально-гуманитарных и философских исследованиях. Например, доктор философских наук Ю. Ю. Першин констатирует, что гибридная война наделала много шума из ничего [17]. По мнению ученого, введение и широкое употребление понятия «гибридная война/угроза» неактуально и глубоко идеологизировано. Возможно, действительно сложно однозначно и исчерпывающе описать этот неоднозначный феномен, который получил условное название «гибридная война», однако и отрицать возможность его использования не совсем рационально. Очевидно, что мир усложнился, и современный человек испытывает множество сложностей и подвергается разным угрозам, которые раньше не существовали. А чтобы противостоять этим угрозам, необходимы качественная научная проработка и философское осмысление этого нового антропологического состояния, чтобы хотя бы условно наметить очертания и характеристики этого состояния и его последствия.

Важно отметить, что в последнее десятилетие стало очевидным, что успех гибридной войны напрямую зависит от того, насколько субъект гибридной атаки осведомлен о ее объекте. Дело в том, что без соответствующих знаний о том обществе, на которое планируется гибридная атака, она не будет иметь успех. К таким знаниям относятся представления о культуре этого общества, его традициях, ценностях, уровне ментальной устойчивости и ряде других важнейших параметров, которые определяют идентичность данного общества. То есть ключевым объектом воздействия в гибридной войне становится общество, а также отдельный человек и его сознание.

Важно отметить, что под гибридной войной понимается множество подвидов различных противостояний. Такие противостояния именуется невоенными, асимметричными, нетрадиционными, неклассическими и т. д. При этом главным отличием гибридной войны является ее неконвенциональный характер, то есть такая война ведется не по нормам международного права. Также существенным отличием гибридной войны является отсутствие поля боя (фронта), который остается главным атрибутом классической войны. Однако в контексте настоящего исследования важно обратить внимание на то, что гибридные войны направлены не только на правительственные войска и их уничтожение (или подконтрольность), но и на гражданское население. При этом подобное воздействие может носить как физический, так и нефизический характер, может применяться и в условиях военного времени, и в период отсутствия военных столкновений. Например, одним из самых действенных направлений гибридной войны является информационно-психологическая война, которая благодаря Интернету приобрела практически неограниченные возможности. Также здесь следует отметить кибервойны, экономические и культурные санкции, попытки политической изоляции и ряд других [30].

Одним из важных и интересных направлений изучения гибридной войны является ее осмысление с позиции теории справедливой войны, о которой в свое время рассуждали Ф. Аквинский, Г. Гроций, И. Кант и многие другие мыслители. Основными критериями справедливой войны считались сопротивление вооруженному нападению, защита мирного населения и некоторые другие. Однако гибридную войну довольно сложно идентифицировать с точки зрения справедливости и несправедливости. Так, антрополог Н. Скорин-Чайков пишет о гибридном мире и называет его новой нормальностью, в которой использование военной силы и военного насилия оправданно и возможно. При этом он ссылается на работы К. Шмитта, в которых немецкий философ отмечал, что в качестве ответа на подобные неконвенциональные (незаконные) способы ведения войны (он, в частности, изучал партизанское движение) можно избрать любые меры [22, с. 58]. Иными словами, согласно этой теории, гибридной война представляет собой любые средства нападения и любые ответные меры, не регулируемые какими-либо правилами и законами.

Таким образом, процесс концептуализации понятия «гибридная война» является сложным и неоднозначным. Один из основоположников изучения категории «гибридная война» Ф. Хоффман отмечал, что основным критерием такой войны является асимметричность, когда сосредоточенность на фронте классической войны сменяется приоритетностью партизанской деятельности, проведения диверсий (главным образом информационных), а также работы с населением [31]. В результате «в гибридной войне происходит оттягивание сил одного из противников от основного театра войны и создание затруднений социального характера, препятствующих эффективному управлению армией и взаимодействию со своим народом, а также нарушению функционирования социальных институтов и сфер общественной жизни, размыванию основ культуры» [13, с. 44]. Действительно, такие подходы к ведению войны усиливают влияние антропологического фактора в настоящее время. По большей части этот эффект достигается за счет того, что пространство противостояний наполняется борьбой за сознание людей и сферу символического. Борьба смыслов и идей становится ключевой областью того направления гибридной войны, которое непосредственно влияет на человека.

Гибридная война и гибридная действительность стали реальностью XXI в. Главная проблема для современного человека в контексте гибридной войны заключается в размытости состояний войны и мира, когда возникает непонимание – война это или мир. Отсюда возникает еще одна сложность, смысл которой сводится к тому, что необходимо принять настоящую реальность не как войну или мир, а как их сочетание (или смесь). Классические представления о войне и мире сейчас не работают, они только вводят в заблуждение человека, который отказывается верить в то, что война уже началась и идет весьма интенсивно [10].

Современная философия подвергает сомнению ранее не оспоримый с позиции традиционной метафизики онтологический постулат о том, что мир – олицетворение гармонии, упорядоченности и единства всего сущего, а война – это процесс, который заново создает миропорядок (то есть разрушает старый и создает новый) и может достигать состояния хаоса. Война и мир смешались так, что утратили свою изначальную суть, сейчас они «втянуты в общее блуждание и, нераспознаваемые из-за отсутствия Различия, растворились в пустом процессе нарастающего манипулирования всем, чем можно манипулировать» [4, с. 32]. Такая постановка проблемы осмысления сути войны и мира в XXI в. остро актуализирует антропологию войны нового поколения, то есть гибридной войны.

Антропология гибридной войны. Военная антропология как научная дисциплина стала активно развиваться с 2000 г. (год создания новой научной дисциплины), в первую очередь опираясь на культурную и социальную антропологию [3, с. 85]. Человек, общество и культура признаются объектом этого научного направления. И если военная антропология классической войны в качестве предмета выделяла взаимодействие военной культуры с природной средой, личностью, обществом, другими военными культурами, то в период стремительного развития гибридных войн он [предмет] наполняется новыми смыслами. Так, для военной культуры классической войны первостепенное значение имеют представления человека о войне как вооруженном противостоянии, где имеется четкое различие военного и мирного времени. Как раз этого не наблюдается в войне нового поколения. Именно поэтому антропология войны претерпела значительные изменения и в настоящее время значительно отличается от исходного варианта.

Доктор философских наук, профессор Ф. И. Гиренок справедливо делит войну на внешнюю и внутреннюю, где внешняя война – это апогей противостояния «мы» и «они», а внутренняя – это противостояние «мы» и «вы». Что автор подразумевает под «вы»? «Вы» – это люди среди нас («мы»), похожие на нас («мы»), но не «мы». В контексте современной России «мы» – это народ, «вы» – это элита (интеллигенция, эксперты, интеллектуалы), которая лишает народ языка, твердых убеждений и простых мыслей [6, с. 253]. Противостояние России и Украины – это переход внешней войны во внутреннюю. По мнению ученого, победа во внутренней войне возможна только благодаря обновлению общества, и это в первую очередь относится к элитам. Для российского народа власть-предатель – это и есть поражение во внутренней войне. Для народа России государство должно быть духовным предводителем, а не «ночным сторожем» (как на Западе), заключает философ.

Итак, в XXI в. человек по-новому осознает себя в пространственно-временном измерении, что касается также и военной сферы. В эпоху гибридных войн антропология войны иначе рассматривает человека, его место и роль в данном контексте. Изменение антропологического фактора в гибридных войнах происходит по большей части за счет возросшей роли виртуальной реальности. Поэтому наряду с физическими и психическими показателями человека большое значение имеют и ментальные характеристики. В таких условиях размываются признаки человеческого в человеке, меняется его идентичность и самосознание. Это касается и непосредственно актов боевого действия (например, управления БПЛА), и процесса жизнедеятельности гражданского населения. Таким образом, «теперь военное противостояние – это забота не только избранных воинов и обслуживающего персонала, но вообще всех граждан, против которых ведется война» [25, с. 9].

Ментальное противостояние, которое является важнейшей частью гибридной войны, не спонтанно и не ситуативно, напротив, оно спланировано заранее, а подготовка к нему долгая, кропотливая и, возможно, даже более затратная и сложная, чем к классическому боевому столкновению. Первым этапом подготовки к ментальной войне становится оценка уязвимости гуманитарной сферы (философских, психологических и антропологических вопросов жизнедеятельности) общественной безопасности [5, с. 54]. Иными словами, ментальная война становится возможной тогда, когда благополучие человека в рамках общественной безопасности вызывает множество вопросов и не может быть обеспечено должным образом. При этом для повышения эффективности ментальных атак в рамках гибридных войн используется не столько классическая пропаганда, сколько техники манипулирования сознанием человека. Так воздействие на эмоционально-чувственный уровень сменилось воздействием на бессознательный уровень. Однако исходной целью по-прежнему остается стремление управлять поведением человека.

Е. С. Сенявская, профессор, ведущий научный сотрудник Института военной истории РАН, видный представитель отечественной научной мысли, посвященной изучению военной

антропологии, отмечает, что специальная военная операция РФ на территории Украины пополнила и без того обширный список основных направлений и ключевых проблем военной антропологии. Среди них: 1) юридическая неопределенность участников военного конфликта за счет массового привлечения иностранных наемников; 2) новые виды и формы волонтерского движения; 3) возможности Интернета для освещения событий; 4) усиливающееся влияние информационной войны и меняющиеся техники ее проведения, воздействующие на массовое сознание; 5) особенности поколения, выросшего в экстремальных военных условиях (например, это актуально для детей Донбасса); 6) психологическая разнородность разных категорий военнослужащих (профессиональных военных, мобилизованных, добровольцев, контрактников, ополченцев, членов ЧВК) [21, с. 48–49]; и некоторые другие.

Важно отметить, что на непосредственном поле в рамках войны нового поколения боя антропологический фактор вполне понятен и осознаваем, он по большей части схож с классическими войнами (с рядом изменений, характерных для конкретной эпохи), меняющими психику человека, его мировосприятие, переосмысление жизненных приоритетов и пр. Однако нефизическая (некинетическая) часть гибридной войны, которая в XXI в. приобретает все большее значение, расширяет антропологию войны до глобальных масштабов. Фактически фронта и тыла в таких войнах нет, поэтому имеет смысл рассматривать гибридную войну как тотальную (в том числе глобальную). В этом контексте необходимо признать, что антропологический аспект гибридной войны зависит от технологий изменения человеческого сознания и подсознания. Данное положение опирается на методологический принцип философской антропологии, согласно которому индивидуальность человека представляет собой основу эволюции общества [18, с. 36]. Именно поэтому человек (его сознание, подсознание, мировоззрение, идентичность) становится ключевым объектом гибридной войны, особенно в сфере некинетического противостояния.

Человек и гибридные войны. Гибридная война становится возможной благодаря осознанию и изучению конкретного антропологического типа, который, по мнению философа М. В. Масловой, становится пространством гибридного противостояния. Она точно подмечает главную тенденцию последних десятилетий, согласно которой «Запад позиционирует себя в качестве единственного гаранта обеспечения гуманитарной безопасности в современном мире. На наших глазах монополия на гуманитарное знание и права человека превращаются в оружие гибридной войны» [15, с. 81]. Таким образом, изучение человека во всех его проявлениях становится главным оружием против него самого. Гуманитарные науки, востребованные в настоящее время, не просто помогают человеку понять самого себя и найти смысл своего существования, но и несут серьезную угрозу его благополучию и безопасности. Особую опасность несет раскрытие духовной природы человека с целью вмешательства в нее. Тем самым манипуляция сознанием человека становится основной технологией новой войны.

Основная цель гибридной войны – посягательство на гуманитарную безопасность, уничтожение природы человека и ее замена неестественными практиками, одной из которых является создание постчеловека. Так происходит своеобразное расчеловечивание, когда человек лишается своих корней, отрывается от культуры, перестает опираться на естественные законы существования, отвергая даже биологическую сторону своего бытия. Основным принципом расчеловечивания становится изменение (упрощение) потребностей человека за счет сосредоточенности на материальном и деградации духовной сферы. Это делается для того, чтобы человек был низведен до примитивных, предсказуемых форм, которыми легко управлять. «Мы живем в обществе, в котором грубые психиатрические симптомы – именно те симптомы, которые принадлежат настоящей психиатрии, выдаются за эталоны моды и поведения» [23, с. 115]. При этом процесс расчеловечивания обладает признаками институционализации, системности, длительности. Так создается обстановка управляемого хаоса, хаос – для людей (человека), управление им – для субъектов гибридной войны.

В таких условиях бытия современный человек испытывает сложности в процессе конструирования собственной идентичности, которая также становится целью гибридных атак. Традиционные схемы формирования идентичности (национальные, расовые, гендерные, политические и мн. др.) стремительно теряют свою значимость, им на смену приходят совершенно иные модели. Так, идентичность в настоящее время все менее ориентируется на естественные критерии и процессы и все чаще опирается на сферу социального конструирования [16, с. 111]. Именно в таких условиях, в которых естественные основания для объединения утрачивают актуальность и какую-либо ценность для человека, проще оторвать его от корней, от естественных начал и направить его на путь искусственных привязанностей.

Безопасность в эпоху гибридных войн. В условиях активизации гибридных войн становится очевидным, что национальная безопасность современного государства нуждается в корректировке с учетом тех угроз, которые она несет. Для России это становится как никогда актуально. Именно поэтому наше государство взяло курс на сбережение народа России и развитие человеческого потенциала [26]. Государство должно в первую очередь обратить внимание на такие нуждающиеся в укреплении и усовершенствовании сферы, как военная, политическая, экономическая, гражданская, информационная [19, с. 96]. Это означает, что, помимо привычных областей, необходимо укреплять еще и те сферы, которые на первый взгляд кажутся оторванными от войны. Так человек и пространство его существования становятся важной частью обеспечения национальной безопасности государства в условиях гибридных войн.

Человеку необходимо возвращать основу его существования, то есть возрождать естественные законы, согласно которым человек является человеком (с биологической, социальной, культурной, ментальной и прочих сторон). В этом могут помочь традиции, культурный код, национальный менталитет, историческая правда, естественные принципы формирования идентичности и прочие атрибуты человека. Дальнейшее культурное развитие нации по собственному сценарию, а не по навязанному шаблону вестернизации, может продемонстрировать населению ценность уникального, а не универсального. И в первую очередь миссия по духовно-нравственному возрождению россиян и России ложится на государство как консолидирующую силу, которая обязана идеологически (идейно) сплотить народ и направлять его развитие. Однако и общество должно осознать себя не как стороннего наблюдателя происходящих исторических событий, а как их активного творца.

Сфера образования и воспитания является одной из наиболее уязвимых сторон жизни в войнах по изменению сознания, поэтому основные меры защиты человека в войнах современности должны проводиться именно там. При этом стоит согласиться с мнением А. М. Ильницкого, который убежден в том, что Россия должна отказаться от оборонительной стратегии и постепенно переходить к наступательной, чтобы продемонстрировать миру преимущества российских духовно-нравственных основ по сравнению с либерально-демократическими ценностями [11]. Действительно, необходимо научить россиянина не оправдываться за свои ценности и убеждения, не уговаривать себя или других, что они не хуже остальных, а открыто придерживаться их, демонстрировать их качество и даже распространять за пределы своего культурного и ментального пространства.

Заключение. Понимание войны в XXI в. претерпело значительные изменения. И этот процесс продолжается. Реальность, в которой существует современный человек, приобрела признаки гибридности и не может однозначно считаться ни состоянием войны, ни состоянием мира. Такую реальность можно охарактеризовать как управляемый хаос. Однако человек все отчетливее начинает осознавать меняющееся собственное место в этом мире. Гибридная война смещает фокус сознания с естественных процессов и законов существования человека на искусственные, социально сконструированные. Так человек начинает терять опору своего бытия, и в нем запускаются процессы умирания человека.

Перед антропологией гибридной войны стоит непростая и в то же время очень ответственная задача, которая призвана гармонизировать внутреннее и внешнее в человеке, материальное и духовное, а также вернуть человека в мир реальности, ограничив влияние на него виртуальности. Таким образом, сознание человека должно быть подчинено само себе, а человек должен уметь сопротивляться манипуляциям и прочим воздействиям в рамках гибридных атак. Ввиду важности вопросов, изучаемых в настоящем исследовании, полученные результаты имеют научно-прикладную значимость, а перспективность дальнейшего рассмотрения и осмысления данной проблематики объясняется прогрессирующим усложнением и совершенствованием гибридной войны и необходимостью поиска способов противодействия ее проявлениям с целью защиты человека.

Список литературы

1. Алиев Д. Ф. Гибридная война: теоретико-методологический анализ // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2023. № 4 (66). С. 66–75. DOI: 10.26456/vtphilos/2023.4.066.
2. Багдасарян В. Э. Гражданские войны в мировом историческом процессе: факторы воспроизводства конфликтов // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 12–23. DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-12-23.
3. Бажуков В. И. Философские проблемы военной антропологии // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2009. № 2. С. 84–94.

4. Бакеева Е. В. Мир и война в эпоху множественности // Новые идеи в философии. 2022. № 10 (31). С. 29–38. DOI: 10.17072/2076-0590-2022-10-29-38.
5. Балановский В. Л., Подъяконов В. М. Новая парадигма обеспечения качества жизни в условиях «ментальной войны» // Качество и жизнь. 2021. № 2 (30). С. 50–56. DOI: 10.34214/2312-5209-2021-30-2-50-56.
6. Гиренок Ф. И. Антропология войны и мира // Тетради по консерватизму. 2023. № 1. С. 247–258. DOI: 10.24030/24092517-2023-0-1-247-258.
7. Евплова Е. В., Белевитин В. А. Новая философия войны: дискуссионный аспект / А. И. Тюнин, В. Р. Якупов, А. С. Апухтин // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019. Т. 8. № 1 (26). С. 18–23. DOI: 10.26140/anie-2019-0801-0002.
8. Евплова Е. В., Тюнин А. И. Новая философия войны: экономические войны / С. С. Демцура, В. Р. Якупов, А. С. Апухтин // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 4 (25). С. 369–372.
9. Изергина В. П., Изергина Н. И. Философия войны: актуальные аспекты идейного наследия И. А. Ильина // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2023. Т. 23. № 2 (62). С. 172–183. DOI: 10.15507/2078-9823.062.023.202302.172-183.
10. Ильницкий А. М. Ментальная война России // Военная мысль. 2021. № 8. С. 19–33.
11. Ильницкий А. М. Стратегия ментальной безопасности России // Военная мысль. 2022. № 4. С. 24–35.
12. Клаузевиц К. О войне / пер. с нем. А. Рачинского. М.: Логос: Наука, 1994. 446 с.
13. Кривко М. А. Концептуализация понятия «гибридная война» в социально-философских исследованиях // Управленческое консультирование. 2018. № 7. С. 43–48. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-7-43-48.
14. Ломако Л. Л., Мальцев К. Г. Несколько замечаний по поводу «новизны» дискурса «новой войны»: «инновации» и традиция // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2020. № 4. С. 70–80. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-4-70.
15. Маслова М. В. Многомерность человека как основа понимания феномена гибридных войн // Гуманитарные проблемы военного дела. 2017. № 4 (13). С. 80–86.
16. Мартишина Н. И. «Новые войны» и конструирование идентичности // Гуманитарные проблемы военного дела. 2018. № 2 (15). С. 109–112.
17. Першин Ю. Ю. Гибридная война: много шума из ничего // Вопросы безопасности. 2019. № 4. С. 78–109. DOI: 10.25136/2409-7543.2019.4.30374.
18. Поликарпова Е. В., Поликарпов В. С. Технологии изменения человеческого сознания в контексте интеллектуальных войн // Философия права. 2009. № 5. С. 36–40.
19. Родачин В. М. Гибридные войны и обеспечение национальной безопасности России // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9. № 4 (40). С. 93–99. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-93-99.
20. Родачин В. М. Философия и идеология гибридной войны как феномена XXI века // Гуманитарные проблемы военного дела. 2019. № 1 (18). С. 103–111.
21. Сенявская Е. С. Военная антропология в новых исторических условиях // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45. № 8. С. 46–54. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.974.
22. Ссорин-Чайков Н. Гибридный мир: этнография войны // Логос. 2022. Т. 32. № 3. С. 33–62. DOI: 10.22394/0869-5377-2022-3-33-61.
23. Сундиев И. Ю., Фролов А. Б. Институциональное расчеловечивание как метатехнология социальной деструкции // Экономические стратегии. 2016. Т. 18. № 7 (141). С. 108–123.
24. Сунь-Цзы. Искусство войны: с комментариями и пояснениями / пер. с китайского В. В. Башкеева. М.: АСТ, 2019. 223 с.
25. Тебякина Е. Е. Антропология войны: новое измерение человека в эпоху гибридных войн // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2023. Т. 9 (75). № 4. С. 4–14.
26. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/cdd1e8eed2bcebb6784f447b23a23ef965850237/ (дата обращения: 18.03.2024).
27. Чубаров И., Анполонова Ю. «Старых войн» не было, или этика дронов (комментарий к статье Николая Ссорина-Чайкова) // Логос. 2022. Т. 32. № 3 (148). С. 63–106. DOI: 10.22394/0869-5377-2022-3-63-105.
28. Daniel J., Eberle J. Speaking of hybrid warfare: Multiple narratives and differing expertise in the 'hybrid warfare' debate in Czechia // Cooperation and Conflict. 2021. No. 56 (4). Pp. 432–453. DOI: 10.1177/00108367211000799.
29. Kaldor M. Commentary on Kögler: Analysing the Ukraine war through a 'new wars' perspective // European Journal of Social Theory. 2023. No. 26 (4). Pp. 479–489. DOI: 10.1177/13684310231168807.
30. Karev M. L., Monov L. B. The Concept of Hybrid Threat And Gray Zone // International Journal of Recent Scientific Research. 2018. Vol. 9. Pp. 24108–24111.
31. Mattis J. N., Hoffman F. G. Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars // US Naval Institute Proceedings Magazine. November 2005. Vol. 132/11/1, 233. Pp. 18–19.

32. Murray W., Mansoor P. R. Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present. Cambridge University Press, 2012. 334 p.

33. Popescu N. Hybrid tactics: neither new nor only Russian // European Union Institute for Security Studies. January 2015. Pp. 1-2.

Anthropological aspects of hybrid warfare as a New Generation war

Kovalev Andrey Andreevich

PhD in Political Sciences, associate professor, Northwestern Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. Russia, St. Petersburg. ORCID: 0000-0002-7760-5732. E-mail: kovalev-aa@ranepa.ru

Abstract. Military anthropology as a separate scientific discipline in Russian science was formed in 2000. Since then, it has been developing and supplemented with new knowledge, but the challenges of hybrid warfare have set new tasks for researchers, which have prompted the scientific community to form a new direction of military anthropology, the anthropology of hybrid warfare. The wars of the new generation – hybrid wars – are characterized by the absence of clear and even conditional boundaries between the state of war and the state of peace, when a person is in an uncertain position, and the anthropology of war is significantly complicated. The purpose of the study is to consider the place and role of man in the hybrid war of modernity. The work used a historical approach, as well as methods of systematization and conceptualization. Currently, the concept of "war" and approaches to its study are changing, for this reason it is advisable to talk about a new philosophy of war. At the same time, the role of man in comparison with the role of technology (weapons) in new wars has become primary. The human mind and subconscious become the main targets in new wars. That is why a person needs not only to find his place in the dominant hybrid reality, but also to protect himself from its increasing challenges and threats. Due to the importance of the issues studied in this study, the results obtained have scientific and applied significance, and the prospects for further consideration and understanding of this issue are explained by the progressive complication and improvement of hybrid warfare and the need to find ways to counter its manifestations in order to protect humans.

Keywords: hybrid war, hybrid world, technologies of war, man, security, consciousness, management, manipulation.

References

1. Aliev D. F. *Gibridnaya vojna: teoretiko-metodologicheskij analiz* [Hybrid war: theoretical and methodological analysis] // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Tver State University. Series: Philosophy. 2023. No. 4 (66). Pp. 66–75. DOI: 10.26456/vtphilos/2023.4.066.
2. Bagdasaryan V. E. *Grazhdanskie vojny v mirovom istoricheskom processe: faktory vosproizvodstva konfliktov* [Civil wars in the world historical process: factors of conflict reproduction] // *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki* – Herald of State University of Enlightenment. Series: History and Political Sciences. 2018. No. 5. Pp. 12–23. DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-12-23.
3. Bazhukov V. I. *Filosofskie problemy voennoj antropologii* [Philosophical problems of military anthropology] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya* – Herald of Moscow University. Episode 7: Philosophy. 2009. No. 2. Pp. 84–94.
4. Bakeeva E. V. *Mir i vojna v epohu mnozhestvennosti* [Peace and war in the age of plurality] // *Novye idei v filosofii* – New ideas in philosophy. 2022. No. 10 (31). Pp. 29–38. DOI: 10.17072/2076-0590-2022-10-29-38.
5. Balanovskij V. L., Pod'yakonov V. M. *Novaya paradigma obespecheniya kachestva zhizni v usloviyah "mental'noj vojny"* [A new paradigm for ensuring the quality of life in conditions of "mental war"] // *Kachestvo i zhizn'* – Quality and life. 2021. No. 2 (30). Pp. 50–56. DOI: 10.34214/2312-5209-2021-30-2-50-56.
6. Girenok F. I. *Antropologiya vojny i mira* [Anthropology of war and peace] // *Tetrady po konservatizmu* – Notebooks on conservatism. 2023. No. 1. Pp. 247–258. DOI: 10.24030/24092517-2023-0-1-247-258.
7. Evplova E. V., Belevitin V. A. *Novaya filosofiya vojny: diskussionnyj aspekt* [The new philosophy of war: a debatable aspect] / A. I. Tyunin, V. R. Yakupov, A. S. Apukhtin // *Azimut nauchnyh issledovanij: ekonomika i upravlenie* – Azimut of scientific research: economics and management. 2019. Vol. 8. No. 1 (26). Pp. 18–23. DOI: 10.26140/anie-2019-0801-0002.
8. Evplova E. V., Tyunin A. I. *Novaya filosofiya vojny: ekonomicheskie vojny* [The new philosophy of war: economic wars] / S. S. Demtsura, V. R. Yakupov, A. S. Apukhtin // *Azimut nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologiya* – Azimut of scientific research: pedagogy and psychology. 2018. Vol. 7. No. 4 (25). Pp. 369–372.
9. Izergina V. P., Izergina N. I. *Filosofiya vojny: aktual'nye aspekty idejnogo naslediya I. A. Il'ina* [Philosophy of war: actual aspects of I. A. Ilyin's ideological heritage] // *Gumanitarij: aktual'nye problemy gumanitarnoj nauki i*

obrazovaniya – Humanities: current problems of humanities and education. 2023. Vol. 23. No. 2 (62). Pp. 172–183. DOI: 10.15507/2078-9823.062.023.202302.172-183.

10. Il'nickij A. M. *Mental'naya vojna Rossii* [The mental war of Russia] // *Voennaya mysl'* – Military thought. 2021. No. 8. Pp. 19–33.

11. Il'nickij A. M. *Strategiya mental'noj bezopasnosti Rossii* [Strategy of mental security of Russia] // *Voennaya mysl'* – Military thought. 2022. No. 4. Pp. 24–35.

12. Clausewitz K. *O vojne* [About the war] / transl. from German by A. Rachinsky. M. : Logos : Nauka (Science), 1994. 446 p.

13. Krivko M. A. *Konceptualizaciya ponyatiya "gibridnaya vojna" v social'no-filosofskih issledovaniyah* [Conceptualization of the concept of "hybrid war" in socio-philosophical studies] // *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* – Managerial consulting. 2018. No. 7. Pp. 43–48. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-7-43-48.

14. Lomako L. L., Mal'cev K. G. *Neskol'ko zamechanij po povodu "novizny" diskursa "novoj vojny": "innovacii" i tradiciya* [A few remarks on the "novelty" of the discourse of the "new war": "innovations" and tradition] // *Intellekt. Innovacii. Investicii* – Intelligence. Innovation. Investment. 2020. No. 4. Pp. 70–80. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-4-70.

15. Maslova M. V. *Mnogomernost' cheloveka kak osnova ponimaniya fenomena gibridnyh vojn* [Human multidimensionality as the basis for understanding the phenomenon of hybrid wars] // *Gumanitarnye problemy voennogo dela* – Humanitarian problems of military affairs. 2017. No. 4 (13). Pp. 80–86.

16. Martishina N. I. *"Novye vojny" i konstruirovaniye identichnosti* ["New wars" and the construction of identity] // *Gumanitarnye problemy voennogo dela* – Humanitarian problems of military affairs. 2018. No. 2 (15). Pp. 109–112.

17. Pershin Yu. Yu. *Gibridnaya vojna: mnogo shuma iz nichego* [Hybrid war: much ado about nothing] // *Voprosy bezopasnosti* – Security issues. 2019. No. 4. Pp. 78–109. DOI: 10.25136/2409-7543.2019.4.30374.

18. Polikarpova E. V., Polikarpov V. S. *Tekhnologii izmeneniya chelovecheskogo soznaniya v kontekste intelektual'nyh vojn* [Technologies of changing human consciousness in the context of intellectual wars] // *Filosofiya prava* – Philosophy of Law. 2009. No. 5. Pp. 36–40.

19. Rodachin V. M. *Gibridnye vojny i obespecheniye nacional'noj bezopasnosti Rossii* [Hybrid wars and ensuring national security of Russia] // *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* – Humanities. Herald of Financial University. 2019. Vol. 9. No. 4 (40). Pp. 93–99. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-4-93-99.

20. Rodachin V. M. *Filosofiya i ideologiya gibridnoj vojny kak fenomena XXI veka* [Philosophy and ideology of hybrid warfare as a phenomenon of the XXI century] // *Gumanitarnye problemy voennogo dela* – Humanitarian problems of military affairs. 2019. No. 1 (18). Pp. 103–111.

21. Senyavskaya E. S. *Voennaya antropologiya v novyh istoricheskikh usloviyah* [Military anthropology in new historical conditions] // *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* – Scientific notes of Petrozavodsk State University. 2023. Vol. 45. No. 8. Pp. 46–54. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.974.

22. Ssorin-Chajkov N. *Gibridnyj mir: etnografiya vojny* [Hybrid world: ethnography of war] // *Logos* – Logos. 2022. Vol. 32. No. 3. Pp. 33–62. DOI: 10.22394/0869-5377-2022-3-33-61.

23. Sundiev I. Yu., Frolov A. B. *Institucional'noe raschelovechivanie kak metatekhnologiya social'noj destrukcii* [Institutional dehumanization as a meta-technology of social destruction] // *Ekonomicheskie strategii* – Economic strategies. 2016. Vol. 18. No. 7 (141). Pp. 108–123.

24. Sun Tzu. *Iskusstvo vojny: s kommentariyami i poyasneniyami* [The Art of war: with comments and explanations] / transl. from Chinese by V. V. Bashkeev. M. AST, 2019. 223 p.

25. Tebyakina E. E. *Antropologiya vojny: novoe izmerenie cheloveka v epohu gibridnyh vojn* [Anthropology of war: a new dimension of man in the era of hybrid wars] // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya* – Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Cultural studies. 2023. Vol. 9 (75). No. 4. Pp. 4–14.

26. Decree of the President of the Russian Federation dated 02.07.2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // ConsultantPlus. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/cdd1e8eed2bcebb6784f447b23a23ef965850237/ (date accessed: 18.03.2024) (in Russ.).

27. Chubarov I., Appolonova Yu. *"Staryh vojn" ne bylo, ili etika dronov (kommentarij k stat'e Nikolaya Ssorina-Chajkova)* [There were no "Old wars", or the ethics of drones (commentary on the article by Nikolai Ssorin-Tchajkovsky)] // *Logos* – Logos. 2022. Vol. 32. No. 3 (148). Pp. 63–106. DOI: 10.22394/0869-5377-2022-3-63-105.

28. Daniel J., Eberle J. Speaking of hybrid warfare: Multiple narratives and differing expertise in the 'hybrid warfare' debate in Czechia // *Cooperation and Conflict*. 2021. No. 56 (4). Pp. 432–453. DOI: 10.1177/00108367211000799.

29. Kaldor M. Commentary on Kögler: Analysing the Ukraine war through a 'new wars' perspective // *European Journal of Social Theory*. 2023. No. 26 (4). Pp. 479–489. DOI: 10.1177/13684310231168807.

30. Karev M. L., Monov L. B. The Concept of Hybrid Threat And Gray Zone // *International Journal of Recent Scientific Research*. 2018. Vol. 9. Pp. 24108–24111.

31. Mattis J. N., Hoffman F. G. Future Warfare: The Rise of Hybrid Wars // *US Naval Institute Proceedings Magazine*. November 2005. Vol. 132/11/1, 233. Pp. 18–19.

32. *Murray W., Mansoor P. R. Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present.* Cambridge University Press, 2012. 334 p.

33. *Popescu N. Hybrid tactics: neither new nor only Russian // European Union Institute for Security Studies.* January 2015. Pp. 1-2.

Поступила в редакцию: 25.03.2024

Принята к публикации: 30.08.2024

УДК 1(091)

DOI: 10.25730/VSU.7606.24.018

«Без прошлого нет будущего»: взаимосвязь прошлого и будущего как философская проблема

Макарьев Игорь Викторович

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Института социально-гуманитарных исследований, Московский педагогический государственный университет.
Россия, г. Москва. E-mail: iv.makarev@mpgu.su

Аннотация. Тема статьи – взаимосвязь прошлого и будущего – связана с попыткой ответить на вопрос: зачем нужно и нужно ли обращение к своему собственному прошлому? Актуальность данной темы связана с радикальными изменениями, произошедшими за последние годы в жизни общества, с обострением вопроса о будущем человечества и, соответственно, вопроса о его прошлом. По мнению автора, эта необходимость является не только следствием морально-нравственного выбора каждого из нас, но, прежде всего, имеет философско-методологические основания, укорененные в собственном бытии человека, с одной стороны, и в познавательных особенностях гуманитарных наук, с другой стороны. Эти основания и особенности раскрываются автором на примерах трех основных тезисов. Во-первых, опираясь на высказывание основателя философии гуманитарных наук В. Дильтея, «минувшее выступает как момент сегодняшнего исторического сознания», автор пытается доказать, что прошлое – это не только то, что было, это то, что так или иначе продолжает существовать в нашем настоящем и влиять на него. Во-вторых, размышляя над фразой Г. Г. Гадамера – «не история принадлежит нам, а мы принадлежим истории», – автор показывает, что обращение к прошлому является сущностной необходимостью человеческого бытия, так как человек – это и есть его собственная история. В-третьих, показано, что такое обращение к собственному прошлому не может быть осуществлено с помощью влиятельной на рубеже XIX–XX вв. «теории вчувствования», а скорее напоминает «познание познанного» – знаменитый лозунг филологических наук XIX в. в работах А. Бека и XX в. в работах Г. О. Винокура, продолжающих сохранять свою актуальность и для философии гуманитарных наук как таковых сегодня.

Ключевые слова: будущее, прошлое, история, историчность, предрассудок, действительно-историческое сознание, вчувствование, познание познанного.

Введение. В последнее время в исследовательской литературе и различных дискуссиях в средствах массовой информации широко обсуждаются различные варианты проблематизации будущего: от политических дебатов о будущем конкретных стран или регионов до глобальных разговоров о будущем всего человечества. Обострение подобных дискуссий о будущем, конечно, связано с теми радикальными изменениями, которые произошли в последнее время в самом общественно-историческом бытии и продолжают происходить на наших глазах. Сама радикальность этих изменений не может не вызывать чувство тревоги, которое еще в 1965 г. Э. Тоффлер в статье, которая потом выросла в знаменитую книгу, обозначил как «футурошок», или «шок будущего» для «описания разрушительного стресса и дезориентации, которые вызывают у индивидов слишком большие перемены, происходящие за столь короткое время» [16, с. 16]. Это в свою очередь подчеркивает важность этих разговоров о будущем, что в парадоксальной форме в наше время выразил А. А. Федоров: «Будущее никогда не наступит. Потому что кроме будущего ничего нет» [17, с. 7], а выдающийся христианский философ Аврелий Августин в момент крушения античного мира назвал «таинственным предчувствием будущего» [1, с. 299].

Радикализация вопроса о будущем заново ставит проблему социально-исторического опыта прошлого и истории, которая этот опыт изучает. Тот кризис, о котором было упомянуто выше, как, впрочем, и любой другой, приводит к тому, что «прежние понятия начинают колебаться и вступают феномены, ведущие к их пересмотру» [18, с. 358]. Предположим, что таким феноменом, все более проявляющим себя в нашей современности, является та принципиальная взаимосвязь, которая существует между прошлым и будущим. Взаимоотношения между прошлым и будущим уже не раз актуализировались в философской литературе. Так, например, один из самых известных исследователей политической философии XX в. Ханна Арендт в сборнике статей с характерным названием «Между прошлым и будущим», вспоминая извест-

ную мысль американского писателя Уильяма Фолкнера («прошлое не умирает, оно даже не проходит»), писала о парадоксальной связи прошлого и будущего следующее: «прошлое, простираясь до самого истока, не тянет назад, а толкает вперед, тогда как именно будущее, теснит нас назад в прошлое» [2, с. 20]. Отсюда вытекает цель исследования – в новой философской и социально-исторической ситуации продумать и показать философские основания необходимости обращения к собственному прошлому не только с точки зрения современной духовной ситуации, как это часто делается, а с точки зрения проблематизации социально-исторического опыта в трех проблемных разрезах, о которых и пойдет речь в дальнейшем. С целью исследования связаны следующие задачи: во-первых, показать неразрывную связь прошлого, настоящего и будущего; во-вторых, рассмотреть человека как часть его собственной истории; наконец, в-третьих, дать критику влиятельной на рубеже XIX–XX вв. «теории вчувствования» и обосновать принцип современной философии гуманитарных наук – «познание познанного» – в качестве подхода к пониманию взаимоотношения прошлого и будущего.

Методы исследования. Для достижения поставленной цели и обозначенных выше задач в исследовании были использованы такие научно-теоретические методы, как анализ и синтез, научная абстракция, генерализация, категоризация. Также использовались некоторые методы философии гуманитарных наук, которые требуют большей концентрации на присутствии человека в знании и познавательной деятельности: интерпретация и «познание познанного», о которых более подробно говорится в самом тексте. Также автор хотел бы обратить внимание, что, поскольку данное исследование представляет собой преимущественно историко-философское исследование, то анализ степени разработанности проблемы и разговор о тех или иных авторских концепциях не производится отдельно, а имплицитно включен в текст самой работы.

Результаты. Важность обращения к собственному прошлому и взаимосвязь между прошлым и будущим в философии осознавалась не всегда. Так, в философии Нового времени (прежде всего, в XVII в.) утвердилось скорее пренебрежительное отношение к прошлому как таковому и к истории как к дисциплине, которая этим прошлым занимается. Целесообразно подчеркнуть, что такое пренебрежительное отношение по отношению к истории возникло не впервые. Так, например, уже у Аристотеля в классическом пассаже «Поэтики» мы можем встретить противопоставление истории и поэзии, сделанное отнюдь не в пользу первой: «... поэзия философичнее и серьезнее истории, ибо поэзия больше говорит об общем, история – о единичном». Историческое знание, по Аристотелю, – это знание, конкретное, единичное, знание, например, о том, «что сделал или претерпел Алкивиад» [3, с. 655], оно в полной мере и знанием-то не является, а остается на уровне чувственного познания и мнения, а значит, история не имеет отношение к научному познанию. В мире вечного и неизменного античного космоса не оказалось места для истории, сопряженной, как это покажет (только уже в продуктивном ключе) философия исторического опыта XX в. (прежде всего, философская герменевтика), с временностью и конечностью.

Но даже на этом отрицательном по отношению к историческому познанию фоне именно философия Нового времени выделяется своим радикализмом. Этот радикализм отчетливо виден, если обратиться к главному тексту главного философа эпохи – тексту Рене Декарта «Рассуждение о методе» (1637). Недаром названный рассуждением именно о методе (а не об истине, Боге или природе, которые невозможно познать, если не вооружить правильным методом), он излагает научно-философскую программу эпохи, в которой не оказывается места историческому познанию. Почему это так, становится понятно из параграфа, в котором Декарт рассказывает о своем отношении к «книгам древних» [10, с. 95]. Сравнивая историю с путешествием, он отмечает, что она может быть интересна, поучительна и ценна для формирования практического отношения к жизни, но как длительное путешествие в другие страны может способствовать оторванности от своей собственной, так и длительное погружение в исторические повествования и интерес к событиям прошлого может породить «неосведомленность в делах своего века» [там же, с. 96]. Такие исторические повествования – это не только некое бегство от реальности, они еще никогда не бывают достоверными, т. к. даже самые честные и достоверные из них «всегда опускают самые низменные и менее значительные подробности, в силу чего все остальное представляется не таким, каково оно в действительности» [там же]. Следовательно, отрицательное отношение к истории основывается на том, что она занимается прошлым, которое имеет очень относительное отношение к настоящему и тем более к будущему; занимаясь прошлым, история дает нам недостоверную инфор-

мацию об этом прошлом, которая никак не может нам помочь ориентироваться в нашем настоящем; а следовательно, история не является наукой, не рациональна, в контексте того рационализма, который утверждался французским мыслителем, и не может притязать на истину, т. к. не дает объективного, достоверного и единственно возможного метода познания.

Вместе с тем, как справедливо отмечали Ю. В. Иванова и П. В. Соколов, в Новое время существовали попытки и «кроме Декарта» разработать методологические основания философского познания. Более того, с их точки зрения, именно раннее Новое время «стало свидетелем рождения гуманитарного метода» [13, с. 189]. Главным ответственным за «рождение» данного метода традиционно считается итальянский правовед и философ Джамбаттиста Вико (1668–1744), причем, насколько радикально Декарт, которого Вико на свой итальянский манер переделывает в Ренато делле Карте, радикально отрицал важность исторического познания, настолько же Вико радикально и принципиально ее утверждает. В своей главной книге «Основания новой науки об общей природе наций» (1725), оппонирующей как декартовскому «геометрическому» методу, так и методологизму Нового времени как таковому, итальянский автор утверждает, что человек и его мышление не представляют из себя чистое Cogito, а укоренены в «гражданском мире» (*mondo civile*), и поэтому они больше и глубже, чем самый рациональный разум может себе это представить. Исходя из того, что «истинное» и «созданное» соотносимы и обратимы (*verum et factum convertuntur*), Вико утверждает, что истина о предмете или объекте доступна лишь тому, кто этот предмет или объект сотворил. Поэтому природа как предмет изучения естественных наук, являясь творением Бога, остается для человека непознаваемой до конца тайной, а вот то, что человек может и должен познавать, так как является его творцом – это и есть общество, культура, которые Вико и называет «гражданским миром». Отсюда решающая ошибка всей предшествующей философии заключалась в попытке «изучать Науку о Мире Природы, который был сделан Богом и который поэтому он один может познать, и пренебрегали размышлением о Мире Наций, т. е. о Мире Гражданственности, который был сделан людьми и Наука о котором поэтому может быть доступна людям» [6, с. 178]. Именно поэтому итальянского философа можно назвать «первым в Новое время эпистемологом гуманитарного познания», который сделал «принципиальную попытку обосновать специфику гуманитарного мышления и познания», а значит, истории и исторического опыта, в его отличии от опыта естественнонаучного [14, с. 134].

Обсуждение результатов. Развивая идеи Вико, философия гуманитарного познания XIX и XX вв. продолжила подчеркивать принципиальную важность обращения к прошлому. Здесь мы можем выделить первый принципиальный момент важности такого обращения, связанный с именем выдающегося немецкого философа Вильгельма Дильтея (1833–1911), который разрабатывая основоположения философии гуманитарных наук (по терминологии его времени «наук о духе»), в своей работе «Введение в науки о духе» (1883) представил программу «критики исторического разума», противопоставляя ее критике «чистого» («неисторического») разума, представленной, прежде всего, в знаменитой «Критике чистого разума» (1781) И. Канта. Само «смысловое напряжение дильтеевского вопроса» [15, с. 206] было связано с тем, что становящиеся гуманитарные науки в XVIII–XIX вв. оказались, с одной стороны, «в старом услужении у метафизики», а с другой, в тисках «нарастающей мощи естествознания» [11, с. 271], что делало это их становление весьма проблематичным. Это привело к тому, что даже великая «историческая школа» (понятие, которое Дильтей трактует максимально широко), совершив эмансипацию гуманитарных наук, связанную, с одной стороны, с «духом универсализма при рассмотрении исторических явлений», а с другой, с «любовным углублением в неповторимость исторического процесса», не смогла преодолеть отсутствие «философского обоснования» и «здорового отношения к теории познания и психологии» [там же, с. 272]. Этого также не смогли преодолеть ни позитивизм, который «искажает историческую действительность, чтобы подогнать ее под понятия и методы естественных наук» [там же, с. 273], ни «теоретико-познавательная школа Локка, Юма и Канта», которая конструировала познающего субъекта, «в жилах которого течет не настоящая кровь, а разжиженный сок разума как голой мыслительной деятельности» [там же, с. 274]. Отсюда вытекает задача «критики исторического разума» у Дильтея: «каждую составную часть современного абстрактного мышления» соединить с «целым человеческой природы, какую ее являют опыт, изучение языка и истории» [там же] для того, чтобы показать принципиальную самостоятельность гуманитарных наук, способных познавать исторический мир в его конкретном своеобразии и множественности.

В этой же работе Дильтей, стремясь показать главное отличие «германского духа» от «духа английского или французского», отмечает, что первый «живет сознанием исторической преемственности», в которой «минувшее выступает как момент сегодняшнего исторического сознания» [11, с. 405]. Можно предположить, что именно эта сжатая формулировка выдающегося немецкого философа выражает основную суть, основное значение гуманитарных наук как таковых и истории в частности вплоть до сего дня и одновременно является нашим первым тезисом. Попробуем прокомментировать эту мысль следующим образом: «минувшее» как таковое никуда не исчезает, а как-то продолжает действовать в нашем настоящем. Иначе говоря, если фактическое прошлое ушло и его вернуть уже нельзя, то различные стороны этого прошлого в самых порой причудливых, много раз опосредованных формах, через огромное количество различных превращений, существуют в настоящем и очень сильно влияют на него. Поэтому гуманитарное мышление не занимается только прошлым или прошлым как прошлым, а скорее той связью между прошлым и настоящим, которая может проявить себя как в настоящем, так и в будущем. Вероятно, именно это имел в виду соотечественник Дильтея выдающийся немецкий романтик Фридрих Шлегель (1772–1829), когда еще в начале XIX в., в ситуации радикальной критики всей предшествующей философской традиции, писал: «Не существует иного самопознания, кроме исторического. Никто не знает, что он есть, если не знает, чем является его товарищи, и прежде всего высший его сотоварищ, мастер всех мастеров – гений времени» [20, с. 363].

Если же это так, то, чтобы понять настоящее, т. е. то, внутри чего мы находимся, и будущее, то, что еще только нам предстоит, нам надо понять наше прошлое, но не как только прошлое, а именно как то, что продолжает действовать в нашем настоящем, в нас самих, и, возможно, будет действовать и в нашем будущем. Поэтому целесообразно подчеркнуть важность обращения к собственному прошлому ради собственного же будущего. Так как главная трудность для нашего сегодняшнего познания – это постараться понять сегодняшний момент, который невозможно поставить перед собой как некий завершенный объект, то именно возвращение на несколько шагов назад может помочь нам не просто узнать прошлое в качестве только прошлого, но может дать нам увидеть наш сегодняшний день именно там, тогда и таким образом, каким наша собственная современность этого сделать не позволяет. Поэтому история и не занимается только «прошлыми временами», а скорее, как это было прекрасно показано великим историком XIX в. И. Г. Дройзеном, тем «непреходящим, оставшимся от них в нашем Теперь и Здесь...» [12, с. 469]. Для того, чтобы лучше прояснить себе, о чем идет речь, приведем такой пример. Если в какой-то момент по тем или иным причинам мы открываем альбом со старыми фотографиями (родственников, друзей, коллег по работе, самих себя в детстве), то пристально вглядываясь в них, мы можем испытывать не только ностальгические чувства. Через эти старые фотографии, через историю своей семьи, например, через историю взаимоотношений своих родителей, мы можем понять самих себя, свои собственные семейные, дружеские, профессиональные взаимоотношения, т. е. через историю других мы можем понять свое собственное прошлое и настоящее.

Продолжая данную мысль, подчеркнем, что если прошлое не существует только как «прошлое», то проблематичным является и окончательное познание такого прошлого. Скорее прошлое каждый раз открывается и познается в свете того настоящего, которое ее открывает и познает. Предположим, что именно об этом писал выдающийся отечественный философ-гуманитарий М. М. Бахтин (1895–1975), когда в программной статье начала 1940-х гг. «К философским основам гуманитарных наук» писал, что хотя и «нельзя изменить фактическую в е щ н у ю (разрядка в самом тексте. – *И. М.*) сторону прошлого, но смысловая, выразительная, говорящая сторона может быть изменена, ибо она незавершима и не совпадает сама с собой (она свободна)» [4, с. 9]. А значит, не может быть данного раз и навсегда объективного (а точнее, объектного) познания этого прошлого, как если бы у него был только один смысл или значение. А значит, не может быть данного раз и навсегда понимания эпохи Великих географических открытий, реформ Петра I или событий 1917 г. в России, как и любых других исторических событий, т. к. каждый раз мы познаем их заново (и одновременно опираясь на предшественников) в нашей, часто принципиально отличной от их собственной, современности. Именно поэтому, продолжает Бахтин, познание и понимание – это познание и понимание прошлого «в его незавершимости (в его несовпадении с самим собой)» [там же] как некое открытое и незамкнутое событие, значимое не само по себе, а своей причастностью к тому, что делает его живым и актуальным.

Эту же мысль русский философ актуализирует в своей поздней работе «Ответ на вопрос редакции “Нового мира”» (1970). Хотя непосредственным поводом для ее написания, как видно из самого названия, была попытка ответа на вопрос о состоянии современного автору советского литературоведения, Михаил Михайлович, как это часто у него бывало, выходит за пределы разговора только о нем и ставит философские проблемы в контексте своего знаменитого понятия «большое время». «Большое время» – это то, что выходит за границы данного автора, данного времени, данного смысла. Поэтому он отмечает, что «в каждой культуре прошлого заложены огромные смысловые возможности, которые остались не раскрытыми, не осознанными и не использованными на протяжении всей исторической жизни данной культуры». И дальше, приводя в качестве примера эпоху античности, он вспоминает старую гимназическую шутку: «древние греки не знали о себе самого главного, они не знали, что они древние греки, и никогда себя так не называли», а значит, «античность сама не знала той античности, которую мы теперь знаем». Именно «большое время», именно та временная дистанция, которая отделяет нас от античности, имела и имеет «огромное преобразующее значение: она наполнена раскрытиями в античности все новых и новых смысловых ценностей, о которых греки действительно не знали, хотя сами и создали их». Значит, наша собственная исследовательская задача состоит в «великом освобождении античности из плена времени» [5, с. 333], и, конечно, добавим мы, не только античности.

Второй момент актуальности нашего обращения к прошлому связан с утверждением, что человек – это и есть история; здесь речь идет уже не о познавательном, а о бытийном аспекте существования человека. Этот бытийный аспект оказался связан с онтологическим поворотом, произошедшим в философии XX в., и наиболее ярко был выражен в понятии «историчность» (нем. *Geschichtlichkeit*) в философской герменевтике. Действительно, данная категория играет важную роль в философском проекте молодого Мартина Хайдеггера (1887–1976). И в своей главной книге – «Бытие и время» (1927), и в активно публикуемых в настоящий момент в лекциях по истории философии в разных вариациях утверждается одна принципиальная для немецкого философа мысль – «нет никакого настоящего философствования, которое не было бы историчным» [19, с. 21]. При этом под историей здесь понимается не наука, не методология, не последовательность событий и тем более не некая новая философия или метафизика истории, которую по мнению Хайдеггера, опиравшегося в этом на размышления своего предшественника Вильгельма Дильтея, сегодня уже невозможно создать. Речь шла о «дедукции радикальной историографии» [там же, с. 114], которая нужна для того, чтобы выявить главную проблемную констелляцию современности – «понять историчность» (и здесь снова мы видим развитие основных идей философского проекта Вильгельма Дильтея) [там же, с. 8].

Именно поэтому Хайдеггер пишет об онтологическом понимании истории. Здесь являет себя историчность человеческого существования или «здесь-бытия» (знаменитое хайдеггеровское *Dasein*), что связано с укорененностью человека в своем собственном прошлом, в традиции, в воспитании и образовании, которое он получил в детстве и продолжает получать на протяжении всей своей жизни, именно поэтому, как отмечает немецкий философ, «человек (*Dasein*) есть история» [19, с. 116]. Тогда человек представляет из себя не чистую субъективность или самосознание, а скорее является следствием тех часто неосознаваемых им самим мнений и оценок, внутри которых он формируется, и которые оказывают на него решающее влияние в качестве предмнений, предсуждений, предрассудков. Термин «историчность» подразумевает, что всякое прошлое, как и всякая современность, заключает в себе не только «свое время», но также и определенную смысловую полноту времени, исторически бывшее и будущее.

Идею принципиальной историчности человеческого бытия развивает ученик Мартина Хайдеггера Ганс Георг Гадамер (1900–2002), прежде всего, в своей главной книге «Истина и метод» (1960), а также в своих многочисленных статьях, написанных в качестве своеобразного комментария к последней. «Истина и метод» представляет из себя большое количество пересечений и полемик с представлениями различных направлений, но, прежде всего, она поддерживает мыслительную связь с тремя главными учителями Гадамера в философии: Дильтеем, Гуссерлем, Хайдеггером, о чем сам основатель философской герменевтики откровенно говорит в конце введения к книге. Если у Дильтея заочно он учился тому, что не существует никакой неисторической философии, а наоборот, история является сущностным моментом любой подлинной философии; у Гуссерля очно он учился методу феноменологической де-

скрипции, которая в противоположность всем абстракциям предшествующей философии должна была осуществить знаменитый гуссерлевский лозунг «назад к самим вещам»; то Хайдеггер покорил молодого Гадамера силой своей интерпретативной способности, благодаря которой то, что, якобы, было давно всем известно, открывалось заново, как будто до него никто не читал Платона, Аристотеля, Аврелия Августина, Фому Аквинского и другие классические тексты. Эти влияния великих предшественников у Гадамера иногда настолько неразличимы с его собственной философской позицией, что не всегда можно осознать связь гадамеровских ключевых понятий и, соответственно, трех разделов книги об опыте искусства, опыте истории и опыте языка или языковом опыте с упоминавшимися выше ключевыми понятиями философии гуманитарных наук Вильгельма Дильтея: опыт, язык и история. В самом названии книги союз «и» является скорее провокативным, т. к. ключевая идея Гадамера – это показать принципиальную не методичность человеческого познания. Рассмотрим этот ключевой момент историчности любого познания и понимания, проанализировав его связь с двумя ключевыми понятиями философской герменевтики, – понятиями «предрассудок» и «действенно-историческое сознание».

Гадамеровское обращение к понятию «предрассудок» (нем. Vorurteil) связано с открытием Хайдеггером «предструктуры понимания в онтологической перспективе» [8, с. 317]. В противовес традиции Просвещения, которая это понятие «дискредитировала», основатель философской герменевтики пытается его реабилитировать, а точнее, показать, что сам по себе «предрассудок» «не означает неверного суждения» и что «в его понятии заложена возможность как позитивной, так и негативной оценки» [там же, с. 323]. Если философия Просвещения (прежде всего, французского, но не только), основываясь на декартовском рационализме и его понимании научности, пыталась избавиться от предрассудков как абсолютно ложных предпосылок нашего знания, то романтизм (прежде всего, немецкий, но не только) пытался в своей попытке, говоря словами Ницше, «переоценки ценностей», пытался их реабилитировать в рамках большого проекта под реабилитацией традиции как таковой. Но эта попытка романтизма так же не может удовлетворить нас сегодня, поясняет Гадамер, так как «романтизм разделяет с Просвещением саму предпосылку и лишь меняет оценки и акценты» [там же, с. 325]. И даже историческое сознание, зарождавшееся и развивавшееся в XIX в. в рамках «историзма», также «стояло на почве современного Просвещения и неосознанно разделяло всего его предрассудки» [там же, с. 322]. Задача же, по мнению немецкого философа, заключается в том, чтобы показать, насколько мало историческое познание соответствует картезианскому принципу сомнения и его пониманию научности, а значит, и в том, чтобы понять «пред-рассудок» как то пред-понимание, пред-мнение, пред-суждение, с которым мы подходим к каждому явлению жизненного мира, а следовательно, наше понимание зависит и определяется этим пред-пониманием или «предрассудком».

Наше понимание, наше мышление, наш разум, продолжает свою мысль Гадамер, не являются «чистыми» и, если внимательно приглядеться, оказываются не совсем нашими. Эта критика Гадамером «чистого» познания дана им в программной статье «Философские основания XX в.» (1962), где он разбирает три «наивных допущения немецкого идеализма» («наивность полагания», «наивность рефлексии» и «наивность понятия») и последовательно показывает, что «ни чистого восприятия, ни чистого высказывания не существует» [9, с. 16–17]. Это дает ему возможность показать, что познание и понимание истории не связано напрямую с идеей человеческой субъективности, а наоборот, «прокладывает себе путь вовне, за пределы знания единичных субъектов о самих себе» [там же, с. 19]. Поэтому, как утверждает Гадамер уже в «Истине и методе», история – это то большее, в котором мы себя застаем, приходя в этот мир, а значит, «не история принадлежит нам, а мы принадлежим истории» [8, с. 329]. Как можно понять эту известную фразу немецкого философа? Очевидно, Гадамер хочет сказать, что, если его предшественник в попытке герменевтического понимания истории Вильгельм Дильтей исходил из понятий «автобиография» и «самосознание», т. е. из некоего субъективного переживания субъектом исторического события, то задача его философской герменевтики заключается в попытке выйти за пределы субъективно понимающего себя субъекта в исторический мир жизни, который основатель феноменологии Эдмунд Гуссерль определил понятием «жизненный мир» (нем. Lebenswelt). До того, как мы начинаем рационально мыслить себя в качестве членов семьи, общества, государства, мы уже изначально к ним принадлежим и уже, пусть и не в акте рефлексии, так или иначе осознаем и понимаем эту принадлежность. Поэтому не субъективность или самосознание, а именно наши собственные

предрассудки «в гораздо большей степени, чем его суждения, составляют историческую действительность его бытия». Иногда данную мысль Гадамера пытаются интерпретировать в марксистском ключе, вспоминая знаменитую марксистскую мысль о первичности бытия по отношению к сознанию. Действительно, определенные параллели здесь напрашиваются: и для Маркса, и для Гадамера (с опорой на Хайдеггера) важно показать принципиальную зависимость сознания и самосознания от бытия и, соответственно, зависимость первого от второго. Но нельзя упускать и не менее принципиальную разницу этих позиций, которая заключается в различном понимании как бытия, которое определяет сознание, так и сознания, которое определяется бытием.

Именно в связи с понятием «бытие» в философской герменевтике Гадамера становится важным и понятие «действенно-историческое сознание» (нем. *wirkungsgeschichtlichen Bewusstsein*), которое одновременно оказывается тесно связано с понятием герменевтической ситуации. С одной стороны, наше мышление, осознающее свою временность и конечность, не может претендовать на абсолютную истину относительно нашего понимания прошлого и возможного будущего. С этим связана попытка Гадамера «восстановить в герменевтике момент традиции» [8, с. 335]: если основным способом понять прошлое (и будущее) является не принципиальное дистанцирование от него, а наоборот осознание того, что мы всегда, когда хотим что-то понять, находимся внутри чего-то большего, чем мы сами, то это большее и является той традицией, внутри которой мы мыслим. Это означает, что знаменитое понятие «герменевтический круг», которому основатель герменевтики Нового времени Фридрих Шлейермахер в свое время пытался придать методический статус, становится теперь существенным кругом самого человеческого бытия, из которого надо не сколько пытаться выйти, как из чего-то порочного, а скорее, в него войти, так как этот круг и есть круг нашего понимания себя, других, мира в целом, так как само понимание имеет круговую природу. Поэтому «действенно-историческое сознание» или, по-другому, «герменевтически воспитанное сознание» [8, с. 321] – это сознание, рефлексизирующее ту ситуацию, внутри которой оно существует и познает, осознает свою собственную историчность и собственные предрассудки, потому что именно так «живут традиции и присутствует прошлое» [8, с. 335] в нашей собственной современности.

Но как человек в качестве исторического существа может познавать то, что ему познавать нужно, важно и интересно? Здесь мы подходим к третьему пункту нашего небольшого исследования. Дело в том, что довольно долго в гуманитарных науках познание рассматривалось в качестве некоего «вчувствования» субъекта в некий объект или предмет. Связанная с понятием «вчувствование» (нем. *Einfühlung*) теория вчувствования, особенно популярная на рубеже XIX–XX вв., утверждала, что для того, чтобы понять то, что нужно понять, нам необходимо поставить себя на место другого, сжиться с ним, вчувствоваться в него. Тогда, например, чтобы мне сегодня понять мир древнего грека или римлянина, мне надо поставить себя на его место, полностью вжиться в его «шкуру», чтобы почувствовать себя им и, в конечном счете, стать совершенно неразличимыми. Для этого нужно мою собственную современность, по возможности, полностью из данного познания исключить и, таким образом, вынести за скобки. Это значит, как показала ученица Гуссерля Эдит Штайн в своей программной статье «К проблеме вчувствования» (1917), где дан разбор и критика данной теории, в ее основе находится «молчаливая предпосылка: нам даны другие субъекты и их переживания» [22, с. 657].

Но насколько такой познавательный акт по отношению к прошлому вообще возможен, и не имеет ли он определенные негативные последствия для моего исследовательского настоящего и будущего? Как представляется, подступ к ответам на эти вопросы опять дает нам творческое наследие М. М. Бахтина. В уже упоминавшейся выше работе «Ответ на вопрос редакции “Нового мира”» он писал: «Существует очень живучее, но одностороннее и потому неверное представление о том, что для лучшего понимания чужой культуры надо как бы переселиться в нее и, забыв свою, глядеть на мир глазами этой чужой культуры. Такое представление, как я сказал, односторонне. Конечно, известное вживание в чужую культуру, возможность взглянуть на мир ее глазами, есть необходимый момент в процессе ее понимания; но если бы понимание исчерпывалось одним этим моментом, то оно было бы простым дублированием и не несло бы в себе ничего нового и обогащающего. Творческое понимание не отказывается от себя, от своего места во времени, от своей культуры и ничего не забывает» [5, с. 334]. Попробуем прокомментировать эту мысль выдающегося отечественного философа следующим образом. Здесь перед нами один из важнейших для философии XX в. вариантов

критики теории вчувствования или вживания, который опирается на два принципиальных момента. Во-первых, такое вчувствование или вживание в другого только по видимости происходит ради этого другого, а на самом деле приводит к потере другого и выдвиганию на первый план своего вживающегося «я»: когда исследователь подменяет собой и своим миром мир древнего грека или римлянина и подлинной встречи с «предметом» исследования не происходит. Во-вторых, вчувствование в другого может привести к еще одному негативному моменту: потеря себя самого в результате отказа от своей собственной современности. Следствием этого является то, что я, с одной стороны, не встречаюсь с тем прошлым, которое я изучаю, а с другой, не учитываю и свою собственную современность, из которой я это прошлое пытаюсь увидеть и познать.

Поэтому подлинный момент встречи с прошлым скорее выражается не в понятии «вчувствование», а в другом важнейшем понятии гуманитарных наук XIX и XX вв. – «познание познанного» (нем. Erkenntnis des Erkannten), которое, с опорой на немецкого филолога XIX в. Августа Бека в отечественных гуманитарных науках актуализировал уже в XX в. выдающийся отечественный филолог Григорий Осипович Винокур (1896–1947).

Формула «познание познанного» означает, что в гуманитарных науках (как и в современной философии) не существует ничего абсолютно нового, а потому главной задачей является не открытие этого абсолютно нового, как часто представляется неопиту, а открытие или, точнее, переоткрытие того, что уже было когда-то открыто и понято. Это означает, что на первый план выдвигается не создание своей собственной концепции или теории, радикально отличной от других существующих концепций и теорий, а скорее «вторичное познание познанного как понимание» [7, с. 44], понимание, которое можно определить как двойное действие: попытка познать мир других, не теряя своего собственного места в том мире, в котором мы живем. Поэтому представляется чрезвычайно актуальным то, что писал Винокур о попытках Шлейермахера определить сущность филологии, распространить на гуманитарные науки как таковые и, в частности, на познание прошлого: филология – это «искусство усваивать чужую мысль, искусство понимать» [там же, с. 45], понимать, добавим мы, и актуализировать прошлое в разрезе своей собственной современности. Если такого понимания не существует, то исследователю, скорее всего, приходится, как это остроумно и справедливо назвал Г. Г. Гадамер, «валять дурака на свой страх и риск» [8, с. 40].

Заключение. Таким образом, в работе решены следующие задачи. Во-первых, показано, что прошлое – это не только то, что было, это то, что так или иначе продолжает существовать в нашем настоящем и влиять на него; чтобы это влияние стало для нас очевидным и понятным, нам и нужно обращаться к собственному прошлому. Во-вторых, рассмотрено обращение к собственному прошлому как необходимая и существенная часть самого человеческого бытия, так как человек – это и есть его собственная история. Наконец, в-третьих, дана критика «теории вчувствования» и показано, что наше прошлое – значит понять его в разрезе собственной современности, не как то, что нужно преодолеть, но как то, что нужно именно понять, несмотря на то, а может быть, и благодаря тому, что оно уже было неоднократно понято и познано. Несколько перефразируя известную мысль упоминавшегося выше немецкого романтика Фридриха Шлегеля, «историк – это пророк, обращенный в прошлое» [21, с. 293], предположим, что человек – это тот, кто не может понять свое настоящее и предположить свое будущее без постоянного обращения к своему прошлому.

Список литературы

1. *Августин А.* Исповедь / пер. с лат. М. Е. Сергеевко. СПб. : Азбука-классика, 2008. 400 с.
2. *Арендт Х.* Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли / пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. М. : Изд-во Института Гайдара, 2014. 416 с.
3. *Аристотель.* Поэтика // Аристотель. Соч. : в 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1984. С. 645–680.
4. *Бахтин М. М.* К философским основам гуманитарных наук // Бахтин. Собр. соч. : в 6 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х гг. / редакторы тома: С. Г. Бочаров, Л. А. Гоготишвили. М. : Русские словари, 1997. С. 7–10.
5. *Бахтин М. М.* Ответ на вопрос редакции «Нового мира» // Бахтин. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров. М. : Искусство, 1979. С. 328–335.
6. *Вико Дж.* Основания новой науки об общей природе наций / пер. с итал. и комм. А. А. Губера; вступ. ст. Ю. В. Ивановой, П. В. Соколова. М. : РИПОЛ классик, 2018. 704 с.
7. *Винокур Г. О.* Введение в изучение филологических наук // Винокур. Введение в изучение филологических наук. Собрание трудов / сост. и сопроводит. статьи С. И. Гиндина. М. : Лабиринт, 2000. С. 8–80.

8. Гадамер Г. Г. Истина и метод. М. : Прогресс, 1988. 704 с.
9. Гадамер Г. Г. Философские основания XX века // Гадамер. Актуальность прекрасного. М. : Искусство, 1991. С. 16–26.
10. Декарт Р. Рассуждение о методе // Декарт. Сочинения. СПб. : Наука, 2006. С. 93–131.
11. Дильтей В. Введение в науки о духе. Опыт полагания основ для изучения общества и истории // Дильтей. Собр. соч. Т. 1 / пер. с нем. под ред. В. С. Малахова. М. : Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 267–727.
12. Дройзен И. Г. Очерк историки // Дройзен. Историка. СПб. : Владимир Даль, 2004. С. 451–501.
13. Иванова Ю. В., Соколов П. В. Кроме Декарта: размышления о методе в интеллектуальной культуре Европы раннего Нового времени. Гуманитарные дисциплины : научная монография. М. : Квадрига, 2011. 304 с.
14. Махлин В. Л. Филология и современность: Вико, Ауэрбах и мы // Вестник культурологии. 2020. № 1 (92). С. 131–144.
15. Махлин В. Л. Философия гуманитарных наук // Философия науки. Методология и история конкретных наук : учебное пособие (книга для чтения) / коллектив авторов. М. : Канон+ : Реабилитация, 2007. С. 194–220.
16. Тоффлер Э. Шок будущего / пер. с англ. М. : АСТ, 2004. 557 с.
17. Федоров А. А. Производство будущего. Мир «двойного двоеточия». СПб. : Гуманитарная академия, 2023. 496 с.
18. Хайдеггер М. Исследовательская работа Вильгельма Дильтея и борьба за историческое мировоззрение в наши дни // А. В. Михайлов. Избранное. Историческая поэтика и герменевтика. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. С. 351–389.
19. Хайдеггер М. Понятие времени // Хайдеггер. Понятие времени / пер. с нем. А. П. Шурбелева. СПб. : Владимир Даль, 2021. С. 8–138.
20. Шлегель Ф. Идеи // Шлегель. Эстетика. Философия. Критика : в 2 т. Т. 1. М. : Искусство, 1983. С. 358–364.
21. Шлегель Ф. Фрагменты // Шлегель. Эстетика. Философия. Критика : в 2 т. Т. 1. М. : Искусство, 1983. С. 290–316.
22. Штайн Э. К проблеме вчувствования // Антология реалистической феноменологии / под ред. Д. Атласа и В. Куренного. М. : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. С. 657–693.

"There is no future without the past": the relationship between the past and the future as a philosophical problem

Makariev Igor Viktorovich

PhD in Philosophical Sciences, associate professor of the Department of Philosophy
at the Institute of Social and Humanitarian Studies, Moscow Pedagogical State University.
Russia, Moscow. E-mail: iv.makarev@mpgu.su

Abstract. The topic of the article – the relationship between the past and the future – is connected with an attempt to answer the question: why is it necessary and is it necessary to turn to one's own past? The relevance of this topic is related to the radical changes that have occurred in recent years in the life of society, with the aggravation of the question of the future of mankind and, accordingly, the question of its past. According to the author, this necessity is not only a consequence of the moral choice of each of us, but, above all, has philosophical and methodological foundations rooted in one's own being, on the one hand, and in the cognitive features of the humanities, on the other hand. These grounds and features are revealed by the author using examples of three main theses. Firstly, based on the statement of the founder of the philosophy of the humanities, V. Dilthea, "the past acts as a moment of today's historical consciousness," the author tries to prove that the past is not only what it was, it is something that somehow continues to exist in our present and influence it. Secondly, reflecting on the phrase of G. G. Gadamer – "history does not belong to us, but we belong to history" – the author shows that turning to the past is an essential necessity of human existence, since man is his own history. Thirdly, it is shown that such an appeal to one's own past cannot be carried out with the help of an influential at the turn of the XIX–XX centuries "theories of feeling", but rather resembles "cognition of the known" – the famous slogan of the philological sciences of the XIX century. in the works of A. Beck and the twentieth century. in the works of G. O. Vinokur, which continue to maintain their relevance for the philosophy of the humanities as such today.

Keywords: future, past, history, historicity, prejudice, effective historical consciousness, feeling, cognition of the known.

References

1. *Augustin A. Ispoved'* [Confession] / transl. from Latin by M. E. Sergeenko. SPb. Azbuka-Klassika (ABC classics), 2008. 400 p.
2. *Arendt H. Mezhdú proshlym i budushchim. Vosem' uprazhnenij v politicheskoy mysli* [Between the past and the future. Eight exercises in political thought] / transl. from English and German by D. Aronson. M. Publishing House of the Gaidar Institute, 2014. 416 p.
3. *Aristotle. Poetika* [Poetics] // *Aristotle. Soch. : v 4 t. T. 4* [Works : in 4 vols. Vol. 4]. M. Mysl (Thought), 1984. Pp. 645–680.
4. *Bahtin M. M. K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* [To the philosophical foundations of the humanities] // *Bahtin. Sobr. soch. : v 6 t. T. 5. Raboty 1940-h – nachala 1960-h gg.* [Collected works : in 6 vols. Vol. 5. Works of the 1940s – early 1960s] / volume editors: S. G. Bocharov, L. A. Gogotishvili. M. Russkie slovari (Russian Dictionaries), 1997. Pp. 7–10.
5. *Bahtin M. M. Otvet na vopros redakcii "Novogo mira"* [The answer to the question of the editorial board of the "New World"] // *Bahtin. Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity] / comp. S. G. Bocharov. M. Iskustvo (Art), 1979. Pp. 328–335.
6. *Vico J. Osnovaniya novoy nauki ob obshchej prirode natsij* [The foundations of a new science about the common nature of nations] / transl. from Italian and comments by A. A. Huber; introduction by Yu. V. Ivanova, P. V. Sokolova. M. RIPOL classic, 2018. 704 p.
7. *Vinokur G. O. Vvedenie v izuchenie filologicheskikh nauk* [Introduction to the study of philological sciences] // *Vinokur. Vvedenie v izuchenie filologicheskikh nauk. Sobranie trudov* [Introduction to the study of philological sciences. Collection of works] / comp. and accompanying article by S. I. Gindin. M. Labyrinth, 2000. Pp. 8–80.
8. *Gadamer G. G. Istina i metod* [Truth and method]. M. Progress, 1988. 704 p.
9. *Gadamer G. G. Filosofskie osnovaniya XX veka* [Philosophical foundations of the twentieth century] // *Gadamer. Aktual'nost' prekrasnogo* [The relevance of the beautiful]. M. Iskustvo (Art), 1991. Pp. 16–26.
10. *Descartes R. Rassuzhdenie o metode* [Reasoning about the method] // *Descartes. Sochineniya* [Works]. SPb. Nauka (Science), 2006. Pp. 93–131.
11. *Dilthey V. Vvedenie v nauku o duhe. Opyt polaganiya osnov dlya izucheniya obshchestva i istorii* [An introduction to the sciences of the Spirit. The experience of laying the foundations for the study of society and history] // *Dilthey. Sobr. soch. T. 1* [Collected works, vol. 1] / transl. from German, ed. by V. S. Malakhov. M. House of Intellectual Books, 2000. Pp. 267–727.
12. *Droyzen I. G. Ocherk istoriki* [Essay on historians] // *Droysen. Istorika* [Historika]. SPb. Vladimir Dahl, 2004. Pp. 451–501.
13. *Ivanova Yu. V., Sokolov P. V. Krome Dekarta: razmyshleniya o metode v intellektual'noj kul'ture Evropy rannego Novogo vremeni. Gumanitarnye discipliny : nauchnaya monografiya* [Besides Descartes: reflections on the method in the intellectual culture of early Modern Europe. Humanities : scientific monograph]. M. Quadriga, 2011. 304 p.
14. *Mahlin V. L. Filologiya i sovremennost': Viko, Auerbach i my* [Philology and modernity: Vico, Auerbach and us] // *Vestnik kul'turologii* – Herald of Cultural Studies. 2020. No. 1 (92). Pp. 131–144.
15. *Mahlin V. L. Filosofiya gumanitarnykh nauk* [Philosophy of the humanities] // *Filosofiya nauki. Metodologiya i istoriya konkretnykh nauk : uchebnoe posobie (kniga dlya chteniya)* – Philosophy of Science. Methodology and history of concrete sciences : textbook (a book for reading) / collective of authors. M. Canon+ : Rehabilitation, 2007. Pp. 194–220.
16. *Toffler E. Shok budushchego* [Shock of the future] / trans. from English. M. AST, 2004. 557 p.
17. *Fedorov A. A. Proizvodstvo budushchego. Mir "dvojnogo dvoetochiya"* [Production of the future. The world of the "double colon"]. SPb. Academy of Humanities, 2023. 496 p.
18. *Heidegger M. Issledovatel'skaya rabota Vil'gel'ma Dil'teya i bor'ba za istoricheskoe mirovzrenie v nashi dni* [The research work of Wilhelm Dilthey and the struggle for a historical worldview in our days] // *A. V. Mikhailov Izbrannoe. Istoricheskaya poetika i germeneytika* [Favorites. Historical poetics and Hermeneutics]. SPb. Publishing House of St. Petersburg University, 2006. Pp. 351–389.
19. *Heidegger M. Ponyatie vremeni* [The concept of time] // *Heidegger. Ponyatie vremeni* [The concept of time] / transl. from German by A. P. Shurbelev. SPb. Vladimir Dahl, 2021. Pp. 8–138.
20. *F. Schlegel Idei* [Ideas] // *Schlegel. Estetika. Filosofiya. Kritika : v 2 t. T. 1* [Aesthetics. Philosophy. Criticism : in 2 vols. Vol. 1]. M. Iskustvo (Art), 1983. Pp. 358–364.
21. *F. Schlegel Fragmenty* [Fragments] // *Schlegel. Estetika. Filosofiya. Kritika : v 2 t. T. 1* [Aesthetics. Philosophy. Criticism : in 2 vols. Vol. 1]. M. Iskustvo (Art), 1983. Pp. 290–316.
22. *Stein E. K probleme vchuvstvovaniya* [On the problem of feeling] // *Antologiya realisticheskoy fenomenologii* – Anthology of realistic Phenomenology / ed. by D. Atlas and V. Kurenyy. M. Institute of Philosophy, Theology and History of St. Foma, 2006. Pp. 657–693.

Поступила в редакцию: 11.04.2024

Принята к публикации: 09.09.2024

О некоторых аспектах связи и различий «естественного» и «искусственного» мышления

Чашин Елисей Владимирович

кандидат философских наук, Пермский военный институт войск национальной гвардии.
Россия, г. Пермь. ORCID: 0000-0003-4770-6038. E-mail: chashin86@mail.ru

Аннотация. Цель данной статьи заключается в сравнении и сопоставлении, а также раскрытии отдельных внутренних генетических связей между естественной человеческой ментальностью и искусственно создаваемом аналоге мышления, характерном для вновь конструируемых технических систем. Актуальность работы заключается в необходимости фиксации достижения здравого баланса между гуманистическим и техническим во всевозрастающем значении для общества искусственного интеллекта, развитие которого сопряжено со множеством трудностей, в том числе относящихся и к проблеме рефлексии и самоидентификации. Кроме того, одним из ключевых аспектов поднятой проблемы в контексте ее актуальности является необходимость решения проблемы человеко-машинного взаимодействия в плане сотворчества и неконкурентного совместного достижения производственных результатов. В данной работе впервые поднимается проблема двойной рефлексии как условия формирования искусственной ментальности. Используется разработанный нами метод рефлексии над рефлексией, а также компаративистский и системный подходы. На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что взаимосвязь искусственного и естественного мышлений с течением времени только возрастает. Немаловажную роль в этом играют современные средства коммуникации, такие как интернет, все более наполняющийся различными элементами искусственного интеллекта. Коммуникация, осуществляемая через эту сеть, с одной стороны, соединяет людей, отдаленных друг от друга территориально, с другой стороны – напротив усугубляет добровольную социальную изоляцию каждого из участников подобного общения. Последнее в еще большей степени технологизируется, способствуя дальнейшему сближению «естественного» мышления с «искусственным». Область применения результатов данного исследования выходит далеко за пределы проблемного поля взаимодействия человека и машины, выступающей в качестве носителя искусственного интеллекта. Важнейшим направлением применения полученных в русле нашей работы знаний является образование. Именно в этой сфере наиболее принципиально достижение разумного компромисса между сохранением естественного восприятия реальности и приобщением к искусственной среде информационных систем, в контексте возрастающей и приобретающей все более сложные формы техноориентированности будущих поколений.

Ключевые слова: рефлексия, техника, самоидентификация, мышление, искусственное, естественное, социум, техноориентированность.

Введение. Достижению основной цели данной работы предшествует важный феноменологический этап. В русле выбранной сферы исследования важно обратить внимание именно на саму проблематику реализации возможности сравнения естественного и искусственного мышлений. Кроме того, прежде чем осуществить их сопоставление друг с другом, необходимо раскрыть содержание таких ключевых понятий, как техника, технология, искусственный интеллект, техническое мышление человека, искусственное мышление (применительно к техническому субстрату), социальное мышление и, наконец, сама ментальность как таковая. Говоря о технике, мы, в первую очередь, будем иметь в виду любое средство преобразования физической реальности человеком, и лишь затем о сложных системах, созданных в качестве аналога природных процессов. Технология является для нас способом достижения поставленных актором задач, связанных с наиболее эффективным использованием технических средств. Искусственный интеллект как процесс логической реакции нейронных сетей в этом смысле является реализацией принципа связи технического средства и технологии, поскольку, выступая как порождение человеческого творчества, сам способен создавать «вторую реальность», основываясь на заложенных в нем алгоритмах. Прежде чем определить сущность технического мышления как феномена, важно обозначить его содержательную и функциональную стороны. В первом случае необходимо подчеркнуть, что любое мышление – социально по своей природе, даже если является только слепком или копией естественного мыс-

лительного процесса. При этом мышление, генетически связанное с общением, далеко не во всех обстоятельствах напрямую им обусловлено. Более того, важно помнить, что не только социальная среда формирует мышление того или иного индивида, но и он сам вносит значительный вклад в агрегирование (формирование) стиля мышления той или иной социальной группы. Таким образом, сущностная сторона формирования технического мышления определяется коллективным влиянием многочисленных субъектов, чей подход к решению проблемы может отражать как научное видение, так и опираться исключительно на жизненный опыт, который априори имеет разнообразную природу. В функциональном смысле техническое мышление, присущее актору – обладателю соответствующих компетенций, заключается в логичном и эффективном переносе абстрактных функций в виде идей, моделей, созданных мозгом на конкретный физический субстрат для его целенаправленного преобразования. Искусственное же мышление реализуется в копировании основных способов создания подобных функций без прямого и непосредственного участия человека. В случае с социальным мышлением также необходимо сделать важное уточнение: оно далеко не всегда эквивалентно общественному, хотя опять же тесно с ним связано. И если с формальной стороны социальное мышление – особенность коллективного отражения объективной реальности той или иной группой людей внутри общества, характеризующаяся формированием специфического стиля в своем комплексе ментальности, которая, в свою очередь, является совокупностью разных типов и форм мышления, присущих тому или другому человеку, то с содержательной, мы опять же видим здесь наличие значительного субъективного влияния. Таким образом, социальное-общественное оказывается обусловлено социальным-индивидуальным. Каждая личность переносит свой набор знаний на общее пространство выполняемой социумом задачи, а значит, при учете всех общемировоззренческих «скрепов» наличие уникального мнения сложно опровергнуть.

Далее необходимо отметить, что существующий на границе научного мышления и практического опыта научно-практический стиль как комплекс либо включает в себя технический тип, либо может оставаться функциональным и без него. Здесь важно представить, что в случае, когда технический тип проявляет себя как целенаправленное осмысление прикладной задачи, то он включен в научно-практический стиль. Однако иногда техническое мышление формируется на базе обыденного практического опыта и, тем не менее, обеспечивает эффективное преобразование объекта. Сходная ситуация наблюдается и в случае сопоставления философского и научного стилей мышлений. Так одни эксперты считают, что философское мышление может быть и научным тоже, другие это отрицают. При этом о корреляции этих двух стилей зачастую также говорят скорее в функциональном, а не в сущностном смысле. При этом и само научное мышление тоже не является унифицированным атомарным ментальным конструктом. Так оценивая научно-практическое мышление как важный аспект модели образования, необходимо помнить, что параллельно ему существует и практическое, основанное на личном индивидуальном опыте, который приобретается во многих случаях даже не обязательно через общение как коммуникацию, используемую для обмена знаниями. Философское же мышление и вовсе формируется по-другому. В его основе лежит причудливая комбинация иррациональных (мистического, религиозного) и рациональных (научного, научно-практического, абстрактного) типов, каждый из которых вносит свою лепту в формирование идентификационной мировоззренческой установки конкретного человека, его жизненного кредо. Таким образом, свести философское мышление исключительно к научному невозможно.

В целом же при осуществлении своей профессиональной деятельности или конструктивной оценке событий вокруг себя люди вполне оправданно могут руководствоваться научными принципами, но в силу своей субъективности, ценностных установок, физиологических особенностей зачастую прибегают и к жизненно-практическому опыту. Однако в данном случае одно совершенно не отрицает другое, а скорее дополняет формируемую каждым человеком картину окружающей его действительности.

Теперь, имея на руках необходимый набор понятий, мы можем приступить непосредственно к анализу естественных и искусственных компонентов социальной практики.

Цель. Понятия техники и технологии принимают определяющее значение в информационном обществе. Первое – ввиду того, что техника как «вторая природа» постепенно заменяет собой в общественно-исторической практике и сознании природную среду. Любой объект, с которым человек вступает во взаимодействие, в этом смысле может быть представлен и

как «естественная», и как «искусственная» система [7, с. 143]. Второе – поскольку технология становится единственным способом «коммуникации» индивида с все более усложняющимися техническими средствами [15, с. 109]. Адаптация человека к изменяющимся условиям окружающего мира, понимаемого как общность его жизненного пространства, технической и социальной сфер, невозможна без взаимодействия со всей совокупностью технических новинок, обеспечивающих общественный прогресс [10, с. 130]. Поэтому одна из ключевых проблем, стоящих перед обществом в эпоху высоких технологий в начале нового века, заключается в том, чтобы обеспечить эффективное и рациональное применение разного рода технических средств. Последние все в большей степени проникают в социальный быт, и уже достаточно сложно представить себе социум, эффективно функционирующий без использования различных технических устройств, облегчающих практико-преобразовательную деятельность. В определенном смысле уже не индивидуум окружает себя техникой, а техническое пространство погружает в себя человека [4, с. 170]. Практически каждая личность, прошедшая все этапы социализации в современном обществе, обладает технологическим мышлением. Технологическое мышление – это стиль мышления каждого социального субъекта, выполняющего специфическую деятельность в соответствии с определенным алгоритмом. Этот стиль мышления характерен не только для профессиональных сообществ инженерных или научно-технических работников, но и для субъектов, чья обыденная практика не связана напрямую с наукоемкими отраслями. Среди самых распространенных примеров выделяются технологии: вождения автомобиля, работы на компьютере, использования мобильного телефона. Ритм работы различных технических устройств задает ритм актов нашего мышления через практику [12, с. 199–201]. Формируется информационный стиль общения, технология которого направлена на передачу максимального количества информации за минимальный промежуток времени. Принципы, по которым СМИ создают свои новостные блоки: скорость, емкость и информативность в освещении событий, становятся нормой социальной деловой коммуникации. Мышление человека вынужденно сталкивается с большим объемом разнообразной и имеющей абстрактную природу информацией. Конкретные предметы, включаемые субъектом в свою общественно-историческую практику, постепенно замещаются абстрактными образами (математическими моделями, сложными в формулировке понятиями). Значительную роль в мышлении современного работника начинают играть «промышленные симулякры» [2, с. 123]. Однако это не снимает ответственности с оператора, а напротив требует от него повышения ее меры и качества при осуществлении своей профессиональной деятельности. Общество рисков не прощает ошибок, способных вызвать в нем по-настоящему катастрофические изменения [1, с. 30].

Человек учится находить ответы на поставленные практикой абстрактные вопросы, и чем выше будет доля их абстракции в содержательном смысле, тем более конкретными должны быть решения. Возникает два пути преодоления этой трудной ситуации. Первый связан с частичным делегированием полномочий при выполнении производственных задач, а значит, и ответственности за их выполнение, сложным машинам, обладающим суррогатом ментальности. Второй путь заключается в совершенствовании собственного человеческого мышления в соответствии с возникающими потребностями. Оба эти пути оказываются на определенном уровне взаимосвязанными. Приоритетное значение приобретает техническое мышление [5, с. 10–15].

Техническое мышление – это стиль мышления, характерный для инженерно-технических работников, формирующийся на основе соответствующего для данной социальной группы типа мышления, в процессе обучения и профессиональной самоидентификации. Техническое мышление непосредственно связано с деятельностью автоматических механизмов, ЭВМ и других технических устройств, взаимодействие с которыми является трудовым функционалом члена данной социальной группы. Техническое мышление как исторический ментальный тип стало формироваться одновременно с появлением первых технических приспособлений, целью которых было извлечение максимального производственного эффекта из имеющегося в наличии объема ресурсов при минимальном количестве усилий. Это определило главные социоментальные цели будущих инженерно-технических работников. Общество оценивает технический прогресс с точки зрения успешности осуществления инженерным сообществом способов удовлетворения общественных потребностей [20, с. 115]. На заре нового тысячелетия техническое мышление, сложившееся естественным образом, хотя и под влиянием взаимодействия с искусственными объектами, становится инструментом для создания искус-

ственного мышления, являющегося по сути репликой естественного, но обладающего самодостаточностью, уникальностью и претендующего, в определенном смысле, на эксклюзивную самостоятельность.

Может ли быть искусственное мышление исключительно техническим и технологическим? Очевидно нет, но технические характеристики субстрата, на котором оно возникает, а также преобладание технического компонента в ментальном комплексе его создателей не может не отразиться на его природе.

Таким образом, мы приходим к четкому пониманию цели всей работы – понять особенности происхождения второй объективной реальности как сущности, порожденной человеком из первой.

При этом дальнейший разговор о генезисе искусственного интеллекта нельзя начать, не рассмотрев сам принцип формирования машинного мышления, опирающегося на естественные основания.

Методы. Когда мы говорим о естественном мышлении, необходимо отметить, что особую роль в мышлении как в процессе осознания себя и осмысления происходящих событий с необходимостью играет так называемая двойная рефлексия, или рефлексия второго порядка. По аналогии с первым уровнем рефлексии, когда речь идет об осознании собственных действий при выполнении тех или иных задач, поставленных перед человеком либо им самим, либо окружающей его реальностью, второй уровень рефлексии – это осознание себя в контексте осуществляемой самим собой общественно-исторической практики. То есть рефлексия второго порядка неотделима от самосознания. Она является актуализацией самосознания в контексте производимых человеком действий и неотделима от оценки как происходящих событий, так и самооценки, и самоидентификации [21, с. 95]. Каждый человек самоидентифицирует себя, осуществляя сравнение и сопоставление себя с окружающим пространством, другими людьми [9]. В конечном счете это одновременно и главная функция, и сущность, и результат самосознания. Естественное мышление на данный момент не имеет конкурентов в этом аспекте. Умение видеть себя внутри пространства, осознавать себя-действующего здесь и сейчас, фиксировать собственное «здесь-бытие» [16] на сегодняшний день может быть присуще лишь личности, однако если бы этот процесс удалось технически воспроизвести, смоделировать посредством имеющихся или перспективных технологий, то получившийся искусственный ментальный комплекс по этому критерию можно было бы поставить в один ряд с Человеком.

Приведем пример. Человек выполняет определенную работу. Он может делать ее механически, абсолютно не вдаваясь в смысл и в конечную цель совершаемых им действий, то есть выполнять ее нерефлексивно. Либо он может осознавать, что и для чего он делает, осуществляя тем самым рефлексии первого уровня. Наконец, он может четко представлять себе, что именно он здесь и сейчас выполняет конкретную работу ради достижения определенной цели. В этом случае речь идет о рефлексии второго уровня. Зачастую мы не отдаем себе отчета в том, что выполняем рефлексии над рефлексией, однако именно эта способность обеспечивает нам самоидентификацию и самосознание [14, с. 94]. Мышление как феномен всегда подразумевает наличие возможностей для самосовершенствования, причем не только экстенсивного, но и интенсивного. В этом смысле осознанная и целенаправленная рефлексия над рефлексией является способом более глубокого познания себя в контексте окружающей действительности. Развивая в себе рефлексии первого уровня и утверждаясь в самом факте «кто-то есть», мы тем не менее не находим ответа на вопрос, поставленный лишь на уровне рефлексии второго уровня «кто есть? – я есть!» [18, с. 58]. С другой стороны, картина меняется при актуализации в нашем восприятии операции «вижу себя внутри ситуативного пространства здесь-и-сейчас реальности» в режиме глубокой интроекции. Мы начинаем осознавать, что все последующие рефлексивные акты будут лишь утверждением и повторением рефлексии второго порядка в виде функции n по отношению к текущему положению.

Размышляя далее, мы можем с уверенностью утверждать, что рефлексия всех последующих порядков окажется рекурсией по отношению к рефлексии второго порядка, зацикленной на самой себе по модели математического фрактала, объединяющее все множество в виде совокупности последовательных шагов. Как, например, это осуществляется через факториал $n!$ в описании конечной рекурсивной функции – рекурсивно-определенный факториал целого неотрицательного числа.

$$n! = \begin{cases} n * (n - 1)!, n > 0 \\ 1, n = 0 \\ 0! = 1 \end{cases}$$

А значит, технически мы сможем выразить ее модель в самой себе в виде того же самого фрактала с учетом правильно подобранной функции. Математическая симуляция этого процесса очевидно вполне осуществима. Масштабирование же, вероятно, зависит лишь от вычислительных мощностей, обслуживающих систему обмена данными, что даже для современных нейронных сетей (в том виде, в котором они существуют сейчас) может быть в перспективе реализовано относительно быстро. Как например, это уже используется в рекурсивном алгоритме решения Ханойской башни [17].

Однако в свете известных событий недавнего времени проблема возможности модуляции искусственного ментального комплекса, обладающего потенциалом к рефлексии n-уровня, перешла в новую плоскость. Необходимо ли нам заходить так далеко, о чем предупреждают многие влиятельные акторы научно-технического преобразования мира? Для понимания этого нужно рассмотреть еще одну сторону взаимоотношений искусственного мышления (которое только копирует) и естественного (способного креацировать).

Следующий набор применяемых нами методов связан с двумя реперными точками. Человекомашинное взаимодействие формирует особую биосоциально-техническую систему, рассмотрение которой не представляется возможным без, соответственно, системного и компаративистского подходов.

Говоря о системе человек машина мы, по большому счету, понимаем, что система машина включена в систему человек как вспомогательная, вторичная подсистема, функция которой будет заключаться лишь в симуляции творчества, на основе линейного последовательного воспроизведения форм из накопленного опыта, ограниченного хотя бы тем, что он основан лишь на данных экстраполированных в физической реальности, но не «переживаемых» системой на уровне химии, биологии и уже тем более социальности. Мы способны не просто знать что-то о мире, но своим бытием в нем ощущать каждый из его уровней существования, «сравнивая», например, свою биологичность с биологичностью окружающего бытия. Отсюда и важность компаративистики как сравнения. То есть линейность машинного мышления ограничивается физическим субстратом его основы, что отличает от человека, способного к нелинейному мышлению, ухватывающему бесконечность.

Чем же это оборачивается на практике?

Результаты. Интернет одновременно объединил и разъединил людей, он дал каждому человеку свою возможность для самоидентификации без привязки к реальной коммуникации с обществом. Мышление человека все больше насыщается компонентами технического и технологического стилей. Работа с техническими средствами коммуникации вынужденно наполняет жизнь даже тех людей, которые были изначально далеки от этого, соответствующими компетенциями. Виртуальные онлайн-помощники, поисковые системы обеспечивают устойчивую связь человеческого мышления с задатками электронного, обуславливая взаимозависимость одного от другого.

Зависимость успешности выполнения той или иной деятельности от навыков работы с современными средствами анализа и обмена информацией становится очевидной, прямой и в определенной степени порождающей дискриминационные формы по отношению к тем, кто по тем или иным причинам не обладает данной компетенцией. Человек, создав ранее ЭВМ по тем же принципам, по которым работает его собственный мозг, вынужден сталкиваться с обратной стороной взаимодействия с ЭВМ, подстраивая уже собственное мышление под ритм и особенности функционирования компьютерной системы. Безусловно, создатели современных информационных сред и технических устройств стремятся сделать их интуитивно ближе для человеческого восприятия, однако и восприятие тоже изменяется, двигаясь навстречу, сближаясь с техническими средствами, адаптируясь согласованно с их способами работы. Последнее в свою очередь и подготавливает некую незримую смычку между самоидентификационным потенциалом органического мозга и искусственной технической среды.

Самоизоляция и порождаемая ей искусственная псевдоавтономность как человеческого существования вообще, так и мышления в частности, вскрыла и заострила накапливающиеся годами проблемы социального мышления.

Одна из данных проблем заключается в том, что такой феномен, как долговременная память человека в современных жизненных реалиях, более не имеет столь большого значе-

ния в мыслительной деятельности человека и осуществлении самого ментального акта. Причиной этого отчасти можно считать повсеместное использование электронных средств хранения информации [6, с. 165]. Это в свою очередь подняло и смежную проблему, связанную с созданием искусственного интеллекта – ведь долгое время считалось, что подключение к максимально большим базам данных станет основным условием его успешного функционирования и самообучения. Однако практика показывает, что гораздо более важную роль как в естественном, так и в искусственном мышлении играет развитие логического аппарата, способность к осуществлению выбора и принятия решения. Именно логика отвечает за результативность мыслительной деятельности, опирающейся на дедуктивный метод, сравнение, аналогию при поиске решения нетиповой задачи. В течение длительного времени во многих странах мира внутри образовательных систем приоритет отдавался тестированию и другим, заимствованным у искусственных сред, принципам получения, усвоения и проверки знаний, что не могло не отразиться на формировании мышления учащихся [11]. Прямые аналогии между фактами, лишенные творческого обоснования, линейные выводы, не предполагающие вариативности ответов, – это известные недостатки современных способов проверки знаний, имеющие информационно-технологическую природу. Действительно, если проанализировать порядок действий ЭВМ по решению той или иной задачи, то окажется, что он полностью дублирует набор операций, производимых человеком при решении задания в форме теста. Получается, что алгоритм действия при нахождении решения подобных типовых задач подсказывается человеку созданным им же электронным средством обработки данных, в соответствии с его техническими возможностями и конфигурацией, лежащих в его основе больших интегральных схем. Это в конечном счете означает, что собственный образец естественного мышления современный человек копирует у самого себя, но в качественно преобразованном, пропущенном через созданную им же среду ЭВМ, модифицированном на уровне базовых позиций искусственной ментальности виде.

Преобразовательная деятельность общества, направленная на создание искусственной ментальной среды, не может не менять естественную человеческую ментальность. Оба эти процесса – создание искусственной ментальной среды и приспособление естественной ментальности человека под ритм работы машин – идут параллельно и взаимонаправленно. Персональные онлайн-ассистенты или технологии умного дома являются яркими примерами подобного человекомашинного взаимодействия. Среди особенностей работы подобных информационных систем можно выделить избирательность их действий при принятии тех или иных решений, что можно сравнить с человеческой интуицией. Социум же, все более активно использующий в процессе своей практической деятельности принципы технологического мышления, постепенно заполняет последним социоментальный комплекс. Причем это касается даже тех профессий, которые изначально были ориентированы исключительно на человеко-человеческое взаимодействие, например, продавцы, официанты и т. д. Особое место в этом ряду занимают специалисты по рекламе и PR, профессиональный стиль мышления которых со временем претерпевает все большую модернизацию в техноориентированном аспекте. Кризис перепроизводства, назревавший в течение многих десятилетий и ставший особенно актуальным в условиях международной изоляции, экономического спада и прочих негативных последствий коронавируса, окончательно превратил сферу рекламы в некое подобие конвейера по продаже относительно недорогих, но имеющих короткий срок годности или эксплуатации потребительских товаров [13, с. 145–146]. Специалисты же по рекламе, полностью перешедшие на дистанционную работу, окончательно ассоциировали себя с датками данной «торговой машины», работающей по строгому шаблону, лишаящему творческого компонента любые ранее креативные аспекты данной профессиональной деятельности. В свою очередь вновь сформированная модель мышления передается посредством электронной коммуникации и потенциальному потребителю, наполняя и его естественный интеллект элементами искусственного, преимущественно дуального мышления, ориентированного на бинарные оппозиции – «хорошее/плохое», «черное/белое» [19, с. 53–54].

В то же время мы понимаем, что при всех вышеперечисленных недостатках естественная модель мышления все еще остается лучшей и единственной творческой в подлинном смысле этого слова. Только она способна к оригинальной нелинейности и не просто воспроизводит заложенные в нее алгоритмы, но создает принципиально новое видение проблем ввиду своей исключительной интегративной сложности по отношению ко всем существующим «цифровым» аналогам.

Заключение. Технический инструментарий становится как средством, так и целью общения между людьми. С одной стороны, это упрощает коммуникативные связи и значительно их расширяет, но с другой, при уменьшении доли невербального общения, делает коммуникацию более обезличенной, формализованной, лишенной потенциальной возможности создания интенционального состояния [8], возникающего в процессе прямого недистанционного диалога. Вещи и явления, окружающие и сопровождающие жизнь информационного общества в большинстве своем, имеют техническое происхождение. Смартфон оказывается неотъемлемым предметом, фактически атрибутом современного человека, ориентированного на эффективное взаимодействие с социумом. Люди затрагивают в процессе своей коммуникации темы, так или иначе связанные с техникой все в большей степени. Значит и влияние искусственной среды на естественную, причем не только прямое, но и опосредованное только возрастает.

Таким образом, современное естественное мышление и естественный интеллект складывается под влиянием совокупности типов мышления людей, деятельность которых в прямом или опосредованном виде детерминируется идеологией технической сферы общественного бытия [3]. Последняя изначально не может не закладывать элементы искусственного мышления в естественное, которые при попытке непосредственного создания искусственного интеллекта проявляют себя в наибольшей степени. Получается, что искусственное мышление техноориентированно, не только ввиду технологических особенностей субстрата, на котором оно потенциально должно возникнуть, но и ввиду ментальных акцентуаций его создателей. В процессе эволюции технических средств от самых примитивных орудий каменного века до сложнейших электронно-вычислительных систем люди постепенно воспринимали физические особенности функционирования данных инструментов. Они планомерно наполняли эти артефакты определенным смыслом, на каждом из технологических витков убеждая себя во всевозрастающей автономности и самодостаточности создаваемых устройств. Задолго до появления самых примитивных аналогов искусственного мышления у оператора уже складывалось убеждение в том, что машина способна его во многом превзойти. В мировоззрение некоторых из людей гармонично проникала идея о том, что сложному искусственному объекту можно делегировать выполнение работы, с которой человеческий организм в целом, и мозг в частности, может справиться гораздо хуже, чем машина. На определенном уровне это создает у человека иллюзию наличия у технического устройства разума, его субъектности и способности к самостоятельному принятию решений при выполнении тех или иных производственных операций [22]. Фактически это означает признание некоторыми людьми возможности машины рефлексировать, хотя на практике это лишь отражает способность последней проверять выполнение заданной человеком же программы. Именно различие в самом наличии у машин будущего возможности оценивать производимую ими деятельность на предмет ее эффективности, результативности, значимости, а далее и самоосознания себя в контексте выполняемых действий от механического отклика на результат произведенных им манипуляций и отделит естественный интеллект от искусственного либо наоборот сотрет существующую между ним сейчас границу.

Таким образом, в функциональном смысле использование разработанного нами метода рефлексии над рефлексией, наряду с компаративистским методом и системным подходом предоставляет исследователям возможность путем оценки ситуации исходя из нее самой, находясь ментально одновременно и внутри и вне предмета рефлексивного осмысления первого уровня, делать выводы о наличии либо отсутствии у искусственного мышления аналогичных возможностей.

Список литературы

1. Бехман Г. Современное общество как общество риска // *Вопр. философии*. 2007. № 1. С. 26–46.
2. Бодрийяр Ж. *Символический обмен и смерть*. М.: Добросвет, 2000.
3. Валлернстайн И. *Конец знакомого мира. Социология XXI века*. М.: Логос, 2003. 368 с.
4. Власова Е. М. Изменение отношения Человек – Техника в современном обществе: проблема нового гуманизма // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2015. № 1 (ч. 1). С. 170–173.
5. Гайнцев Э. Р. Особенности технического мышления современного квалифицированного рабочего // *Педагогическое образование в России*. 2014. № 3. С. 10–15.
6. Гамирова Р. Г., Горобец Е. А. Особенности когнитивного развития у детей раннего и дошкольного возраста, использующих гаджеты / А. В. Схиртладзе, В. Ф. Прусаков, С. Я. Волгина // *Российский вестник перинатологии и педиатрии*. 2021. № 66 (5). С. 163–167.

7. Горохов В. Г, Декер М. Социальные технологии прикладных междисциплинарных исследований в сфере социальной оценки техники // Эпистемология и философия науки. 2013. Т. 35. № 1. С. 135–150.
8. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М. : Дом интеллект. книги, 1999. 336 с.
9. Калашникова Е. М. Личность и общество (Проблема идентификации) : монография. Пермь : Изд-во Пермск. гос. ун-та, 1997. 156 с.
10. Касавина Н. А. Человек и техника: амбивалентность электронной культуры // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 55. № 4. С. 129–142.
11. Курбанова Р. Р. Тестирование в современной российской школе: достоинства и недостатки. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/testirovanie-v-sovremennoy-rossiyskoy-shkole-dostoinstva-i-nedostatki> (дата обращения: 11.11.22).
12. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. М. : АСТ, 2002.
13. Мещерякова А. Б. Кризис перепроизводства: генезис, последствия и маркетинговые инструменты его преодоления // Фундаментальные исследования. 2020. № 12. С. 145–150. URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=42924> (дата обращения: 12.11.2022).
14. Сизикова Т. Э., Волошина Т. В. Обзор исследований рефлексии в психологии. Педагогическая рефлексия / А. Ф. Повещенко // Научное обозрение. Педагогические науки. 2016. № 2. С. 89–102.
15. Тоффлер О. Третья волна. М. : АСТ, 1999. 261 с.
16. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков : Фолио, 2003. 503 с.
17. Ханойская башня на пальцах / Хабр. URL: <https://habr.com/ru/articles/200758/> (дата обращения: 24.03.2024); Алгоритм Ханойской башни: Python, код C++. URL: <https://www.guru99.com/ru/program-for-tower-of-hanoi.html> (дата обращения: 24.03.2024).
18. Чащин Е. В. Философские корни гражданского образования, нормативно-правовая база и реальность. Новое глобальное мышление // Социум и власть. 2015. № 1 (51). С. 55–60.
19. Чащин Е. В. Техническое и технологическое мышление // Вестник Челябинского государственного университета. Философия, социология, культурология. 2012. Вып. 28. № 35 (289). С. 51–55.
20. Чешев В. В. Инженерное мышление в антропологическом контексте // Философия науки и техники. 2016. Т. 21. № 1. С. 104–117.
21. Шишкин А. Е. Сомнение как метод самоидентификации // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2018. Т. 20. № 5. С. 94–101.
22. Эшби У. Р. Что такое разумная машина // Кибернетика ожидаемая и кибернетика неожиданная / под ред. А. И. Берга и Э. Кольмана. М. : Наука, 1968. С. 33–46.

On some aspects of the connection and differences between "natural" and "artificial" thinking

Chashchin Yelisey Vladimirovich

PhD in Philosophical Sciences, Perm Military Institute of National Guard Troops.
Russia, Perm. ORCID: 0000-0003-4770-6038. E-mail: chashin86@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to compare and contrast, as well as to reveal certain internal genetic links between the natural human mentality and the artificially created analog of thinking characteristic of newly constructed technical systems. The relevance of the work lies in the need to fix the achievement of a sound balance between humanistic and technical in an ever-increasing importance for the society of artificial intelligence, the development of which is fraught with many difficulties, including those related to the problem of reflection and self-identification. In addition, one of the key aspects of the raised problem in the context of its relevance is the need to solve the problem of human-machine interaction in terms of co-creation and uncompetitive joint achievement of production results. In this paper, for the first time, the problem of double reflection is raised as a condition for the formation of an artificial mentality. We use the method of reflection on reflection developed by us, as well as comparative and systematic approaches. Based on the conducted research, it can be concluded that the relationship between artificial and natural thinking only increases over time. An important role in this is played by modern means of communication, such as the Internet, which is increasingly filled with various elements of artificial intelligence. Communication carried out through this network, on the one hand, connects people who are geographically distant from each other, on the other hand, on the contrary, aggravates the voluntary social isolation of each of the participants in such communication. The latter is being further technologized, contributing to the further convergence of "natural" thinking with "artificial" thinking. The scope of application of the results of this study goes far beyond the problematic field of human-machine interaction, acting as a carrier of artificial intelligence. The most important area of application of the knowledge gained in

the course of our work is education. It is in this area that it is most fundamental to achieve a reasonable compromise between preserving the natural perception of reality and introducing information systems to the artificial environment, in the context of the increasing and increasingly complex forms of technological orientation of future generations.

Keywords: reflection, technique, self-identification, thinking, artificial, natural, society, techno-orientation.

References

1. Bekhman G. *Sovremennoe obshchestvo kak obshchestvo riska* [Modern society as a risk society] // *Vopr. filosofii* – The question of philosophy. 2007. No. 1. Pp. 26–46.
2. Baudrillard J. *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic exchange and death]. M. Dobrosvet, 2000.
3. Wallerstein I. *Konec znakomogo mira. Sociologiya XXI veka* [The end of a familiar world. Sociology of the XXI century]. M. Logos, 2003. 368 p.
4. Vlasova E. M. *Izmenenie otnosheniya Chelovek – Tekhnika v sovremennom obshchestve: problema novogo gumanizma* [Changing the relationship between Man and technology in modern society: the problem of new humanism] // *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovaniy* – International Journal of Applied and Fundamental Research. 2015. No. 1 (part 1). Pp. 170–173.
5. Gajnev E. R. *Osobnosti tekhnicheskogo myshleniya sovremennogo kvalificirovannogo rabochego* [Features of technical thinking of a modern skilled worker] // *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* – Pedagogical education in Russia. 2014. No. 3. Pp. 10–15.
6. Gamirova R. G., Gorobec E. A. *Osobnosti kognitivnogo razvitiya u detej rannego i doshkol'nogo vozrasta, ispol'zuyushchih gadzhety* [Features of cognitive development in children of early and preschool age using gadgets] / A. V. Skhirtladze, V. F. Prusakov, S. Ya. Volgina // *Rossiyskiy vestnik perinatologii i pediatrii* – Russian herald of perinatology and pediatrics. 2021. No. 66 (5). Pp. 163–167.
7. Gorohov V. G., Deker M. *Social'nye tekhnologii prikladnyh mezhdisciplinarnykh issledovaniy v sfere social'noj ochenki tekhniki* [Social technologies of applied interdisciplinary research in the field of social assessment of technology] // *Epistemologiya i filosofiya nauki* – Epistemology and philosophy of science. 2013. Vol. 35. No. 1. Pp. 135–150.
8. Husserl E. *Idei k chistoj fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii* [Ideas for pure phenomenology and phenomenological philosophy]. M. House of Intellect. books, 1999. 336 p.
9. Kalashnikova E. M. *Lichnost' i obshchestvo (Problema identifikatsii) : monografiya* [Personality and society (The problem of identification) : monograph]. Perm. Publishing house of Perm State University, 1997. 156 p.
10. Kasavina N. A. *Chelovek i tekhnika: ambivalentnost' elektronnoy kul'tury* [Man and technology: ambivalence of electronic culture] // *Epistemologiya i filosofiya nauki* – Epistemology and philosophy of science. 2019. Vol. 55. No. 4. Pp. 129–142.
11. Kurbanova R. R. *Testirovanie v sovremennoj rossiyskoy shkole: dostoinstva i nedostatki* [Testing in a modern Russian school: advantages and disadvantages]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/testirovanie-v-sovremennoj-rossijskoy-shkole-dostoinstva-i-nyadostatki> (date accessed: 11.11.22).
12. Marcuse G. *Odnomernyj chelovek. Issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshchestva* [One-dimensional man. A study of the ideology of a developed industrial society]. M. AST, 2002.
13. Meshcheryakova A. B. *Krizis pereproizvodstva: genesis, posledstviya i marketingovye instrumenty ego preodoleniya* [Overproduction crisis: genesis, consequences and marketing tools to overcome it] // *Fundamental'nye issledovaniya* – Fundamental Research. 2020. No. 12. Pp. 145–150. Available at: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=42924> (date accessed: 12.11.2022).
14. Sizikova T. E., Voloshina T. V. *Obzor issledovaniy refleksii v psihologii. Pedagogicheskaya refleksiya* [Review of reflection studies in psychology. Pedagogical reflection] / A. F. Poveshchenko // *Nauchnoe obozrenie. Pedagogicheskie nauki* – Scientific review. Pedagogical sciences. 2016. No. 2. Pp. 89–102.
15. Toffler O. *Tret'ya volna* [The third wave]. M. AST, 1999. 261 p.
16. Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and time]. Kharkiv. Folio, 2003. 503 p.
17. *Hanojskaya bashnya na pal'cah* – Hanoi Tower on the fingers / Habr. Available at: <https://habr.com/ru/articles/200758/> (date accessed: 24.03.2024); Hanoi Tower algorithm: Python, C++ code. Available at: <https://www.guru99.com/ru/program-for-tower-of-hanoi.html> (date accessed: 24.03.2024).
18. Chashchin E. V. [Philosophical roots of civic education, regulatory framework and reality. New global thinking] // *Society and power*. 2015. No. 1 (51). Pp. 55–60.
19. Chashchin E. V. *Filosofskie korni grazhdanskogo obrazovaniya, normativno-pravovaya baza i real'nost'*. *Novoe global'noe myshlenie* [Technical and technological thinking] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya, sociologiya, kul'turologiya* – Herald of Chelyabinsk State University. Philosophy, sociology, cultural studies. 2012. Is. 28. No. 35 (289). Pp. 51–55.
20. Cheshev V. V. *Inzhenernoe myshlenie v antropologicheskoy kontekste* [Engineering thinking in an anthropological context] // *Filosofiya nauki i tekhniki* – Philosophy of Science and technology. 2016. Vol. 21. No. 1. Pp. 104–117.
21. Shishkin A. E. *Somnenie kak metod samoidentifikatsii* [Doubt as a method of self-identification] // *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossiyskoy akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-bio-*

logicheskie nauki – Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social, humanitarian, medical and biological sciences. 2018. Vol. 20. No. 5. Pp. 94–101.

22. Ashby U. R. *Chto takoe razumnaya mashina* [What is a reasonable machine] // *Kibernetika ozhidannaya i kibernetika neozhidannaya* – Cybernetics expected and cybernetics unexpected / ed. by A. I. Berg and E. Kolman. M. Nauka (Science), 1968. Pp. 33–46.

Поступила в редакцию: 23.11.2023

Принята к публикации: 12.08.2024

УДК 111

DOI: 10.25730/VSU.7606.24.020

Феноменология священного и мирского в свете проблемы самости (опыт прочтения «Чхандогья-Упанишады» VIII, 7–15)

Смирнов Николай Алексеевич

кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии Института
социально-философских наук, Казанский федеральный университет. Россия, г. Казань.
ORCID: 0000-0002-9757-8006. E-mail: nikolay.smirnov.1992@mail.ru

Аннотация. Проблема соотношения сакрального и мирского связана с проблемой понимания человеком самого себя. Что в нас самое главное (священное), а что, напротив, второстепенное, незначительное (мирское)? Автор статьи, вслед за представителями классической феноменологии религии Р. Отто и М. Элиаде, предполагает, что священное – это то, с чем человек отождествляет себя, узнавая свою сокровенную сущность. Материалом к размышлению служат философские фрагменты одной из главных Упанишад – «Чхандогья-Упанишады». Этот текст являет собой пример философии, в которой тесно переплетены проблема священного и проблема самопознания. Ключевой образ текста – образ Атмана, внутреннего я. Проблема Атмана – это не познавательная или мировоззренческая проблема, но проблема функционирования и осмысления опыта встречи со священным. Мирская точка зрения утверждает себя через отрицание, обособляясь, противопоставляя себя, отделяя от всего того, что не считает собой. Напротив, сущность священного в том, чтобы утверждать, а не отрицать, создавать единство. Основанием этого единства становится истолкование Атмана, всегда тождественного себе и во всех интерпретациях остающегося тем же самым. Необходимо отметить также, что автор обращается к «Чхандогья-Упанишаде» только в качестве материала для собственных размышлений. Основой методологии работы является феноменология священного, представленная в трудах классиков феноменологии XX века, а также феноменологическая герменевтика как особый способ чтения священного текста. Результаты, полученные в работе, применимы в первую очередь, в сфере феноменологии религиозного опыта, а также в онтологии самости и в тех областях философии, где обсуждается соотношение священного и мирского. Предположения и мысли, высказываемые в статье, относятся к общей феноменологии священного и самости, но не претендуют на объективную культурологическую и индологическую значимость.

Ключевые слова: феноменология религии, Священное, мирское, нуминозное, Атман, самость.

Введение. Одной из ключевых тем философии в XX в. стала тема онтологии священного и мирского. В работах классиков феноменологии религии – Рудольфа Отто и Мирча Элиаде – вводится понимание священного как особого опыта, действующего в человеке, независимо от его конфессиональной принадлежности и мировоззрения. Мирча Элиаде описывает опыт встречи со священным как подлинный, настоящий, такой, в котором человек встречается с самой реальностью. Опыт непосредственный и неподдельный, и в то же время всегда таинственный, непроницаемый со стороны. В священном исполняется полнота и совершенство бытия. Встречу со священным Элиаде называет иерофанией (hierophanie) – явлением в здешнем чего-то иного, существующего по своим собственным, неведомым нам законам, приближением далекого, откровением таинственного. Оно узнается как священное именно потому, что радикально отлично от всего, что человек уже знает из повседневности, из привычного, из мира.

«Человек узнает о священном потому, что оно проявляется, обнаруживается как нечто совершенно отличное от мирского» [21, с. 17].

Опыт священного парадоксален – он превышает привычные границы восприятия и понимания. В то же время это опыт предельно значимый, спасительный. Опыт, в котором человек восстанавливает исходную полноту своего существования. Опыт, в котором мы возвращаемся к подлинным основаниям жизни и познания. В этом состоит особая актуальность феноменологии священного. Философия вообще и в частности феноменология выходит здесь за рамки просто познавательной и теоретической стратегии и приобретает размах сотериологический, становится попыткой вернуть человеку настоящее. Так понимается феноменология уже в поздней работе Эдмунда Гуссерля – «Кризис европейских наук и трансцендентальная

феноменология» [4], не говоря уже о тех авторах, для которых религиозный опыт является квинтэссенцией опыта вообще, высшей формой опыта, ярким примером чего являются труды современника Гуссерля и классика феноменологии Макса Шелера – «Ordo Amoris» и «Формализм в этике и материальная этика ценностей» [19]. В переживании встречи со священным («нуминозным» в терминологии Рудольфа Отто) соединяются притягательность, очаровывающий, захватывающий момент и устрашающий, поражающий перед абсолютной неприступностью божественного. Независимо от того, какой облик принимает божественное, встреча с ним – момент предельного напряжения, интенсивности бытия, высшая точка жизни. Божественное проявляется как абсолютно иное («ganz andere»), не подобное ничему из того, что есть в мире, абсолютно отличное от всего природного и человеческого. Оно захватывает человека целиком и полностью, являясь высшим призывом, невыполнимым требованием, разрушающим его привычный мир [5, с. 23–27]. И в то же время Р. Отто называет священное априорной категорией сознания [5, с. 178]. В отличие от кантовского гносеологического априори религиозное априори не гносеологическая, а онтологическая структура – это то, что лежит в основании не только познания, но всего существования человека, в основании самой жизни и бытия. Для описания священного как онтологического основания Р. Отто обращается к опыту немецкой мистики, используя понятие Seelengründe – «основа души» [24, s. 104–116]. Священное не существует независимо от человека, оно «вырывается из «основы души», из ее глубочайших оснований» [9, с. 178]. Поэтому, несмотря на онтологическую, надындивидуальную природу священного, оно имманентно человеку, и может быть понято только изнутри самого переживания. В каком-то смысле священное в такой трактовке тождественно самому человеку, его внутренней, сокровенной сущности. Бесконечное качественное различие, отличающее «абсолютно иное» священное от всего мирского, – это граница, которая сама по себе не мирская, она не пролегает где-то в мире, это не граница между уровнями эмпирической реальности. Где же тогда эта граница, отделяющая ganz andere от всего здешнего? Это граница, проходящая через человеческую душу, радикально отличающая человека от себя самого, от своего собственного основания. Настолько своего, настолько собственного и неотделимого, неотчуждаемого от себя, что невидимого для самого себя. По крайней мере, не видимого так, как видимы и даны в мире все мирские вещи и явления. Мир и все мирское – иные для человека, предстоят человеческому взгляду как внешние предметы (gegen-stand), но сам человек для себя самого, – в глубинном основании своего существования, – абсолютно иной. Божественное – это сам человек, но сам в онтологическом, абсолютном смысле, и потому Божественное как бы перешагивает привычное (мирское) противопоставление своего и иного – оно не иное, а абсолютно иное. Николай Кузанский, по меткому замечанию В. В. Бибихина [2, с. 25; 3], называл такую абсолютную инаковость «неиное», имея в виду, что это нечто, что за пределами различия своего и иного [6, с. 183–249]. Божественное в таком понимании парадоксально соединяет в себе абсолютную инаковость и абсолютную свойственность, присущность, собственность. Иначе говоря, отсылает к самости – встреча со священным это встреча человека с самим собой. С настоящим, подлинным собой. В отечественной философской традиции такая трактовка священного как онтологической, божественной самости была ясно сформулирована в главных работах С. Л. Франка [14; 17; 18]. Он описывает опыт священного как встречу с «Непостижимым», обращаясь также к онтологии немецких мистиков – Майстера Экхарта и Николая Кузанского. Онтология самости в истолковании религиозно-мистического опыта разрабатывалась А. Ф. Лосевым в трактате «Самое само» [7], в котором самость описывается в свете апофатической диалектики как парадоксальное столкновение противоположностей, сочетание несочетаемого. Другой русский философ, П. А. Флоренский [16], в одной из главных своих работ, «Столп и утверждение истины», говорит об истине, понимаемой онтологически, как об антиномии, о которую разбивается разум человека, но которая узнается им как родное. В современной русской философии тема священного разворачивается в работах М. А. Пылаева [10], С. А. Коначевой [5]. В зарубежной феноменологии религии, кроме М. Элиаде и Р. Отто, стоит отметить работы Г. ван дер Леу [22], К. Хеммерле [23], В. Гантке [26].

В основной части нашей статьи мы попытаемся проанализировать фрагмент из древнеиндийского религиозно-философского трактата «Чхандогья-Упанишада», ориентируясь на представленную в феноменологии религии трактовку различия мирского и священного, и увидеть как в этом, одном из первых в истории человечества философском тексте, священное и мирское предстают двумя различными (радикально иными) формами понимания самости.

Обсуждение. Один из самых интересных моментов в развитии классической индийской философской мысли – возникновение вульгарно-нигилистической философии школы локаята. Даже не обращаясь к источниковедческим проблемам, связанным с локаятой, просто вдумываясь в ее положения, становится понятно, что речь идет не о самостоятельной философии, а о жажде разоблачения, отрицания, пошлости, естественно свойственной уму человека, преодолением которой и является философия брахманизма. Для чего же тогда (возможно, сами брахманы) сформулировали локаяту как особую точку зрения? Нам представляется, что в осмыслении мыслителями брахманизма (голос которых звучит, в первую очередь, в Упанишадах) феномена этой нигилистической точки зрения проявляются общие принципы взаимоотношения мирского и священного как двух форм интерпретации самости.

Локаята – мирская точка зрения, противостоящая арийским истинам небесного происхождения [11, с. 126]. Принадлежность миру, отличающая мышление локаятика, это сущностная ограниченность, дающая опору (есть на чем стоять – в мире), но лишаящая божественной широты и размаха. Локаятик – тот, для кого жизнь – это мир, тот, кто привязан к миру, размышляет из мира. И напротив, арий, не имеющий места в мире, не умещающийся в мир, не находящийся в мире. Арии живут как бы не приземляясь – поэтому так бесплодны все попытки локализовать их в пространстве, как мы привыкли делать со всеми остальными культурами [1; 21]. Сакральное в мире брахманизма и раннего индуизма – то, что не имеет места, не установлено, не локализовано в пространстве, не может осесть – в запись, на землю, вот сюда. Поэтому с точки зрения локаяты различие между локаятой и брахманизмом есть (локаята сама себя от этого отделяет, разоблачая ритуальный символизм брахман и упанишад), а вот с точки зрения философии брахманизма этого различия нет и не должно быть. Мирское осуществляет себя через обособление, отделенность, через отрицание. В то же время священное осуществляется через отождествление, единение, включает все в себя, стремится к сакрализации сразу всего существующего. В. Н. Топоров, описывая ключевые характеристики ритуала (опираясь, можно предположить, в том числе на истолкование брахманистского ритуала), говорил о его особой «безбытности», «всесакральности».

«Существенно, реально лишь то, что сакрально отмечено, сакрализовано, а сакрализовано то, что порождено в акте творения, входит в состав Космоса как его часть, выводимо из него, причастно ему. Вместе с тем в принципе все может быть возведено к первоначальной сфере сакрального, включая и то, что в ходе «оплотнения» и дегенерации отпало от него. Эта «все-сакральность» и, так сказать, «безбытность» (как следствие «все-сакральности») составляют одну из наиболее характерных черт мифопоэтической модели мира и имеют непосредственное отношение к ритуалу, который, в частности, восстанавливает утраченную или утрачиваемую сакральность» [13; 14].

Существенной чертой священного (создаваемого ритуалом) является его стремление к отождествлению со всем. Священное как бы не может оставаться в определенных границах, центробежно стремясь к восстановлению исходной целостности существования, к тому, чтобы ничто не осталось не-священно, не включено в ритуальный космос. Об этом (уже говоря конкретно о брахманистском ритуале) писал французский санскритолог Шарль Маламуд в своем эссе «Испечь мир»:

«...в любом случае различие между ритуальной и мирской (*laukika*) деятельностью совершенно реально, поскольку, чтобы войти в жертвоприношение и из него выйти, требуются специальные ритуалы перехода, но оно не таково, чтобы воспрепятствовать тенденции относить все жизненные действия к жертвоприношению: подобно творению, действия, способствующие его продолжению: любовь, война, производительный труд, охота, распределение сфер хозяйственной деятельности, – моделируются по образцу жертвоприношений и оцениваются в качестве жертвоприношений. Сделать из всей своей жизни жертвоприношение, установить между собой и другим отношения столь же регламентированные и в то же время столь же нагруженные символами, как и отношения, которые устанавливаются в жертвоприношении, – вот идеал, который брахманистская Индия формулировала множеством способов» [8, с. 92].

«Все-сакральность» ритуального мировосприятия означает то, что сакральная мысль не может отрицать мирскую точку зрения, но должна включить ее в себя, сакрализовать «распространенное в мире», оторвав его от земли. Главным становится не конкретный символ и его истолкование, а символичность вообще, как особая сила, действующая и творящая. Само истолкование будет, в данном случае, ритуальным актом (так же, как в гимнах Ригведы само слово является творящей силой). Поэтому и локаята, это в первую очередь, не спор с каким-то

отдельным мировоззренческим положением, а образ мысли. И в нем важнее отрицания отдельного символа отрицание символичности как таковой. Разоблачая, отрицая символизм, вульгарное истолкование жизни фактически означает отказ от истолкования, критику истолкования как такового, деонтологизацию истолкования. Локаята противопоставляет себя брахманистскому ритуалу и ритуальной мысли, но брахманы не могут противопоставить себя локаяте, потому что противопоставление – это стиль локаяты (отрицание символа – переклички явлений, их таинственности, метафоричности, неоднозначности), а стиль брахманов – отождествление (абсолютная символичность – все таинственно, метафорично, неоднозначно и перекликается друг с другом), причастность (ко всему, что есть, и к локаяте в том числе).

Яркий образ такого причастия дает «Чхандогья-Упанишада» в восьмой книге, в 7–15 главах (VIII, 7–15). Стремление ритуала к все-сакральности здесь воплощается в описании происхождения локаяты. Мирская точка зрения возникает здесь вместе с подлинной в акте ученичества – упанишады. Индра и Вирочана «приближаются как ученики» к Праджапати, который наставляет их. В этом наставлении и рождается локаята. Прежде чем перейти к содержанию наставления, отметим, что само наставление – ритуальное действие. Праджапати – ведийский «отец богов» и одновременно он же – главный жрец, творящий мир.

В интересующем нас фрагменте VIII, 7–15 Праджапати рождает, творит точки зрения (взгляды) богов и асуров. Само это наставление – акт творения, рождения, и то, что рождается в нем – священо. Центральной точкой этого ритуального наставления/творения является знание об Атмане. Знание, в данном случае, есть то жертвенное подношение и тот дар, которые даются и обретаются в упанишаде.

«И то, что называется жертвоприношением, – это и есть ученичество, ибо лишь ученичеством находит этот [мир Брахмана] знающий. И то, что называется принесенным в жертву, – это и есть ученичество, ибо, лишь совершив жертвоприношение ученичеством, он находит Атмана» [15, с. 369].

Мы полагаем, что во фрагменте VIII, 7–15 описывается не просто происхождение мирской точки зрения, но ее ритуальное единство с подлинным знанием, их со-принадлежность одному единому ритуальному телу (Праджапати). И вообще единство всех возможных точек зрения и истолкований, обращенных к бессмертному началу в нас.

«Атман, который лишен зла, свободен от старости, от смерти, от печали, от голода, от жажды, чье желание – истина, чья воля – истина, – того [Атмана] надо искать, надо стремиться познать. Тот достигает и всех миров, и [исполнения] всех желаний, кто находит и познает этого Атмана» [15, с. 371].

Искание Атмана – не размышление о началах мироздания, а стремление к исполнению всех желаний и достижению всех миров. Цель ритуала всегда – обретение чего-либо. Только в случае ритуального наставления упанишад это что-то – целое, сама жизнь, ее бессмертный абсолютный источник [20, с. 223–226]. Это полнота – «достижение всех миров» – и уже поэтому можно предположить, что из нее не может быть что-либо исключено, все возможные позиции должны находиться внутри ритуального размышления об Атмане (о самости, о себе).

Итак, боги и асуры в лице Индры и Вирочаны приходят («приближаются как ученики», «с топливом в руках», то есть с топливом для жертвенного костра) к Праджапати с вопросом об этом бесконечном Атмане. И первое истолкование, которое он им дает (после 32 лет ученичества) – понимание Атмана (себя) как индивидуального эмпирического «я», границы которого очерчены границами его отдельного тела. Тот, кто смотрит на тебя в отражении на поверхности воды, – тот и есть Атман. Мы полагаем, что в данном случае речь не идет о ложном истолковании, ошибке или иллюзии.

«Тот пуруша, который виден в глазу – это Атман».

«А тот, который виден в воде или в зеркале?» [15, с. 371].

Что должен ответить Праджапати? По логике мирской, ограниченной и утверждающей себя через ограничение и отделение, он должен был сказать «нет», чтобы отделить истинную точку зрения от не-истинной. Он должен объяснить (ведь это наставление, а он учитель), что тот, кого мы видим в воде и зеркале – не Атман. Но его логика другая, логика священного (логика неиноного), которая не говорит «нет», но говорит только «да».

Праджапати не может сказать, что в отражении мы видим не Атман, а просто отдельное «я», потому что он знает, что Атман – это отдельное всему, а не чему-то конкретному. Невозможно рассуждать об Атмане как о том, что чему-то одному присуще, а чему-то другому (или всему остальному) – нет. Атман – это необъективируемая внутренняя реальность. Его главное

(и может быть единственное) свойство состоит в том, что он не может быть представлен как что-то, как некое определенное содержание или предмет. Атман – не то, на что можно указать как на что-то, выделив это из всей реальности, иначе мы «объективируем» его, то есть разместим в мире. Поэтому истинная отделенность от всего (все, что творится в ритуале – истинно) означает одновременно и тождественность всему (но не чему-то в отдельности). И Праджapati не отрицает мирскую точку зрения, а приобщает ее (через тождественность Атману) к священному. Ответ Праджapati на вопрос Вирочаны и Индры является формулой этой тождественности:

«Он и виден во всем этом» [15, с. 371].

И это не ложь, а абсолютная правда (в каком-то смысле, с точки зрения относительной истины абсолютная выглядит как ложь). Это (тот, кто в отражении) и есть Атман, и видеть себя в зеркале – значит узнавать именно себя, а не видеть искажение или ложь. Оно и есть – то самое (точнее, тот самый), потому что иного (не того самого) нет и не может быть. Или оно и есть – иное, абсолютно иное, потому что все есть Атман (все есть абсолютно иное всему).

Далее Праджapati указывает Вирочане и Индре на их отражение в сосуде с водой и спрашивает, видят ли они что-то, кроме «себя». Они отвечают, что ничего кроме «себя» не видят, и Праджapati снова подтверждает, что это и есть Атман.

И вновь это не обман и не уловка, это и есть Атман. Тот, кто смотрит на тебя в отражении – полностью, неделимо. Атман не делится, он всюду присутствует во всей полноте как тот, кто и есть во всем.

Вирочана с «успокоенным сердцем» уходит и, придя к асурам, формулирует точку зрения, которая станет основанием локаюты:

«Лишь тело следует здесь почитать, о теле следует заботиться. Почитающий здесь тело, заботящийся о теле достигает обоих миров – и этого и того» [15, с. 372].

И вот здесь уже мысль Вирочаны становится мирской точкой зрения (за пределами ритуального общения с Праджapati). В чем ее отличие от наставления Праджapati, в котором он благословляет видение Атмана в отражении зеркала или воды? Получив от Праджapati знание Атмана Вирочана обмирщает, приземляет его – явившееся во взгляде отражение наделяет свойствами внешнего, в мире располагающегося объекта (тела). Непосредственное знание/видение локализуется как предмет в пространстве и времени. Внутри священного наставления Праджapati мгновенное узнавание себя, событие тождества с собой не обособляется в представление о себе как о теле. То, что «тот, кого ты видишь в зеркале и есть Атман», не означает, что «только тот, кого ты видишь в зеркале и есть Атман». А Вирочана, возвращаясь к асурам, фактически утверждает именно это, полностью помещая Атман в тело (ограничивая Атман телом). В этом и состоит обособленность мирской точки зрения – в утверждении о том, что *лишь* тело следует почитать. Праджapati же говорит, что тело следует почитать как Атман, потому что это он и есть, но не ограничивает Атман телом, не помещает Атман в тело. Атман присутствует во всем и является как суть всего, не локализуясь ни в чем отдельно – он срастается со всем сущим неким иным, непространственным способом отождествления (собственно, отождествление и есть непространственная форма единства, в отличие от размещения или расположения – стать чем-то, а не поместиться в этом). Только здесь («в мире») есть разница между здесь и там, а там (в опыте священного) этого различия нет.

Вслед уходящим (выходящим из ритуала) Вирочане и Индре (когда они ограничились этой трактовкой Атмана) Праджapati говорит:

«Они ушли, не постигнув и не найдя Атмана. Те, которые будут следовать этому учению, боги то или асуры, погибнут» [15, с. 372].

Индра же возвращается к Праджapati и говорит, что тело не может быть Атманом, поскольку оно смертно, невечно и т. д. И ответ Праджapati снова не отрицает это истолкование, но уточняет, что оно (но именно оно) может быть углублено.

«Таков и есть этот [Атман]... но я объясню тебе его дальше» [15, с. 373].

Этот Атман таков и есть, это и есть он, и дальше будет истолкован именно он. То есть не другой Атман (Атман один, и это он и есть), и не другая точка зрения (множество точек зрения об Атмане есть только в мире), а именно тот же Атман, и то же истолкование, которое просто пойдет дальше. И еще дважды Индра вместе с Праджapati погружается в *это истолкование* Атмана. И каждый раз в ответ на недоумение Индры («этот Атман словно страдает», «он подвергается уничтожению») Праджapati говорит, что это именно тот же самый Атман, последний раз даже усиливая это тождество:

«Таков и есть этот [Атман]... но я объясню тебе его дальше, и не иначе, как его» [15, с. 374]. Именно его, того, все того же. Надо полагать, что каждое из этих погружений в священное имеет в виду все тот же, один и тот же всегда Атман.

Один раз наставление утверждает, что Атман – это сознание спящего, другой раз, что Атман – это сон без сновидений.

Вернувшемуся Индре во фрагменте VIII, 10 Праджапати дает истолкование Атмана как индивидуального сознания, испытывающего и переживающего все независимо от объективных явлений, вызывающих этот опыт. Сознание без сознаваемого мира (или без тела, которому ушел служить вместе с асурами Вирочана), но все то же эмпирическое сознание. Вновь, сначала успокоившись, Индра возвращается к Праджапати, не удовлетворенный (не насытившийся) этим ритуальным подношением. Оно не дает того, что он ищет, поскольку не преодолевает обособленность индивидуального. Оно так же отдельно, как и истолкование Атмана как эмпирического тела. Внутреннее, обособленное от внешнего, выделенное в особую реальность.

И снова Праджапати не исключает это истолкование, а подтверждает, что это знание Атмана – «таков и есть этот Атман». Но, как можно понять уже на этом этапе размышления, основным свойством этого Атмана является то, что истолкование его не может быть закрыто, но напротив всегда расширено и углублено, всегда может идти в неизведанность – «но я объясню тебе его дальше». Уже здесь можно заподозрить, что Атман не есть нечто отдельное потому, что он представляет собой открытую возможность дальнейшего истолкования – тот, кто всегда может быть объяснен дальше. Это выход на простор, выдвигание в свободу не-обособленности и не-определенности.

Третье истолкование, которое Праджапати передает вновь вернувшемуся Индре, говорит об Атмане как о состоянии, владеющем человеком, когда он спит глубоким сном, не видя сновидений. Здесь, в текстах VIII, 11 и VIII, 12 лежит, как нам представляется, путь к пониманию того, о чем (точнее, о ком) говорит Праджапати как об Атмане, том же самом во всем, присутствующем во всем, но открывающим, каждый раз, возможность дальнейшего истолкования. Почему и это истолкование оказывается неудовлетворительным для Индры, и он возвращается и остается, чтобы получить наставление, но уже не на тридцать два года (как было предписано ему Праджапати, после истолкования Атмана как индивидуального тела и индивидуального сознания), а на пять лет?

«Когда [человек] погрузился в сон, всецело успокоившись и не видя сновидений, то это Атман...»

«Почтенный! Поистине, теперь этот [Атман] не знает о себе: "Я – таков", не [знает он] и об этих [других] существах. По-видимому, он подвергается уничтожению. Я не вижу в этом добра» [15, с. 374].

И этот Атман есть тот же самый Атман, и его можно объяснить дальше. Казалось бы, куда еще дальше? Состояние сна без сновидений кажется феноменологически предельным, не знающим различий, противопоставлений, двойственности, привычных для эмпирического сознания. Здесь необходимо вернуться к исходной точке наших размышлений, к пониманию образа Праджапати как жреца, осуществляющего этими истолкованиями священнодействие. Он творец, он создает, рождает, допускает, и говорит «да». А это значит, что истолкование Атмана как отсутствия (сон без сновидений) не может быть последним. Именно потому, что оно в самом настоящем смысле было бы последнее, а последнего истолкования вообще не может быть. «Нет» слишком однозначно, чтобы быть реальностью, хотя оно, конечно, будет последним истолкованием, на что и претендует, поскольку установит границу, закроет выход на простор, таящийся в глубине Атмана. Мир, творимый Праджапати, уходит корнями в эту глубину. Если бы Индра окончательно ушел, удовлетворившись истолкованием Атмана как «сна без сновидений», то он отвернулся бы от этой глубины, убедив себя в том, что нащупал дно. Это мнимое дно и есть смерть, и поэтому Вирочана и асуры, покинувшие бесконечное пространство ритуального истолкования, «не постигнув и не найдя Атмана... погибли». Источник бессмертия, которое творится ритуалом, рождается в нем, и которого ищут Индра и Вирочана в ритуальном наставлении Праджапати, – в бездонной глубине Атмана, и знание Атмана, подношением которого является речь Праджапати, – это знание неисследимости этой глубины. Знание – рождение, знание – творение.

Не остановившись на истолковании Атмана как сна без сновидений, погружаясь дальше в бездонную глубину Атмана, Индра принимает еще одно наставление Праджапати – не последнее, но уходящее в бесконечность. Это фрагмент VIII, 12.

«Поистине, смертно это тело [и] охвачено смертью. Оно – местопребывание этого бес- смертного, бестелесного Атмана. Поистине, наделенный телом охвачен приятным и неприят- ным – ведь у того, кто наделен телом, нет избавления от приятного и неприятного. Бестелес- ного же, поистине, не касается ни приятное, ни неприятное... Бестелесен ветер; облако, мол- ния, гром бестелесны. И когда они поднимаются из пространства, то, достигнув высшего света, принимают каждый свой образ.

И так же это совершенное успокоение поднимается из этого тела и, достигнув высшего света, принимает свой образ» [15, с. 375].

Подобно ветру Атман присутствует в мире, пронизывает собою тело, как ветер прони- зывает мир, но не ограничивается им. Не может быть ограничен ветер, невозможно схватить и удержать бегущее по небу облако, нельзя застать вспышку молнии в ее начале. Но напротив, это ветер всегда подхватывает нас, облака приходят из необозримой дали, молния застает врасплох. Атман проникает в нас, когда мы приходим в жизнь, и покидает, когда уходим, но *сам* он – не приходит и не уходит, но присутствует везде и во всем, не будучи ни к чему привяз- зан окончательно. Условно мы говорим, что он освобождается от тела, когда человек умирает, но, в сущности – он всегда и был свободен, никогда не будучи к нему привязанным. Все-таки нельзя сказать, что ветер привязан к парусам, которые он раздувает. Это паруса наполняются ветром, пока он их наполняет, и корабль плывет, пока ветер сопутствует ему, но *сам* ветер просто движется во всем и все приводит в движение. Вот это *сам*, неиссякающая сила самости, и есть то в нас, что упанишады называют Атманом. Именно он и есть тот, кого я называю со- бой, и имею в виду, говоря о себе, думая о себе, предполагая себя.

«И кто знает: "Да буду я обонять это", тот – Атман; нос [служит ему] для обоняния. И кто знает: "Да скажу я это", тот – Атман; речь [служит ему] для разговора. И кто знает: "Да услышу я это", тот – Атман; ухо [служит ему] для слуха.

И кто знает: "Да подумаю я это", тот – Атман; разум – его божественный глаз. Поистине, видя этим божественным глазом – разумом – эти желанные [предметы], он наслаждается» [15, с. 375].

Атман – свидетель всего, «божественный глаз». Он не просто воспринимает все проис- ходящее, но знает это как свое, как происходящее с ним, свидетельствует об этом самим со- бой. Двойственность знания и познаваемого явления растворяется в знании об Атмане – это знание есть знание им самого себя как воспринимающего, как того, с кем происходит все про- исходящее [15, с. 45]. Знание об Атмане, которого искали в ритуальном наставлении Праджа- пати Индра и Вирочана, тождественно знанию Атманом самого себя как «того, кто».

«Поистине, боги, которые [пребывают] в мире Брахмана, почитают этого Атмана. По- этому они владеют и всеми мирами, и всем желанным. Тот достигает и всех миров, и всего же- ланного, кто, найдя этого Атмана, познает его» [15, с. 375].

«Найти Атмана» и «познать его», в данном случае – одно и то же. Свидетельствование им самого себя в узнавании себя. Об этом абсолютном тождестве и говорил Праджапати на протяжении всего своего размышления – это и есть тот, кто смотрит на тебя в отражении, и тот, кто «движется во сне», и тот, кто спит, не видя снов. Атман «Чхандогья-Упанишады» – не просто мистический опыт, но основание, исток, опора священного единства всего существу- ющего. Это то, с чего все начинается и к чему все сводится в конечном счете. Тот, кто стоит за всем. И потому узнавание его будет отождествлением всего со всем. Каждое явление, каждое лицо, событие, будет не чем иным, как им, именно им, тем самым. И тогда не будет ничего, что было бы вовне, что было бы другим, чуждым по отношению к чему-то другому, противостоя- щим чему-то, противопоставляющим себя чему-то. Обособление как всеобщий закон мира (мирского существования) не отрицается, но усваивается, поглощается священной не-отдель- ностью всего от всего и каждого от каждого.

Заключение. В начале наших размышлений мы предположили, что спор локайты и брахманизма – это не спор двух истолкований, а спор об истолковании. Локайтики не предла- гают свое истолкование, а отрицают необходимость истолкования вообще, отрицают симво- личность жизни. В ритуальном наставлении Праджапати эта позиция локайты становится одним из истолкований Атмана и вводится, таким образом, в круг священного. Она не проти- востоят какому-то другому истолкованию, но является одним из случаев истолкования как такового. Нет множества истолкований, но есть одно, то же самое, истолкование вообще, главное содержание которого – не какая-то отдельная трактовка, а сама символичность суще- ствования.

Атман – тот, кто принимает все, во всем растворяется и со всем отождествляется. Тот, кем станешь ты (уже стал) в акте принятия, растворения, отождествления. То есть в ритуальном акте. Нам представляется, что в наставлении Праджapati не просто размышление подходит к логическому выводу, но завершается, совершается до полноты ритуальное действие. Оно начинается (VIII, 7) с описания Атмана как предела желаемого. Знание Атмана – не внешняя осведомленность, а то, что исполняет (наполняет, переполняет, доходит до полноты) все желания и становится достижением всех миров. Это достижение искомой (желанной) полноты существования, ради которой Индра и Вирочана обращаются к Праджapati.

Начало ритуала – не познавательный интерес, а жажда жизни. Парадоксальность, которая раскрывается в образе Атмана, – это неуловимость, неудержимость объекта предельного желания и связанная с этим непривычность события достижения. Когда мы желаем нечто мирское, локализованное в мире, мы видим предмет желания как нечто внешнее, и затем делаем какие-то усилия для того, чтобы присвоить его себе. Предмет желания расположен в пространстве, и мы достигаем его, преодолевая расстояние. При этом событие достижения есть точка на временной ленте, к которой мы движемся, идем, преодолевая временной промежуток, из точки, в которой не имеем, но только желаем. Желание и обладание в мире определяются дистанцией. Пространство между этими двумя различными (даже скорее – противоположными, противостоящими друг другу) позициями и есть пространство мирской жизни. В опыте встречи со священным желаемым (Атман) не есть некий внешний предмет, который можно присвоить, преодолев расстояние, а достижение Атмана – не внешняя цель, которую нужно достичь, преодолев временной промежуток. Чтобы достичь этой реальности, нужно перестать полагать ее вовне (как делает локаята), понимая желание через противопоставление желаемому, стремление через противопоставление лишенности. Атман есть единство желаемого и самой жажды.

Ритуальное наставление Праджapati начинается с Атмана как желаемого, а заканчивается Атманом как достигнутым:

«Поистине, боги, которые [пребывают] в мире Брахмана, почитают этого Атмана. Поэтому они владеют и всеми мирами, и всем желанным. Тот достигает и всех миров, и всего желанного, кто, найдя этого Атмана, познает его» [15, с. 375].

Расстояние между началом размышления и выводом – это расстояние, на котором разворачивается мирская мысль, точка зрения. Наставление Праджapati возвращается туда же, откуда начинается, – в самом желании, в самом стремлении уже заключается достигнутое, искомое, обретаемое. Атман нельзя найти среди видимых вещей, поскольку он уже найден – это сам смотрящий (ищущий, желающий обладать) взгляд. На протяжении всего наставления Праджapati возвращается к точке самотождества Атмана потому, что эта протяженность, в данном случае, и есть точка. Потому что изнутри точки протяженность и точка – не разное. Основание единства ритуала и ритуального единства мира – в знании Атмана, того же самого во всем. Знании, неотделимом от самого Атмана.

Список литературы

1. Биbihин В. В. Грамматика поэзии. Новое русское слово. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. 592 с.
2. Биbihин В. В. Мир. Язык философии. СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2020. 448 с.
3. Биbihин В. В. Собственность. Философия своего. СПб. : Наука, 2012. 536 с.
4. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология: Введение в феноменологическую философию / пер. с нем. Д. В. Скляднева. СПб. : Владимир Даль : Фонд "Университет", 2004. 398 с.
5. Коначева С. А. Бытие. Священное. Бог: Хайдеггер и философская теология XX века. Изд. 2-е, доп. и перераб. М. : РГГУ, 2021. 417 с.
6. Кузанский Н. Сочинения : в 2-х т. Т. 2 : перевод / общ. ред. В. В. Соколова и З. А. Тажуризиной. М. : Мысль, 1980. 471 с.
7. Лосев А. Ф. Миф – число – сущность / сост. А. А. Тахо-Годи; общ. ред. А. А. Тахо-Годи, И. И. Маханькова. М. : Мысль, 1994. 919 с.
8. Маламуд Ш. Испечь мир: ритуал и мысль в древней Индии / пер. с фр. и вступ. ст. В. Г. Лысенко. М. : Вост. лит., 2005. 350 с.
9. Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / пер. с нем. А. М. Руткевича. СПб., 2008. 272 с.
10. Пылаев М. А. Категория «священное» в феноменологии религии, теологии и философии XX века. М. : РГГУ, 2017. 216 с.

11. Радхакришнан С. Индийская философия. Т. 1 / пер. с англ. М. : Миф, 1993. 328 с.
12. Семенцов В. С. Бхагавадгита / пер. с санскрита, исслед. и примеч. В. С. Семенцова. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Восточная литература РАН, 1999. 256 с.
13. Семенцов В. С. Проблемы интерпретации брахманической прозы: Ритуальный символизм. М. : Наука, 1981. 181 с.
14. Топоров В. Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках : сб. статей; сост. Л. Ш. Рожанский, отв. ред. Е. С. Новик. М. : Наука, 1988. С. 7-61.
15. Упанишады / пер. с санскрита, исслед., коммент. и прил. А. Я. Сыркина. Изд. 4-е, испр. и доп. М. : Наука, 2019. 796 с.
16. Флоренский П. А. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи / М. : АСТ, 2003. 633 с.
17. Франк С. Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию. М. : АСТ, 2007. 512 с.
18. Франк С. Л. Реальность и человек. М. : Республика, 1997. 479 с.
19. Шелер М. Избранные произведения: пер. с нем. / сост., науч. ред., предисл. А. В. Денежкина; послесл. Л. А. Чухиной. М. : Гнозис, 1994. 413 с.
20. Элиаде М. История веры и религиозных идей. Т. 1. От каменного века до элевсинских мистерий. М. : Критерий, 2001. 464 с.
21. Элиаде М. Священное и мирское / пер. с фр., предисл. и коммент. Н. К. Гарбовского. М. : Изд-во МГУ, 1994. 144 с.
22. Leeuw G. van der. Einführung in die Phänomenologie der Religion. Darmstadt, 1961.
23. Hemmerle K. Das Heilige und das Denken // Ausgewählte Schriften. Bd. 1. Freiburg, 1996.
24. Otto R. West-Ostliche Mystik: Vergleich und Unterscheidung zur Wesensdeutung. Leopold Klotz Verlag, 1926.
25. Radhakrishnan S. The Philosophy of the Upanisads. London : George Allen & Unwin Ltd. Ruskin House, 40 Museum Street, 1924.
26. Gantke W. Der umstrittene Begriff des Heiligen. Marburg, 1998.
27. Gonda J. Eye and Gaze in the Veda. Amsterdam – London : North Holland Publishing Company, 1969.
28. Gonda J. The Vision of the Vedic Poets. The Hague, 1963.

Phenomenology of the Sacred and the Mundane in the light of the problem of the Self (experience of reading the Chandogya Upanishad VIII, 7-15)

Smirnov Nikolay Alekseevich

PhD in Philosophical Sciences, associate professor of the Department of Social Philosophy
of the Institute of Social and Philosophical Sciences, Kazan Federal University.
Russia, Kazan. ORCID: 0000-0002-9757-8006. E-mail: nikolay.smirnov.1992@mail.ru

Abstract. The problem of the ratio of the sacred and the mundane is connected with the problem of understanding oneself. What is the most important thing in us (sacred), and what, on the contrary, is secondary, insignificant (mundane)? The author of the article, following the representatives of the classical phenomenology of religion R. Otto and M. Eliade, suggests that the sacred is something with which a person identifies himself, recognizing his innermost essence. The philosophical fragments of one of the main Upanishads, the Chandogya Upanishads, serve as a material for reflection. This text is an example of a philosophy in which the problem of the sacred and the problem of self-knowledge are closely intertwined. The key image of the text is the image of the Atman, the inner self. The problem of the Atman is not a cognitive or ideological problem, but the problem of functioning and understanding the experience of meeting the sacred. The worldly point of view asserts itself through denial, isolating itself, contrasting itself, separating itself from everything that it does not consider itself. On the contrary, the essence of the sacred is to affirm, not to deny, to create unity. The basis of this unity is the interpretation of the Atman, which is always identical to itself and remains the same in all interpretations. It should also be noted that the author refers to the Chandogya Upanishad only as material for his own reflections. The methodology of the work is based on the phenomenology of the sacred, presented in the works of the classics of phenomenology of the XX century, as well as phenomenological hermeneutics as a special way of reading the sacred text. The results obtained in the work are applicable primarily in the field of the phenomenology of religious experience, as well as in the ontology of the self and in those areas of philosophy where the relationship between the sacred and the mundane is discussed. The assumptions and thoughts expressed in the article relate to the general phenomenology of the sacred and the self, but do not claim objective cultural and indological significance.

Keywords: phenomenology of religion, Sacred, secular, numinous, Atman, self.

References

1. Bibihin V. V. *Grammatika poezii. Novoe russkoe slovo* [Grammar of poetry. New Russian word]. SPb. Ivan Limbach Publishing House, 2009. 592 p.
2. Bibihin V. V. *Mir. Yazyk filosofii* [World. The language of philosophy]. SPb. Azbuka : Azbuka-Atticus, 2020. 448 p.
3. Bibihin V. V. *Sobstvennost'. Filosofiya svoego* [Property. The philosophy of his own]. SPb. Nauka (Science), 2012. 536 p.
4. Husserl E. *Krizis evropejskih nauk i transcendental'naya fenomenologiya: Vvedenie v fenomenologicheskiy filosofiyu* [The crisis of European Sciences and transcendental phenomenology: An introduction to phenomenological philosophy] / transl. from German by D. V. Sklyadnev. SPb. Vladimir Dahl : University Foundation, 2004. 398 p.
5. Konacheva S. A. *Bytie. Svyashchenoe. Bog: Hajdegger i filosofskaya teologiya XX veka. Izd. 2-e, dop. i pererab.* [Genesis. Sacred. God: Heidegger and the Philosophical Theology of the twentieth century. 2nd ed., add. and reprinted]. M. RSGU, 2021. 417 p.
6. Kuzanskij N. *Sochineniya : v 2-h t. T. 2 : perevod* [Writings : in 2 vols. Vol. 2 : transl.] / gen. ed. by V. V. Sokolov and Z. A. Tazhurieina. M. Mysl (Thought), 1980. 471 p.
7. Losev A. F. *Mif – chislo – sushchnost'* [Myth – number – essence] / comp. A. A. Takho-Godi; gen. ed. A. A. Takho-Godi, I. I. Makhankova. M. Mysl (Thought), 1994. 919 p.
8. Malamud Sh. *Ispech' mir: ritual i mysl' v drevnej Indii* [Bake the World: Ritual and Thought in ancient India] / transl. from French and introduction by V. G. Lysenko. M. Vost. lit. (East lit.), 2005. 350 p.
9. Otto R. *Svyashchenoe. Ob irracional'nom v idee bozhestvennogo i ego sootnoshenii s racional'nym* [Sacred. On the irrational in the idea of the divine and its relation to the rational] / transl. from German by A. M. Rutkevich. SPb. 2008. 272 p.
10. Pylaev M. A. *Kategoriya "svyashchenoe" v fenomenologii religii, teologii i filosofii XX veka* [The category of "sacred" in the phenomenology of religion, theology and philosophy of the XX century]. M. RSUH, 2017. 216 p.
11. Radhakrishnan S. *Indijskaya filosofiya. T. 1* [Indian philosophy. Vol. 1] / transl. from English. M. : Myth, 1993. 328 p.
12. Semencov V. S. *Bhagavadgita* [Bhagavad Gita] / transl. from Sanskrit, research. and notes by V. S. Sementsova. 2nd ed., corr. and add. M. Oriental Literature of the Russian Academy of Sciences, 1999. 256 p.
13. Semencov V. S. *Problemy interpretacii brahmanicheskoy prozy: Ritual'nyj simbolizm* [Problems of interpretation of Brahmanic prose: Ritual symbolism]. M. Nauka (Science), 1981. 181 p.
14. Toporov V. N. *O rituale. Vvedenie v problematiku* [About the ritual. Introduction to the problematics] // *Arhaicheskij ritual v fol'klornyh i ranneliteraturnyh pamyatnikah : sb. statej – Archaic ritual in folklore and early literary monuments : collection of articles; comp. L. Sh. Rozhansky, ed. E. S. Novik. M. Nauka (Science), 1988. Pp. 7–61.*
15. *Upanishady – Upanishads* / transl. from Sanskrit, research, comment. and add. by A. Ya. Syrkina. Ed. 4th, corr. and add. M. Nauka (Science), 2019. 796 p.
16. Florenskij P. A. *Stolp i utverzhdienie istiny: Opyt pravoslavnoj teodiceji* [The pillar and the affirmation of truth: The experience of Orthodox theodicy] / M. AST, 2003. 633 p.
17. Frank S. L. *Nepostizhimoe. Ontologicheskoe vvedenie v filosofiyu* [The incomprehensible. An ontological introduction to philosophy]. M. AST, 2007. 512 p.
18. Frank C. L. *Real'nost' i chelovek* [Reality and man]. M. Republic, 1997. 479 p.
19. Scheler M. *Izbrannyye proizvedeniya: per. s nem.* [Selected works: transl. from German] / comp., scient. ed., preface by A. V. Denezhkin; afterword by L. A. Chukhina. M. Gnosis, 1994. 413 p.
20. Eliade M. *Istoriya very i religioznyh idej. T. 1. Ot kamennogo veka do elevsinskih misterij* [The History of faith and religious ideas. Vol. 1. From the Stone Age to the Eleusinian mysteries]. M. Criterion, 2001. 464 p.
21. Eliade M. *Svyashchenoe i mirskoe* [Sacred and secular] / transl. from French, preface and comments by N. K. Garbovsky. M. Publishing House of Moscow State University, 1994. 144 p.
22. Leeuw G. van der. *Einführung in die Phänomenologie der Religion*. Darmstadt, 1961.
23. Hemmerle K. *Das Heilige und das Denken // Ausgewählte Schriften. Bd. 1*. Freiburg, 1996.
24. Otto R. *West-Ostliche Mystik: Vergleich und Unterscheidung zur Wesensdeutung*. Leopold Klotz Verlag, 1926.
25. Radhakrishnan S. *The Philosophy of the Upanisads*. London : George Allen & Unwin Ltd. Ruskin House, 40 Museum Street, 1924.
26. Gantke W. *Der umstrittene Begriff des Heiligen*. Marburg, 1998.
27. Gonda J. *Eye and Gaze in the Veda*. Amsterdam – London : North Holland Publishing Company, 1969.
28. Gonda J. *The Vision of the Vedic Poets*. The Hague, 1963.

Поступила в редакцию: 28.02.2024

Принята к публикации: 19.08.2024

УДК 172.1

DOI: 10.25730/VSU.7606.24.021

Генезис и причины кризиса американской утопии: от Генри Торо до Ричарда Рорти

Куликов Михаил Вячеславович

кандидат философских наук, доцент, Кузбасский институт ФСИИ России.
Россия, г. Новокузнецк. ORCID: 0009-0004-1984-0760. E-mail: philosophy_mk@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена генезису жанра социально-философской утопии в американской интеллектуальной культуре, что представляется весьма интересной темой для исследования, поскольку именно в утопии собираются воедино онтологические, гносеологические, антропологические, аксиологические, философско-исторические смыслы эпохи и культуры. Цель работы – обнаружить смысловое единство американской утопии и понять причины ее кризиса. Обращение к традиции американской утопии связано с тем значением, которое она имела для становления культуры и цивилизации Америки как воплощенного «Града на холме», «Общества равных возможностей», «Маяка надежды». В качестве репрезентантов американской социально-философской утопии взяты Генри Торо, Беррес Фредрик Скиннер, Роберт Нозик и Ричард Рорти. Обращается внимание на отличительную черту американской утопии – ее открытый характер, отсутствие фундаментальных, заранее predetermined установок, плюралистичность. Сделаны выводы о причине кризиса утопического теоретизирования в американской культуре, связанной с невозможностью актуализации субъекта утопии в силу предельной фрагментации общества. В качестве признаков кризиса выделено выразившееся в общественном сознании эпохи позднего капитализма ощущение «конца истории», которое приводит к отказу от будущего в пользу бесконечного повторения одних и тех же сюжетов и обреченности на пребывание в застывшем времени. Утопия сменяется своей противоположностью – ретроутопией – поиском оптимального жизненного проекта, обращенного не в будущее, а в прошлое. На смену социальной онтологии приходит социальная хонтология как призрачное состояние некогда бытовавшей, но так и не сбывшейся надежды на прогрессивное движение вперед. Идею американских трансценденталистов о познании мира как единства внешнего и внутреннего, а также сциентистскую веру в экспериментальную науку сменяет конспирология как способ объяснения мира через заговор и обман. Все это порождает разочарование для глобализованного общества позднего капитализма, ощущение депрессии как основного симптома времени, тоску по другим, уже недоступным сценариям развития культуры, щемящее чувство ностальгии.

Ключевые слова: утопия, Америка, Уолден, «постмодернистский буржуазный либерализм», бихевиоризм, ретроутопия, хонтология, конспирология.

Введение. В данной статье предпринята попытка рассмотреть генезис жанра социально-философской утопии в американской интеллектуальной культуре. Цель работы – обнаружить смысловое единство американской утопии и понять причины ее кризиса. Утопическое теоретизирование как поиск образа идеального, желаемого типа общества имеет в этой культуре давнюю историю и представлен на разных уровнях: социально-философском, политико-идеологическом, художественном, религиозном, мифологическом. Предметная область исследования ограничена утопическими проектами и экспериментами Генри Торо, Берреса Фредрика Скиннера, Роберта Нозика и Ричарда Рорти. В случае с Торо и Скиннером их выбор обусловлен идейной преемственностью авторских проектов, случай Нозика объясняется важностью осмысления утопии с позиции аналитической философии, казалось бы, игнорирующей подобного рода проблематику. Проект «постмодернистского буржуазного либерализма» Ричарда Рорти выбран по причине большой полемики, вызванной авторской концепцией «либерализма без оснований». К тому же в работах Рорти прослеживаются размышления о тех проблемах, с которыми столкнулась американская (и, шире, западная) культура в отношении утопических проектов.

Тема американской социально-утопической теории исследована достаточно хорошо. Данной теме посвящены работы зарубежных (В. Л. Паррингтон-младший [17], Г. Родс [18], С. Холбрук [14], К. Ремер [19], Ж. Бодрийяр [4] и др.) и отечественных (Э. Я. Баталов [1; 2], Ч. С. Кирвель [6] и др.) авторов. Однако социально-политическая и общекультурная ситуации изменяются слишком быстро, с ними изменяется и представление о желаемом образе социу-

ма, вплоть до его аннигиляции. Учитывая это, новизна настоящего исследования заключается в попытке обозначить признаки кризиса американского утопического теоретизирования, возникшие уже в XXI в., и понять его причины.

В исследовании применялись исторический, логический, интеркультурный (как попытка понимания универсального философского знания через специфику уникальной американской культуры со своими, исключительными ценностями и нормами) методы, биографика (как понимание идеи через биографию личности автора, имеющей свое историческое, психологическое, эпистемологическое значение).

Результаты исследования могут быть использованы практически в подготовке/изучении курсов социальной философии, философии права, культурологии, а также для развития навыков критического мышления, прежде всего в вопросах соотношения индивидуального, государственного и общественного, сущего и должного, свободы и необходимости, понимания смысла жизни.

Уолден Г. Д. Торо и Уолден Два Б. Ф. Скиннера: становление и эволюция утопического проекта. В 1948 г. в США вышла книга выдающегося американского психолога-бихевиориста Берреса Фредерика Скиннера (1904–1990) «Уолден Два». В этой книге, написанной в жанре научно-фантастической утопии, автор попытался донести свои соображения, касающиеся возможности построения общества с помощью методов социальной инженерии. Название книги отсылает нас к программному роману представителя американского трансцендентализма, практикующего философа и анархиста Генри Дэвида Торо (1817–1862) «Уолден, или Жизнь в лесу». Эта отсылка, конечно, не была случайной, американская культура (как и вся американская цивилизация) изначально носила утопический, ориентированный в будущее, рассчитывающий на практическое воплощение проект. Книга Скиннера продолжает и развивает мысли Торо о «правильном» устройстве бытия, мере должного соотношения свободы и необходимости, степени взаимопроникновения приватной и публичной сфер жизни, необходимом соотношении индивидуального и общественного. Напомним, каким образом решали эти вопросы оба автора.

Подобно Сократу, для которого знание и практическая жизнь были не отделены друг от друга, Торо воплощает свои идеи в особого рода эксперименте: два года, два месяца и два дня своей жизни он проводит в одиночестве в самом им построенном доме на берегу Уолденского озера в лесах штата Массачусетс. Что привело Торо к подобному опыту? Причин множество: это и своего рода отказ от нарождающегося технологического потребительского общества с его расточительностью, излишеством, бесконечной, все убыстряющейся гонкой; и эксперимент в ведении домашнего хозяйства минимальными средствами; и поиск «сырых» и «диких наслаждений» природы; и попытка испытать себя, освоить необжитые границы природы, культивируя при этом природу собственной души (своего рода толстовское «опрощение» или вольтерьянское «возделывание своего сада»); и, как итог всему вышеперечисленному, – стремление привести мир в порядок, гармонизировать хаос, обрести то самое единство и счастье переживания «совокупного целого сущего». Более того, Торо не только подвергает испытанию и проверке теоретические положения американских философов-трансценденталистов, на символическом уровне, он как бы вновь возрождает коллективный опыт самой Америки, жизнь американского «фронттира», движущегося к неизведанным границам ойкумены. И это еще не все. Торо не остался только лишь созерцателем, отшельником-одиночкой, «сбежавшим» от трудностей социального мира. Напротив, он активно участвовал в жизни американского общества, выступая с позиций аболиционизма, гражданского неповиновения и мирного сопротивления: «...быть философом – значит не только тонко мыслить или даже основать школу... Это значит решать некоторые жизненные проблемы не только теоретически, но практически» [12, с. 19–20]. На эти его идеи непосредственно ссылались такие видные общественные и политические деятели, как Л. Толстой, М. Л. Кинг, М. Ганди и, шире, сторонники либертарианства или даже анархизма. Таким образом, можно отметить, что большой интерес к наследию Торо во многом связан с идеальным образом американского интеллектуала, парадоксального мыслителя, занимающегося как общественной борьбой, так и уединенными медитациями, соединившего в себе импульс стремления к независимости личности с причастностью к общественно-политическим проблемам своего времени.

Казалось бы, книга Скиннера говорит о других вещах: на смену тонкому душевному самоанализу пришла социальная инженерия, которая требует от исследователя несколько иных интеллектуальных навыков: креативности, изобретательности, умения анализировать про-

блемные ситуации, способности к организации взаимодействия. Если мысль Торо движется внутрь, вглубь, обнаруживая единство внутреннего и внешнего, индивидуального и природного, то бихевиорист Скиннер рассматривает внутренний мир человека, состояния сознания и чувства в рамках экспериментальной науки как просто физические явления. Если размышления Торо неизбежно приводят в область этического, постулируя свободу воли, ответственность индивида за собственный жизненный проект, то внимание Скиннера обращено на обстоятельства окружающей среды, источники стимулов, детерминирующие наше поведение. Никакой свободы воли, то есть необусловленной спонтанности, случайности в субъекте нет. И все же Торо важен для Скиннера, само название «Уолден Два», конечно же, является отсылкой, и, возможно, это название можно интерпретировать как «Уолден для двоих», то есть попытку рассмотреть путь личностной реализации не через уединение и отшельничество, а, напротив, в компании, в социуме, сообществе единомышленников.

Как Скиннер описывает идеальное (в его понимании научно-организованное) общество? Коммуна проживает не в мегаполисе, а в рамках небольшого поселения (около одной тысячи человек) вблизи от природы (эта идея предвосхитила тенденцию к переезду жителей городов в пригороды, так называемые субурбии). Экономика общины практически самодостаточна, люди выполняют разнообразную работу (чередуют умственный и физический труд) не более четырех часов в день (идея гибкого рабочего графика). Рационально организован досуг уолденцев, он исключает (не на уровне запрета, а просто как нечто избыточное) алкоголь, сигареты, азартные игры; жители много читают, занимаются спортом, полезными хобби. В отличие от Уолдена Торо, в этом обществе отсутствует культ аскезы, но формируется рациональная культура потребления, учитывающая факторы психологии, экологии, здоровья потребителей.

Социальная структура общества состоит из четырех групп, разделенных по роду занятий: планировщики, менеджеры, рабочие и ученые. Совет планировщиков из шести человек (троих мужчин и трех женщин) является правительством общины, он разрабатывает политику, формирует планы развития, контролирует работу менеджеров – ответственных руководителей в какой-либо области (строительство, общественное питание, образование и т. д.). Срок полномочий планировщиков ограничен десятью годами, ротация в их среде происходит из числа кандидатов, выдвигаемых менеджерами (то есть управленцами становятся не профессиональные политики, а люди, достигшие наиболее значительных успехов в своем деле). Никаких преимуществ статус планировщика или менеджера не дает, эти должности занимают не из корыстных соображений, а просто из желания заниматься более ответственной и сложной работой. Третья группа – рабочие, являются непосредственными производителями товаров и услуг в Уолдене Два. В обществе отсутствуют деньги, работа основана на системе «кредитов» – тяжелый, неприятный труд дает работнику большее количество кредитов, чем работа легкая и приятная, что высвобождает большее время для досуга рабочего. Существует возможность и даже приветствуются практика смены сферы деятельности и места работы. Так как в Уолдене Два ценится эффективность и полезность, а не праздность и показное потребление, то отсутствует представление о престижности/непрестижности работы. Всякий труд, приносящий пользу обществу, заслуживает почета. Таким образом, в Уолдене Два отсутствует праздный класс, отсутствуют те, кто не нашел себе занятие в соответствии со своими интересами («преждевременно состарившиеся», как называет их Скиннер) [21, р. 33], там нет преступности, профессиональной нетрудоспособности, алкоголизма или игромании, нет безработицы из-за плохого управления, гораздо ниже заболеваемость. И все это благодаря внедрению гибкого графика, чередования разных форм работы, распределения «неинтересной и не творческой» работы между всеми членами социума.

Последняя группа в Уолдене Два – это ученые, которые проводят эксперименты «в области селекции растений и животных, контроля поведения младенцев, различных образовательных процессов и использования некоторого сырья [там же, pp. 49–50]». Задача ученых – познание мира. В Уолдене Два планировщик управляет на основе знания, открытого ученым, причем это знание не является абстрактным, метафизическим, это конкретное, позитивистское, экспериментально верифицируемое знание, воплощающееся в сельском хозяйстве, экономике, организации работы коммунальных служб, но, что самое главное, в воздействии на психологию индивида. Изначально человек ни плох, ни хорош, таким, какой он есть, его делает внешняя среда, которая награждает, наказывает или игнорирует поведенческие реакции животных и людей. Следовательно, именно внешняя среда нуждается в правильном управле-

нии для достижения желательного поведения, поэтому: «Дайте мне инструкции по обращению с человеком, и я дам вам человека» [там же, р. 37].

Итак, центром жизни этого общества является не экономика или религия, а психология: задача планировщиков состоит в разработке жизненной стратегии, не вызывающей катастроф, кризисов и иных поводов для негативных эмоций, задача менеджеров заключается в устройстве дела так, чтобы любой работник получал необходимые позитивные подкрепления за исполнение нужных для общества работ. Рациональное управление формирует рациональную ментальность и общественную психологию: коллективистские ценности здесь важнее индивидуальных, здесь отсутствует идея исключительности личности (в положительном «альтруистическом», а не отрицательном «эгоистическом» смысле), жители не стремятся выставить свое «Я» как высшую ценность, здесь отсутствует культ правителей, героев, здесь равно уважают каждого человека, независимо от его возраста, пола, выполняемой им работы. Это очень важно, в социуме воистину царит культ служения во благо общества: жители учатся выполнять свою работу с уважением, удовольствием, терпимостью и самоконтролем, не ожидая похвалы и не хваля другого. Люди не испытывают депрессий, переживаний по поводу собственной нереализации или неполноценности, нет тяжелого переживания одиночества, зависти или жадности. Люди постоянно контролируют свое поведение, они рассчитывают в жизни на самих себя, не перекладывают бремя ответственности на правительство, историю или традицию. Здесь нет злорадства, зависти или иных форм ресентимента, нет необходимости в конкурентной борьбе, так как нет зависимости от материальных благ. Если подобные установки и возникают, к этому человеку относятся как к нездоровому, и с ним работает психолог.

Наверное, можно сказать, что в этом обществе отсутствует политика. Противоречия между различными людьми, социальными группами разрешены уже на уровне рациональной организации, благодаря планированию, прозрачности принятия решений, отсутствию фаворитизма, протекционизма и иных форм коррупционного поведения. Политика замещается администрированием. В обществе отсутствует пропаганда и какая-либо идеология, отсутствует какая-то четкая, единственно правильная картина мира. Ценностью общества становится идея прогресса, развития, оно призывает своих членов «рассматривать каждую привычку и обычай с целью возможного улучшения» и «постоянно экспериментировать со всем» [там же, р. 25].

«Минимальное государство» Р. Нозика и «постмодернистский буржуазный либерализм» Р. Рорти – новый взгляд на утопию. Со времени первой публикации «Уолдена Два» прошло уже более семидесяти лет, и мир за это время изменился гораздо больше, чем мир двух Уолденов, разделенных между собой столетием. Наверное, пришло время для Уолдена Три. Что происходит с осмыслением будущего в американской культуре? Традиция утопического теоретизирования во многом оказалась забыта. Господствующее в американской гуманитарной науке аналитическое направление реализует неопозитивистскую программу, в которой практически нет места социально-утопическому прожектерству. Но есть и свои исключения. В качестве примера можно привести работу американского политического философа Роберта Нозика «Анархия, государство и утопия» (1974), в которой автор обосновывает либертарианский идеал «минимального государства» – политического состояния, в котором власть возможна только на уровне защиты граждан от посягательств (классический «ночной сторож»), не вмешиваясь более ни в какую область жизни. Минимальное государство не порождает какой-то оформленной структуры и по сути представляет собой, как называет его автор, «доминирующую защитную ассоциацию». Иные, социальные, внешнеполитические, культурные функции реализуются «снизу», самим обществом, порождающим необходимые институты и связи. Свобода выбора, стихия рынка вызовут к жизни наиболее приспособленные для этого формы, и вмешательство извне только вредит этой самоорганизации, которая, вспоминая Лейбница, есть воистину «лучший из возможных миров». Взяв из идеи «категорического императива» ту мысль, что люди должны относиться друг к другу как к цели, а не как к средству, автор занимается не описанием конкретных форм идеального общества, а занимается разработкой его условий, как он называет это – «рамки», которая задает границы его устройства. В границах этой рамки минимальное государство обращается с индивидами как с неприкосновенными индивидами, как с носителями собственных идеалов и ценностей, среди которых нет «правильных» или «неправильных». Позиция Нозика «решительно отрицает детальное заблаговременное планирование одного сообщества, в котором должны жить все, но она сочувствует добровольным утопическим экспериментам и предоставляет для них основу,

которая позволит им расцвести» [9, с. 405]. То есть он не дает конкретных ответов, каким будет идеальное общество, «место утопического конечного состояния статических теорий утопии занимает утопический процесс» [там же, с. 404], а идея «рамки» и нужна для того, чтобы задать пространство, в котором реализуются индивидуальные утопические эксперименты.

Еще один проект утопии, названный «постмодернистским буржуазным либерализмом», представил американский философ Ричард Рорти. В основании его проекта лежит различие публичной и приватной сферы личности – внимание к ценностям сообщества с одной стороны, и апелляция к собственным интересам, желаниям, переживаниям – с другой. Попытки создания универсальной программы нравственности, увязывающие приватную и публичную стороны в единый контекст, неизбежно приводили к право- или левототалитарной идеологии. Эти сферы необходимо разделять, и так как проблема границы между личной уникальностью и общественной целесообразностью не имеет теоретического разрешения, его необходимо разрешать через практическое экспериментирование.

Размышляя о фундаменте либеральной формы солидарности, Рорти отказывается от его универсалистского (всеобщность прав и свобод человека) характера, по причине отсутствия нейтрального критерия, который был способен бы дать нам возможность соотнести образ либерального (а, впрочем, и всякого иного) сообщества с идеальным. У нас остается только возможность сравнения известных нам форм кооперации, а также утопическое теоретизирование. Ценность либеральной утопии состоит не в ее способности проникнуть в некие скрытые до сих пор области бытия, но в развитии нашего воображения, «через мысленную способность видеть в чуждых нам людях товарищей по несчастью. Солидарность не раскрывается рефлексией, но создается. Она создается повышением нашей чувствительности к определенным подробностям боли и унижения других, незнакомых нам людей» [11, с. 20].

Утопический проект американского философа показывает, что в постметафизической культуре должен произойти поворот от теории к нарративу, сообщество будет организовано не столько на рационально-обоснованной программе (о чем писал Скиннер), сколько на эстетическом чувстве, сродни поэтическому признанию «случайности языка», «случайности истины», «случайности самости». Эта культура должна обращаться к бесконечному многообразию нарративов, жизненных стратегий, практик, увязывающих историю и современность с утопическим будущим, а главное, что «она видела бы в воплощении утопий бесконечный процесс – бесконечно расширяющуюся реализацию Свободы, а не конвергентное движение к уже существующей Истине» [там же, с. 21].

Автор, конечно, понимает историчность и этноцентричность «постмодернистского буржуазного либерализма», порожденного западным обществом, однако оправдывает данный этноцентризм его особенностью, связанной с его противоречивостью, недоверием к самому себе. Если этнополитическая «солидарность», с одной стороны, является постмодернистской, то с другой она является буржуазной, а значит, из нее следуют и философские, и политические выводы: если с философской точки зрения этноцентризм антигуманен, так как допускает дискриминацию «маргинализированных» субъектов, то с политической точки зрения антигуманизм неприемлем, так как противоречит демократическим принципам либерализма: «Именно в традиции нашего общества защищать слабых и униженных, изгнанных и обездоленных, всех нуждающихся в сочувствии и в восстановлении попорченного достоинства. На этот иудеохристианский элемент в нашей традиции с благодарностью и надеждой уповают подобные мне атеисты, которые хотели бы сохранить различия, существующие между кантианством и гегельянством, чисто философскими. Представление о реальности таких вещей, как – естественные права человека и – врожденная нравственность, так же мало относится к очерченной здесь практической проблеме, как решение вопроса о существовании Бога, – полагаю даже, никак не относится» [20, р. 202].

«Открытость», незавершенность утопического проекта Рорти сближает его с проектами Торо, Скиннера и Нозика. Если в классической утопии (Мор, Кампанелла, Платон и др.) жизнь личности и социума была предельно регламентирована, то постмодернистский буржуазный либеральный проект американского мыслителя декларирует лишь его общий принцип, а именно случайный характер его практик, институтов, а также той языковой игры, в которую втянуты агенты этого социума. Такой утопический проект выглядит скорее наброском, фрагментом с размытыми контурами, нежели четкой программой действия. Вполне в духе постструктуралистской «смерти автора» мыслитель приглашает читателя и общественность к сотворчеству, предлагает обсудить разнообразные жизненные стратегии, выражающие обще-

ственную надежду и частные ожидания. Результатом этого сотворчества и должно стать понимание возможности сосуществования разных утопических миров, которые ставят под вопрос status quo и заставляют усомниться в выборе верной стратегии.

Причины и признаки упадка утопического теоретизирования в американской культуре XXI в. Современность не порождает утопических проектов, наоборот, культурное пространство заполнено антиутопиями, альтернативными историями, ролевыми компьютерными играми и т. п. Мы видим падение интереса значительной части людей к публичной сфере: политика как общее дело умерла, и даже западная демократия воспринимается ее апологетами как шоу, разыгрываемое элитными группами. Особую силу приобретает ощущение, модус бытия или состояние, названное британским социологом Зигмундом Бауманом «ретротопией» [3], которое можно понимать как тоску по прошлому, постоянное возвращение назад, переживание уже пережитого, неверие в будущее, забвение надежды на перемены к лучшему. Примером ретротопии на социальном уровне может стать, например, трампицкий лозунг «Make America great again», который говорит американцам о необходимости вернуться к величю, оставленному где-то в прошлом. О схожем писал и британский мыслитель Марк Фишер [13], переосмысляя общую ситуацию с позиции «хонтологии» или «призракологии» – бытовании уже несуществующего как существующего, состояния некогда бытовавшей, но так и не сбывшейся надежды на прогрессивное движение в будущее. Провозглашенный Фукуямой «конец истории» привел к отказу от будущего в пользу бесконечного повторения одних и тех же сюжетов и их смешивания, безостановочной стилизации и обреченности на пребывание в застывшем времени. Все это породило разочарование для глобализованного общества позднего капитализма, вместе с которым пришла депрессия как основной симптом времени, тоска по другим, уже недоступным сценариям развития культуры, которые отголосками, словно дежавю, врываются в настоящее, порождая щемящую ностальгию.

Еще одно свидетельство кризиса утопии – все растущее конспирологическое мышление, объясняющее социально-политическую и культурную действительность с позиций заговора, искажения реальности, подтасовки фактов, манипуляций, сознательного игнорирования чуждой информации (селективное влияние), воздействия пропаганды, фейковых новостей. Доля людей, которые верят хотя бы в какие-то конспирологические теории, по-видимому, высока и, по некоторым оценкам, составляет около половины населения США [16, p. 812] и Италии [15, p. 329]. Общественное сознание порождает разного рода легенды, слухи, моральные паники и массовые психозы. Типологическими становятся сюжеты о «своих» и «чужих» – мигрантах, террористах, тайных правителях и т. д. Возникают представления об альтернативной науке, искаженной истории, заговорах в фармакологии, медицине. Более того, формируется новый модус общественного сознания, названный исследователями «conspirativity» (название является неологизмом, образованным из двух слов – conspiracy (заговор) и spirituality (духовность)). К типичному для всякой конспирологии представлению о тайном правительстве и заговоре добавились элементы нью-эйдж о «новой эре», сдвиге парадигм, «расширении границ своего Я». На смену социально-политической утопии приходят оккультные, эзотерические программы «пробуждения», «просветления». Многочисленные гуру, популярные блогеры-мотиваторы и тренеры личностного роста обещают человеку путь к счастью и гармонии.

Наиболее отчетливо идею конца утопии провозглашают такие авторы, как Г. Маркузе [7] и Ж. Бодрийяр, назвавший общество потребления открытием «эры реализованной утопии и конца истории» [5, с. 246]. Говоря о причинах конца истории и утопии, чаще всего упоминают постмодернистские идеи «смерти» субъекта, критики метанарративов, симуляции реальности и т. д. Очевидно, что большая часть утопий возникает в переходные моменты. Также очевидно, что Америка переживает в настоящее время череду кризисов, что, казалось бы, должно способствовать возникновению идеальных образов будущего, но, так как этого не происходит, мы должны признать, что одних перемен недостаточно, необходимы и иные факторы. Этими факторами, например, могут быть субъекты утопии – ее авторы, а точнее – их отсутствие в силу невозможности выразить какой-либо общественный идеал в атомизированном обществе. Непонятно, что может стать той повесткой, в отношении которой возможно утопическое теоретизирование, ведь современной эпохе вполне подходит провозглашенный П. Фейрабеном лозунг «anything goes» («все допустимо», «все сгодится»), здесь сокращается расстояние между воображаемым и реальным, что приводит к изменению онтологического статуса реальности, его перерастанию в гиперреальность, что обесмысливает любую формулировку утопического.

Закключение. Несомненно, что современные социальные отношения и процессы несут в себе значительное отчуждающее и деструктивное содержание, что все настойчивее требует от человека кардинальных изменений. Все убедительней становится мысль о том, что «интеллектуальный вызов сегодняшнего дня – дать обществу утопию, без которой оно не может развиваться», «обрисовать достижимый и желательный образ будущего..., к которому стоит стремиться» [8, с. 246]. Вместе с тем все так же непонятно основание утопического теоретизирования, не ясен даже субъект утопии, не говоря про ее аксиологическое наполнение. Возможность Уолдена Три сегодня кажется не столь очевидной.

Список литературы

1. Баталов Э. Я. Русская идея и американская мечта. М. : Прогресс-Традиция, 2009.
2. Баталов Э. Я. Социальная утопия и утопическое сознание в США. М. : Наука, 1982. 384 с.
3. Бауман З. Ретроутопия. М. : ВЦИОМ, 2019. 160 с.
4. Бодрийяр Ж. Америка. СПб. : Владимир Даль, 2000. 204 с.
5. Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры / пер. с фр. Е. А. Самарской. М. : Республика : Культурная революция, 2006. 268 с.
6. Кирвель Ч. Утопическое сознание: сущность, социально-политические функции. Минск : Университетское, 1989. 190 с.
7. Маркузе Г. Конец утопии / пер. с англ. А. Смирнова // Логос. 2004. № 6 (45). С. 18–23.
8. Мартынов В. С., Фишман Л. Г. Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции. М. : Весь мир, 2010. 256 с.
9. Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М. : ИРИСЭН, 2008. 424 с.
10. Рорти Р. Обретая нашу страну: политика левых в Америке 20 века. М. : Дом интеллектуальной книги, 1998. 128 с.
11. Рорти Р. Случайность, ирония, солидарность. М. : Русское феноменологическое общество, 1996. 282 с.
12. Торо Г. Д. Уолден, или Жизнь в лесу. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1962. 240 с.
13. Фишер М. Капиталистический реализм. Ультракультура 2.0, 2010. 144 с.
14. Holbrook S. H. Dreamers of the American Dream. N. Y., 1957. 369 p.
15. Mancosu M., Vassallo S., Vezzoni C. Believing in conspiracy theories: evidence from an exploratory analysis of Italian survey data. South European society and politics, Taylor & Francis Journals. Vol. 22 (3). Pp. 327–344. DOI: 10.1080/13608746.2017.1359894.
16. Oliver J. E., Wood T. J. Medical conspiracy theories and health behaviors in the United States. JAMA Internal Medicine, 174. Pp. 810–822. DOI: 10.1001/jamainternmed.2014.190.
17. Parrington V. L. American dreams; a study of American utopias. N. Y., Russell & Russell, 1964. 246 p.
18. Rhodes H. V. Utopia in American Political Thought. Tucson, Arizona, 1967. 115 p.
19. Roemer K. M. The Obsolete Necessity: America in Utopian Writings, 1888–1900. Kent State Univ. Pr., 1976. 239 p.
20. Rorty R. Objectivity, Relativism, and Truth. Cambridge : Cambridge University Press, 1991. 226 p.
21. Skinner B. F. Walden Two. Macmillan Co., 1948. 266 p.

The genesis and causes of the crisis of American utopia: from Henry Thoreau to Richard Rorty

Kulikov Mikhail Vyacheslavovich

PhD in Philosophical Studies, associate professor, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
Russia, Novokuznetsk. ORCID: 0009-0004-1984-0760. E-mail: philosophy_mk@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the genesis of the genre of socio-philosophical utopia in American intellectual culture, which seems to be a very interesting topic for research, since it is in utopia that the ontological, epistemological, anthropological, axiological, philosophical and historical meanings of the epoch and culture come together. The purpose of the work is to discover the semantic unity of the American utopia and to understand the causes of its crisis. The appeal to the tradition of American utopia is connected with the importance that it had for the formation of American culture and civilization as the embodied "City on the Hill", "Society of Equal Opportunities", "Beacon of Hope". Henry Thoreau, Berres Fredrik Skinner, Robert Nozick and Richard Rorty are taken as representatives of the American socio-philosophical utopia. Attention is drawn to the distinctive feature of the American utopia – its open nature, the absence of fundamental, predetermined attitudes, pluralism. Conclusions are drawn about the cause of the crisis of utopian theorizing in American culture, associated with the impossibility of actualizing the subject of utopia due to the extreme fragmentation of society. As signs

of the crisis, the feeling of the "end of history" expressed in the public consciousness of the era of late capitalism is highlighted, which leads to the rejection of the future in favor of the endless repetition of the same plots and the doom to stay in frozen time. Utopia is replaced by its opposite – retrotopia – the search for an optimal life project that looks not into the future, but into the past. Social ontology is being replaced by social ontology as a ghostly state of the once-existing, but never fulfilled hope for progressive movement forward. The idea of American transcendentalists about the knowledge of the world as a unity of external and internal, as well as the scientific faith in experimental science, is replaced by conspiracy as a way of explaining the world through conspiracy and deception. All this generates disappointment for the globalized society of late capitalism, a feeling of depression as the main symptom of the time, longing for other, already inaccessible scenarios of cultural development, a nagging feeling of nostalgia.

Keywords: utopia, America, Walden, "postmodern bourgeois liberalism", behaviorism, retrotopia, honology, conspiracy theory.

References

1. Batalov E. Ya. *Russkaya ideya i amerikanskaya mechta* [The Russian idea and the American dream]. M. Progress-Tradition, 2009.
2. Batalov E. Ya. *Social'naya utopiya i utopicheskoe soznanie v SShA* [Social utopia and utopian consciousness in the USA]. M. Nauka (Science), 1982. 384 p.
3. Bauman Z. *Retrotopiya* [Retrotopia]. M. VTsIOM, 2019. 160 p.
4. Baudrillard J. *Amerika* [America]. SPb. Vladimir Dahl, 2000. 204 p.
5. Baudrillard J. *Obshchestvo potrebleniya: ego mify i struktury* [Consumer society: its myths and structures] / transl. from French by E. A. Samarskaya. M. Republic : Cultural Revolution, 2006. 268 p.
6. Kirvel' Ch. *Utopicheskoe soznanie: sushchnost', social'no-politicheskie funktsii* [Utopian consciousness: the essence, socio-political functions]. Minsk. Universitetskoe (The academic), 1989. 190 p.
7. Marcuse G. *Konec utopii* [The end of utopia] / transl. from English by A. Smirnov // Logos. 2004. No. 6 (45). Pp. 18–23.
8. Mart'yanov V. S., Fishman L. G. *Rossiya v poiskah utopij. Ot moral'nogo kollapsa k moral'noj revolyucii* [Russia in search of utopias. From moral collapse to moral revolution]. M. Ves' Mir (The Whole World), 2010. 256 p.
9. Nozik R. *Anarhiya, gosudarstvo i utopiya* [Anarchy, the state and utopia]. M. IRISEN, 2008. 424 p.
10. Rorty R. *Sluchajnost', ironiya, solidarnost'* [Finding our country: the politics of the left in America of the 20th century]. M. House of Intellectual Books, 1998. 128 p.
11. Rorty R. *Sluchajnost', ironiya, solidarnost'* [Chance, irony, solidarity]. M. Russian Phenomenological Society, 1996. 282 p.
12. Thoreau G. D. *Uolden, ili Zhizn' v lesu* [Walden, or Life in the forest]. M. Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1962. 240 p.
13. Fischer M. *Kapitalisticheskij realizm* [Capitalist realism]. Ultraculture 2.0, 2010. 144 p.
14. Holbrook S. H. *Dreamers of the American Dream*. N. Y., 1957. 369 p.
15. Mancosu M., Vassallo S., Vezzoni C. Believing in conspiracy theories: evidence from an exploratory analysis of Italian survey data. *South European society and politics*, Taylor & Francis Journals. Vol. 22 (3). Pp. 327–344. DOI: 10.1080/13608746.2017.1359894.
16. Oliver J. E., Wood T. J. Medical conspiracy theories and health behaviors in the United States. *JAMA Internal Medicine*, 174. Pp. 810–822. DOI: 10.1001/jamainternmed.2014.190.
17. Parrington V. L. *American dreams; a study of American utopias*. N. Y., Russell & Russell, 1964. 246 p.
18. Rhodes H. V. *Utopia in American Political Thought*. Tucson, Arizona, 1967. 115 p.
19. Roemer K. M. *The Obsolete Necessity: America in Utopian Writings, 1888–1900*. Kent State Univ. Pr., 1976. 239 p.
20. Rorty R. *Objectivity, Relativism, and Truth*. Cambridge : Cambridge University Press, 1991. 226 p.
21. Skinner B. F. *Walden Two*. Macmillan Co., 1948. 266 p.

Поступила в редакцию: 28.02.2024

Принята к публикации: 15.07.2024

Образ вампира как выражение архетипа Тени в культуре

Фоминых Елена Александровна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и социальной работы,
Российский государственный профессионально-педагогический университет.
Россия, г. Екатеринбург. ORCID: 0000-0001-7495-6521. E-mail: Manager-gu@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению трансформации образа вампира с позиций юнгианского анализа. Целью данной статьи является интерпретация образа вампира в качестве проявления архетипа Тени, отражающего динамику европейской культуры. Методологическим основанием исследования выступают теоретические положения работ К. Г. Юнга, описывающие структуру психики человека и процессы трансформации архетипических образов, а также идеи его последователей М.-Л. фон Франц, И. Якоби, А. Гуггенбуль-Крейг, Д. Хендерсона, V. Kast, которые рассматривали разные аспекты проявления архетипа Тени. Анализ показал, что образ вампира является одним из выражений архетипа Тени, и из спектра возможных его содержаний отчетливо репрезентирует все то, что противостоит доминирующей культурной установке, относится к области ее страхов. Исторически образ вампира формируется из представлений о ходячих мертвецах и кровососущих монстрах, которые представляют варианты примитивного зла. В средневековой культуре у них возникает религиозная окраска. В эпоху Просвещения, провозгласившую торжество Разума, эти представления оказываются подавлены. И в это же время появляется литературный вампир, который начинает очеловечиваться. Параллельно вампир заимствует символы Дьявола, образ которого также очеловечивается в Новое время после деградации в животный мир предшествующий период. Этот процесс иллюстрирует подъем содержаний бессознательного и приближение их к сознанию и лежит в контексте развития архетипических образов культурной Тени европейского общества. Предлагается вывод о том, что образ вампира трансформируется вместе с культурой, отражая ее теневые стороны и историческую динамику; он репрезентирует часть культурального бессознательного вместе с образом Дьявола.

Ключевые слова: юнгианский анализ, архетип Тени, Дракула, вампир, Дьявол, динамика культуры.

Образ вампира популярен в современной культуре, впрочем, как отмечают исследователи фольклора, появился он достаточно давно, но за последние двести лет претерпел существенные трансформации и приобрел множество новых черт, вызванных сдвигами, произошедшими в культуре. Особую роль в этих преобразованиях сыграла культура романтизма, на излете которой возник наиболее яркий в своем жанре роман Б. Стокера «Дракула», вдохновивший огромное количество режиссеров на создание своих киноверсий этой истории. Образ Дракулы оказался тем фокусом, вокруг которого сконцентрировалось огромное количество исследований, посвященных фольклору, литературе, истории, политологии, киноискусству, психологии. Богатый материал, собранный в итоге, позволяет интерпретировать образ вампира в терминах юнгианского анализа как выражение архетипа Тени, изменение образов которого позволяет говорить о динамике культуры.

Постановка проблемы, цель статьи, обзор литературы по теме. Существует немало исследований, посвященных образу вампира. R. T. McNally, R. Florescu, А. Шарый и В. Ведрашко, В. Эрлихман, М. Казак посвящают солидную часть текста историческому прототипу литературного героя; Т. А. Михайлова и М. П. Одесский, С. А. Антонов, Ж. Мариньи делают акцент на рассмотрении трансформации образов вампиров в фольклоре, литературе и др.

Попытки применения фрейдистского и лакановского анализа к исследованию образа вампира представлены в текстах R. Jackson, K. Gelder, Е. Н. Шапинской.

С позиций юнгианского анализа роман изучали Y. P. Sari и E. E. Putra. Авторы выделяют архетипы: солнце, красный и черный цвет, женщина, мудрый старец [31], однако их исследование сводится к перечислению и самому общему описанию, которое не показывает функционирование указанных архетипов. В работе D. V. Thurmond Дракула и три вампирессы рассматриваются как выражение Тени Викторианского общества, в то время как остальные герои репрезентируют его ценности и слабости [32]. S. Volea анализирует образ вампира в качестве личной Тени [25]. В целом рассмотренные выше попытки применения юнгианского анализа к интерпретации образа вампира носят ограниченный характер и зачастую ограни-

чиваются указанием на отдельные элементы романа, не предполагая исследования динамических аспектов проявления архетипа Тени, которые являлись существенными для К. Г. Юнга.

М. McFadden [29] в своем исследовании перескакивает от рассмотрения вампира в качестве производной архетипа Тени к рассмотрению его как личности в процессе эволюции, что нарушает стройность изложения и приводит к потере культурного контекста трансформации.

Так мы можем видеть, что при всем многообразии подходов к анализу образа вампира его анализ в качестве культурной Тени изучен крайне мало.

Целью данной статьи является интерпретация образа вампира в качестве проявления архетипа Тени, отражающего динамику европейской культуры.

Методология и методы исследования. Методологическим основанием исследования выступают теоретические положения работ К. Г. Юнга, описывающие структуру психики человека и процессы трансформации архетипических образов, а также идеи его последователей М.-Л. фон Франц, И. Якоби, А. Гуггенбуль-Крейг, Д. Хендерсона, V. Kast, которые рассматривали разные аспекты проявления архетипа Тени.

С точки зрения юнгианского анализа в структуре психики можно выделить: сознание, персону, личное и коллективное (психоидное) бессознательное. Кроме того, последователь К. Г. Юнга Д. Хендерсон выделяет культуральное бессознательное как «область исторической памяти, лежащую между коллективным бессознательным и существующим образцом культуры» [17, с. 154–155]. Именно к этой области принадлежат изменчивые архетипические образы, которые являются выражением архетипических структур в конкретной культуре [6, с. 44]. В данном исследовании мы будем исходить из структуры психики, включающей культуральное бессознательное, поскольку именно эта структура позволяет наиболее четко концептуализировать проблему изменчивости архетипических образов в историческом контексте.

Результаты исследования, обсуждение. Начнем с нескольких замечаний, проясняющих понимание архетипа Тени в глубинной психологии. В своих исследованиях К. Г. Юнг определял Тень как совокупность наиболее темных сторон личности, вступающих в противоречие с установками сознательной части личности, а потому ею отвергаемых. Индивидуальная Тень существует у каждого человека, кроме нее обнаруживается коллективная Тень, принадлежащая культуре, которая, по выражению И. Якоби, символизирует «другую сторону» господствующего духа времени, его скрытую антитезу [24].

В свою очередь М.-Л. фон Франц рассматривает коллективную или культурную Тень как сумму Теней. Развивая эту мысль, выделим вариации, обсуждаемые различными исследователями.

В первую очередь, Тень содержит все, что отрицается доминирующими культурными установками и может персонифицироваться в образе Дьявола и его аналогов. А. Гуггенбуль-Крейг отмечает, что если в Средние века проявлениями коллективной Тени могли быть ведьмы и еретики, то в XX в. их место заняли тайные секты и идея мирового заговора [4].

А. Гуггенбуль-Крейг также полагает, что в качестве Тени можно рассматривать отрицательный аспект, присутствующий у всех явлений культуры. С этой точки зрения ценности современного мира творчество, спонтанность, независимость, каузальность, равенство, прогресс, здоровье и т. д. имеют негативные стороны и предстают в качестве деструктивного фактора [3, с. 38].

М.-Л. фон Франц отмечает, что в качестве Тени можно рассматривать и такие феномены, которые существуют внутри группы как «нечто, что не разрушает ее саму и проявляется только по отношению к другим группам» [16, с. 15]. В качестве примера исследователь приводит крестьянского мальчика, которому «смертельно скучно» общение интеллектуалов.

Иной вариант Тени обсуждается в работах самого К. Г. Юнга – это сохраняющиеся образы предшествующих состояний сознания, ярким примером которых является миф о Трикстере. Этот персонаж постоянно попадает в проблемные ситуации, его жизнь – цепь злоключений, в которых по большей части виноват он сам. Постепенно он меняется, двигаясь от примитивности и инфантилизма к более высоким ступеням сознания. Этот образ не исчезает полностью из культуры, но продолжает жить в разнообразных карнавальных обычаях. Под воздействием цивилизации «коллективный образ постепенно разрушается, оставляя трудно распознаваемые следы в фольклоре» [23, с. 345].

К. Г. Юнг также отмечает, что частью Тени являются вытесненные положительные свойства, такие как детскость и примитивность.

Итак, коллективная или культурная Тень имеет различные варианты: идеи и образы, противоречащие доминирующей культурной установке; отрицательные стороны всех (в том

числе оцениваемых обществом положительно) феноменов; характерные свойства групп, которые чужды, а потому отталкивают представителей других сообществ; более ранние уровни сознания; наивность и детскость как положительные творческие импульсы, от которых отказывается культура на более высоких стадиях своего развития. Ниже мы посмотрим, какие из аспектов Тени могут репрезентировать образ вампира.

Для дальнейших размышлений нам также необходимо указать, что в юнгианской традиции предполагается возможность соотносить символ с определенным уровнем развития культуры¹. И. Якоби отмечает, что чем более скудна и неотчетлива форма архетипического образа, тем к более глубокому слою коллективного (культурального) бессознательного она принадлежит, чем более личностна проблема, тем более детализирована и отчетлива архетипическая фигура ее выражающая [24]. Эти идеи относятся как к индивидуальной психике, так и к общекультурным процессам.

Архетипические образы Зла в культуре также имеют различные версии, связанные с состоянием самой культуры. М.-Л. фон Франц исследует «примитивный уровень Зла», характерный для человека, живущего в непосредственной близости к природе [16, с. 177]. На этом этапе Зло предстает как воплощение деструктивных сил природы, которым противостоит горстка людей. В примитивных версиях природные духи Зла остаются бесформенными, еще не имеют имен, они могут быть добрыми или нейтральными [16, с. 202–203]. Параллельно возникают представления об одержимости человека демоническими силами природы, а также о невинно убиенных, которые стали злыми после смерти [16, с. 200]. Это самые ранние предшественники вампиров, которые еще не являются кровососущими. Интересно, что живые мертвецы, как и другие духи, не обязательно злы, с ними можно договариваться [12, с. 22].

Постепенно представления о духах дифференцируются, появляются злые боги с собственными духами. К. Г. Юнг рассматривает культ Диониса с его «пьяным экстазом и сатурналии как примеры успешной интеграции «адских сил» в духовную жизнь общества, где они приносили определенную пользу [22, с. 159]. В аналитической психологии предполагается, что проявления Тени должны находить место в культуре, поскольку разного рода обряды, связанные с институцированными формами обращения со Злом, позволяют до определенной степени удерживать его в поле зрения, а значит и под контролем, в противном случае оно обретает более деструктивные и менее управляемые формы. Именно в этом видится К. Г. Юнгу психологическая роль культа Диониса и карнавалов, а также обрядов, направленных на защиту от темных сил. В этом многообразии находится место и живым мертвецам, и разным кровососущим: греческие ламии, тюркские албасты, германские маары, китайские лисы и барсуки, упыри, вурдолаки и т. д. Пьющие кровь мертвецы, как утверждают Т. А. Михайлова и М. П. Одесский, появились в Греции, соединив идею ходячих мертвецов с представлениями о кровососущих духах. Вампир отличается от своих предшественников тем, что опознается как определенное умершее лицо – это принципиальное отличие от других кровососущих, кроме того, он телесен и осязаем [12, с. 21]. Параллельно возникает целая серия обрядов, призванных элиминировать их самих и приносимый ими вред.

Для дальнейших рассуждений о вампире как одном из образов Тени посмотрим, как меняются представления о Зле в средневековой культуре. Четкое разделение Добра и Зла как явлений моральных происходит только в монотеистических религиях. К. Г. Юнг детально анализирует психологические феномены, которые стоят за значимым христианским принципом *privatio boni*, которое вырастает из утверждений Василия Великого об отсутствии у Зла собственной субстанции и его возникновении из «повреждения души». Исследователь отмечает, что несмотря на существование этих конструкций в христианской культуре, жизненный опыт говорит о реальности Зла, невозможности считать его «случайным отсутствием совершенства» [18, с. 220–221]. Средневековые карнавалы, восходящие к античным сатурналиям, служили выходом для некоторых аспектов архетипа Тени, с их довольно ранним исчезновением в культе не остается места для Зла [22, с. 159]. Таким образом, заложенные в культуре возможности обращения со Злом к эпохе Нового времени практически полностью исчезают, что приводит к вытеснению ряда содержаний психического в бессознательное, там они кон-

¹ Более подробно анализ символов в глубинной психологии мы рассматривали в другом месте: Фоминых Е. А. Интерпретация символа и его роли в культуре в аналитической психологии К. Г. Юнга // Известия Уральского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2011. № 3 (94). С. 115–122.

сервируются, но порой и регрессируют до более архаичных форм, а позднее находят область для проецирования в культуре (мифологическую фигуру или абсурдное явление) [21, с. 106].

Впрочем, нельзя сказать, что образы Зла исчезают из поля зрения полностью. Работы таких авторитетных историков, как Л. П. Карсавин, Ж.-Ж. Ле Гофф, А. Я. Гуревич показывают, что дошедшие до наших дней документы свидетельствуют о существенных отличиях народных представлений от церковной доктрины. В этой части культуры находится место и Дьяволу как антагонисту Бога, что превращает народное христианство в дуализм [7, с. 121–122], и разнообразным демонам и бесам, и наиболее примитивным, доставшимся в наследство от языческих времен, духам, русалкам, живым мертвецам. В «Гомилиях» Псевдо-Климента, одном из старейших текстов христианской культуры, говорится о том, что демоны способны вселяться в мертвые тела и изображать, что они живы [9, с. 249]. Особенно этим отличаются инкубы и суккубы, способные представлять в облике умерших, вступать в половую связь с людьми и даже производить потомство [9, с. 208]. Подобные представления вызвали реакцию церкви, что, по мнению таких исследователей, как Ж. Мариньи [8] и Ю. С. Обидина [13, с. 33], способствовало становлению мифа о вампире. В конечном счете, в народном христианстве Зло обретает субстанциальность, отрицаемую в теологии, и одним из образов архетипа Тени становится вампир.

Процесс вытеснения идеи субстанциальности Зла иллюстрируется трансформацией образа Дьявола в эпоху Высокого Средневековья, который происходит параллельно с завершением формирования догмата о Троице и поворотом народного христианства к образу Исторического Христа. Л. П. Карсавин отмечает, что в проповедях рядом с образом всемогущего Бога вырастает образ всемогущего Дьявола. Интересно также отметить, простые люди встречаются с бесами и демонами, а не с самим дьяволом. А «все краски для изображения Дьявола мы должны заимствовать у людей образованных» [7, с. 121–122]. Страх перед Дьяволом играет важную роль в литургии. Таким образом, Л. П. Карсавин приходит к выводу, что можно говорить о наличии дуализма в католицизме. В XI–XII в. на фоне окончательного оформления догматов католического христианства (монотеизм с благим Богом, где зло – лишь «отсутствие добра») в литургии и монашеской поэзии активно развивается образ Дьявола. Литургия наполняется страхом пред Дьяволом и открытым садизмом, со временем такие описания входят в сборники религиозных проповедей [5, с. 160].

Параллельно на протяжении всей эпохи Средних веков менялись изображения Дьявола. Его начали изображать с VI в. в виде темноволосого ангела, он не обладает никакими специфическими дьявольскими чертами. Со ссылкой на О. Эриха А. Е. Махов утверждает, что с IX в. Дьявола начинают изображать человекообразным существом с волосами в виде языков пламени и мохнатым животом. В XIII в. черты звероподобия становятся разнообразными, изображения Дьявола с приятной внешностью полностью исчезают [9, с. 193]. Таким образом, образ Дьявола под воздействием процесса вытеснения деградирует, приобретает черты все более ужасного фантастического чудовища и в таком виде возвращается в поле сознания.

В XIV в. на фоне чумы возникает благодатная почва для распространения поверий, связанных с вампирами. Выход в 1484 г. «Malleus Malificarum» Я. Шпренгера и Г. Крамера, одобренного папой Иннокентием VIII, стала официальным признанием церковью «живых мертвецов» [8]. После этого представления о вампирах не только продолжают циркулировать в народной среде, но и все чаще привлекают внимание прелатов. В XVIII в. происходит расцвет интереса к вампиризму: выходит целый ряд текстов, созданных учеными и священниками. Однако уже к концу XVIII столетия побеждает разум. Вольтер, Ж.-Ж. Руссо, А. Мериме бичуют подобные верования как ужасный анахронизм. Ж. Мариньи пишет: «Разобранный по косточкам и даже высмеянный в энциклопедиях XVIII в., вампир уже давно должен был исчезнуть, стать музейным экспонатом. И действительно, со второй половины XVIII в. газеты уже мало пишут о вампирах, они поглощены другими чудесами науки и техники» [8]. И именно в это время зарождается готический роман, расцветает культура романтизма, и начинается новый виток в трансформации образа вампира.

К. Г. Юнг описывает психологический процесс компенсации как уравнивание, «восполнение» сознательной ориентировки. Бессознательное вызывает наружу «тот сублиминальный материал, который констеллирован состоянием сознания, значит, все те содержания, которые, если бы все было осознано, не могли бы отсутствовать в сознательной картине общей ситуации» [20, с. 485]. Чем больше односторонность сознания, чем жестче в культуре отрицание и стирание из поля внимания каких-то проблем, тем противоположней содержания бессознательного. К. Г. Юнг в качестве одного из источников обновления культуры рас-

смачивает искусство и рассуждает о том, что, чувствуя неудовлетворенность, художник обращается к бессознательному и поднимает из него образ, который способен компенсировать однобокость настоящего, он приводит этот образ в соответствие с ценностями настоящего, что позволяет современникам его воспринять. Таким образом, искусство представляет собой «процесс саморегуляции в жизни наций и эпох» [19, с. 378].

Разговор о компенсирующем характере литературы в контексте интересующего нас вопроса мы находим в работе Р. Джексона. Рассматривая развитие литературы с позиций фрейдовского и лакановского анализа, исследователь подробно анализирует вопрос о репрессивном характере культуры Просвещения, «fortresses of unreason», в отношении ко всему неразумному, фантастическому. Все, что было запрещено и подавлено, вырывается наружу, сначала в неявном виде в готическом романе, позднее в более отчетливом виде в литературе романтизма [27, с. 57]. Кульминацией этого движения становится выход в свет романа Б. Стокера «Дракула», нагруженный теми же желаниями и подавленными трансгрессивными энергиями, что и страшные истории Стивенсона и Уэльса. Страсть к бессмертию в простом человеческом контексте реализуется в жутком образе Дракулы, которому недостаточно просто вечной жизни, он разрывает границы жизни и смерти, возвращаясь из мира иного, требуя свою долю в мире живых [27, с. 69].

Время появления романа Б. Стокера С. А. Антонов характеризует следующим образом: «Лондон, в который так мечтает попасть трансильванский граф – это поздневикторианский Лондон с трудом подавляемых агрессивных страстей, индивидуальных и коллективных фобий и чудовищных преступлений...» [1, с. 72]. Этот образ подчеркивает предельную степень напряжения, которую вызвала культура Просвещения, выдавливая все темное за свои пределы, а также острую потребность в создании приемлемого дискурса для разговора обо всем пугающем и отвратительном. Исследователи указывают на широкий спектр страхов, характерных для Викторианского общества: разрушение традиционных устоев древней/ чуждой/ стоящей ниже культурой; изменение социальной структуры, предполагающей более активную роль женщин во всех сферах; проявление недопустимой сексуальности, особенно если идет речь о ее проявлении у женщин, или гомосексуализме; распространение незнакомых болезней, которые вызывают эпидемии и ужасную смерть. Так можно заключить, что образ вампира может выступать как репрезентация только части из указанных выше аспектов Тени: он противостоит доминирующей культурной установке, выражая ее страхи.

Итак, под давлением культуры Просвещения к середине XVIII в. внутри готического романа вновь перерождается образ вампира, и оформляются общие положения литературного вампиризма: 1. Вампир является в телесном виде, а не как призрак. 2. Вампир пьет кровь у живых. 3. Укушенный вампиром сам становится вампиром. 2 и 3 отличаются от народных представлений [12, с. 103]. Часть деталей, растиражированных позднее, вводит в оборот Б. Стекер. Вот некоторые из них: Вампир не отражается в зеркале, не отбрасывает тени, боится чеснока; вампиром может стать тот, кто выпил кровь вампира, причем выбор гетеросексуален; вампиру необходимо быть приглашенным, чтобы войти в дом жертвы, проводить восход и закат в могиле. Литераторы отказываются от многих народных представлений о том, почему человек становится вампиром. Хотя заметим, кое-что из этого позднее будет воспроизведено в кинематографе, например, румынское поверье о том, что православный, отрекшийся от своей веры, становится вампиром [12, с. 84]. С. А. Антонов отмечает еще одно фундаментальное отличие литературного вампира от его фольклорных предшественников: «оживший мертвец» – механически бесстрастный живой мертвец, «бессмысленный труп», в то время как вампир одержим мрачными страстями, обладает посясторонними эмоциями, человеческим измерением [1, с. 32–33]. Позднее это различие проявится в расхождении вампиров с другим персонажем – зомби/франкенштейном. Кроме того, Дракула появляется из Трансильвании, которая рассматривается как окраина христианского мира, т. е. он принадлежит именно христианству, но как компенсирующая идея приходит из его отдаленной, во многом чуждой другим героям романа, территории.

Параллельно меняется образ Дьявола: в то же время, что и литературный вампир, набирает популярность образ Мефистофеля, который «соблазняет интеллектуалов способностью необозримо расширить границы возможностей личности» [11, с. 107]. Романтическая литература оправдывает Дьявола, превращая его в бога бунтовщиков [11, с. 112].

Итак, подчеркнем: трансформация образа вампира происходит отнюдь не в среде протоллюдинов, где представления о них никуда не исчезали на протяжении столетий, но среди

людей образованных, творческих, на фоне торжества Просвещения и разоблачения суеверий. Именно в этих кругах растет значимость рационализации, именно здесь появляется и компенсирующее движение. Отметим также, что при этом не происходит прямого повтора отвергнутых верований из прошлого. Место Бога занимает просвещенный Разум, которому противостоит все эмоционально-чувственное в обновленных образах разнообразной нечисти.

В романе Б. Стокера борьба с вампиром происходит в контексте квазинаучного дискурса, именно ученый доктор Ван Хельсинг оказывается главным борцом со Злом: он удостоверяет его реальность и находит методы борьбы с ним, практически так же, как в предыдущие столетия удостоверяли существование вампиров представители церкви в своих трактатах, допуская саму возможность дискурса о подобных созданиях. Даже само происхождение вампиров в романе находит «научное» объяснение: на родине немертвого присутствует уникальное сочетание геологических и химических факторов, которые состоят в том, что из вулканов выходят воды и газа с такими свойствами, которые способны как убивать, так и оживлять [14, с. 459]. Что касается самого текста романа, то не раз отмечалось, что он представлен как собрание подлинных документов, созданных благодаря новейшим достижениям техники того времени: скоропись, печатная машинка, фонограф, телеграф. Вампир выступает противоположностью всему этому, параллельно обретает черты прародителя зла и присваивает его традиционные символы.

Теперь вампир управляет миром природы [12, с. 126]. Он может превращаться в волка, летучую мышь, крыс, туман. За исключением последнего, все это символы Дьявола: волк рассматривается в этом ключе, начиная с евангельских текстов [10, с. 79]. А. Е. Махов в своей работе приводит объяснение Ю. Балтрушайтиса, который объясняет связь Дьявола с летучими мышами тем, что на определенном этапе развития христианской иконографии в XIII в. возникла необходимость заменить у Дьявола ангельские крылья, лишить которых полностью его как того, кто господствует в воздухе, было нельзя [10, с. 102–103]. Мышь или крыса тоже является символом Дьявола, однако, как правило, только в образе того, кто попал в ловушку [9, с. 259]. Забегая вперед, отметим, что именно в момент побега от своих преследователей Дракула превращается в крыс в фильме Ф. Копполы. Музыкальный портрет Дракулы в кинематографе также опирается на средневековые традиции, в частности, Dies Irae XIII в. [2]. Вспомним также, что Дьявол и дракон – два смысла имени Дракулы. Так, образ Дракулы понемногу уподобляется Дьяволу, выражению Тени христианской культуры. V. Kast анализирует разные способы взаимодействия со Злом [28, с. 37–38], и если Дракула сближается с Дьяволом, то возможна только победа над ним.

Чтобы прокомментировать трансформацию образа вампира, обратим внимание на идею К. Г. Юнга о том, что в своем развитии символы, выражающие архетип, приближаются к сознанию, его образы преобразуются от максимально удаленных от сознания к доступным ему (например, теряют зооморфные черты и приобретают антропоморфные). В то же время можно встретить и обратный процесс, в тех случаях, когда сознание утрачивает интерес к психическому содержанию, оно деградирует и принимает все более архаические черты [22, с. 102]. Образ Дьявола в эпоху Нового времени развивается от животных образов к человеческому облику, литература романтизма делает его героем-бунтовщиком [11, с. 123]. Параллельно образ вампира движется от кровососущего животного и ожившего мертвеца к утонченному аристократу, обладающему повышенной сексуальной привлекательностью. В романе Б. Стокера Дракула обретает черты интеллектуала и мага, который строит планы экспансии на Запад.

Заключение. Итак, образ вампира является одним из выражений архетипа Тени и из спектра возможных его содержаний отчетливо репрезентирует все то, что противостоит доминирующей культурной установке, относится к области ее страхов. Он трансформируется вместе с самой культурой. Исторически образ вампира формируется из представлений о ходячих мертвецах и кровососущих монстрах, которые представляют варианты примитивного зла. В Средние века у них возникает религиозная окраска. В эпоху Просвещения, провозгласившую торжество Разума, эти представления оказываются подавлены. И в это же время появляется литературный вампир, который начинает очеловечиваться, обретая сначала сексуальную привлекательность, а потом черты интеллектуальных монстров. Параллельно вампир заимствует символы Дьявола, в образе последнего также активно развиваются черты трагического героя, происходит его очеловечивание после деградации в животный мир и монструозность в предшествующий период. Этот процесс иллюстрирует начало подъема содержаний бессознательного, их приближение к сознанию и лежит в контексте развития архетипических образов культурной Тени европейского общества, ее исторической трансформации.

Список литературы

1. Антонов С. А. Тонкая красная линия // Гость Дракулы и другие истории о вампирах. СПб. : Азбука-Классика, 2007. С. 5–86.
2. Бабич Н. Ф. Музыкальные формулы страха: эволюция звукового портрета Дракулы в мировом кинематографе // Культура и искусство. 2019. № 9. С. 11–21. DOI: 10.7256/2454-0625.2019.9.30840.
3. Гуггенбюль-Крейг А. Благо Сатаны. Парадоксы психологии / перевод с нем. С. С. Панкова; научная редакция В. В. Зеленского. СПб. : С. С. К., 1997. 119 с.
4. Гуггенбюль-Крейг А. Наивные старцы (Анализ современных мифов). URL: <http://www.jungland.ru/node/1114> (дата обращения: 03.12.2010).
5. Динцельбахер Петер. Основные тенденции религиозного развития Германии в эпоху высокого средневековья // К 75-летию А. Я. Гуревича / сост. И. В. Дубровский, С. В. Оболенская, М. Ю. Парамонова. М. ; СПб. : Университетская книга, 1999. 463 с.
6. Зеленский В. В. Толковый словарь по аналитической психологии (с английскими и немецкими эквивалентами). Изд. 3-е, испр. и доп. М. : Когито-Центр, 2008. 324 с.
7. Карсавин Л. П. Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках // Собрание сочинений. Т. 2. Основы средневековой религиозности / послесл. и коммент. А. К. Клементьева. СПб. : Алетейя, 1997. С. 13–388.
8. Мариньи Ж. Дракула и вампиры. URL: https://vk.com/doc133757284_449401869?hash=QrqMefiFdXvkuYlWIZ2Ovt5471KI3u1MR2zTepQzTdk (дата обращения: 03.10.2023).
9. Махов А. Е. HOSTIS ANTIQUUS: Категории и образы средневековой Христианской демонологии. Опыт словаря. М. : Intarda, 2006. 416 с.
10. Махов А. Е. Средневековый образ между риторикой и теологией. М. : Изд-во Кулагиной-Intrada, 2011. 256 с.
11. Минуа Ж. Дьявол. М. : Астрель : АСТ, 2004. 158 с.
12. Михайлова Т. А., Одесский М. П. Граф Дракула: опыт описания. М. : ОГИ, 2009. 208 с.
13. Обидина Ю. С. Миф о вампирах: история и современность // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2017. Т. 3. № 4 (12). С. 28–34.
14. Стокер Б. Дракула. Гость Дракулы. СПб. : СЗКЭО, 2022. 496 с.
15. Фоминых Е. А. Интерпретация символа и его роли в культуре в аналитической психологии К. Г. Юнга // Известия Уральского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2011. № 3 (94). С. 115–122.
16. Франц М.-Л. фон. Феномен Тени и зла в волшебных сказках / пер. с англ. В. Мершавки. М. : Класс, 2010. 360 с.
17. Хендерсон Д. Культуральное бессознательное // Психологический анализ культурных установок / пер. с англ. М. : Добросвет, 1997. С. 154–171.
18. Юнг К. Г. АИОН // Избранное / пер. с нем.: Е. Б. Глушак, Г. А. Бутузов, М. А. Собуцкий, О. О. Чистяков; отв. ред. С. Л. Удовик; худ. обл. М. В. Драко. Минск : Попурри, 1998. С. 159–246.
19. Юнг К. Г. Об отношении аналитической психологии к поэзии // Избранное / пер. с нем.: Е. Б. Глушак, Г. А. Бутузов, М. А. Собуцкий, О. О. Чистяков; отв. ред. С. Л. Удовик; худ. обл. М. В. Драко. Минск : Попурри, 1998.
20. Юнг К. Г. Психологические типы / пер. с нем.; под общ. ред. В. В. Зеленского; худ. обл. М. В. Драко. Минск : Попурри, 1998.
21. Юнг К. Г. Психология архетипа младенца // Душа и миф: шесть архетипов / пер. с англ. М. : Совершенство ; К. : Port-Royal, 1997. С. 86–120.
22. Юнг К. Г. Психология и алхимия / пер. с англ., лат. М. : Рефл-бук ; К. : Ваклер, 2003. 592 с.
23. Юнг К. Г. Психология образа трикстера // Душа и миф: шесть архетипов / пер. с англ. М. : Совершенство ; К. : Port-Royal, 1997. С. 338–356.
24. Якоби И. Психологическое учение Карла Густава Юнга. URL: <http://www.jungland.ru/Library/Jacobi2.htm> (дата обращения: 24.08.2014).
25. Volea S. The Shadow Archetype of the Vampire in Three Horror Movies // Caietele Echinox. Media Mythologies, 2015. Vol. 28. Pp. 281–289.
26. Gelder K. Reading the Vampire. London : New York, 2001. 161 p.
27. Jackson R. Fantasy the literature of subversion. London : New York, 2009. 126 p.
28. Kast V. How Fairy Tales Deal with Evil // Witches, Ogres, and the Devil's Daughter. Encounters with Evil in Fairy Tales. Boston : London, 1992. P. 192.
29. McFadden M. A History of Vampires and Their Transformation From Solely Monsters to Monstrous, Tragic, and Romantic Figures // Curiosity: Interdisciplinary Journal of Research and Innovation. 2021. Vol. 1. Is. 2. Pp. 1–17. DOI: 10.36898/001C.22205.
30. McNally R. T., Florescu R. In search of Dracula: The History of Dracula and other Vampires. New York, 1994. 283 p.
31. Sari Y. P., Putra E. E. Archetypal images reflected in Dracula novel by Bram Stoker // JURNAL BASIS. 2021. Vol. 8–2. Pp. 165–172.

32. *Thurmond D. B.* The Influence of Carl Jung's Archetype of the Shadow On Early 20th Century Literature. Winter park, 2012. 74 p.

The image of a vampire as an expression of the Shadow archetype in culture

Fominykh Elena Aleksandrovna

PhD in Philosophical Sciences, associate professor of the Department of Philosophy,
Sociology and Social Work, Russian State Vocational Pedagogical University.
Russia, Yekaterinburg. ORCID: 0000-0001-7495-6521. E-mail: Manager-gu@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the transformation of the vampire image from the standpoint of Jungian analysis. The purpose of this article is to interpret the vampire image as a manifestation of the Shadow archetype reflecting the dynamics of European culture. The methodological basis of the research is the theoretical provisions of the works of C. G. Jung, describing the structure of the human psyche and the processes of transformation of archetypal images, as well as the ideas of his followers M. L. von Franz, I. Jacobi, A. Guggenbuhl-Craig, D. Henderson, V. Kast, who considered various aspects of the manifestation of the archetype of the Shadow. The analysis showed that the image of a vampire is one of the expressions of the archetype of the Shadow, and from the spectrum of its possible contents it clearly represents everything that opposes the dominant cultural attitude, belongs to the area of its fears. Historically, the image of a vampire is formed from ideas about the walking dead and blood-sucking monsters, which represent variants of primitive evil. In medieval culture, they have a religious connotation. In the age of Enlightenment, which proclaimed the triumph of Reason, these ideas are suppressed. And at the same time, a literary vampire appears, who begins to humanize. In parallel, the vampire borrows the symbols of the Devil, whose image is also humanized in Modern times after the degradation into the animal world of the previous period. This process illustrates the rise of the contents of the unconscious and their approach to consciousness and lies in the context of the development of archetypal images of the cultural Shadow of European society. The conclusion is proposed that the image of a vampire is transformed along with culture, reflecting its shadow sides and historical dynamics; he represents a part of the cultural unconscious along with the image of the Devil.

Keywords: Jungian analysis, Shadow archetype, Dracula, vampire, Devil, cultural dynamics.

References

1. *Antonov S. A. Tonkaya krasnaya liniya* [The thin red line] // *Gost' Drakuly i drugie istorii o vampirah – Dracula's guest and other vampire stories*. SPb. Azbuka-Klassika (ABC Classics), 2007. Pp. 5–86.
2. *Babich N. F. Muzykal'nye formuly straha: evolyuciya zvukovogo portreta Drakuly v mirovom kinematografе* [Musical formulas of fear: the evolution of the sound portrait of Dracula in world cinema] // *Kul'tura i iskusstvo – Culture and Art*. 2019. No. 9. Pp. 11–21. DOI: 10.7256/2454-0625.2019.9.30840.
3. *Guggenbuhl-Craig A. Blago Satany. Paradoksy psihologii* [The Blessing of Satan. Paradoxes of psychology] / transl. from German by S. S. Pankov; scient. ed. by V. V. Zelensky. SPb. S. S. K., 1997. 119 p.
4. *Guggenbuhl-Craig A. Naivnye starcy (Analiz sovremennyh mifov)* [Naive elders (Analysis of modern myths)]. Available at: <http://www.jungland.ru/node/1114> (date accessed: 03.12.2010).
5. *Dinzelbacher Peter. Osnovnye tendencii religioznogo razvitiya Germanii v epohu vysokogo srednevekov'ya* [The main trends in the religious development of Germany in the High Middle Ages] // *K 75-letiyu A. Ya. Gurevicha – To the 75th anniversary of A. Ya. Gurevich* / comp. I. V. Dubrovsky, S. V. Obolenskaya, M. Yu. Paramonova. M. ; SPb. Universitetskaya kniga (University book), 1999. 463 p.
6. *Zelenskij V. V. Tolkovyj slovar' po analiticheskoj psihologii (s anglijskimi i nemeckimi ekvivalentami)* [Explanatory dictionary of analytical psychology (with English and German equivalents)]. 3rd ed., corr. and add. M. Kogito-Center, 2008. 324 p.
7. *Karsavin L. P. Osnovy srednevekovoj religioznosti v XII–XIII vekah* [Fundamentals of medieval religiosity in the XII–XIII centuries] // *Sobranie sochinenij. T. 2. Osnovy srednevekovoj religioznosti – Collected works*. Vol. 2. Fundamentals of medieval religiosity / afterword and comments by A. K. Klementyeva. SPb. Aleteya, 1997. Pp. 13–388.
8. *Marin'i Zh. Drakula i vampiry* [Dracula and the vampires]. Available at: https://vk.com/doc133757284_449401869?hash=QrqMefiFdXvkyYLWIZ2Ovt5471KI3u1MR2zTepQzTdk (date accessed: 03.10.2023).
9. *Mahov A. E. HOSTIS ANTIQUUS: Kategorii i obrazy srednevekovoj Hristianskoj demonologii. Opyt slovarya* [HOSTIS ANTIQUUS: Categories and images of medieval Christian demonology. Dictionary experience]. M. Intarda, 2006. 416 p.
10. *Mahov A. E. Srednevekovyj obraz mezhdru ritorikoj i teologiej* [The medieval image between rhetoric and theology]. M. Kulagina Publishing House-Intrada, 2011. 256 p.

11. Minua J. *D'yavol* [The Devil]. M. Astrel : AST, 2004. 158 p.
12. Mihajlova T. A., Odesskij M. P. *Graf Drakula: opyt opisaniya* [Count Dracula: the experience of description]. M. OGI, 2009. 208 p.
13. Obidina Yu. S. *Mif o vampirah: istoriya i sovremennost'* [The myth of vampires: history and modernity] // *Vestnik Marijskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki* – Herald of Mari State University. Series: Historical Sciences. Legal sciences. 2017. Vol. 3. No. 4 (12). Pp. 28–34.
14. Stoker B. *Drakula. Gost' Drakuly* [Dracula. Dracula's guest]. SPb. NWKEO, 2022. 496 p.
15. Fominyh E. A. *Interpretaciya simvola i ego roli v kul'ture v analiticheskoj psihologii K. G. Yunga* [Interpretation of the symbol and its role in culture in the analytical psychology of K. G. Jung] // *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3: Obshchestvennye nauki* – News of Ural State University. Series 3: Social Sciences. 2011. No. 3 (94). Pp. 115–122.
16. Franz M.-L. von. *Fenomen Teni i zla v volshebnyh skazkah* [The phenomenon of Shadow and evil in fairy tales] / transl. from English by V. Mershavki. M. Klass (Class), 2010. 360 p.
17. Henderson D. *Kul'tural'noe bessoznatel'noe* [Cultural unconscious] // *Psihologicheskij analiz kul'turnyh ustanovok* – Psychological analysis of cultural attitudes / transl. from English M. Dobrosvet, 1997. Pp. 154–171.
18. Jung K. G. *AION* [AION] // *Izbrannoe* – Selected works / transl. from German: E. B. Glushak, G. A. Butuzov, M. A. Sobutsky, O. O. Chistyakov; ed. S. L. Udovik; art. ed. M. V. Draco. Minsk. Potpourri, 1998. Pp. 159–246.
19. Jung K. G. *Ob otnoshenii analiticheskoj psihologii k poezii* [On the relation of analytical psychology to poetry] // *Izbrannoe* – Selected works / transl. from German: E. B. Glushak, G. A. Butuzov, M. A. Sobutsky, O. O. Chistyakov; ed. S. L. Udovik; art. ed. M. V. Draco. Minsk. Potpourri, 1998.
20. Jung K. G. *Psihologicheskie tipy* [Psychological types] / transl. from German; under the gen. ed. of V. V. Zelensky; art. ed. M. V. Draco. Minsk. Potpourri, 1998.
21. Jung K. G. *Psihologiya arhetipa mladenca* [Psychology of the archetype of the infant] // *Dusha i mif: shest' arhetipov* – Soul and myth: six archetypes / transl. from English M. Perfection ; K. Port-Royal, 1997. Pp. 86–120.
22. Jung K. G. *Psihologiya i alhimiya* [Psychology and alchemy] / transl. from English, Latin M. Refl-book ; K. Wackler, 2003. 592 p.
23. Jung K. G. *Psihologiya obraza trikstera* [Psychology of the trickster image] // *Dusha i mif: shest' arhetipov* – Soul and myth: six archetypes / transl. from English M. Otrazhenie (Perfection); K. Port-Royal, 1997. Pp. 338–356.
24. Jacobi I. *Psihologicheskoe uchenie Karla Gustava Yunga* [Psychological teaching of Carl Gustav Jung]. Available at: <http://www.jungland.ru/Library/Jacobi2.htm> (date accessed: 24.08.2014).
25. Bolea S. The Shadow Archetype of the Vampire in Three Horror Movies // *Caietele Echincox. Media Mythologies*, 2015. Vol. 28. Pp. 281–289.
26. Gelder K. *Reading the Vampire*. London : New York, 2001. 161 p.
27. Jackson R. *Fantasy the literature of subversion*. London : New York, 2009. 126 p.
28. Kast V. *How Fairy Tales Deal with Evil* // *Witches, Ogres, and the Devil's Daughter. Encounters with Evil in Fairy Tales*. Boston : London, 1992. P. 192.
29. McFadden M. A History of Vampires and Their Transformation From Solely Monsters to Monstrous, Tragic, and Romantic Figures // *Curiosity: Interdisciplinary Journal of Research and Innovation*. 2021. Vol. 1. Is. 2. Pp. 1–17. DOI: 10.36898/001C.22205.
30. McNally R. T., Florescu R. *In search of Dracula: The History of Dracula and other Vampires*. New York, 1994. 283 p.
31. Sari Y. P., Putra E. E. Archetypal images reflected in Dracula novel by Bram Stoker // *JURNAL BASIS*. 2021. Vol. 8–2. Pp. 165–172.
32. Thurmond D. B. *The Influence of Carl Jung's Archetype of the Shadow On Early 20th Century Literature*. Winter park, 2012. 74 p.

Поступила в редакцию: 06.02.2024

Принята к публикации: 01.07.2024

Профилактика деструктивной деятельности в образовательных организациях высшего образования: проблемы и предложения

Излученко Татьяна Владимировна¹, Гергилев Денис Николаевич²,
Илларионов Григорий Андреевич³

¹кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Сибирский федеральный университет.
Россия, г. Красноярск. ORCID: 0000-0001-5644-301X. E-mail: izluchenko@mail.ru

²доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр «Красноярский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук»; заведующий кафедрой истории России, мировых и региональных цивилизаций, Сибирский федеральный университет.
Россия, г. Красноярск. ORCID: 0000-0003-4913-4803. E-mail: turilak@yandex.ru

³кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Сибирский федеральный университет.
Россия, г. Красноярск. ORCID: 0000-0002-1676-3796. E-mail: gillarionov@sfu-kras.ru

Аннотация. Профилактика деструктивных проявлений актуализируется в образовательной среде по причине социальной активности молодежи, направленной на самореализацию и изменение социально-политического устройства. Это усиливается когнитивной спецификой и сопровождается отказом от традиционных авторитетов и ценностей. Целью работы является выявление проблем при реализации профилактических мероприятий, решение которых обуславливает их эффективность. Методологическая основа исследования опирается на комплексный подход, позволивший охарактеризовать мировоззренческий, когнитивный, политический и социокультурный аспекты деструктивности. Системным подходом рассматриваются структура и связи сложившейся системы профилактики. Профилактика рассмотрена историко-генетическим методом как непрерывный процесс. Посредством социально-философского анализа установлены фундаментальные условия, причины неэффективности профилактики и предложены решения в рамках формирования общероссийской гражданской идентичности. Основными проблемами обозначены: неоднородность целевой аудитории, отсутствие единого вектора интерпретации и транслирования мировоззренческих установок, непроработанность методологических и педагогических приемов и непонимание содержательного наполнения в прогностическом аспекте. Мировоззренческие принципы в рамках концепции «Россия государство-цивилизация» представляются необходимыми структурообразующими элементами концептуального характера для всей системы профилактики. Разделение целевой аудитории на группы «профессионалов» и «обывателей» по признаку доступа к узкоспециализированной информации позволит, с одной стороны, подготовить обучающихся соответствующими компетенциями профилактологов, которые способны выявлять деструктивные проявления и оказывать содействие субъектам профилактической работы. С другой – снизить риск возникновения излишнего интереса к деструктивной деятельности у широкого круга лиц. Формирование гражданской идентичности при сохранении традиционных этнических культур на основе унифицированных мировоззренческих принципов будет способствовать разрешению проблем профилактики.

Ключевые слова: деструктивность, молодежь, профилактика, гражданская идентичность, мировоззрение, государство-цивилизация.

В настоящее время теоретиками и практиками из социально-гуманитарной области знания все больше уделяется внимания противодействию различного рода деструктивным проявлениям от аморального поведения до убеждений террористической направленности среди молодежи как наиболее уязвимой части населения. Ограничение доступа к деструктивному контенту в социальных сетях не приносит желаемого результата, а в какие-то моменты даже провоцирует к ним излишний интерес [10, с. 114]. Проводимые профилактические мероприятия направлены на широкую аудиторию и обладают многопрофильным содержательным наполнением. Как правило, задачей указывается формирование патриотизма, мировоззрения или представлений о недопустимости насилия, деструктивного поведения. Критерием эффективности указывается снижение деструктивной деятельности, на которое влияет положительная динамика социокультурных, политико-правовых, экономических, информационных и когнитивных условий. Сущностно, с педагогической точки зрения, это является

практически неизмеримым результатом обучения. Применяемые процессуальные подходы и нарративы не объясняют причинно-следственные связи (conjunctural, configurational, event-chain) и фокусируются на поверхностных событиях [24].

Исследователями отмечаются важность и практическая значимость изучения как деструктивности, так и организации работы с ней: социальной поддержки личного и профессионального становления М. Х. Ганиевой и Н. М. Латиповой [1], переосмысления педагогических методик С. А. Фадеевой [14], регулярность и информационное сопровождение Е. В. Щетининой [18]. В. И. Красиковым отдельно подчеркнута актуальность рассмотрения популяризации и влияния онлайн-сообществ с риторикой политизированной вражды [3]. Однако отмечается недостаток работ, посвященных выявлению фундаментальных условий и причин низкой эффективности профилактических мероприятий. Цель нашего исследования – выявить и концептуализировать проблемы, возникающие при проведении профилактики деструктивности и не позволяющие повысить эффективность и оптимизировать адекватность управленческих решений. Задачами исследования стали определение когнитивных и психологических особенностей молодежи, обуславливающих деструктивную деятельность; характеристика направлений профилактической работы; анализ содержания профилактических мероприятий относительно перспектив снижения деструктивности и предложение по оптимизации в рамках философской концепции «Россия государство-цивилизация» и формирования соответствующей модели поведения и мышления гражданина – общероссийской гражданской идентичности.

Теоретические основы. В основе методологии исследования находится комплексный подход к деструктивности, который позволил определить мировоззренческий, когнитивный, политический и социокультурный аспекты и спрогнозировать результативность реализуемых и предлагаемых авторами профилактических мер. Системным подходом были проанализированы разнообразные профилактические мероприятия деструктивной деятельности, действия организующих их субъектов и межведомственное взаимодействие, а также определены характер и структурные связи между всеми участниками как социальными акторами. Историко-генетический метод позволил рассмотреть профилактику как непрерывный и последовательный процесс. Становление российской государственности представлено в рамках цивилизационного подхода. Социально-философский анализ позволил выявить основополагающие принципы эффективной профилактической работы, концептуализировать проблемы, решение которых является необходимым условием повышения эффективности. Проанализированы работы российских и зарубежных исследователей, посвященных деструктивности и роли гражданской идентичности в ее профилактике. Выводы по полученным результатам были сформулированы посредством общенаучных методов анализа и синтеза, индукции и дедукции, обобщения. Абстрагирование способствовало рассмотрению различного рода деструктивных проявлений как явлений социальной реальности, оказывающих негативное влияние на социальную стабильность.

Результаты. На сегодняшний день профилактика деструктивной деятельности в образовательной среде основывается в концептуальном плане на обозначении негативных сторон данных явлений и условий их возникновения. В погоне за прикладным знанием игнорируются содержательная и результативная составляющие профилактики, тем самым предпринимаемые меры получают только абстрактный характер. Предпринимаемые меры безопасности сводятся к предостережениям о недопустимости совершения противоправных действий. Они носят некарательный характер и могут применяться только в отношении тех явлений и процессов, по которым есть решения судов. Большая доля проявлений деструктивной деятельности не охватывается нормативно-правовой базой и остается «серой» зоной, по которым принимается решение в индивидуальном порядке на основе морально-нравственного, политического и социокультурного контекста.

Отсутствие единого понятийного аппарата, используемого всеми субъектами профилактической работы, не позволяет скоординировать предпринимаемые меры в едином мировоззренческом направлении, единообразно презентовать желаемый результат. Это приводит к невозможности полноценной реализации программ профилактики и получения долгосрочных положительных результатов. Невозможно эффективно бороться – осуществлять просвещение, предпринимать меры безопасности и реализовывать государственный и общественный контроль – с тем, что субъектами профилактической работы представляется по-разному.

Молодежь представляет собой сензитивную часть социума и обладает повышенной чувствительностью к происходящим процессам и склонностью к длительным переживаниям

[6, с. 48], взаимосвязью депрессивности и деструктивности [23]. Значимыми являются ближайшее окружение и успех среди сверстников. Обнаружение угроз и принятие радикальных решений проявляются в более частом и чувствительном реагировании молодых людей на стимулы по причине нейротизма и низкой саморегуляции негативных эмоций, преобладания фактора тревоги [11]. Деструктивная деятельность провоцируется неудовлетворенностью социально-политическим положением, стремлением продемонстрировать свою индивидуальность, уникальные способности и проявить социальную активность. Гнев и стыд выступают усиливающим фактором [25]. К. Мангейм отметил, что такое конфликтное сознание является отражением социальной нестабильности, а замешательство – естественным результатом неопытности [4, с. 445].

Потенциальная энергия молодых людей является значимой для развития общества и государства, реализации государственных программ и повышения конкурентоспособности общества. Профилактика должна ориентироваться на данную группу населения, а ресурсы системы высшего образования позволят охватить максимальное количество людей в возрасте 17–25 лет. Следовательно, от содержания образовательных программ и воспитательных практик напрямую зависят благополучие и стабильность государства. Однако они не могут позитивно реализовываться без определения мировоззренческих установок, отвечающих настоящей социокультурной и внутривнутриполитической обстановке. Эффективность профилактики измеряется конструктивным будущим. Поэтому ориентироваться субъекты профилактической работы должны на прогнозирование и моделирование ожидаемого социума в онтологическом, этическом и аксиологическом аспектах. Долгосрочными результатами представляются навыки самостоятельного решения проблем обучающимися легитимными способами, адаптации к социально-экономическим изменениям и конструктивного выражения гражданской позиции, социальной активности.

Так, например, с 2021 г. работу начали созданные при университетах Координационные центры по вопросам формирования у молодежи активной гражданской позиции, предупреждения межнациональных и межконфессиональных конфликтов, противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма. Работают соответствующие структурные подразделения при каждом учебном заведении. С 2023 г. помимо дисциплин «История России» и «Философия» профилактическая функция возложена на «Основы российской государственности» [2]. Также в образовательные программы была введена дисциплина, направленная на формирование нетерпимого отношения к проявлениям экстремизма, терроризма, коррупционного поведения и компетенций, обеспечивающих возможность противодействовать им в профессиональной деятельности и повседневной жизни [8].

Отметим, что при планировании вторичной и третичной профилактики стоит помнить про рациональность выбора многими участниками деструктивной деятельности и наличие огруппленного, радикализованного мышления. Принадлежность к культурам со строгими и сильными ценностями выступает защитным фактором против психопатического измерения личности и помогает предотвратить эмоциональную реакцию после совершения преступлений [21]. В деятельности таких сообществ молодые люди реализуют свое стремление к самовыражению, достижению признания со стороны других и социальной идентичности, а также получают возможность доминировать в соответствующем поле стратегических действий [15] и выполнять социально значимую статус-роль, осуществлять всемирную борьбу добра со злом. Особенно это востребовано в условиях минимального наличия и доступности социальных лифтов для молодежи в государстве.

Отдельное внимание при реализации профилактических мероприятий требует разработка понятийного аппарата, который позволит оперировать общепринятыми определениями и обеспечить согласованность действий всех субъектов профилактической работы. Под профилактикой, в широком плане, понимают совокупность предупредительных мер, направленных на сохранение и укрепление нормального состояния социально-политического порядка, поддержание стабильного развития [17, с. 1558]. Под деструктивностью – разрушительное поведение, направленное как на внешние объекты, так и на самого себя. Содержание деструктивности гораздо шире, чем несколько десятилетий назад по причинам намеренного размывания нравственных норм, развития сети Интернет, смещения коммуникативной активности и социализации в виртуальное пространство [11, с. 287], сопровождаемое геймификацией деятельности.

Реализация профилактических мероприятий преимущественно осуществляется в рамках духовно-нравственного воспитания, культурно-просветительского, гражданско-патри-

тического, физического и научно-образовательного направлений. Работа с индивидуальными проявлениями является одной из задач наравне с улучшением экономического благосостояния страны, развитием культуры межнационального и межрелигиозного диалога, мирного урегулирования конфликтов, совершенствованием правовой базы и формированием национальной идентичности. Задачей воспитания становится научение любви к Родине, реализация которой требует проработку единого понимания понятий «Родина», «любовь» и приемлемых способов ее проявления.

Формирование общероссийской гражданской идентичности и создание системы патриотического воспитания следует основывать на той исторической, культурной, религиозной, экономической, психологической (менталитет) специфике, которой обладает российское общество. Важным представляются преодоление фрагментарности, конкурентности теорий и обеспечение системного взаимодействия [20]. Под патриотизмом целесообразно понимать принцип функционирования социума, содержащий систему ценностей, обеспечивающий социальную сплоченность и социальную идентификацию по признаку отношения к гражданской нации (россияне, многонациональный народ России) при осознании специфики этнической культуры и ее роли в становлении российской государственности. Конструировать гражданскую идентичность посредством воспитания: а) активной позиции, нравственной и моральной ответственности перед обществом; б) осознанной принадлежности к государственности (политической системе, социальным и культурным, светским ценностям, исторической памяти); в) рационального обоснования роли и места, прогнозирования личностного развития в перспективах государства [26, с. 29].

При проведении культурно-просветительских и духовно-нравственных мероприятий подчеркивается культурно-историческая специфика народов России, вероучительные и ритуальные стороны религиозных практик. Многонациональность и полирелигиозность населения, исторический опыт развития либеральных ценностей и сохранение неолиберальных тенденций способствуют расхождению в понимании любой из перечисленных в Указе Президента от 9 ноября 2022 г. № 809 [13] традиционных духовно-нравственных ценностей. Возникающие противоречия усиливаются субъективным пониманием содержания планируемого результата, интуитивными представлениями людей о нормативном поведении, Родине и традиционных ценностях, которые при вербализации не согласуются между собой.

Так, согласно интерактивной карте профилактической деятельности, публикуемой Национальным центром информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет, в Красноярском крае за 2023 г. было проведено 70 мероприятий [7]. Среди них представлены образовательные семинары («Идентичность как ключ к пониманию и презентации себя»), форумы («Сибирский аргиш») и лекции («Интернет как среда коммуникации», «Российская политическая традиция как элемент гражданской идентичности»), мероприятия патриотической направленности: «Торжественная церемония в День флага России», открытие Аллеи славы, торжественные концерты, военно-патриотические игры, а также спорно относящиеся к профилактике акция «Сдай тест на ВИЧ» и турнир полевой стрельбе. Указан и национальный праздник народов Средней Азии «Навруз». Однако в списке отсутствуют традиционные русские праздники, что свидетельствует об ошибочном принятии государствообразующего русского этноса, не нуждающегося в поддержке, развитии и сохранении своей культуры.

При формировании общероссийской гражданской идентичности явный приоритет какой-либо культуре и религиозной традиции представляется непродуктивным. Однако в религиозной идентификации преобладает кентавр-идея православной идентичности, которой свойственен мифологический образ церкви и сочетание фольклорно-кулинарного соблюдения постовых предписаний, празднований и положительного отношения к абортам. Около 80 % граждан ассоциируют себя с православной традицией [19]. На наш взгляд, трактовка традиционных духовно-нравственных ценностей, направленная на выработку унифицированных представлений, вполне может осуществляться в православном преломлении. Это будет отвечать интуитивным представлениям большинства населения, сложившемуся православному консенсусу в государстве [12, с. 367] и не будет конфликтовать с интерпретациями иных философско-богословских подходов, религиозных учений.

Обсуждение. Полученные нами посредством опросов, дискуссий и групповой работы данные в рамках проведения занятий по дисциплине «Основы российской государственности» в 2023 г. среди обучающихся первого курса согласуются с результатами исследования

А. Д. Харичева, А. Ю. Шутова, А. В. Полосина и Е. Н. Соколовой, проведенного в рамках разработки проекта «ДНК России» в 2022 г. [16, с. 14]. Доверие к демократическим процедурам, признание компетентности и эффективности власти, ее открытости и уважение к человеку, единство целей власти и общества позиционируются ценностными установками относительно государства, а патриотизм, идентификация и осознание связи с территорией, понимание важности защиты целостности, суверенитета – относительно страны. Схожие результаты представлены в работе М. Ю. Мартынова и В. С. Пуртовой. Установлено наличие преобладающей доли молодых людей, у которых жизненные стратегии включают опору на легальные средства, учет интересов других, привлечение собственных ресурсов и актуализацию личностных качеств. Им присущ высокий уровень доверия политическим институтам [5, с. 62]. Обозначенные традиционные духовно-нравственные ценности России согласуются с ценностными ориентирами и мировоззренческими принципами российской молодежи (обучающихся высших учебных заведений).

Основная проблема профилактики деструктивной деятельности заключается в интеллектуальной, образовательной и деятельностной неоднородности профилируемой аудитории. В ней присутствуют немногочисленные заинтересованные лица, имеющие навыки профилактической работы и желающие получить углубленные знания, практико-ориентированные умения. Однако большая часть представлена слушателями, которыми будет усвоено не более 5 % транслируемой информации. В результате содержание таких мероприятий становится неактуальным для всей аудитории – первым будет недостаточно знаний, а у вторых вызовет эффект информационного шума или спровоцирует излишний интерес.

На наш взгляд, для разрешения проблемы осведомленности молодежи в вопросах деструктивной деятельности и организации эффективной профилактической работы целесообразно разграничить профилактические мероприятия для разного уровня заинтересованности и мотивированности обучающихся. Это позволит конкретизировать ожидаемые результаты обучения и шкалу оценивания для каждой группы.

Для первой группы – «профессионалов» – важным является возможность самостоятельного осуществления противодействия деструктивной деятельности в рамках действующего правового поля. Тем самым они получают признание и реализуют свою потребность в социальной активности. Ознакомление с запрещенным к публичной демонстрации и распространению деструктивным контентом, со спецификой деятельности деструктивных сообществ и способами вовлечения у них не вызовет ненужного интереса и не спровоцирует деструктивное поведение.

Обучение данной группы программам противодействия, включающим как опосредованный, так и непосредственный контакт с профилируемыми проявлениями, психологическую и правовую подготовку, позволит восполнить нехватку квалифицированных кадров, а также лиц, способных осуществлять адекватный общественный контроль. Они, получая навыки анализа узкоспециализированной информации и владения приемами противодействия механизмам вовлечения и убеждения потенциальных «жертв» в ошибочности идеологических положений, смогут результативно заниматься предупреждением и выявлением проявлений деструктивности в молодежной среде.

Работа со второй группой – «обывателями» – должна ориентироваться на организацию их повседневной и образовательной деятельности в аспекте предоставления возможностей для самореализации. Тема деструктивности, о которой они имеют интуитивные представления, изначально для них не является актуальной. Именно в силу их неосведомленности они могут стать объектами вовлечения и в дальнейшем даже участниками, не осознавая деструктивного характера своих действий и будучи убежденными (ложно) в совершении общественно-значимого дела.

Профилактические мероприятия для данной группы должны быть направлены на получение компетенций, позволяющих успешно реализовываться в социуме и государстве; осознании прав и свобод, ответственности перед социумом, семьей и государством; формирование активной гражданской позиции; девальвации криминального образа жизни; умения самопрезентации, самовыражения общественно доступными и приемлемыми способами; реализации собственных социально-политических, экономических проектов. Наличие а) разработанных образов персонализированной Родины и разных вариаций героев, модели мышления и поведения которых они могут воспроизводить в профессиональном и повседневном аспекте; б) социальных возможностей для утверждения собственной значимости и полезности

инициатив позволит сформировать требуемые паттерны поведения и снизить риск вовлечения в деструктивную деятельность.

Согласимся с Н. С. Савкиным, что воспитание и обучение на всех уровнях образования должны способствовать формированию представления о «хорошем» гражданстве у молодежи и отказу от мнимого, показного патриотизма [7], сопровождаемого агрессией в отношении людей иной религиозной, этнической, социальной и другой принадлежности. Разработка концептуальной основы представляется основополагающим элементом эффективной профилактики деструктивной деятельности, что согласуется с позициями зарубежных исследователей [27]. Перспективной представляется философская концепция «Россия государство-цивилизация». Сбалансированное сочетание интересов государства и народонаселения, осознание собственной самобытности и принятие культурно-исторического своеобразия народов позволит сформировать общероссийскую гражданскую идентичность (россияне) и повысит внутривнутриполитический и международный престиж государства. Как верно отмечено М. Волинской, распространение политических ценностей и конструирование положительного имиджа государства являются структурообразующими процессами для гражданской идентичности молодежи [28].

Введением модели общероссийской гражданской идентичности в контексте цивилизационного подхода разрешается вопрос культурно-исторической интерпретации патриотизма и традиционных духовно-нравственных ценностей. Указанные ценности можно позиционировать в рамках светской культуры, синтезирующей этническую и религиозную специфику населения в единое унифицированное духовное пространство. Принципы православной культуры, имеющие исторический приоритет для российского государства, могут стать неким абстрактным эталоном, ориентированным, в первую очередь, на ту часть населения, которая не обладает сильно развитым этническим самосознанием. Тем самым будет пресечено распространение мировоззренческого вакуума, который мог бы быть занят деструктивным содержанием, а также простимулируется социальная активность молодых людей в конструктивном для общества и государства направлении.

Заключение. Ключевой идеей профилактики должны стать прогнозирование и конструирование будущего российского общества, обладающего конкретными конкурентоспособными характеристиками. Философская концепция «Россия государство-цивилизация» позволяет установить вектор работы, определить ключевые понятия и задать общую динамику социально-политических и духовных процессов, направленных на социальную сплоченность и осознание гражданами своей государственной принадлежности. В рамках нее конкретные проблемы – отсутствия единого вектора интерпретации и транслирования мировоззренческих принципов, непроработанности методологических, педагогических приемов и непонимания содержательного наполнения субъектами – получают возможность конструктивного разрешения. Разделение образовательных подходов по мерам профилактики для «профессионалов» и «обывателей» позволит более адресно реализовывать профилактические мероприятия и разрешить проблемы неоднородности целевой аудитории и неадекватности общественного контроля.

Список литературы

1. Ганиева М. Х., Латипова М. Н. Форма социальной работы с молодежью по профилактике девиантности // Экономика. Социология. Право. 2020. № 1 (17). С. 42–51.
2. Заседание Государственного Совета // Президент РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70169> (дата обращения: 22.11.2023).
3. Красиков В. И. Онлайн-сообщества с риторикой политизированной вражды в социальных сетях // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 73. С. 91–107.
4. Мангейм К. Диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ., гл. ред. и сост. серии С. Я. Левит. М. : Юрист, 1994. 700 с.
5. Мартынов М. Ю., Пуртова В. С. Гражданская идентичность в моделях поведения молодежи // Евразийский союз ученых. 2016. № 30–3. С. 61–64.
6. Мищенко В. И., Мищенко В. В. Проблемные вопросы профилактики девиантного поведения несовершеннолетних и пути их решения // Евразийский союз ученых. 2018. № 1–2 (46). С. 47–49.
7. Национальный центр информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет. URL: <https://map.ncpti.ru/events> (дата обращения: 09.11.2023).

8. Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 27 февраля 2023 г. № 208 «О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования» // Информационно-правовой портал Гарант. Ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406553423/?ysclid=lomuzx621p353371000> (дата обращения: 06.11.2023).
9. Савкин Н. С. Философия патриотизма: патриотизм мнимый, показной и подлинный // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2018. № 2 (42). Т. 18. С. 197–204.
10. Самосват О. И., Брежнева Т. С. Эффективность блокировки деструктивных групп в социальных сетях / Е. Р. Шмеерова // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 1. С. 109–122. DOI: 10.18384/2224-0209-2020-1-994.
11. Тимошина Е. М. Деструктивные субкультуры несовершеннолетних как условия их виктимизации и криминализации // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 6. № 2 (12). С. 286–293.
12. Узланер Д. Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке. М. : Изд-во Института Гайдара, 2020. 416 с.
13. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Информационно-правовой портал «Гарант +». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 06.11.2023).
14. Фадеева С. А. Вопросы профилактики деструктивного поведения обучающихся в контексте обновленных образовательных стандартов // Антропология. 2022. № 3 (7). С. 89–93.
15. Флигстин Н., Макадам Д. Теория полей / пер. с англ. Е. Б. Головляничной; под науч. ред. В. В. Радаева. М. : Высшая школа экономики, 2022. 464 с.
16. Харичев А. Д., Шутов А. Ю. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) / А. В. Полосин, Е. Н. Соколова // Журнал политических исследований. 2022. № 3. Т. 6. С. 9–19.
17. Шефрукова С. Т., Сутина Н. М. Профилактика преступности несовершеннолетних: терминологический аспект // Экономика и социум. 2020. № 11 (78). С. 1557–1560.
18. Щетинина Е. В. Профилактика деструктивного поведения в образовательных организациях: результаты комплексного исследования на примере Челябинской области // Инновационное развитие профессионального образования. 2022. № 3 (35). С. 152–156.
19. Юрасов И. А., Павлова О. А. Проблема православной религиозной идентичности: дискурс, менталитет / О. Н. Юрасова // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 5. С. 59–67.
20. Bugaychuk T., Koryakovtseva O. Patterns of Formation of younger generation civic identity // Polit-Book. 2022. Vol. 2. Pp. 171–181.
21. Carabellese F., Carabellese F. Between psychopathy and deviant socialization: A close look at the mafia men / G. Mandarelli, D. Montalbò, L. Parente, D. La Tegola, G. Petroni, G. Bruno, R. Catanesi, A. Felthous // International Journal of Law and Psychiatry. 2023. Vol. 89. 101907. DOI: 10.1016/j.ijlp.2023.101907.
22. Cassiello-Robbins C., Wilner J. Elucidating the relationships between shame, anger, and self-destructive behaviors: The role of aversive responses to emotions / J. Peters, K. Bentley, Sh. Sauer-Zavala // Journal of Contextual Behavioral Science. 2019. Vol. 12. Pp. 7–12. DOI: 10.1016/j.jcbs.2018.12.004.
23. Chen C., Lien Y. Trajectories of co-occurrence of depressive symptoms and deviant behaviors: The influences of perceived social support and personal characteristics // Children and Youth Services Review. 2018. Vol. 95. Pp. 174–182. DOI: 10.1016/j.childyouth.2018.10.037.
24. Geels F. Causality and explanation in socio-technical transitions research: Mobilising epistemological insights from the wider social sciences // Research Policy. 2022. Vol. 51. Is. 6. 104537. DOI: 10.1016/j.respol.2022.104537.
25. Liu X., Read S. Prevention focus and conscientiousness drive accurate responding in stimulus detection / A. Rabin, K. Pollard, B. Files // Journal of Research in Personality. 2023. Vol. 107. 104430. DOI: 10.1016/j.jrp.2023.104430.
26. Mukhtarova Sh., Pazylbe B. K. Patriotism as a condition of formation of person's civic identity // Bulletin of the Karaganda university. Pedagogy series. 2020. Vol. 3. Pp. 25–32.
27. Smith V., Magill K. Sorting through citizenship: A case study on using cognitive scaffolding to unpack adolescent civic identity formation / B. Blevins, N. Scholten // The Journal of Social Studies Research. 2022. Vol. 46. Is. 3. Pp. 223–235. DOI: 10.1016/j.jssr.2021.09.002.
28. Volynskaia M. State Image as a Factor of Civic Identity // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2013. Vol. 82. Pp. 181–185. DOI: 10.1016/j.sbspro.2013.06.242.

Prevention of destructive activity in educational institutions of higher education: problems and suggestions

Izluchenko Tatyana Vladimirovna¹, Gergilev Denis Nikolaevich²,
Illarionov Grigory Andreevich³

¹PhD in Philosophical Sciences, associate professor of the Department of Philosophy, Siberian Federal University, Russia, Krasnoyarsk. ORCID: 0000-0001-5644-301X. E-mail: izluchenko@mail.ru

²Doctor of Historical Sciences, associate professor, leading researcher, Federal Research Center "Krasnoyarsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences"; Head of the Department of History of Russia, World and Regional Civilizations, Siberian Federal University, Russia, Krasnoyarsk. ORCID: 0000-0003-4913-4803. E-mail: turilak@yandex.ru

³PhD in Philosophical Sciences, associate professor of the Department of Philosophy, Siberian Federal University, Russia, Krasnoyarsk. ORCID: 0000-0002-1676-3796. E-mail: gillarionov@sfu-kras.ru

Abstract. The prevention of destructive manifestations is being actualized in the educational environment due to the social activity of young people aimed at self-realization and changing the socio-political structure. This is reinforced by cognitive specificity and is accompanied by a rejection of traditional authorities and values. The purpose of the work is to identify problems in the implementation of preventive measures, the solution of which determines their effectiveness. The methodological basis of the research is based on an integrated approach, which made it possible to characterize the ideological, cognitive, political and socio-cultural aspects of destructiveness. A systematic approach examines the structure and connections of the existing prevention system. Prevention is considered by the historical and genetic method as a continuous process. Through a socio-philosophical analysis, the fundamental conditions and causes of the ineffectiveness of prevention are established and solutions are proposed within the framework of the formation of an all-Russian civic identity. The main problems are identified: the heterogeneity of the target audience, the lack of a single vector of interpretation and translation of worldview attitudes, the lack of elaboration of methodological and pedagogical techniques and a lack of understanding of the content in the prognostic aspect. The worldview principles within the framework of the concept of "Russia is a state-civilization" are the necessary structural elements of a conceptual nature for the entire prevention system. Dividing the target audience into groups of "professionals" and "laymen" based on access to highly specialized information will, on the one hand, allow us to train qualified preventionologists who are able to identify destructive manifestations and assist subjects of preventive work. On the other hand, to reduce the risk of excessive interest in destructive activities among a wide range of people. The formation of civic identity while preserving traditional ethnic cultures based on unified worldview principles will contribute to solving prevention problems.

Keywords: destructiveness, youth, prevention, civic identity, worldview, state-civilization.

References

1. Ganieva M. H., Latipova M. N. *Forma social'noj raboty s molodezh'yu po profilaktike deviantnosti* [The form of social work with youth on the prevention of deviance] // *Ekonomika. Sociologiya. Pravo* – Economy. Sociology. Right. 2020. No. 1 (17). Pp. 42–51.
2. *Zasedanie Gosudarstvennogo Soveta* – Meeting of the State Council // President RF. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/70169> (date accessed: 22.11.2023).
3. Krasikov V. I. *Onlajn-soobshchestva s ritorikoj politizirovannoj vrazhdy v social'nyh setyah* [Online communities with the rhetoric of politicized hostility in social networks] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya* – Herald of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science. 2023. No. 73. Pp. 91–107.
4. Mannheim K. *Diagnoz nashego vremeni* [Diagnosis of our time] / transl. from German and English, chief ed. and comp. of series S. Ya. Levit. M. Jurist, 1994. 700 p.
5. Martynov M. Yu., Purtova V. S. *Grazhdanskaya identichnost' v modelyah povedeniya molodezhi* [Civic identity in models of youth behavior] // *Evrazijskij soyuz uchenyh* – Eurasian Union of Scientists. 2016. No. 30–3. Pp. 61–64.
6. Mishchenko V. I., Mishchenko V. V. *Problemye voprosy profilaktiki deviantnogo povedeniya nesovershennoletnih i puti ih resheniya* [Problematic issues of prevention of deviant behavior of minors and ways to solve them] // *Evrazijskij soyuz uchenyh* – Eurasian Union of Scientists. 2018. No. 1–2 (46). Pp. 47–49.
7. National Center for Information Counteraction to Terrorism and Extremism in the educational environment and the Internet. Available at: <https://map.ncpti.ru/events> (date accessed: 19.11.2023).
8. Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated February 27, 2023 No. 208 "On Amendments to Federal State educational standards of higher education" // Information and legal portal Garant.ru. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406553423/?ysclid=lo-muzx621p353371000> (date accessed: 06.11.2023). (in Russ.).

9. Savkin N. S. *Filosofiya patriotizma: patriotizm mnimyj, pokaznoj i podlinnyj* [Philosophy of patriotism: imaginary, ostentatious and genuine patriotism] // *Gumanitarij: aktual'nye problemy gumanitarnej nauki i obrazovaniya* – Humanities: current problems of humanities and education. 2018. No. 2 (42). Vol. 18. Pp. 197–204.
10. Samosvat O. I., Brezhneva T. S. *Effektivnost' blokirovki destruktivnyh grupp v social'nyh setyah* [The effectiveness of blocking destructive groups in social networks] / E. R. Shmeerova // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyj zhurnal)* – Herald of Moscow State Regional University (electronic journal). 2020. No. 1. Pp. 109–122. DOI: 10.18384/2224-0209-2020-1-994.
11. Timoshina E. M. *Destruktivnye subkul'tury nesovershennoletnih kak usloviya ih viktimizacii i kriminalizacii* [Destructive subcultures of minors as conditions for their victimization and criminalization] // *Uchenye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* – Scientific notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. Vol. 6. No. 2 (12). Pp. 286–293.
12. Uzlaner D. *Postsekulyarnyj povorot. Kak myslit' o religii v XXI veke* [Postsecular turn. How to think about religion in the XXI century]. M. Publishing House of the Gaidar Institute, 2020. 416 p.
13. Decree of the President of the Russian Federation dated November 9, 2022 No. 809 "On approval of the Foundations of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values" // Information and legal portal "Garant +". Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (date accessed: 06.11.2023). (in Russ.).
14. Fadeeva S. A. *Voprosy profilaktiki destruktivnogo povedeniya obuchayushchih v kontekste obnovenykh obrazovatel'nykh standartov* [Issues of prevention of destructive behavior of students in the context of updated educational standards] // *Antropogogika* – Anthropology. 2022. No. 3 (7). Pp. 89–93.
15. Fligstin N., Makadam D. *Teoriya polej* [Theory of fields] / transl. from English by E. B. Golovyanitsyna; ed. by V. V. Radaev. M. Higher School of Economics, 2022. 464 p.
16. Harichev A. D., Shutov A. Yu. *Vospriyatie bazovykh cennostej, faktorov i struktur social'no-istoricheskogo razvitiya Rossii (po materialam issledovanij i aprobacii)* [Perception of basic values, factors and structures of socio-historical development of Russia (based on research and approbation)] / A. V. Polosin, E. N. Sokolova // *Zhurnal politicheskikh issledovanij* – Journal of Political Studies. 2022. No. 3. vol. 6. Pp. 9–19.
17. Shefrukova S. T., Suetina N. M. *Profilaktika prestupnosti nesovershennoletnih: terminologicheskij aspekt* [Prevention of juvenile delinquency: terminological aspect] // *Ekonomika i socium* – Economics and Society. 2020. No. 11 (78). Pp. 1557–1560.
18. Shchetinina E. V. *Profilaktika destruktivnogo povedeniya v obrazovatel'nykh organizacijah: rezul'taty kompleksnogo issledovaniya na primere Chelyabinskoy oblasti* [Prevention of destructive behavior in educational organizations: results of a comprehensive study on the example of the Chelyabinsk region] // *Innovacionnoe razvitie professional'nogo obrazovaniya* – Innovative development of vocational education. 2022. No. 3 (35). Pp.152–156.
19. Yurasov I. A., Pavlova O. A. *Problema pravoslavnoj religioznoj identichnosti: diskurs, mentalitet* [The problem of Orthodox religious identity: discourse, mentality / O. N. Yurasova] // *Social'no-gumanitarnye znaniya* – Socio-humanitarian knowledge. 2018. No. 5. Pp. 59–67.
20. Bugaychuk T., Koryakovtseva O. *Patterns of Formation of younger generation civic identity* // *Polit-Book*. 2022. Vol. 2. Pp. 171–181.
21. Carabellese F., Carabellese F. *Between psychopathy and deviant socialization: A close look at the mafia men* / G. Mandarelli, D. Montalbò, L. Parente, D. La Tegola, G. Petroni, G. Bruno, R. Catanesi, A. Felthous // *International Journal of Law and Psychiatry*. 2023. Vol. 89. 101907. DOI: 10.1016/j.ijlp.2023.101907.
22. Cassiello-Robbins C., Wilner J. *Elucidating the relationships between shame, anger, and self-destructive behaviors: The role of aversive responses to emotions* / J. Peters, K. Bentley, Sh. Sauer-Zavala // *Journal of Contextual Behavioral Science*. 2019. Vol. 12. Pp. 7–12. DOI: 10.1016/j.jcbs.2018.12.004.
23. Chen C., Lien Y. *Trajectories of co-occurrence of depressive symptoms and deviant behaviors: The influences of perceived social support and personal characteristics* // *Children and Youth Services Review*. 2018. Vol. 95. Pp. 174–182. DOI: 10.1016/j.childyouth.2018.10.037.
24. Geels F. *Causality and explanation in socio-technical transitions research: Mobilising epistemological insights from the wider social sciences* // *Research Policy*. 2022. Vol. 51. Is. 6. 104537. DOI: 10.1016/j.respol.2022.104537.
25. Liu X., Read S. *Prevention focus and conscientiousness drive accurate responding in stimulus detection* / A. Rabin, K. Pollard, B. Files // *Journal of Research in Personality*. 2023. Vol. 107. 104430. DOI: 10.1016/j.jrp.2023.104430.
26. Mukhtarova Sh., Pazylbe B. K. *Patriotism as a condition of formation of person's civic identity* // *Bulletin of the Karaganda university. Pedagogy series*. 2020. Vol. 3. Pp. 25–32.
27. Smith V., Magill K. *Sorting through citizenship: A case study on using cognitive scaffolding to unpack adolescent civic identity formation* / B. Blevins, N. Scholten // *The Journal of Social Studies Research*. 2022. Vol. 46. Is. 3. Pp. 223–235. DOI: 10.1016/j.jssr.2021.09.002.
28. Volynskaia M. *State Image as a Factor of Civic Identity* // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2013. Vol. 82. Pp. 181–185. DOI: 10.1016/j.sbspro.2013.06.242.

Поступила в редакцию: 30.11.2023
Принята к публикации: 22.07.2024

УДК 141.23(091)

DOI: 10.25730/VSU.7606.24.024

Проблема социального и природного в человеке в зарубежной философской мысли II половины XX – начала XXI вв.: историко-философский аналитический обзор

Овчаров Дмитрий Александрович

аспирант департамента философии и социальных наук, Московский городской педагогический университет. Россия, г. Москва. ORCID: 0009-0002-2348-5197. E-mail: OvcharovDA@mgpu.ru

Аннотация. В статье отражена историческая ретроспектива идей в зарубежной философской мысли II половины XX – начала XXI вв., касающихся проблемы взаимоотношения природных и социальных аспектов развития человечества.

Проделан историко-философский анализ проблемы взаимодействия природного и социального в трудах зарубежных авторов II половины XX – начала XXI вв. В исследовании проанализированы современные научные публикации, затрагивающие проблему социального и природного в зарубежной философской мысли II половины XX – начала XXI вв., в их исторической взаимосвязи с предшествующими научными изысканиями. В ходе изучения представленной проблемы выявлено, что гипотеза генно-культурной эволюции стала исходной социально-исторической и научно-методологической основой становления и развития такого научного академического направления, как социобиология.

Изучение закономерностей наследственности и базовых правил эволюции является своевременной задачей в понимании процессов, происходящих в природе и обществе. Для этого необходимо разработать методологию, позволяющую осознать взаимовлияние социального и природного, что поможет сформировать картину жизни с позиции философии.

Парадигма генно-культурного взаимоотношения становится актуальной в настоящее время, так как она предоставляет человечеству право выбора – быть в гармонии или быть в конфликте с окружающей природной средой. Можно утверждать, что доктрина коэволюции – это своего рода «реинкарнация» предшествующих ей в истории философии натурфилософских концепций, но с поправкой на остросюжащие сейчас экологические проблемы из-за чрезвычайно нерациональной деятельности человеческой цивилизации, рисков уничтожения всего живого в результате применения оружия массового поражения.

Ключевые слова: генно-культурная эволюция, коэволюция, социобиология, биокультурная эволюция, теория двойной наследственности, проблема социального и природного, зарубежная философская мысль II половины XX – начала XXI вв.

Введение. Парадигма объединенной эволюции генома человека и культуры отмечена в трудах целого ряда зарубежных мыслителей, которых волновала проблема взаимодействия социального и природного в происхождении человечества, актуализирующая методологию философии жизни. При рассмотрении данной проблематики в философском аспекте было введено такое научное понятие, как генно-культурная эволюция, обозначающее совместное развитие социальной и природной сторон человеческого бытия [5]. Представленный вопрос лежал в плоскости решения широкого спектра наук различных направленностей – как социально-гуманитарных, и в первую очередь, философии, так и естественнонаучных – биологии, географии.

Важнейшей проблемой современного мира является неблагоприятная экологическая обстановка, обусловленная деструктивным хозяйственным «освоением» Земли цивилизацией, поскольку деятельность человечества в XX – XXI вв. стала носить крайне разрушительный характер. Шумы, вибрация, смоги, электромагнитные поля, ионизирующее излучение – все это наносит вред человеку, его здоровью. Абсолютное господство цивилизаций, тотальное могущество их воздействия запускает необратимые процессы разрушения окружающей среды, что приводит к возникновению критических экологических факторов, влияющих на жизнь всех организмов в экосистемах. Негативное воздействие оказывают испытание и применение ядерного и химического оружия, что также ведет к истреблению живого. Сюда можно отнести и ситуации, созданные неумышленно, но по вине человека, пытающегося преобразовать мир под свои нужды и потребности: пожары, аварии на радиационных объектах и др.

В результате производственной и хозяйственной деятельности человека происходят выбросы химически опасных веществ, разрушающих озоновый слой Земли, что ведет к онкологическим заболеваниям. Есть и другие обстоятельства, наносящие ущерб озоновому слою, но именно пагубный эффект химикатов в атмосфере является основным. По тем же самым причинам – из-за вредных выбросов – возникают кислотные дожди.

Философское исследование аспектов генно-культурного взаимодействия в развитии человека и человечества в эпоху масштабных перемен XX – XXI вв. с ее глобальными вызовами, начиная от ухудшения экологической обстановки и кончая рисками уничтожения всего живого на планете в результате применения оружия массового поражения, является актуальной задачей.

Историко-философский анализ проблемы. Р. Триверс, американский исследователь эволюционной биологии, социологии и социальной психологии, выдвинул ряд моделей социального взаимодействия, а именно: родительского вклада, конфликта родителей и детей, а также взаимного альтруизма, применимых как к представителям животного мира, так и к человеческому обществу. Согласно модели родительского вложения, тот вид животного мира, в котором определенная гендерная особь, вносящая наибольший вклад в рождение и воспитание потомства, в высшей мере избирательно подходит к выбору своего партнера, так как нужна гарантия – необходимо минимизировать вероятность ошибки, что затраченное усилие и время на рождение и воспитание детей целесообразно с точки зрения выживания этого потомства. Происходит поиск максимально ответственного партнера, и, соответственно, за данную гендерную особь идет конкуренция между животными видами противоположного пола. Также сами родители, понимая, что из-за условий окружающей среды не смогут поднять потомство в конкретных обстоятельствах, бросают их с намерением выжить самим – и, в перспективе, сохранив себя, для того, чтобы в следующий раз воспроизвести себе подобных и их вырастить. В конфликте родителей и детей дети хотят получить больше от родителей, чем их братья и сестры, а родители заинтересованы в распределении ресурсов между всеми своими потомками в равной степени, в том числе чтобы сохранить ресурсы для будущих поколений. Во взаимном альтруизме особи помогают друг другу, а в некоторых случаях даже и с риском для своей жизни, вплоть и до самопожертвования, но с учетом, если они надеются на такие же ответные действия от рядом живущих с собой особей либо получают конкретную пользу от них [8; 16; 17; 18; 19; 20].

П. Берге, бельгийско-американский ученый, предпринял попытку оценить те или иные социальные проявления поведения в обществе на основе биологической природы человека. Исследуя аспект взаимоотношения социальной и природной эволюции, он опирался прежде всего на этническую составляющую социума и его национально-культурный характер. Любой этнос, по мнению Берге, функционирует как одна большая семья – популяция характеризуется не естественным, а родственным отбором, в задачу которого входят две взаимоисключающие, но при этом сочетающиеся в себе психологические установки, заложенные в каждом индивиде, а именно самосохранение и самопожертвование. В первом случае, при самосохранении, с одной стороны, увеличивается шанс передать гены своим потомкам, но в данном обстоятельстве ставится вопрос о выживании популяции как таковой, что может также отразиться и на сохранении потомков конкретного индивида; во второй ситуации, при самопожертвовании, индивид увеличивает шансы на существование популяции и, как следствие, вероятность наследования его генов через оставшихся в живых родственников в популяции (родственное наследование генов как продолжение рода). Популяция, которая характеризуется наибольшим количеством индивидов, готовых пожертвовать собой ради своих соплеменников, оказывается гораздо жизнеспособнее по отношению к другим социальным общностям, что приводит к возникновению естественного отбора между различными социальными объединениями [14; 15].

Основоположником теории генно-культурного взаимодействия и ее квинтэссенции, социобиологии, является видный биолог и мыслитель новейшей истории философии II половины XX – начала XXI вв. Э. О. Уилсон, мировоззрение которого складывалось на комплексном и разностороннем рассмотрении социальных и природных аспектов развития человечества. Уилсон утверждал, что генно-культурная эволюция сформировала человеческую цивилизацию, и пути познания взаимоотношения между социальным и природным будут найдены благодаря сформулированной методологии, полученной в итоге интеграции знаний из гуманитарных и естественных научных дисциплин. Уилсон подчеркивает, что развитие социума объясняется его управлением исключительно природными инстинктами и, продолжая

мысль, акцентирует свое внимание на групповом отборе, являющимся определяющей доминантой в процессе человеческой эволюции. Финальным этапом в развитии общества можно назвать эусоциальность, характеризующуюся тем, что некоторые представители отказываются от дальнейшего воспроизводства себе подобных – затем, чтобы помочь своему племени вырастить очередное поколение популяции. До этого общепринятая научная точка зрения сводилась к следующему – в основе эволюции стоит естественный отбор, но Уилсон обосновал собственную гипотезу, которая исходила из «традиционного» естественного отбора, но заключалась в разных форматах конкуренции: как между отдельно взятыми особями, так и между социальными объединениями. Следовательно, напрашивается вывод, а именно: человек является продуктом двух взаимосвязанных форм эволюционно-естественного отбора. Также в результате осмысления концепции Уилсона формулируется уникальная особенность человеческой природы – противоречивые, но наряду с этим равнодействующие установки: альтруизм (помощь ближним, зачастую в ущерб себе) и эгоизм (равнодушие к окружающим, на первом месте свои личные интересы). Данная точка зрения находит свое отражение в современной картине мира – взаимодействие государственных коалиций друг с другом в наше время: мы видим, как страны объединяются в различные организации с целью помощи в решении проблем (проблема экологии, голода, последствий природных и техногенных катастроф, нераспространения определенных видов вооружений и так далее), но вместе с тем наблюдается желание некоторых стран или их представителей следовать в угоду своим интересам в ущерб интересам других. Разногласия, основанные на противостоянии политико-государственных систем и цивилизаций (Запад-Восток: крестовые походы против иноверцев и язычников; колонизация «отсталых» народов; капитализм против социалистического лагеря; устройство общества на основе демократических и либеральных ценностей против авторитаризма, тоталитаризма, диктатуры и другие), конфликты на религиозной, расовой либо этнической почве – все это Уилсон объясняет результатом заложенной в человеке генетической программы, в исполнении которой популяция, вступая в конкуренцию между собой, определяют себе идеологическую концепцию, которая даст им право господства над другими популяциями [9; 10; 11; 12; 13].

М. Рьюз, английско-канадский мыслитель и философ науки, изучая проблему социального и природного происхождения человека, сформулировал понятие эволюционной эпистемологии, которое заключается в постижении человеческого бытия с помощью раскрытия сущности генетической программы, заложенной в сознании индивида как результат течения естественного отбора и культурной эволюции. Эти в некотором роде генетические правила управляют родственно-групповым отбором, а также формируют в условиях этого процесса феномен человеческой культуры. Здесь Рьюз в своих размышлениях разделяет взгляды Э. О. Уилсона. Рьюз утверждал, что человек уже давно вышел за пределы своего биологического начала, но в то же время мотивы всех социальных действий лежат в корнях его природного происхождения [7].

Актуальными становятся методы этологии, изучающей взаимосвязь поведения животных с факторами окружающей среды. Тем самым представляется возможным сопоставление мотивов поведения животных с образом мышления и действий человека при влиянии на них условий внешней природной среды.

Д. Мак-Фарленд, английский ученый, являющийся активным сторонником этологии, в монографии «Поведение животных. Психобиология, этология и эволюция» исчерпывающе изложил ее основные принципы, которые могут быть применимы для разработки методологии познания сути, целей и смыслов концепции генно-культурного развития человечества [4].

Этологический подход использовал и английский ученый Р. Докинз, сформулировав «меметику» – теорию, согласно которой индивиды передают не только свои гены по наследству, но и так называемые «мемы» (компоненты культуры: мысли, поведение, веру и др.). Естественный отбор, по аналогии с генами, определяет, какие мемы должны доминировать в окружающей среде, а какие не жизнеспособны. Таким образом, естественный отбор управляет объединенной эволюцией – процессом передачи генов, носители которых обладают наиболее успешными мемами, то есть культурой [2].

В. Грант, американский исследователь, подчеркивал, что эволюция природы и развитие социума проходят во взаимозависимом ключе, составляя автономно развивающиеся друг от друга стороны человеческого бытия, хотя ранее утверждалось обратное: культурная эволюция начала свое развитие с окончанием биологической эволюции [1].

Д. Т. Кенрик, американский ученый, изучающий психологию человека и животных, а также закономерности их эволюции, в публикации «Инстинкты и смысл жизни. Почему в нас так много животного» пытается найти основания, которые смогут объяснить самые разные действия человека (склонность к убийствам, выбор партнеров и так далее), и за счет их осознания ответить на главный вопрос бытия – в чем же непосредственно состоит цель существования. Кенрик применил методологию, использующую исторические и эволюционные аспекты развития, а также влияние на формирование человечества культурного фактора. Фактически он сформулировал отдельное научное направление, которое получило название эволюционная психология, заключающееся в рассмотрении образа действия человека под углом его биологической и социальной эволюции. Кенрик утверждает, что кажущиеся на первый взгляд иррациональные поступки человека являются рациональными, так как все можно объяснить и предсказать с помощью изучения его исконной природы инстинктов и эволюции культурного феномена, их совместную историю зарождения и проявления в дальнейшем – выявив в результате закономерности происхождения и существования человека в качестве биосоциального типа. Автор делает вывод, что, несмотря на созданную высокоразвитую цивилизацию, в каждом человеке сохраняется заложенная дикая животная природа, которая и отвечает за его поведенческие характеристики. Кенрик пытается осознать причины проблем современного мира – безмерное господство концепции общества потребления, распри на религиозной и национальной либо расовой почве, политические разногласия, социально-экономические несоответствия распределения благ цивилизации и жизненно важных ресурсов [3].

Заключение и выводы. Проведенный историко-философский анализ зарождения и развития идей теории генно-культурной эволюции дает основания спрогнозировать пути решения проблем бытия человека и жизнедеятельности человеческой цивилизации, остро стоящих на рубеже XX – XXI вв., актуальных в настоящее время. Данная технология познания реализуется с помощью интеграции знаний из естественных научных дисциплин (география, биология) и социально-гуманитарных (философия). В результате этого объединения формулируется новая парадигма философии жизни – парадигма генно-культурного взаимодействия, являющаяся в некоторой степени наивысшим рангом философского осмысления всех концепций понимания жизни предшествующих периодов истории философии.

Благодаря обозначенной технологии становится возможным всестороннее рассмотрение эволюционных процессов – взаимоотношений в живых и искусственно созданных системах (философия техники, искусственный интеллект), что может привести к новым открытиям и важным научным результатам, представляя собой перспективный подход для понимания основных постулатов философии естествознания. За счет сформулированной методологии познания появляется возможность осознания взаимосвязей между идеями и культурными явлениями, изучения взаимодействия общественных групп и влияния природных условий на коллективное поведение (в социологии и экологии), моделирования процессов коэволюции, которые включают в себя взаимоотношения между разнообразными видами, воздействия окружающей среды и изменения генетического материала. Концепция генно-культурного взаимодействия играет важную роль в рассмотрении и понимании эволюции культуры и природы, в их тесной взаимосвязи, а также в осмыслении места человека в этом развитии и то, как его деятельность и взаимодействие с природой влияют на ее эволюцию; также способствует осознанию и анализу процессов в неживой природе (эволюция планет и звезд, эволюция Вселенной).

В целом философия как наука позволяет понять принципы и законы, на которых основываются природные и социальные метаморфозы, каким образом трансформации в культуре воздействуют на жизнь людей и общество, анализировать исторические, социокультурные и психологические факторы, влияющие на эволюцию культурных явлений, почему люди вырабатывают определенные идеи, ценности, нормы и поведение. Этот подход становится актуальным именно сейчас, когда человечество сталкивается с международными широкомасштабными вызовами, связанными с изменениями климата, ростом социальной напряженности, отсутствием устойчивого диалога между общественными организациями, несоблюдением условий сбалансированного и органичного сосуществования человека и природы, а также интенсивной активизацией научно-технического прогресса цивилизации.

Как показал историко-философский анализ зарождения идей теории генно-культурной эволюции, зарубежные ученые развивали концепцию взаимосвязи социального и природного, предполагая осознанное взаимодействие человека с окружающей средой и ответственное

отношение к природным и социальным процессам. Этим и объясняется тот факт, что одними из первых к вопросу понимания генно-культурной эволюции подошли именно представители естественнонаучного направления и, в первую очередь, биологии. В результате становления биологии как науки происходило изменение философского взгляда на происходящие процессы, формулируя мировоззрение, определяющее гуманистический характер научной мысли данного периода времени.

Развитие науки, технологий и социально-экономических процессов способствует росту прогресса человечества, требуя пересмотра моделей взаимодействия с окружающей средой. В частности, это касается философских подходов и методологий, которые должны учитывать достижения науки и адаптироваться к новым реалиям. В современном мире, где происходят быстрые и глобальные метаморфозы в социальной, экономической и технологической сферах, актуальность этой парадигмы становится особенно важной. Распространение информационных технологий и массовые коммуникации меняют образ жизни людей, влияя на формирование культурных ценностей и норм поведения. С другой стороны, современные технологии и медицинские достижения открывают новые возможности для трансформации наследственности человека, включая генную инженерию, технологии редактирования генома.

Идея коэволюции в новейшей истории философии воплотила в себе два методологических подхода к познанию сути бытия человека: философии окружающей природной среды и философии социального и биологического антропогенеза.

Концепция взаимоотношения социальных и природных сторон бытия человека заложила предпосылки возникновения и развития самостоятельного научного направления – социобиологии, как это обозначалось в иностранных источниках, а в отечественных публикациях данная точка зрения легла в основу выделенного в отдельно сформулированное мировоззрение – биофилософию [6].

Список литературы

1. Грант В. Эволюционный процесс: критич. обзор эволюц. теории / пер. с англ. Н. О. Фоминой; под ред. и с предисл. Б. М. Медникова. М. : Мир, 1991.
2. Докинз Р. Эгоистичный ген / пер. с англ. Н. Фоминой. М. : АСТ: CORPUS, 2013.
3. Кенрик Д. Инстинкты и смысл жизни. Почему в нас так много животного. СПб. : Питер, 2017.
4. Мак-Фарленд Д. Поведение животных: Психобиология, этология и эволюция / пер. с англ. Н. Ю. Алексеевко, Е. М. Богомоловой, В. Ф. Куликова, Ю. А. Курочкина; под ред. П. В. Симонова. М. : Мир, 1988.
5. Овчаров Д. А. Идеи генно-культурной эволюции в философии XX века: историко-философский аналитический обзор // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2023. № 1 (45). С. 79–88. DOI: 10.25-688/2078-9238.2023.45.1.6.
6. Овчаров Д. А. Проблема биологического и социального в отечественной философии II половины XX – начала XXI века: историко-философский аналитический обзор // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 7 (477). С. 61–67. DOI: 10.47475/1994-2796-2023-477-7-61-67.
7. Рьюз М. Философия биологии / пер. с англ.; общ. ред. чл.-кор. АН СССР И. Т. Фролова; предисл. чл.-кор. АН СССР И. Т. Фролова и канд. филос. наук Б. Г. Юдина. М. : Прогресс, 1977.
8. Триверс Р. Обмани себя. Как самообман помогает нам выжить. СПб. : Питер, 2012.
9. Уилсон Эдвард Осборн. Хозяева Земли. Социальное завоевание планеты человечеством. СПб. : Питер, 2014.
10. Уилсон Эдвард Осборн. Биофилия. Врожденная тяга к живому как связь человека с другими биологическими видами. М. : URSS, 2017.
11. Уилсон Эдвард Осборн. Будущее Земли. Наша планета в борьбе за жизнь. М. : Альпина нон-фикшн, 2017.
12. Уилсон Эдвард Осборн. Смысл существования человека. М. : Альпина нон-фикшн, 2018.
13. Уилсон Эдвард Осборн. Эусоциальность: люди, муравьи, голые землекопы и другие общественные животные / пер. с англ. Максим Исаков. М. : Альпина нон-фикшн, 2020.
14. Van den Berghe Pierre. Man in Society: A Biosocial View // Elsevier Publishing. New York, 1975.
15. Van den Berghe Pierre. Human Family Systems: An Evolutionary Perspective // Elsevier Publishing. New York, 1979.
16. Trivers Robert. The Evolution of Reciprocal Altruism // Biology Quarterly. 1971. № 46 (1). Pp. 35–57. DOI: 10.1086/406755. JSTOR 2822435.
17. Trivers Robert. Parental Investment and Sexual Selection. Cambridge : Biological Laboratories, Harvard University, 1972.
18. Trivers Robert. Parent – Offspring Conflict. American zoologist. 1974. № 14 (1). Pp. 249–264. DOI: 10.1093/icb/14.1.249.

19. Trivers Robert. Social Evolution. Benjamin/Cummings, Menlo Park, California. 1985.
20. Trivers Robert. Natural Selection and Social Theory: Selected Papers by Robert L. Trivers. Oxford : Oxford University Press, 2002.

The problem of the social and natural in man in foreign philosophical thought of the second half of the XX – early XXI centuries: historical and philosophical analytical review

Ovcharov Dmitry Alexandrovich

postgraduate student of the Department of Philosophy and Social Sciences, Moscow City Pedagogical University. Russia, Moscow. ORCID: 0009-0002-2348-5197. E-mail: OvcharovDA@mgpu.ru

Abstract. The article reflects a historical retrospective of ideas in foreign philosophical thought of the second half of the XX – early XXI centuries, concerning the problem of the relationship between natural and social aspects of human development.

A historical and philosophical analysis of the problem of the interaction of natural and social in the works of foreign authors of the second half of the XX – early XXI centuries has been carried out. The study analyzes modern scientific publications dealing with the problem of social and natural in foreign philosophical thought of the second half of the XX – early XXI centuries, in their historical relationship with previous scientific research. During the study of the presented problem, it was revealed that the hypothesis of genetic and cultural evolution became the initial socio-historical and scientific-methodological basis for the formation and development of such a scientific academic field as sociobiology.

The study of the laws of heredity and the basic rules of evolution is a timely task in understanding the processes taking place in nature and society. To do this, it is necessary to develop a methodology that makes it possible to realize the mutual influence of social and natural, which will help to form a picture of life from the standpoint of philosophy.

The paradigm of genetic and cultural relations is becoming relevant at the present time, as it gives humanity the right to choose whether to be in harmony or in conflict with the natural environment. It can be argued that the doctrine of coevolution is a kind of "reincarnation" of natural philosophical concepts that preceded it in the history of philosophy, but adjusted for the acute environmental problems now due to the extremely irrational activities of human civilization, the risks of destroying all living things as a result of the use of weapons of mass destruction.

Keywords: genetic cultural evolution, coevolution, sociobiology, biocultural evolution, the theory of dual heredity, the problem of social and natural, foreign philosophical thought of the second half of the XX – early XXI centuries.

References

1. Grant V. *Evolucionnyj process: kritich. obzor evolyuc. teorii* [The evolutionary process: critical. an overview of evolution. theories] / transl. from English by N. O. Fomina; ed. and preface by B. M. Mednikov. M. Mir (World), 1991.
2. Dawkins R. *Egoistichnyj gen* [The Selfish gene] / transl. from English by N. Fomina. M. AST : CORPUS, 2013.
3. Kenrick D. *Instinkty i smysl zhizni. Pochemu v nas tak mnogo zhivotnogo* [Instincts and the meaning of life. Why there is so much animal in us]. SPb. Piter, 2017.
4. McFarland D. *Povedenie zhivotnyh: Psihobiologiya, etologiya i evolyuciya* [Animal behavior: Psychobiology, ethology and evolution] / transl. from English by N. Y. Alekseenko, E. M. Bogomolova, V. F. Kulikova, Yu. A. Kurochkina; ed. by P. V. Simonov. M. Mir (World), 1988.
5. Ovcharov D. A. *Idei gennokul'turnoj evolyucii v filosofii XX veka: istoriko-filosofskij analiticheskij obzor* [Ideas of genetic cultural evolution in philosophy of the XX century: historical and philosophical analytical review] // *Vestnik MGPU. Seriya: Filosofskie nauki* – Herald of Moscow State Pedagogical University. Series: Philosophical Sciences. 2023. No. 1 (45). Pp. 79–88. DOI: 10.25688/2078-9238.2023.45.1.6.
6. Ovcharov D. A. *Problema biologicheskogo i social'nogo v otechestvennoj filosofii II poloviny XX – nachala XXI veka: istoriko-filosofskij analiticheskij obzor* [The problem of biological and social in Russian philosophy of the second half of the XX – beginning of the XXI century: historical and philosophical analytical review] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Chelyabinsk State University. 2023. No. 7 (477). Pp. 61–67. DOI: 10.47475/1994-2796-2023-477-7-61-67.
7. R'yuz M. *Filosofiya biologii* [Philosophy of Biology] / transl. from English; gen. ed. corresponding member of Academy of Sciences of the USSR I. T. Frolov; preface by corresponding member of Academy of Sciences of the USSR I. T. Frolova and PhD in Philos. Sciences B. G. Yudina. M. Progress, 1977.

8. Trivers R. *Obmani sebya. Kak samoobman pomogaet nam vyzhit'* [Deceive yourself. How self-deception helps us survive]. SPb. Piter, 2012.
9. Wilson Edward Osborne. *Hozyaeva Zemli. Social'noe zavoevanie planety chelovechestvom* [The Owners of the Earth. The social conquest of the planet by mankind]. SPb. Piter, 2014.
10. Wilson Edward Osborne. *Vrozhdennaya tyaga k zhivomu kak svyaz' cheloveka s drugimi biologicheskimi vidami* [Biophilia. The innate craving for life as a human connection with other biological species]. M. URSS, 2017.
11. Wilson Edward Osborn. *Budushchee Zemli. Nasha planeta v bor'be za zhizn'* [The future of the Earth. Our planet in the struggle for life]. M. Alpina non-fiction, 2017.
12. Wilson Edward Osborne. *Smysl sushchestvovaniya cheloveka* [The meaning of human existence]. M. Alpina non-fiction, 2018.
13. Wilson Edward Osborne. *Eusocial'nost': lyudi, murav'i, golye zemlekopy i drugie obshchestvennye zhivotnye* [Eusociality: humans, ants, naked diggers and other social animals] / transl. from English by Maxim Isakov, M. Alpina non-fiction, 2020.
14. Van den Berghe Pierre. *Man in Society: A Biosocial View* // Elsevier Publishing. New York, 1975.
15. Van den Berghe Pierre. *Human Family Systems: An Evolutionary Perspective* // Elsevier Publishing. New York, 1979.
16. Trivers Robert. *The Evolution of Reciprocal Altruism* // *Biology Quarterly*. 1971. No. 46 (1). Pp. 35–57. DOI: 10.1086/406755. JSTOR 2822435.
17. Trivers Robert. *Parental Investment and Sexual Selection*. Cambridge : Biological Laboratories, Harvard University, 1972.
18. Trivers Robert. *Parent – Offspring Conflict*. *American zoologist*. 1974. No. 14 (1). Pp. 249–264. DOI: 10.1093/icb/14.1.249.
19. Trivers Robert. *Social Evolution*. Benjamin/Cummings, Menlo Park, California. 1985.
20. Trivers Robert. *Natural Selection and Social Theory: Selected Papers by Robert L. Trivers*. Oxford : Oxford University Press, 2002.

Поступила в редакцию: 10.01.2024

Принята к публикации: 01.07.2024

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

УДК 281.93(7)

DOI: 10.25730/VSU.7606.24.025

Празднование столетия Русской православной миссии в Северной Америке

Печатнов Валентин Владимирович

кандидат исторических наук, доцент кафедры философии им. А. Ф. Шишкина,
Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации. Россия, г. Москва. E-mail: vpechatnov@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена памятному событию в истории русской духовной миссии в США – празднованию в 1894 году ее столетней годовщины. Это событие практически не изучено в российской и зарубежной историографии, хотя в российских и американских архивах имеются все необходимые для этого источники. Это дело 3101 (оп. 174) из фонда Св. Синода Российского государственного исторического архива под названием "По представлению Преосвященного Алеутского о праздновании в 1894 году столетия распространения православия в Северной Америке" и дело «Centennial Celebration. Instructions and Reports from various parishes (1893–1894)» из Архива Русской Церкви на Аляске в Рукописном отделе Библиотеки Конгресса США (The Alaskan Russian Church Archives records. Library of Congress Manuscript Division. Container D 472–474). Актуальность темы связана с тем, что подобные юбилеи наступают через определённые промежутки времени, и опыт прошедших празднований должен быть учтён при подготовке торжеств в будущем.

В статье рассматривается подготовка этого празднования, инициированного главой Алеутской и Аляскинской епархии епископом Николаем (Зиоровым), роль в этом Св. Синода и его обер-прокурора К. П. Победоносцева. Подробно анализируется само проведение этого торжества и его богословское звучание на основе отчета епископа Николая, отчетов разных православных приходов в Америке, а также материалов американской прессы. Делается вывод о том, что празднование столетия православия в Северной Америке стало серьезной вехой на пути возрождения заокеанской епархии Русской Церкви после почти четверти века застоя и кризиса. Оно придало большой импульс дальнейшим трудам еп. Николая по развитию епархии, которые стали основой для её наивысшего расцвета при преемнике владыки Николая, святителе Тихоне (Беллавине), будущем патриархе Московском и всея России.

Ключевые слова: Русская духовная миссия в Америке, Алеутская и Аляскинская епархия РПЦ, епископ Николай (Зиоров), обер-прокурор Победоносцев.

Важной вехой в истории русской духовной миссии в США явилось празднование ее столетней годовщины в 1894 г. Это событие практически не изучено в отечественной и зарубежной историографии¹, хотя необходимые архивные источники имеются. Это дело 3101 (оп. 174) из фонда Св. Синода Российского государственного исторического архива под названием «По представлению Преосвященного Алеутского о праздновании в 1894 г. столетия распространения православия в Северной Америке» и дело «Centennial Celebration. Instructions and Reports from various parishes (1893–1894)» из Архива Русской Церкви на Аляске в Рукописном отделе Библиотеки Конгресса США (The Alaskan Russian Church Archives records. Library of Congress Manuscript Division. Container D 472–474).

Актуальность темы связана с тем, что подобные юбилеи наступают через определенные промежутки времени, и опыт прошедших празднований должен быть учтен при подготовке торжеств в будущем. Целями статьи являются восстановление, по вышеупомянутым архивным сборникам, подготовки и хода празднования столетия русской духовной миссии в США, а также оценка значения этого празднования для последующей истории заокеанской епархии

© Печатнов Валентин Владимирович, 2024

¹ Первый подход к изучению темы см. [2, с. 18–20].

РПЦ. В ходе исследования использовались идеографический метод, метод контент-анализа, элементы богословско-исторического анализа. Подготовка и проведение празднования рассматриваются в контексте истории Русской духовной миссии в США. Опыт восстановленных по архивным документам празднования столетия православия в США и подготовки к нему может быть востребован (с учетом, конечно, изменившихся исторических условий) при подготовке аналогичных юбилеев в зарубежных епархиях РПЦ. Материал статьи может быть использован в лекционных курсах по истории Русских духовных миссий за рубежом.

История православия в Америке по-настоящему началась с высадки на Аляске первой группы валаамских монахов во главе с архимандритом Иоасафом (Болотовым) в 1794 г. Они были посланы митрополитом Санкт-Петербургским Гавриилом (Петровым) для духовного окормления жителей первого русского торгового поселения на о. Кадьяк, а также для миссионерской работы среди туземцев. Поскольку тогда на американский континент прибыли первые православные священнослужители и миссионеры, дату их прибытия – 24 сентября 1794 г. – уместно считать и датой начала американского православия.

Столетний юбилей православия в Америке пришелся на 1894 г. и наступил в критическое время для американской епархии Русской Церкви. Кризис начался после продажи Аляски США в 1867 г. Вместо православной России, Церковь оказалась в инославном государстве, нравы и законы которого резко отличались от российских. Основная масса русских поселенцев и священнослужителей покинула Аляску. Встречным потоком нахлынули протестантские и католические миссионеры, которые развернули прозелитическую деятельность, стремясь увлечь в свою веру не только язычников, но и православных туземцев. После упразднения Русско-Американской компании резко сократилось финансирование епархии. К внешним трудностям добавилась духовно-нравственная деградация духовенства и паствы. Епископ Николай (Зиоров), назначенный главой Алеутской и Аляскинской епархии осенью 1891 г., решительно и энергично взялся за исправление ситуации. Столетний юбилей американского православия пришелся на третий год его правления и нес с собой необычные возможности для того, чтобы, по выражению самого владыки Николая, «поднять Православие в Алеутской епархии».

Преосвященный Николай решил реализовать эти возможности в полной мере. 16/28 ноября 1893 г. он послал в Св. Синод представление о праздновании юбилея с просьбой благословить это мероприятие. Указав на духовное значение событий 1794 г., – тогда «впервые воссиял луч Православия в пределах Северной Америки среди малоизвестного тогда племени алеутов», – епископ отметил, что и ныне, несмотря на разрушительную деятельность инославных миссий, «свет Православия еще не совсем угас и есть как отдельные личности, так и целые общины, крепко держащиеся православного учения и дорожащие связью с православною Русскою Церковью. Следовало бы всячески поддержать это святое дело, на которое было положено столько трудов и даже крови русских людей». Указав в последней фразе цель празднования, вл. Николай далее формулирует его основную задачу: «Вот почему представляется мне благовременным оживить в сознании ... православного населения события прошлой жизни этой Епархии воспоминанием оных в особом торжественном празднестве» [9].

Юбилейные торжества были намечены на 24–25 сентября 1894 г., при этом основным днем было избрано 25 сентября – главный праздник преподобного Сергия Радонежского (по старому стилю). Таким образом, празднование почти точно совпадало с реальной датой прибытия на Аляску валаамских монахов-миссионеров, хотя это не было упомянуто среди доводов, приводимых вл. Николаем в пользу предлагаемой даты празднования.

Глава епархии предложил насыщенную программу торжеств, имевшую и просветительскую часть: проповеди, распространение брошюры «Жизнь валаамского монаха Германа, американского миссионера», беседы с детьми с раздачей им Евангелия и катехизиса. Для поощрения хорошо служащих Церкви священнослужителей, старост храмов и прихожан, для увековечения памяти о столетнем юбилее, а попутно – для улучшения учебно-методического обеспечения церковных школ вл. Николай просил Св. Синод оказать «милости» приходам Алеутской епархии «присылкою икон с благословенными грамотами, присылкою книг и учебных пособий в школы, награждением духовных лиц, церковных старост и почетных прихожан какими-либо наградами и проч., о чем, если последует соизволение Вашего Святейшества, может быть представлен отсюда список». Наконец, епископ видел в праздновании возможность улучшить материальное положение своей епархии: «...Было бы полезно ко дню юбилея сделать обнародование в «Церковных Ведомостях»² об этом событии в надежде, что

² Официальный печатный орган Св. Синода.

это вызовет многих ревнителей Православия на принесение пожертвований на нужды православной миссии в Америке».

Менее чем через месяц Св. Синод полностью одобрил инициативу архиерея, признав «предложенное Преосвященным Алеутским торжественное празднование столетия Православия в С. Америке благовременным и желательным, а порядок совершения оногo целесообразным». Порядок празднования, предложенный в вышеупомянутом «представлении» еп. Николая, был заранее опубликован в официальном органе Св. Синода [3, с. 843–844; 4, л. 5–6]. Конечно, в «Церковных Ведомостях» было объявлено и о самом праздновании. Забегая вперед, надо сказать, что в результате этого, во исполнение надежд вл. Николая, в адрес епархии поступило немало пожертвований деньгами, церковным имуществом и богослужебной литературой со всей России [6]. По указанию Преосвященного они были распределены между приходами в строгом соответствии с количеством прихожан.

Весной 1894 г. в рамках подготовки празднования еп. Николай обратился с письмом к русскому посланнику в Вашингтоне кн. Г. Л. Кантакузену с просьбой «довести до сведения Вашингтонского правительства» о предстоящем праздновании с «покорнейшею просьбою от меня лично, чтобы Вашингтонское правительство сделало распоряжение как ситкинскому губернатору, так и другим правительственным агентам на Аляске и островах», оказать «действие и внимание нашим православным священнослужителям и их приходам в праздновании этого торжества» [13]. Хотя юбилей должен был отмечаться и в Сан-Франциско, где находилась архиерейская кафедра, и на приходах континентальных штатов, просьба вл. Николая относилась именно к Аляске и Алеутским островам. Объяснялось это тем, что там находилось большинство приходов епархии, а также тем, что этот регион был ареной противостояния и даже борьбы. В этом же письме владыка затронул больной вопрос, о котором он писал кн. Кантакузену и ранее и по которому православные священники не раз обращались к местным властям: прозелитизм протестантских и католических миссионеров на Аляске³. «Было бы желательно, чтобы миссионеры, не принадлежащие к православной церкви, не пропагандировали бы своих конфессийных идей в тех местностях Аляски, где уже сто лет сияет свет Христовой веры православной, а вместо этого лучше сосредоточили свою деятельность на обращении язычников, еще не знакомых с учением христианским, ибо этим наносится нравственное оскорбление как священнослужителям православной церкви, так и всему населению, исповедующему православную веру». Кроме того, по случаю юбилея Преосв. Николай высказал еще одно пожелание: «чтобы Американское правительство заботилось и о наших православных школах и давало бы им материальную поддержку подобно тому, как это оно делает в отношении других конфессий». В конце письма епископ заверял посланника в том, что священнослужители епархии всегда молились за богослужением «о здравии и благополучии Президента и американского народа ... и впредь обещаем быть молитвенниками за них» [13].

В начале мая Преосв. Николай пишет обер-прокурору Св. Синода К. П. Победоносцеву⁴ с просьбой, кроме вышеупомянутой брошюры о прп. Германе, напечатать еще его «Архипастырское послание» по случаю празднуемого юбилея, а также выслать несколько сот экземпляров уже изданной брошюры о митроп. Иннокентии (Вениаминове, 1797–1879), выдающемся миссионере, пастыре и ученом, первом русском епископе в Америке,⁵ при котором русское православие на Аляске весьма распространилось и организационно полностью оформилось. Обер-прокурор ответил полным согласием.

И вот, настали юбилейные дни. Наиболее масштабные торжества прошли в Сан-Франциско с участием правящего архиерея⁶. Празднование началось еще вечером в пятницу, 23 сентября, заупокойным архиерейским богослужением в кафедральном соборе епархии. Это богослужение относилось уже к субботе, 24 сентября, т. к. по библейскому представлению, день начинается с вечера, т. е. с захода солнца⁷. Утром в субботу была совершена Божествен-

³ Подробнее об этом см. Печатнов В. О. Русская дипломатия и православная Российская церковь в США (1867–1917) / В. О. Печатнов, В. В. Печатнов // Российская история. 2021. № 5. С. 92–94.

⁴ С ним у вл. Николая сложились доверительные отношения: см. Печатнов В. В. Жизнь российского духовенства в Америке конца XIX в (по материалам переписки обер-прокурора Святейшего Правительствующего Синода К. П. Победоносцева) // Концепт: философия, религия, культура. 2021. Т. 5. № 4 (20). С. 43–44, 47–52, 56–58.

⁵ Был назван «апостолом Аляски»; прославлен Русской Церковью в лике святых в 1977 г.

⁶ Празднование в Сан-Франциско излагается по [7].

⁷ См. Быт. 1:5: «И был вечер, и было утро: день один».

ная литургия, а за ней, как писал в своем рапорте Св. Синоду еп. Николай, – панихида «по всем почившим миссионерам Алеутской епархии, а также – отцам и братьям нашим», когда-либо служившим в Алеутской епархии. Согласно церемониалу юбилея, поименно должны были поминаться первые миссионеры: еп. Иоасаф, прибывший на Аляску в сане архимандрита, иноки Герман (впоследствии прп. Герман Аляскинский), Ювеналий (впоследствии преподобномученик иеромонах Ювеналий Аляскинский), Афанасий и Феофил, а также епископы Иннокентий, Петр, Павел, Иоасаф и Нестор [15]. Поскольку в Православной Церкви богослужение субботы посвящено, в первую очередь, поминовению усопших, такая молитва о всех ушедших из земной жизни сотрудниках епархии была в канун юбилея совершенно уместна.

К вечернему богослужению в субботу вечером, относившемуся уже к 25 сентября, церковь «была убрана зеленью и цветами, начиная от иконостаса и кончая входными дверями... На правой и левой стороне храма [вероятно, снаружи. – *Авт.*] по карнизам из белых и красных роз на щите из зелени кипарисовой и др. была сделана надпись: 1794–1894⁸...» [7, л. 32]. Богослужение совершалось по полному чину, с освящением хлебов, а молящимся, кроме ломтиков освященного хлеба, раздавались иконки, крестики и «брошюры религиозно-нравственного содержания».

Воскресным утром 25 сентября богослужение началось малым водоосвящением и окроплением освященной водой церкви и всего архиерейского дома. Согласно православному вероучению, смысл этого в том, чтобы исполнить и воду, и все, что ей окропляется, благодатью – Божественной энергией, – и вернуть им их истинное назначение: быть средством общения к Богу. Затем, с учетом разнородного характера аудитории, совершалась Божественная литургия на трех языках: церковнославянском, греческом и английском. На этих трех языках читалось и Евангелие; апостольское же чтение было на церковнославянском и английском. За богослужением молитвенно поминался Св. Синод, а также патриархи Константинопольский, Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский, а также митрополиты Санкт-Петербургский, «Сербский» [очевидно, имеется в виду митрополит Белградский. – *Авт.*], Афинский, Черногорский и Тырновский (в Болгарии), названный в рапорте по имени: Климент. Поминовение нерусских иерархов, очевидно, объяснялось тем, что православные из областей в их юрисдикции, прибыв в США, становились членами приходов Алеутской и Аляскинской епархии РПЦ. Сербская и Болгарская Церкви в то время не имели патриархов (а Болгарская Церковь даже не имела евхаристического общения с другими Поместными Православными Церквями), поэтому вместо них поминались митрополиты.

Из гражданских властей, кроме президента Соединенных Штатов и «Российского Царствующего Дома», поминались короли Греции, Сербии и князь Черногории «с их Августейшими Домами».

Народа, пишет вл. Николай, «было очень много всяких национальностей, особенно греков, собравшихся с разных мест Калифорнии. Греки пришли с знаменами и музыкой к церкви – парадным маршем, с цветными шарфами через плечо и в белых перчатках, числом до 200». Славяне не составили аналогичного шествия, как позднее объяснили епископу, из-за протестов со стороны «славян-католиков» (под этим выражением вл. Николая, по всей вероятности, имеются в виду униаты). Состоя в славянских братствах, организованных не по профессиональному, а по национальному признаку, последние всячески противились «открытому и торжественному чествованию этого дня» [7, л. 33].

После литургии был отслужен «благодарственный молебен с коленопреклоненною молитвою», перед которым Преосвященный Николай произнес речь, составленную по созданным еще в античности риторическим канонам праздничной речи. Она представляет собой отличный образец ораторского искусства. Архипастырь обозрел прошлое православной миссии в Северной Америке, дав ему положительную оценку, и представил видение ее будущего. В частности, вл. Николай воспел успехи миссии на Аляске в период до ее продажи США⁹ и

⁸ Увеличенные цифры – в оригинале. – *Авт.*

⁹ Вот фрагмент из этой части речи: «Не прошло и трех десятков лет со дня прибытия наших миссионеров – и какая перемена совершилась в этом крае! Десятки тысяч людей, сидевших дотоле во тьме и сени смертной, просвещены светом Христовой веры, появились храмы, часовни, кресты на путях, образовались вокруг святых храмов поселки, деревни, явились грамота, книжность, школы, ученье – всюду кипела жизнь, всюду стали прививаться начала христианской гражданственности, порядки. Дикари научились не только славить Бога устами, но и в собственном смысле жить по-человечески...» [8, л. 63].

оправдал стагнацию миссии и отрицательные явления церковной жизни, возникшие после 1867 г. Что касается видения будущего, то оно было оптимистичным. Поводом для оптимизма вл. Николая стали положительные явления в настоящем, в современной ему жизни, явления, происходившие вокруг Православной Церкви и внутри нее: возвращение в Церковь униатов, пробуждение интереса к православию в американском обществе, выразившееся в стремлении старокатоликов¹⁰, епископалов и иных протестантов сблизиться с Православной Церковью, массовые крещения колошей¹¹ и стремление многочисленных православных иммигрантов – греков, славян и арабов – присоединиться к приходам епархии [8, л. 65–66].

В заключительной части речи Преосвященный призвал к благодарению Бога за Его милости, дарованные Православной Церкви в Америке, и к молитве о будущем, что отлично настраивало на предстоящий благодарственный молебен: «Припадем же, братие, с верою к престолу Божию, и исповедаем со смирением свои чувства пред Лицем Божиим за все милости, явленные нашей церкви в прошедшем столетии, и помолимся Ему, да благословит Он, Всеблагий, и венец наступающего столетия, и да укрепит Он среди нас мир, любовь и согласие...!» [8, л. 66].

После молебна Преосвященный со священнослужителями и другими приглашенными лицами проследовали в архиерейский дом, который весь «был украшен флагами различных величин: русскими, американскими, греческими и сербско-черногорскими. Приемные комнаты точно так же были убраны гирляндами из цветов, флагами и пр., при этом портреты Государя, Государыни и Наследника Цесаревича¹² и Президента Соединенных Штатов – Гровера Кливленда – с особенным изяществом были украшены цветами и флагами; кроме этого, на особой стене отдельно от всех был убран флагами, венками и цветами портрет приснопамятного Святителя Иннокентия, просветителя Алеутского» [7, л. 32]. В верхней приемной (очевидно, на втором этаже) епископ Николай принял поздравления с юбилеем, после чего «в нижнем помещении» (на первом этаже) был дан «парадный завтрак (на 60 особ)». За завтраком Преосвященный произнес первый тост – за здравие «Государя нашего и Его Августейшего Семейства». Последовали тосты за Св. Синод и его первенствующего члена, митрополита Санкт-Петербургского Палладия, за президента Соединенных Штатов и американский народ, «за вселенских патриархов¹³, за благоверных государей Греческого, Сербского и Черногорского», «за епископа Алеутского и его паству» и др. [7, л. 33–34].

В 7 часов вечера владыка Николай «со всею братией» (т. е. со всеми находящимися при нем священнослужителями) провел торжественное вечернее богослужение, за которым церковь была наполнена людьми, «в числе коих было немало американцев¹⁴». Немедленно после богослужения Преосвященный со священнослужителями и гостями прошел в архиерейский дом, где перед портретом митрополита Иннокентия (Вениаминова) «сказал импровизацией похвальное ему слово».

После этого начался «детский вечер», о содержании которого вл. Николай сообщает в рапорте довольно кратко: «Дети нашей школы пели и читали по-русски и по-английски». Далее перечисляются произведения, которые пел хор (предположительно детский): две песни, посвященные просветителям славянства свв. Кириллу и Мефодию, «Боже, Царя храни» (гимн Российской империи), два духовных канта, а в конце – древняя песнь «Тебе Бога хвалим» («Te Deum laudamus») свт. Амвросия Медиоланского (IV в.). Вл. Николай также отмечает, что «на вечере было вдвое более гостей, чем за завтраком; было много и американцев. Во время вечера был открыт буфет со сладостями, мороженым и прохладительными напитками. Дети веселились от души» [7, л. 34]. Окончилось мероприятие в 10.30 вечера.

На местах празднование столетнего юбилея православия в Америке было менее масштабным, но проходило порой с большим, чем в Сан-Франциско, воодушевлением, особенно

¹⁰ Члены христианских общин, отделившихся от Римско-Католической Церкви вследствие неприятия решений I Ватиканского собора (1870 г.) о непогрешимости папы римского и непорочном зачатии Пресвятой Богородицы.

¹¹ Колоши (др. варианты: калоши, калюжи, колюжи, калюши) – собирательное именование племен индейцев северо-западного побережья Северной Америки (тлинкитов, хайда-кайгани, цимшиан и некоторых других), не принадлежавших к этническим группам эскимосов и алеутов.

¹² Александра III, Марии Федоровны и Николая Александровича (будущего императора св. Николая II).

¹³ Т. е. глав четырех существовавших тогда православных патриархатов: Константинопольского, Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского.

¹⁴ Т. е., по всей вероятности, лиц англосаксонского происхождения.

со стороны православных мирян. В Архиве Русской Церкви на Аляске, хранящемся в Библиотеке Конгресса США, сохранились отчеты о праздновании на приходах Аляски и Алеутских островов, а также на приходе Св.-Владимирской церкви в Чикаго.

Отличительной особенностью празднования на местах было чтение «Архипастырского послания к пастырям и пасомым Алеутской епархии по случаю столетнего юбилея основания Православной миссии в пределах Северной Америки». В нем еп. Николай, обозрев славную историю миссии до 1867 г., затем сказал о «замедлении в движении» и даже упадке православия в последующий период. Хотя в качестве причин упадка упоминаются только внешние – «перемена гражданской власти» и деятельность инославных миссионеров, – в призыве к верующим содержится прозрачный намек на внутренние причины кризиса, которые и являются главными: «Пусть с концом 19 столетия все, что набрасывало на нас тень, не повторяется уже ни в настоящем, ни в будущем; пусть имя православного не хулится во языцех, а восстанет паки в новом блеске и славе!» [5, л. 24]. Затем, призвав пастырей ревностно служить Церкви и оберегать ее, следя, чтобы ни одна душа, вверенная им, не отпала от веры и не погибла, а мирян – укрепляться в Православии и хранить его как величайшее сокровище, оберегая себя и своих детей от инославных лжеучителей, владыка Николай призвал всех к единению «в единомыслии и любви, в чувствах долга и послушания матери нашей Церкви» [5, л. 25].

Празднование на местах прошло более скромно, чем в Сан-Франциско, по причине меньших людских и материальных ресурсов. Однако отчеты аляскинских приходов отражают то, с каким энтузиазмом отнеслись к празднованию простые местные жители: алеуты и колоши. Например, настоятель Петропавловской церкви в с. Нушагаке сообщает, что заранее, рано утром 23 сентября «приехали на байдарках до 60 человек, на берегу реки раскинули палатки». Вместе с местными они составили сонм молящихся в 200 человек уже на заупокойной службе 23 сентября вечером и 24-го утром, что не идет ни в какое сравнение с 12 молившимися за этой службой в Чикаго и с «почти никого» в Сан-Франциско [7, л. 32; 14]¹⁵. На всенощном бдении в субботу число молящихся в нушагакском храме выросло еще на 10 человек [14].

В начале Божественной литургии 25 сентября, в самый день праздника, «сделан был выстрел из пушки»; таким же выстрелом было отмечено чтение Евангелия на литургии. В конце литургии настоятель сказал «поучение о значении нынешнего торжества, о том, как должны жить православные христиане, начиная новое столетие Православия на Аляске; что должны изменить в своей прежней, чисто противохристианской, жизни и в чем стоять твердо и неуклонно, дабы потомки наши, коим приведет Бог праздновать следующий юбилей, добром вспомнили о нас, помолились за нас Господу Богу, как мы молились за своих предков, и благодарили Бога и нас за то, что мы сохранили и передали им в чистоте неоценимое сокровище – Святую Православную веру» [14]. Пожелание ревностного пастыря исполнилось. Несмотря на небывалые испытания боготорческого XX в., православие на североамериканском континенте сохранилось и даже укрепилось, и в 1994 г. по всем США, включая Аляску, праздновался двухсотлетний юбилей американского православия.

Последовал молебен, после которого «все направились с крестным ходом вокруг селения при колокольном звоне и при пальбе из ружей и пушки». После крестного хода настоятель «с диаконом и певчими отправились по всем домам жителей с. Нушагак с крестом и св. водой». Целью было, несомненно, окропление св. водой всех жилищ, смысл которого указывался выше. «В 5 ч. вечера, – продолжает в своем отчете настоятель, – отслужена была вечерня», после которой «дети собраны были в церковном доме, так как школа не была еще устроена внутренне и освящена; сюда пришли было все почти утром бывшие в церкви, около 200 человек», но из-за тесноты помещения церковное собрание прошло на улице. Взрослым и детям «снова сообщен был смысл совершенного торжества, рассказано было первобытное состояние их предков в начале проповеди Христианской веры, жизнь и твердость веры их предков, насколько мне было известно из книги "Жизнь и труды Митрополита Московского Иннокентия"». Затем настоятель объявил о скором начале занятий в школе и о долге взрослых, в том числе жителей близлежащих селений, присылать своих детей в школу. «Кроме се-

¹⁵ Вл. Николай объясняет столь низкую посещаемость «деспотически действующим» обычаем американцев «кроме воскресного дня других дней не праздновать», за нарушение которого трудящийся «лишается работы на фабриках и других местах» как уклонившийся от дела в рабочий день. Однако можно предположить, что это лишь частичное объяснение, и что многие не пришли на богослужение из-за легко возникающих в большом городе расслабленности духа и соблазнов.

го, – продолжает о. настоятель, – взрослым людям было предложено два раза в неделю собираться по вечерам в школу, где обещал учить их молитвам и вести катехизические беседы». В ответ прихожане попросили отложить эти занятия до окончания «осенних промыслов в лесу и горах» [14].

В связи с юбилеем в адрес вл. Николая поступил целый ряд поздравлений, сохранившихся в фондах РГИА. В то время как поздравления от Св. Синода и от митрополита Санкт-Петербургского Палладия носят более или менее формальный характер, о других поздравлениях этого сказать нельзя. Князь Черногорский Николай I по случаю юбилея наградил еп. Николая орденом князя Даниила I 1-й степени – за «особые услуги черногорскому народу [по всей вероятности, на американской земле – В. П.] и Нам» [4, л. 48]; это в своем особенно хвалебном послании подтвердил митрополит Черногорский Митрофан [4, л. 50].

Глубокой признательностью отмечено поздравительное письмо из Вологодской духовной семинарии, где еп. Николай, еще будучи мирянином, два года (1883–1885) исполнял обязанности инспектора. В письме, подписанном поименно всей администрацией и всеми преподавателями семинарии, отмечается, что вл. Николай и теперь не забывает Вологодский край, что выражается не только в призвании воспитанников семинарии на служение в американскую епархию, но и в «добром слове» «об изделиях вологодских и устюжских тружеников..., чтобы эти изделия нашли себе сбыт в далекой стране и тем увеличили насущный хлеб их производителей» [4, л. 58].

Игумен Валаамского монастыря Гавриил вместе с поздравительным письмом прислал вл. Николаю три экземпляра составленной и изданной монастырем книги «Очерк из истории Американской православной духовной миссии 1794–1837 гг.» [4, л. 61]. Владыку также поздравили настоятели российских посольских церквей в европейских странах.

Сохранилось письмо от инославного священнослужителя, епископа Епископальной Церкви США У. Форда Никольса (1849–1924), а также его перевод, написанный рукой вл. Николая. Послание написано с экуменических позиций; автор считает и Православную, и свою церковь частями Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви Христовой («В Единой, святой, соборной и Апостольской Церкви бывает так, что когда один член прославляется, тогда и все члены вместе с ним радуются») [4, между лл. 48 и 50]¹⁶. Епископ называет просвещение Аляски «исполнением Апостольской миссии», благословляет вл. Николая и выражает желание, чтобы молитвы вл. Николая соединились с его молитвами, в т. ч. о скорейшем исполнении молитвы Искупителя: «Да будут все едино» (Ин. 17:21). (Надо сказать, что в то время церкви Англиканского сообщества, к которым относится и Епископальная Церковь, были достаточно близки к Православию, особенно в лице их отдельных деятелей. В кон. XIX и нач. XX вв. представители Русской Православной и Епископальной Церквей вели успешные переговоры о сближении, которые, однако, были прерваны Первой мировой войной и революцией в России. К концу XX в. диалог между двумя Церквями осложнился, а затем и вовсе был прекращен в связи с отходом Епископальной Церкви США от основ догматического и нравственного учения традиционного христианства [1, с. 510–511, 514].)

В Российском государственном историческом архиве сохранились заметки о праздновании юбилея православия в Америке в трех сан-францисских газетах: «The Examiner» («Ревизор»), «The Morning Call» («Утренний зов») и «San Francisco Chronicle» («Хроника Сан-Франциско»). Читая эти заметки, можно согласиться с вл. Николаем, назвавшим «сочувственными» их «отзывы о нашем празднике» [7, л. 34] (без отрицательного смысла, а в значении «сочувствия», присоединения к чувствам празднующих). Вместе с тем они содержат ошибки, произошедшие от незнания Православной Церкви. Сам заголовок заметки в «Утреннем зове» гласит: «THEIR NATAL DAY. Orthodox Greeks observe their anniversary» («Их день рождения. Православные греки отмечают свою годовщину») [12]. А в заметке из «Хроники Сан-Франциско» написано, что во время праздничного банкета после тоста за здоровье императора и за Св. Синод запели «Many Summers». Так было переведено «Многая лета!».

Автор заметки в «Ревизоре» был, очевидно, поражен красотой церковных облачений и особенно музыки: «такой музыки не услышать нигде более в Сан-Франциско; музыки человеческого голоса без сопровождения; сладостный, странный и торжественный распев Восточ-

¹⁶ Перевод вл. Николая. Еп. Никольс, очевидно, придерживается неприемлемой с точки зрения традиционного православия «теории ветвей», согласно которой Римско-Католическая, Православная и Англиканская Церкви суть три ветви Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви.

ной церкви; тот самый распев, который раздаётся в великих соборах Москвы и Константинополя и благословляет унылые сибирские пустыни». ¹⁷ И все же православное богослужение остается для него чуждым, и он завершает заметку словами: «Все это казалось очень далеким от энергичного, современного Сан-Франциско – очень странным, торжественным и старым» ¹⁸. Вполне закономерное суждение для человека, знающего лишь обмирщенное западное христианство, которое уже давно последовало за светским гуманизмом, поставившим человека и его разум выше Бога и Откровения. В американской культуре конца XIX в. уже стало принято считать, что религия должна подчиняться требованиям современности – и в богослужении, и во всем остальном вплоть до вероучения. Неслучайно в «Хронике Сан-Франциско» сразу после заметки о столетнем юбилее Русской Церкви была помещена заметка о проповеди пастора Унитарной церкви ¹⁹, который приветствовал «приспособление веры и институтов веры к новым истолкованиям жизни» и видел в «пересмотрах вероучения... признаки (появления)... лучшей религии» [10].

Вместе с тем заметка в «Хронике Сан-Франциско» содержит ценные детали, такие как фамилии священников, служивших на праздник вместе с вл. Николаем, и состав хора. Среди первых упомянута фамилия «Дабович». Это означает, что с вл. Николаем служил иеромонах Севастиан (Дабович, 1863–1940), первый православный священник, родившийся в США, деятельный священнослужитель и талантливый миссионер, основавший первый сербский приход в США и в 2015 г. прославленный в лике святых как прп. Севастиан Джексонский ²⁰. Среди членов хора упомянуты Анна Дабович и Мэй Дабович – старшие сестры о. Севастиана.

Представленные выше документальные сведения о ходе празднования столетия Православия в Северной Америке позволяют, думается, сделать вывод о том, что празднование стало серьезной вехой на пути возрождения заокеанской епархии Русской Церкви после почти четверти века застоя и кризиса. В сознании многих и многих православных жителей США ожила славная история начала Православия в Америке, и празднование вдохновило их на более серьезное и благоговейное отношение к своей вере. И немалое число неправославных американцев больше узнало о Православной Церкви и получило возможность сделать дальнейшие шаги к присоединению к ней. Празднование придало большой импульс дальнейшим трудам еп. Николая по развитию заокеанской епархии РПЦ, которые стали основой для наивысшего расцвета епархии при преемнике вл. Николая, свт. Тихоне (Беллавине), будущем патриархе Московском и всея России.

Список литературы

1. Козлов М., прот., Огицкий Д. П. Западное христианство: взгляд с востока. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2009. 608 с.
2. Печатнов В. В., Печатнов В. О. Русский епископ в Америке «позолоченного века» // Вестник МГИМО-Университета. 2021. № 14 (1). С. 7–30.
3. Прибавления к «Церковным ведомостям». 1894. № 25.
4. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 796. Оп. 174. Д. 3101.
5. РГИА. «Архипастырское послание к пастырям и пасомым Алеутской епархии по случаю столетнего юбилея основания Православной миссии в пределах Северной Америки – 25 сентября 1894 года». Ф. 796. Оп. 174. Д. 3101. Л. 21–25.
6. РГИА. По рапорту Преосвященного Алеутского о пожертвовании разными лицами на нужды миссий и церковей Алеутской епархии денег и вещей. Ф. 796. Оп. 175. 1894 г. Д. 3073. Л. 1–2.
7. РГИА. Рапорт Николая, Епископа Алеутского и Аляскинского, Святейшему Правительствующему Всероссийскому Синоду. Ф. 796. Оп. 174. Д. 3101. Л. 31–34 об.
8. РГИА. Речь пред благодарственным молебном по случаю столетней годовщины основания Миссии в Америке 25 сентября 1894 года. Ф. 796. Оп. 174. Д. 3101. Л. 62–66 об.

¹⁷ “...such music as cannot be heard elsewhere in all of San Francisco; the music of the unaccompanied human voice; the sweet and weird and solemn chant of the Eastern church; the same chant which thrills in the great cathedrals of Moscow and Constantinople and lends its benison to the drear Siberian wastes” [11].

¹⁸ “Very far from the eager, modern San Francisco it all seemed – very strange and solemn and old” [там же].

¹⁹ Унитарянство – антитринитарное движение в протестантизме, отрицающее Св. Троицу и появившееся в эпоху Реформации.

²⁰ Подробнее о нем см. Печатнов В. В. «Дело Православия в Алеутской епархии... начало снова оживать и подавать надежды на лучшее будущее». Отчет Епископа Николая (Зиорова) о состоянии Алеутской и Аляскинской епархии за 1895 г. // Вестник Вятского государственного университета. 2023. № 2 (148). С. 78, сн. 14.

9. РГИА. Святейшему Правительствующему Всероссийскому Синоду, 16/28 ноября 1893 г. Ф. 796. Оп. 174. Д. 3101. Л. 1–4.
10. РГИА. "The Coming Church. Rev. Leslie W. Sprague Hopeful for a Better Religion". San Francisco Chronicle. Monday, October 8, 1894. P. 8. Ф. 796. Оп. 174. Д. 3101.
11. РГИА. The Examiner. San Francisco, Monday Morning, October 8, 1894. P. 10. Ф. 796. Оп. 174. Д. 3101.
12. РГИА. The Morning Call. San Francisco, Monday, October 8, 1894. P. 8. Ф. 796. Оп. 174. Д. 3101.
13. ARCA (Alaskan Russian Church Archives) records. Library of Congress Manuscript Division. Cont. D 472–474. Centennial Celebration. Instructions and Reports from various parishes (1893–1894). Его Сиятельству Русскому Посланнику в Вашингтоне князю Григорию Львовичу Кантакузену, 5/17 апреля 1894 г.
14. ARCA. Cont. D 472–474. Centennial Celebration. Instructions and Reports from various parishes (1893–1894). Празднование столетия Православия в Америке в приходах Алеутской епархии 25 сентября 1894 года. В приходе Петропавловской церкви в с. Нушагак.
15. ARCA. Cont. D 472–474. Centennial Celebration. Instructions and Reports from various parishes (1893–1894). «Церемониал столетнего юбилея Православия в Алеутской епархии, имеющего быть 25 сентября месяца 1894 года».

Celebrating the centenary of the Russian Orthodox Mission in North America

Pechatnov Valentin Vladimirovich

PhD in Historical Sciences, associate professor of the Department of Philosophy n. a. A. F. Shishkin, Moscow State Institute of International Relations (University) of Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.
Russia, Moscow. E-mail: vpechatnov@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to a memorable event in the history of the Russian ecclesiastical mission in the USA – the celebration of its centennial anniversary in 1894. This event has hardly been studied in Russian and foreign historiography, although Russian and American archives have all the necessary sources for this. This is case 3101 (op. 174) from the fund of the Holy Synod of the Russian State Historical Archive entitled "According to the presentation of His Grace of Aleut on the celebration in 1894 of the centennial of the spread of Orthodoxy in North America" and the case "Centennial Celebration. Instructions and Reports from various parishes (1893–1894)" from the Archive of the Russian Church in Alaska in the Manuscript Department of the Library of Congress (The Alaskan Russian Church Archives records. Library of Congress Manuscript Division. Container D 472–474). The relevance of the topic is related to the fact that such anniversaries occur at certain intervals, and the experience of past celebrations should be taken into account when preparing celebrations in the future.

The article discusses the preparation of this celebration, initiated by the head of the Aleutian and Alaska diocese, Bishop Nikolai (Ziorov), and the role of St. Nicholas in this. The Synod and its chief prosecutor K. P. Pobedonostsev. The very conduct of this celebration and its theological sound are analyzed in detail on the basis of the report of Bishop Nicholas, reports from various Orthodox parishes in America, as well as materials from the American press. The conclusion is made that the celebration of the centenary of Orthodoxy in North America has become a serious milestone on the path of the revival of the overseas diocese of the Russian Church after almost a quarter of a century of stagnation and crisis. It gave a great impetus to the further work of the ep. St. Nicholas on the development of the diocese, which became the basis for its highest flourishing under the successor of Bishop Nicholas, St. Tikhon (Bellavin), the future Patriarch of Moscow and All Russia.

Keywords: Russian Spiritual Mission in America, Aleutian and Alaska Diocese of the Russian Orthodox Church, Bishop Nikolai (Ziorov), Chief Prosecutor Pobedonostsev.

References

1. Kozlov M., prot., Ogickij D. P. *Zapadnoe hristianstvo: vzglyad s vostoka* [Western Christianity: a view from the East]. M. Publishing House of the Sretensky Monastery, 2009. 608 p.
2. Pechatnov V. V., Pechatnov V. O. *Russkij episkop v Amerike "pozolochennogo veka"* [The Russian bishop in America of the "gilded age"] // *Vestnik MGIMO-Universiteta – Herald of MGIMO University*. 2021. No. 14 (1). Pp. 7–30.
3. *Pribavleniya k "Cerkovnym vedomostyam"* – Additions to the "Church Gazette". 1894. No. 25.
4. RSHA (Russian State Historical Archive). F. 796. Inv. 174. File 3101.
5. RSHA. "Archpastoral message to the pastors and pastors of the Aleut Diocese on the occasion of the centenary of the founding of the Orthodox Mission within North America – September 25, 1894." F. 796. Inv. 174. File 3101. Sh. 21–25.
6. RSHA. According to the report of His Grace of Aleut on the donation of money and things by various persons to the needs of the missions and churches of the Aleut Diocese. F. 796. Inv. 175. 1894. File 3073. Sh. 1–2.

7. RSHA. Report of Nicholas, Bishop of Aleut and Alaska, to the Most Holy Governing All-Russian Synod. F. 796. Inv. 174. File 3101. Sh. 31–34 turn.
8. RSHA. Speech before the thanksgiving prayer on the occasion of the centennial anniversary of the founding of the Mission in America on September 25, 1894. F. 796. Inv. 174. File 3101. Sh. 62–66 turn.
9. RSHA. To the Most Holy Governing All-Russian Synod, November 16/28, 1893, F. 796. Inv. 174. File 3101. Sh. 1–4.
10. RSHA. "The Coming Church. Rev. Leslie W. Sprague Hopeful for a Better Religion". San Francisco Chronicle. Monday, October 8, 1894. P. 8. F. 796. Inv. 174. File 3101.
11. RSHA. The Examiner. San Francisco, Monday Morning, October 8, 1894. P. 10. F. 796. Inv. 174. File 3101.
12. RSHA. The Morning Call. San Francisco, Monday, October 8, 1894. P. 8. F. 796. Inv. 174. File 3101.
13. ARCA (Alaskan Russian Church Archives) records. Library of Congress Manuscript Division. Cont. D 472–474. Centennial Celebration. Instructions and Reports from various parishes (1893–1894). To His Excellency the Russian Envoy in Washington, Prince Grigory Lvovich Kantakuzen, April 5/17, 1894.
14. ARCA. Cont. D 472–474. Centennial Celebration. Instructions and Reports from various parishes (1893–1894). Celebration of the centenary of Orthodoxy in America in the parishes of the Aleutian Diocese on September 25, 1894. In the parish of the Peter and Paul Church in the village of Nushagak.
15. ARCA. Cont. D 472–474. Centennial Celebration. Instructions and Reports from various parishes (1893–1894). "The ceremonial of the centenary of Orthodoxy in the Aleutian Diocese, which takes place on September 25, 1894."

Поступила в редакцию: 13.05.2024

Принята к публикации: 16.09.2024

Особенности проявления премилленаристских идей на примере «Свидетелей Иеговы»*

Головнев Георгий Андреевич

аспирант специальности «Философия религии и религиоведение»,
ассистент кафедры религиоведения, Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Россия, г. Казань. E-mail: georgij.golovnev@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются особенности проявления премилленаристских идей в рамках эсхатологической концепции «Свидетелей Иеговы» (запрещенной на территории Российской Федерации организации). Представления о скором и неминуемом конце мира нередко становятся религиозно-философским базисом для формирования идеологических установок по отношению к актуальной действительности. При этом мироотрицающая позиция той или иной религиозной группы может напрямую вытекать из апокалиптических настроений, которые используются как в целях поддержания напряжения с окружающим социумом, так и для оправдания действий радикального характера. Обозначенная проблема является ключевой в данном исследовании. Предмет изучения – религиозно-философский взгляд на мир, присущий адептам премилленаристских религиозных групп. Цель исследования заключалась в выявлении наиболее значимых общих черт в рамках премилленаристских движений, а также анализе их теологических истоков. Обнаруженные особенности рассматриваются на примере ныне запрещенной организации «Свидетелей Иеговы». Выбор связан, во-первых, с премилленаристской сущностью основных догматов вероучения данного религиозного движения, во-вторых, с повышенной активностью его адептов, вопреки законодательному запрету. В исследовании используется сравнительно-исторический метод, направленный на сопоставление премилленаристских движений в разные эпохи и выявление общих черт между ними. Кроме того, для анализа мировоззренческих перемен и их причин применяется историко-генетический метод. Для изучения степени напряженности между «Свидетелями Иеговы» и социумом используется «теория религии» У. Бейнбриджа и Р. Старка. В результате были выявлены следующие особенности мировоззрения премилленаристских групп: принципиальная оппозиционность, отождествление личного духовного роста со служением организации, вытеснение любых идентичностей, помимо внутриорганизационной. Актуальность исследования связана с тем, что премилленаризм как религиозный феномен характеризуется регулярным возрождением и способностью прижиться на любой социально-культурной почве. При этом описанные в статье особенности премилленаристского мировосприятия позволяют рассматривать его в качестве исторически воспроизводимого фактора риска в любом социально-культурном пространстве. Итоги изучения могут быть использованы в области моделирования и прогнозирования религиозных процессов в духовном пространстве Российской Федерации и за ее пределами.

Ключевые слова: Хилиазм, мировоззрение, эсхатология, фундаментальное переустройство, антагонизм, конфликтность, социальная среда.

Введение. Религиозная сфера на протяжении всей истории человечества состояла из множества разнообразных течений и богословских концепций. При этом, претендуя на связь с областью трансцендентного, религиозные группы необходимо взаимодействуют и с имманентной действительностью, что требует теологического обоснования границ допустимого в тварном мире. В стремлении очертить нормы дозволенного для своих адептов, некоторые религии избирают путь мироотрицания, которое может проявляться в неприятии государственных систем, «греховного» социума или материального мира в целом. Очевидно, что такой мировоззренческий ракурс сам по себе обладает высоким потенциалом для будущих конфликтов с инакомыслящими. Однако для долгосрочного существования групп с подобным мировосприятием необходима специфическая теологическая концепция, которая будет не только объяснять, но и постоянно подкреплять исключительную важность мироотрицания. Крайне успешно с обозначенной задачей справляется такой феномен религиозной мысли, как милленаризм.

Первые исследования милленаризма обнаруживаются в творениях святых отцов христианской церкви. Проблеме хилиазма уделяли внимание такие выдающиеся богословы, как святитель Григорий Богослов, блаженный Феодорит Кирский, святитель Григорий Нисский,

преподобный Ефрем Сирийский, блаженный Иероним, преподобный Иоанн Кассиан Римлянин, блаженный Августин и многие другие. Однако с XIX в. по настоящее время интерес к изучению миллениаризма проявляют не только теологи, но и философы, социологи, психологи и лингвисты. Так, в основе академического исследования эсхатологии как социально-философского феномена, частью которого является и миллениаризм, лежат труды таких авторов, как П. Бергера, М. Вебера, К. Гирца, Э. Дюркгейма, М. Элиаде, К. Г. Юнга. Отметим, что апокалиптические ожидания религиозных групп, возникших в США в XIX–XX вв., первоначально изучались с позиций социологии религии и сравнительного религиоведения. В посвященных миллениаризму исследованиях используется метод сравнительно-исторического анализа, направленного на выявление сходных паттернов в независимых друг от друга религиозно-культурных традициях, с учетом исторического контекста. В целях прояснения роли и места эсхатологии в рамках теологии того или иного религиозного движения применяется метод структурно-функционального анализа. Семиотический метод применяется для изучения и интерпретации сакральных текстов, содержащих миллениаристские мифологемы. Специфика апокалиптического мировоззрения нередко изучается с позиций психоанализа, в рамках которого упор ставится на выявление возможных проявлений коллективного бессознательного. На сегодняшний день можно выделить такие подходы к изучению миллениаризма как: миссионерско-апологетический, опирающийся на сравнительное богословие для полемики с инаковерующими; религиоведческий, в рамках которого возникновение апокалиптических движений рассматривается как новый виток развития религии; философско-мировоззренческий, осмысляющий идею конечности человеческой истории; социально-психологический, изучающий возникновение и воздействие эсхатологических концепций на общественное сознание; культурологический, исследующий апокалиптику как часть массовой культуры; филологический, концентрирующийся на изучении и интерпретации особенностей эсхатологических текстов. Приведенное многообразие подходов к изучению миллениаризма свидетельствует о сложности рассматриваемого феномена.

Отметим, что происхождение понятия «миллениаризм» восходит к латинскому «mille» – тысяча. Зачастую, как равнозначный по значению, используется греческий вариант, также образованный от слова тысяча (χίλις) – «хилиазм». В отечественной литературе обозначенные термины используются преимущественно в узком иудеохристианском контексте, в то время как зарубежными авторами понятие «миллениаризм» употребляется для обозначения более широкого спектра религиозных и даже политических явлений, объединенных схожими мировоззренческими установками.

В обобщенном виде термин «миллениаризм» в англоязычной религиоведческой среде определяется как стремление к «всеобъемлющему, неизбежному, бесповоротному, имманентному и коллективному спасению» [19, с. 166]. Анализ различных религиозных традиций позволяет обнаружить миллениаристские концепции в рамках зороастризма, синкретических верований Африки и Латинской Америки, а также во всех авраамических религиях, начиная с иудаизма, где они принимают форму ожидания мессии-избавителя. Миллениаристским направлением исламской богословской мысли является махдизм. Кроме того, как религиозно-политические формы миллениаристского миропонимания нередко рассматриваются и революционные утопии. Однако наибольшего распространения миллениаризм достиг внутри христианской духовной среды.

Развитие миллениаристских идей на христианской почве. Как теологическая концепция миллениаризм обнаруживает себя уже в раннехристианскую эпоху, где он получает распространение на фоне эсхатологических ожиданий Второго Пришествия, присущих многим христианским общинам этого периода. С другой стороны, миллениаристские идеи первых веков христианства дошли до нас лишь в виде частных богословских мнений (св. Ипполит Римский, Тертуллиан), а не как общецерковное догматическое постановление. Напротив, буквальное толкование тысячелетнего царства было осуждено II Вселенским собором и подвергалось критике таких выдающихся отцов Церкви как блаженный Августин, святитель Григорий Нисский, святитель Григорий Богослов, преподобный Ефрем Сирийский и другие [2]. Тем не менее миллениаризм не только не исчезает после запрета, но и становится идейной основой «еретических учений раннего христианства (керинфиан, эбионитов, монтанистов)» [4, с. 82]. Более того, хилиазм продолжает проявляться в разных формах и на протяжении дальнейшей истории.

Стоит отметить, что миллениаристские движения, как правило, возникают на фоне духовных, социальных, политических и иных катаклизмов. Так, идеологической основой борьбы

иудеев с римским владычеством в первых веках нашей эры стало движение zelотов. В эпоху крестовых походов в качестве главного пророка хилиазма можно выделить Иоахима Флорского. Состояние нравов католической церкви во Франции XI в. привело к возникновению движения альбигойцев, чье религиозное мировоззрение имело выраженные черты миллениаризма. Еще более мощным толчком к развитию и распространению учений о тысячелетнем царстве стала начатая Мартином Лютером Реформация, под влиянием которой возникает, к примеру, мюнстерская коммуна и движение анабаптистов в целом. В XVII в., пропитанные миллениаристскими идеями пуритане, стали, с одной стороны, базисом английской революции Кромвеля [1], с другой стороны, строителями «нового лучшего мира» на североамериканском континенте. В отечественной истории этого временного периода миллениаристские мотивы наблюдаются в среде старообрядцев [12]. В период наполеоновских войн, повлиявших на рост популярности эсхатологических воззрений, в Португалии расцветает окрашенное миллениаризмом Себастьянство [16]. Усиление миллениаризма происходит и в культурно-историческом контексте «великого пробуждения». Особенно выделяется вторая волна данного религиозного феномена, подарившая миру мормонов и адвентистов, а также третья, в которой рождается организация «Свидетелей Иеговы». В. Я. Лалуев и А. М. Лесовиченко отмечают, что в XIX в. «пророческих интенций, связанных с эсхатологическими ожиданиями, стало больше» [10, с. 92]. В качестве русских миллениаристских течений XIX в. могут быть рассмотрены духоносцы, молокане-прыгуны и еговисты-ильинцы [14]. Ответом на колониальную политику европейских держав становится развитие миллениаризма в духовной среде североамериканских индейцев и африканских племен. Примечательно, что в XX в. миллениаристские концепции проявляются в США на фоне расовых конфликтов и становятся идейной базой для многих радикально настроенных религиозно-политических группировок по типу Ку-Клукс-Клана [20]. В это же время выдающийся отечественный богослов о. Сергей Булгаков называет социализм возрождением древнеиудейских мессианских учений. При этом сам о. Сергей считал, что хилиазм имеет «фундаментальный характер исторического горизонта» [5, с. 3]. В Африке второй половины XX в. миллениаристским по своей сути является повстанческое Движение Святого Духа [11]. Ярким примером западного миллениаризма XXI в. является американское религиозно-политическое движение «христианский исход» Кори Барнелла и Джима Тейлора [18]. Религиозная сфера постсоветской России в этом плане примечательна не только деятельностью зарубежных миллениаристских движений, но и регулярным появлением собственных общин по типу движения виссарионовцев или «Богородичного центра» Иоанна Береславского [13].

Иными словами, миллениаризм как богословская концепция регулярно проявляется в истории в различных частях света. Однако важно понимать, что миллениаризм не является единым религиозным учением. Такие вопросы, как понимание, форма и датировка тысячелетнего царства, последовательность эсхатологических событий, роли и функции адептов имеют широкую вариативность. В связи с этим существуют и различные подходы к классификации данного религиозного феномена, наиболее известным из которых является деление на премиллениаризм как вера в то, что тысячелетнее царство наступит после Второго Пришествия, и постмиллениаризм как вера в создание тысячелетнего царства перед Пришествием Христа. Как можно заметить, данная классификация ограничивает многообразие миллениаристских религиозных течений изучением христианского контекста.

Особенности мировоззрения «Свидетелей Иеговы» как премиллениаристского религиозного движения. Данное исследование посвящено главным образом премиллениаризму, представителями которого являются «Свидетели Иеговы». При этом стоит учитывать, что и премиллениаризм как часть миллениаризма также не является монолитным течением, а состоит из разнообразных по своим религиозным взглядам движений. Однако у всех премиллениаристов есть две объединяющие черты, которыми отчасти объясняются особенности миропонимания их адептов. Во-первых, эсхатологическая ориентированность, то есть ожидание скорого наступления конца света (в терминологии «Свидетелей Иеговы» – «конца этой системы вещей»), как центральная идея всей теологической системы. Во-вторых, вера в неизбежное, всеобъемлющее и фундаментальное переустройство мира в ближайшем будущем. Из этих базовых для премиллениаризма идеологических установок вытекают некоторые особенности коллективного мировоззрения последователей данных движений, что будет описано далее.

Оппозиционность к миру. В качестве первой черты премиллениаристского мировоззрения можно выделить принципиальную оппозиционность по отношению к внешней среде. В этом плане премиллениаристы являются идеальным примером «секты» в веберовской клас-

сификации «Церковь-секта». Идея необходимости радикального переустройства мира требует веры в его неисправимую греховность и испорченность. Однако последователи премилленаристских движений не только воспринимают окружающий мир как враждебную среду, но и противопоставляют себя ей, тем самым развивая концепцию коллективного внутриорганизационного спасения. Для последователей подобных религиозных течений характерно воспринимать самих себя в качестве последних праведников на земле, единственных хранителей истины, которым суждено пережить фундаментальное переустройство старого порядка и стать первыми жителями и, зачастую, строителями нового лучшего мира. Иными словами, отношение к внешней среде имеет выраженный гностический характер. Многочисленные исторические примеры борьбы милленаристских движений с «официальной церковью» [19, с. 162], свидетельствующие о принципиальной важности идеи противостояния, анализируются не только в отечественных, но и в зарубежных исследованиях.

Обращаясь к примеру «Свидетелей Иеговы», необходимо отметить, что центральное место в их вероучении занимает ожидание конца света. Как отмечает Л. Е. Веснина, главной задачей текстов организации является: «внушить адресату мысль о грядущем страшном конце света, ведь если не следовать за истинным спасительным учением, каковым считается только учение организации, все погибнут» [3, с. 67]. Армагеддон, в свою очередь, описывается как максимально масштабная и жестокая война, в которой грешники, то есть все люди, отказавшиеся от учения организации, будут физически истреблены. В выпусках «Сторожевой башни» регулярно публикуются статьи, которые демонстрируют греховную сущность современного мира через описание природных, социальных, политических и иных катаклизмов [9]. Можно предположить, что главной целью данных материалов в совокупности является обоснование необходимости столь радикальных мер по переустройству «этой системы вещей». В мире, исключительно враждебном любому верующему, адепт «Свидетелей Иеговы» ощущает себя своего рода партизаном, а все вынужденные контакты с социумом – загрязнением, в чем проявляется черно-белое видение окружающего мира, разделенного на «своих» и «чужих», где первым приписываются наиболее положительные, а вторым наиболее отрицательные качества. В англоязычных работах контрасту между отношением к организации и миру вне организации уделяется особое внимание [17].

Отождествление духовной жизни со служением организации. С оппозиционным характером мышления премилленаристов тесно связана вторая особенность, а именно отождествление духовной жизни со служением организации. Личное преображение человека по своей важности оттесняется на второй план по сравнению с преданностью коллективу. Именно принадлежность к общине и активное включение в ее жизнь понимаются в качестве основного критерия нравственности. Они же являются показателем наличия духовной жизни в понимании адептов премилленаристских групп. Сакрализация общины, помимо концепции коллективного спасения, может основываться на роли и статусе харизматичного лидера, а также усиливаться тесными знакомствами между участниками. В итоге духовный рост начинает оцениваться такими показателями, как качество служения организации и соблюдение установленных правил. Со смещением акцента с внутренних перемен на внешнее соответствие требованиям предположительно связано общее обмирщение сознания адептов, что проявляется, к примеру, в крайне материалистичном понимании тысячелетнего царства как мира без болезней, смерти и голода, в котором роль Бога остается нераскрытой.

Обозначенные особенности наблюдаются и в среде «Свидетелей Иеговы». К примеру, данная организация считает ключевыми показателями духовного роста своих адептов количество часов, затраченных на миссионерскую деятельность, и участие в религиозных собраниях группы. Кроме того, руководящий орган «Свидетелей Иеговы», в понимании последователей, наделен исключительным правом толкования Священного Писания, что позволяет ему не только создавать, отменять и корректировать пророчества и иные аспекты вероучения, но также определять нормы и границы нравственности. В результате у «Свидетелей Иеговы» появляется, к примеру, так называемая теологическая военная стратегия, позволяющая ложь в интересах организации. К примеру, в статье «Как нечестность влияет на нас» руководство «Свидетелей Иеговы» определяют ложь как «сообщение неверных сведений тому, кто имеет право знать правду» [8, с. 5]. Закономерный вопрос о том, будет ли являться ложью сообщение неверных сведений тому, кто права на правду не имеет, остается открытым. Иными словами, единственным критерием истины становится руководство движения, а оценка правильности или неправильности любого действия обуславливается пользой для группы.

Вытеснение идентичностей. Третья особенность премилленаристского мировосприятия связана со специфическим самопониманием, которое можно обозначить как вытеснение идентичностей. Как правило, человеческая личность состоит из нескольких социальных ролей, формирующих различные идентичности: муж, отец, учитель и т. д. Для верующего все иные идентичности подчинены главной – религиозной (муж-христианин, отец-христианин, учитель-христианин). Однако в случае с последователями премилленаристских движений внутриорганизационная идентичность является не только доминирующей, но и вытесняющей все остальные. Никакие другие идентичности, помимо принадлежности к общине избранных, не имеют ценности для премилленариста, что объясняется эмоционально сильными и регулярно подкрепляемыми организацией эсхатологическими ожиданиями. В свете приближающегося Армагеддона единственное, что имеет значение, это спасение души. В радикальных формах подобное мировосприятие приводит к уходу из семьи, раздате имущества и даже коллективным самоубийствам. Примечательно, что западных исследователей особым образом интересует вопрос конструирования собственных границ морали в рамках премилленаристских общин, выраженный в широком диапазоне от вседозволенности и распущенности до строгого аскетизма [19].

Элементы конструирования схожих мировоззренческих установок наблюдаются в организации «Свидетели Иеговы». Руководство движения через литературу систематически напоминает последователям, что каждый верующий – гость на этой земле. Из этой вполне привычной для широкого христианского контекста мысли «Свидетели Иеговы» выводят запрет на участие в общественной и политической жизни страны пребывания. Последователи считают себя гражданами нового мира и подданными Иеговы, что на практике предполагает подчинение руководящему органу. В сущности, организация «Свидетелей Иеговы» в любой стране мира представляет собой государство в государстве. Наиболее конфликтными в этой связи становятся вопросы отказа от службы в армии и от выражения почтения государственной символике. Однако отказом от социально-политической жизни вытеснение идентичностей не оканчивается. Наиболее ярким примером, иллюстрирующим специфику иерархии внутриличностных ролей адепта «Свидетелей Иеговы», являются статьи, посвященные теме деторождения. В них организация ненавязчиво напоминает последователям, что ни брак, ни рождение детей не должны препятствовать главной задаче каждого верующего в мире, а именно – миссионерскому служению. Призывая к проповеди, автор одной из статей «Сторожевой башни» отмечает, что «...уместно, чтобы христиане спросили бы себя, как вступление в брак или, если они уже состоят в браке, как рождение детей повлияет на их участие в этом важном деле» [6, с. 10]. Наиболее благоприятным временем для деторождения детей будет период тысячелетнего царства, в то время как о днях Армагеддона сказано «горе же беременным и питающим сосцами в те дни» [Мф. 24:19]. Данное предостережение нельзя рассматривать как прямой запрет, так как время Армагеддона еще не наступило. С другой стороны, «Свидетели Иеговы» ожидают конца «этой системы вещей» в ближайшее время, а потому, в восприятии адептов, зачатие потомства ассоциируется с риском. Стоит отметить, что столь прямолинейная позиция по отношению к деторождению была характерна для публикаций «Свидетелей Иеговы» в 80–90-х гг. прошлого тысячелетия. Позднее организация стала более аккуратной в высказываниях, касающихся темы семьи. Однако в целом по вопросам внешних связей концепция «Свидетелей Иеговы» не претерпела фундаментальных изменений, о чем свидетельствует, к примеру, ориентированная на детей и подростков статья 2023 г., в которой утверждается: «Скажем прямо: если ваши друзья не любят Иегову, они вам не нужны» [15, с. 10].

Заключение. Подводя итог анализу особенностей премилленаристского мировосприятия на примере «Свидетелей Иеговы», необходимо выделить следующие характерные черты: принципиальная оппозиционность, черно-белое деление мира, вера в собственную исключительность и коллективное спасение, отождествление духовной жизни со служением организации, конструирование собственной морально-нравственной системы, а также вытеснение внутриорганизационной идентичностью всех остальных. Все перечисленные пункты не только взаимосвязаны, но и имеют общую теологическую основу, которой являются эсхатологические ожидания грядущих фундаментальных и всеобъемлющих перемен.

Подобный набор мировоззренческих установок поддерживает у адептов премилленаристских движений высокую вовлеченность, тем самым сводя к минимуму проблему формальной религиозности. Одновременно с этим премилленаристы остаются и одной из самых нестабильных переменных религиозного пространства любой страны, где они функциониру-

ют. С течением времени антагонизм с обществом у какой-либо премилленаристской религиозной группы может как сбавляться, так и возрастать, приобретая радикальные формы. Перемены могут быть связаны с влиянием разнообразных факторов: внутренних и внешних. К примеру, в качестве главной причины обострения противоречий между отечественными «Свидетелями Иеговы» и окружающей средой можно выделить запрет деятельности данной организации на территории России. Сложившаяся ситуация подкрепила эсхатологические ожидания адептов и усилила описанные ранее черты премилленаристского мировосприятия, тем самым возвысив роль старейшин и общины для каждого последователя. Некоторые отечественные исследователи, к примеру, А. Кузьмин и А. Домрачев, фиксируют, что в последнее время: «экстремистский потенциал организации «Свидетели Иеговы» в России резко увеличился» [7, с. 365]. Однако необходимо понимать, что запрет стал лишь катализатором антагонизма, в то время как конфликтность сама по себе является следствием премилленаристского мировоззрения «Свидетелей Иеговы».

Таким образом, особенности премилленаристских мировоззренческих концепций позволяют руководству данных движений поддерживать психоэмоциональное напряжение среди последователей, что усиливает их включенность в жизнь общины и обуславливает готовность к действиям. В подобном базовом состоянии премилленаристские группы могут находиться многие годы, не переходя в своем противостоянии с обществом социальных и законодательных рамок. С другой стороны, ситуация может резко усугубиться в неблагоприятных условиях, которыми, в рамках премилленаристского мировосприятия, будут оправдываться действия радикального и противоправного характера. Картина усложняется еще сильнее, если учитывать практически неограниченные полномочия руководства премилленаристских течений в области толкования происходящих в мире событий. Другими словами, именно лидеры принимают решение о том, какие условия можно считать неблагоприятными и какие действия в этой связи становятся если не обязательными, то позволительными. Кроме того, премилленаризм, как религиозный феномен, характеризуется регулярным возрождением и способностью прижиться на любой социально-культурной почве, что в совокупности с описанным в данной статье специфическим мировосприятием позволяет рассматривать его как исторически воспроизводящийся фактор риска в любом социально-культурном пространстве.

Список литературы

1. Балушкина Е. В. От средневекового милленаризма к революционной утопии // Вестник РГГУ. 2013. № 13 (114). С. 235–247.
2. Веселов Е. Г. К вопросу об оценке богословия премилленаризма: место земного тысячелетнего царства в домостроительстве нашего спасения // Вестник Омской православной духовной семинарии. 2018 (4). № 1. С. 174–183.
3. Веснина Л. Е. Коммуникативная стратегия запугивания в текстах религиозной организации «Свидетели Иеговы» // Политическая лингвистика. 2012. № 2. С. 66–70.
4. Гачева А. Г. Идеал «Царства Божия на земле» в русской философской мысли: от серебряного века до новоградства 1930-х годов // Соловьевские исследования. 2015. С. 80–98.
5. Гранин Р. С. Хилязм С. Н. Булгакова: между апокалиптикой и эсхатологией // Электронное научное издание. Альманах пространство и время. 2015. Т. 8. Вып. 2. 9 с.
6. Деторождение среди народа Бога // Сторожевая башня. 1988. № 15. С. 7–11.
7. Домрачев А. В., Кузьмин А. В. Последние изменения в секте "Свидетелей Иеговы" после ее запрета в России // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2020. С. 364–371.
8. Как нечестность влияет на вас // Сторожевая башня. 2016. № 1. С. 4–5.
9. Как определить «последние дни»? // Онлайн-библиотека Сторожевой Башни. URL: <https://www.dan124.com/ru/библейские-учения/вопросы/признак-последних-дней-пророчества> (дата обращения: 10.01.2024).
10. Лалуев В. Я., Лесовиченко А. М. Религиозно-художественные особенности сектантских «Пророчеств» XIX в. (концепции мормонизма, адвентизма, бахаизма) // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. 2010. Вып. 24. С. 88–97.
11. Мактучев А. В. Феномен религиозных повстанческих движений в Африке: Движение Святого духа и Господня армия сопротивления // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2019. Т. 19. Вып. 3. С. 344–348.
12. Носырев И. Н. Русский церковный раскол XVII в. как милленаристское движение // Вестник Московского университета. 2011. Серия 8. № 1. С. 35–53.
13. Оленич Т. С. Философско-религиозные основы вероучения апокалиптических культов // Вестник Мариупольского государственного университета. Серия: Философия, культурология, социология. 2011. № 1. С. 1–11.

14. Петров С. Царствовать со Христом тысячу лет: два пророка русского миллениаризма // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 38 (3). С. 149–177.
15. Юные братья и сестры, какой будет ваша жизнь? // Сторожевая башня. 2023. № 10. С. 8–13.
16. Levine M. R. Editor's Introduction: The Millenarian and Messianic Legacy // Luso-Brazilian Review. Messianism and Millenarianism in the Luso Brazilian World. Summer, 1991. Vol. 28. № 1. Pp. 1–3.
17. Sprague T. D. The "World" Concept among Jehovah's Witnesses // The Harvard Theological Review. Apr., 1946. Vol. 39. № 2. Pp. 109–140.
18. Sweet J., Lee M. F. Christian Exodus: A Modern American Millenarian Movement // Journal for the Study of Radicalism. Spring 2010. Vol. 4. № 1.
19. Tamon Y. Millenarian Movements // European Journal of Sociology / Archives Européennes de Sociologie, Europäisches Archiv für Soziologie. Vol. 7. On Suicide. 1966. № 2. Pp. 159–200.
20. Werly J. M. Premillennialism and the paranoid style / American Studies. Spring 1977. Vol. 18. № 1. Pp. 39–55.

Features of the manifestation of premillennialist ideas on the example of "Jehovah's Witnesses"

Golovnev Georgy Andreevich

postgraduate student of the specialty "Philosophy of Religion and Religious Studies",
assistant of the Department of Religious Studies, Kazan (Volga Region) Federal University.
Russia, Kazan. E-mail: georgij.golovnev@yandex.ru

Abstract. The article examines the peculiarities of the manifestation of premillennialist ideas within the framework of the eschatological concept of "Jehovah's Witnesses" (an organization banned in the territory of the Russian Federation). Ideas about the imminent and imminent end of the world often become a religious and philosophical basis for the formation of ideological attitudes towards actual reality. At the same time, the world-denying position of a particular religious group may directly result from apocalyptic sentiments, which are used both to maintain tension with the surrounding society and to justify actions of a radical nature. The indicated problem is the key one in this study. The subject of the study is a religious and philosophical view of the world inherent in adherents of premillennialist religious groups. The purpose of the study was to identify the most significant common features within the framework of premillennialist movements, as well as to analyze their theological origins. The discovered features are considered using the example of the now-banned organization of Jehovah's Witnesses. The choice is connected, firstly, with the premillennialist essence of the basic tenets of the creed of this religious movement, and secondly, with the increased activity of its adherents, contrary to the legislative prohibition. The study uses a comparative historical method aimed at comparing premillennialist movements in different eras and identifying common features between them. In addition, the historical and genetic method is used to analyze ideological changes and their causes. To study the degree of tension between Jehovah's Witnesses and society, the "theory of religion" by W. Beinbridge and R. Stark is used. As a result, the following features of the worldview of premillennialist groups were revealed: principled opposition, identification of personal spiritual growth with the service of the organization, displacement of any identities other than the intra-organizational one. The relevance of the study is related to the fact that premillennialism as a religious phenomenon is characterized by regular revival and the ability to take root on any socio-cultural soil. At the same time, the features of the premillennialist worldview described in the article allow us to consider it as a historically reproducible risk factor in any socio-cultural space. The results of the study can be used in the field of modeling and forecasting religious processes in the spiritual space of the Russian Federation and beyond.

Keywords: Chiliasm, worldview, eschatology, fundamental reconstruction, antagonism, conflict, social environment.

References

1. Balushkina E. V. *Ot srednevekovogo millenarizma k revolyucionnoj utopii* [From medieval millenarianism to revolutionary utopia] // *Vestnik RGGU – Herald of Russian State Humanitarian University*. 2013. No. 13 (114). Pp. 235–247.
2. Veselov E. G. *K voprosu ob ocenke bogosloviya premillennarizma: mesto zemnogo tysyacheletnego carstva v domostroitel'stve nashego spaseniya* [On the question of evaluating the theology of premillennialism: the place of the earthly millennial kingdom in the house-building of our salvation] // *Vestnik Omskoj pravoslavnoj duhovnoj seminarii – Herald of Omsk Orthodox Theological Seminary*. 2018 (4). No. 1. Pp. 174–183.
3. Vesnina L. E. *Kommunikativnaya strategiya zapugivaniya v tekstah religioznoj organizacii "Svideteli Iegovy"* [Communicative strategy of intimidation in the texts of the religious organization "Jehovah's Witnesses"] // *Politicheskaya lingvistika – Political Linguistics*. 2012. No. 2. Pp. 66–70.

4. Gacheva A. G. *Ideal "Carstva Bozhiya na zemle" v russkoj filosofskoj mysli: ot serebryanogo veka do novogradstva 1930-h godov* [The ideal of the "Kingdom of God on earth" in Russian philosophical thought: from the Silver Age to the Novogradstvo of the 1930s] // *Solov'evskie issledovaniya – Solovyov studies*. 2015. Pp. 80–98.
5. Granin R. S. *Hiliazm S. N. Bulgakova: mezhdru apokaliptikoj i eskhatologiej* [Bulgakov's Chiliasm: between apocalypticism and eschatology] // *Elektronnoe nauchnoe izdanie. Al'manah prostranstvo i vremya – Electronic scientific edition. The Almanac of space and time*. 2015. Vol. 8. Is. 2. 9 p.
6. *Detorozhdenie sredi naroda Boga – Procreation among the people of God* // *Storozhevaya bashnya – Watchtower*. 1988. No. 15. Pp. 7–11.
7. Domrachev A. V., Kuz'min A. V. *Poslednie izmeneniya v sekte "Svidetelej legovy" posle ee zapreta v Rossi* [Recent changes in the sect of Jehovah's Witnesses after its ban in Russia] // *Trudy Saratovskoj pravoslavnoj duhovnoj seminarii – Proceedings of the Saratov Orthodox Theological Seminary*. 2020. Pp. 364–371.
8. *Kak nechestnost' vliyaet na vas – How dishonesty affects you* // *Storozhevaya bashnya – Watchtower*. 2016. No. 1. Pp. 4–5.
9. *Kak opredelit' "poslednie dni"? – How to define the "last days"?* // *Onlajn-biblioteka Storožhevoj Bashni – Watchtower Online Library*. Available at: <https://www.dan124.com/ru/библейские-учения/вопросы/признак-последних-дней-пророчества> (date accessed: 10.01.2024).
10. Laluev V. Ya., Lesovichenko A. M. *Religiozno-hudozhestvennye osobennosti sektantskih "Prorochestv" XIX v. (konceptii mormonizma, adventizma, bahaizma)* [Religious and artistic features of sectarian "Prophecies" of the XIX century (concepts of Mormonism, Adventism, Baha'ism)] // *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta putej soobshcheniya – Herald of the Siberian State University of Railway Communications*. 2010. Is. 24. Pp. 88–97.
11. Maktuchev A. V. *Fenomen religioznych povstancheskih dvizhenii v Afrike: Dvizhenie Svyatogo duha i Gospodnya armiya soprotivleniya* [The phenomenon of religious insurgency in Africa: The Movement of the Holy Spirit and the Lord's Resistance Army] // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya – Proceedings of the Saratov University. A new series*. 2019. Vol. 19. Is. 3. Pp. 344–348.
12. Nosyrev I. N. *Russkij cerkovnyj raskol XVII v. kak millenaristskoe dvizhenie* [The Russian Church schism of the XVII century. as a Millenarian movement] // *Vestnik Moskovskogo universiteta – Herald of the Moscow University*. 2011. Series 8. No. 1. Pp. 35–53.
13. Olenich T. S. *Filosofsko-religioznye osnovy veroucheniya apokalipticheskikh kul'tov* [Philosophical and religious foundations of the doctrine of apocalyptic cults] // *Vestnik Mariupol'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya, kul'turologiya, sociologiya – Herald of Mariupol State University. Series: Philosophy, cultural studies, sociology*. 2011. No. 1. Pp. 1–11.
14. Petrov S. *Carstvovat' so Hristom tysyachu let: dva proroka russkogo millenarizma* [To reign with Christ for a thousand years: two prophets of Russian millenarianism] // *Gosudarstvo, religiya, cerkov' v Rossii i za rubezhom – State, religion, Church in Russia and abroad*. 2020. No. 38 (3). Pp. 149–177.
15. *Yunye brat'ya i sestry, kakoj budet vasha zhizn'?* – Young brothers and sisters, what will your life be like? // *Storozhevaya bashnya – Watchtower*. 2023. No. 10. Pp. 8–13.
16. Levine M. R. Editor's Introduction: The Millenarian and Messianic Legacy // *Luso-Brazilian Review. Messianism and Millenarianism in the Luso Brazilian World. Summer, 1991. Vol. 28. No. 1. Pp. 1–3.*
17. Sprague T. D. The "World" Concept among Jehovah's Witnesses // *The Harvard Theological Review*. Apr., 1946. Vol. 39. No. 2. Pp. 109–140.
18. Sweet J., Lee M. F. *Christian Exodus: A Modern American Millenarian Movement* // *Journal for the Study of Radicalism*. Spring 2010. Vol. 4. No. 1.
19. Tamon Y. *Millenarian Movements* // *European Journal of Sociology / Archives Européennes de Sociologie, Europäisches Archiv für Soziologie*. Vol. 7. On Suicide. 1966. No. 2. Pp. 159–200.
20. Werly J. M. *Premillennialism and the paranoid style* / *American Studies*. Spring 1977. Vol. 18. No. 1. Pp. 39–55.

Поступила в редакцию: 15.04.2024

Принята к публикации: 09.09.2024

Семантическая составляющая точных наук: проблемы и возможные пути решения

Благин Анатолий Вячеславович¹, Попова Инна Григорьевна²

¹доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой физики,
Донской государственный технический университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону. ORCID: 0000-0002-4513-6986. E-mail: a-blagin@mail.ru

²кандидат физико-математических наук, доцент кафедры физики,

Донской государственный технический университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону. ORCID: 0000-0002-8045-5915. E-mail: inna111109@rambler.ru

Аннотация. В работе обсуждаются научные аспекты важнейшего в педагогической деятельности процесса – процесса восприятия, усвоения и запоминания новых научных представлений в области точных наук. Показано, что во многих случаях упор делается на емкость информации (достигаемую с помощью формул и чертежей), точность (построение математических моделей заключается в ряде требований-ограничений, накладываемых на изучаемый объект, который заменяется упрощенным его образом), и при этом без должного внимания остается семантическая составляющая, пространство смыслов. Такое состояние дел существенно понижает эффективность учебного процесса. Поэтому выявление причин дефицита смысловой составляющей и поиск путей его преодоления является актуальной задачей. В работе осуществлена попытка выявить некоторые аспекты семантико-дефицитного изложения точных наук (на примере физики) и предложить возможные алгоритмы обеспечения излагаемых научных фактов смыслами. Комплекс этих алгоритмов, предлагаемый авторами, включает эвристический (перманентное открытие знания самим субъектом познания) и проблемный (формулировка вопросов, на которые дает ответы физика, в виде парадоксов) подходы. Обсуждаются, в частности, вопросы о смысле псевдовекторов в физике; об орбите Луны, о скользкости льда; о силовых линиях магнитного поля. Авторские идеи могут быть охарактеризованы как развитие эвристического и проблемного подхода. Однако в комбинации упомянутых подходов возникают эмерджентные эффекты, которые могут стать основой создания новых образовательных методик. Выводы работы об эффективности сочетания указанных методов и системного обращения к фокусам внимания обучающихся, закрепленным в их предшествующем опыте, могут повысить эффективность и привлекательность процесса обучения молодежи как в системе среднего профессионального образования (СПО), так и в высшей школе.

Ключевые слова: семантическое пространство, проблемная ситуация, учебный процесс, эвристические методы, физика.

Введение. Проблема, путем решения которой посвящена настоящая работа, существует давно. Однако она не формулируется, как правило, во всей ее полноте. По этой причине не существует универсальных методов ее решения; отдельным исследователям в какой-то степени удается решать ее индивидуально и интуитивно [20]. Вопрос можно сформулировать так: для всякого ли научного представления существует способ его описания, полностью соответствующий когнитивным способностям субъекта познания? Оптимистичный ответ на этот вопрос содержится в утверждении А. И. Герцена: «Трудных наук нет, есть только трудные изложения, то есть непереваримые...» [1, стр. 172]. Представляется, что это высказывание должно быть путеводной звездой каждого, причастного к научно-педагогическому труду. Однако звучит утверждение классика несколько безапелляционно. Почему? Потому что процесс познания имеет многоуровневую структуру. Когда преподаватель раскрывает перед студентами некий новый для них факт, требующий нестандартного описания (в случае точных наук – почти всегда математического описания!), он опирается на их предшествующий опыт. Не будем

брать во внимание то, что этот опыт у студентов индивидуален и поэтому весьма различается от одного субъекта к другому. Предположим, что такой опыт приблизительно у всех слушателей и наблюдателей одинаков. Далее в игру вступают собственно когнитивные способности, различие типов доминирующего механизма восприятия (визуальный, слуховой, моторно-двигательный), умение анализировать и сопоставлять, и здесь возможны самые различные варианты восприятия. Очевидно, не все эти варианты станут органичной компонентой процесса освоения компетенций, предписанных рабочей программой дисциплины и учебным планом. На первый взгляд, понятный тезис «записывается» в неокортекс [21] и затем проявляется в последующих логических операциях, осуществляемых студентом/старшеклассником. И нередко этот тезис становится элементом заблуждений! Чаще всего эти заблуждения не критичны, однако искажают понимание процессов действительности будущим участником научных исследований или промышленного производства. В качестве примера можно привести часто встречающиеся в учебной литературе по физике некорректные высказывания типа «Траектория Луны относительно Солнца представляет собой винтовую линию», «Коньки легко скользят по льду вследствие того, что давление, которое на них оказывается, вызывает подтаивание верхнего слоя льда»; «Силовые линии магнитного поля всегда замкнуты». Эти вопросы получают должную интерпретацию ниже. В иных случаях нарушение семантического пространства неявное: смысл какого-то высказывания получает гипертрофированную форму. Пример из физики: «На экранах старых телевизоров можно было наблюдать рябь, сопровождающуюся характерным шумом в динамиках. Эти сигналы были сгенерированы почти 14 млрд лет назад, когда в первый миллион лет существования Вселенной излучение отделилось от вещества и начало свое долгое путешествие в космосе. Называют это излучение реликтовым». При этом редко отмечают, что доля реликтового излучения в шумах приборов, снабженных кинескопами, не превышает 3–5 %. Еще один пример из физики: «При изучении вращательного движения важную роль играет вектор угла поворота, связанный с направлением вращения правилом правого винта». Казалось бы, все правильно. Но здесь пропущено одно слово – должно быть «вектор угла элементарного поворота» (или просто «вектор элементарного поворота»). То есть, угол поворота, которому ставится в соответствие вектор $d\varphi$, должен быть весьма мал ($d\varphi \ll 1$). Отметим, что угол в физике не имеет единицы измерения; используется математическая мера – радианы, так что прямой угол, например, равен приблизительно 1,57 радиан, точно – $\pi/2$ радиан). Если условие малости не выполнено, математические преобразования приведут к ошибкам. Ниже этот вопрос также обсуждается.

Далее рассмотрим предложение из экологии – «Леса – «легкие» планеты». Это, безусловно, так. Но леса – не единственные «легкие» планеты. Это около 10 % легких планеты – именно такая примерно доля лесов в производстве кислорода на планете. Зеленая растительность суши составляет не более 15 %; остальное – океан. Точнее, цианобактерии (сине-зеленые водоросли). Вот где даже «не точным» наукам следует придерживаться методической выверенности.

Однако иногда такой физический подход к различным объектам, в котором предполагается их стандартное поведение, может приводить к серьезным просчетам и даже катастрофам. Поучительна здесь физика циркония (Zr). Цирконий – уникальный металл, обладающим малым сечением захвата нейтронов. При этом он относится к самым тугоплавким материалам. Это обусловило использование сплавов на основе Zr в ядерной энергетике. В частности, в производстве ТВЭЛОВ (тепловыделяющих элементов). Такие сплавы использовались и на АЭС «Фукусима», на которой в марте 2011 г. произошла масштабная радиационная авария. Непосредственной причиной явилось особо мощное цунами, возникшее в результате «Великого восточно-японского землетрясения», но, как это чаще всего бывает, к катастрофе привел целый комплекс факторов. Немаловажной причиной явилась блокировка теплоотвода от рабочей зоны реактора, которая, в свою очередь, стала следствием паро-циркониевой реакции, идущей с большим тепловым эффектом. Такие реакции были хорошо изучены, но в инструкциях по эксплуатации ядерного реактора, составленных на основе как научных данных, так и мирового технологического опыта, важность паро-циркониевых реакций недооценивалась [9; 17]. Конечно, говорить, что виною всему – дефицит смысловой составляющей процесса подготовки инженеров – операторов АЭС было бы неверно, но вклад этого дефицита однозначно имел место.

Попытаемся проследить тот путь, которым проникает семантическая недостаточность в учебный процесс, и высказать возможные решения этой комплексной проблемы. Авторы анализируют имеющуюся литературу и обращаются к собственному опыту преподавания фи-

зики студентам ЮРГПУ (НПИ) имени М. И. Платова, Донского государственного технического университета и слушателям регионального «Центра выявления и поддержки одаренных детей «Ступени успеха».

Обсуждение и анализ проблемных ситуаций в семантическом пространстве точных наук. Рассмотрим отмеченные выше, а также другие примеры, иллюстрирующие важность сформулированной проблемы.

Механика – обширная и исторически первая часть физической науки. Казалось бы, в ее текстовом и устно излагаемом арсенале должно быть все отточено и доведено до автоматизма. Однако такое представление обманчиво. Устоявшиеся некорректные тезисы – дидактические единицы «выжили» до настоящего времени. Уже определение «материальной точки», с которого начинается большинство учебных курсов физики, страдает некорректностью. Вот это определение: «Материальной точкой называется тело, размерами которого в данной задаче можно пренебречь» (именно такое определение можно встретить во многих базовых учебниках по физике как для средней школы, так и для вузов). Но что значит, во-первых, «пренебречь размерами», например, в задаче, в которой брусок скользит по наклонной плоскости? Пренебречь можно, например, размерами Земли при рассмотрении ее орбитального движения в поле тяготения Солнца. Однако в ряде случаев, когда движение носит исключительно поступательный характер, а тело в процессе, описываемом в условии задачи, не деформируется, мы просто имеем возможность описывать движение тела, записывая уравнения механики для любой его конкретной точки. Во-вторых, не выделен модельный аспект понятия (более осмысленными в физике представляются лексические конструкции типа «в приближении мелкой воды...», «в рамках модели абсолютно черного тела...»). Таким образом, корректным определением материальной точки следует считать следующее: это модель тела, «размеры и форма которого несущественны в условиях данной задачи» [15]. Термин «пренебречь» использовать можно, но его смысл необходимо пояснять – см., например, [8]. Можно задаться вопросом – есть ли необходимость в таких тонкостях, не сродни ли такие уточнения некой демагогии? Конечно же, ответ однозначен – базовые основы должны излагаться точно и скрупулезно, от того, как именно они будут восприняты, будет зависеть то, насколько успешно будущий специалист сможет ориентироваться в профессиональной информации и, в конечном счете, мыслить.

Продолжая экскурс в методику преподавания механики, вернемся к понятию «вектора элементарного поворота». Для малых поворотов $d\varphi_1$ и $d\varphi_2$ справедливо $d\varphi_1 + d\varphi_2 = d\varphi$, где $d\varphi$ – результирующее угловое смещение. Однако, как отмечается в [6], это не будет выполняться для конечного поворота тела: можно, например, повернуть мяч для регби большим «диаметром» на 90° вокруг оси X , затем на такой же угол вокруг оси Y ; результирующий поворот не будет являться суммой первых двух поворотов.

Рассмотрим далее вопрос о траектории Луны. Известно, что Луна, двигаясь со скоростью около 30 км/с, совершает оборот вокруг Солнца относительно звезд по эллиптической (но близкой к круговой) орбите за 365 сут. 6 ч. 9 мин. 9 с. Луна имеет скорость относительно Земли приблизительно 1 км/с; время ее оборота составляет 27 суток 7 часов 43 минуты 12 с. Как же выглядит траектория Луны в системе отсчета, связанной с Солнцем?

Вопрос задавался старшеклассникам – победителям олимпиад по физике различных уровней. После недолгой дискуссии обучающиеся пришли к верному заключению о том, что рисунок, часто встречающийся на страницах научно-популярных статей (рис. 1а) неправилен: наличие петель соответствует участкам с отрицательной относительно Солнца скоростью (что невозможно).

Ряд участников дискуссии предложили другой вариант (рис. 1б). Он тоже ошибочен, хотя его можно увидеть даже в некоторых учебниках. Почему он неверен? Потому что сила притяжения Луны к Солнцу более чем в 2 раза превышает силу земного тяготения – поэтому траектория не может иметь «вогнутых» по отношению к Солнцу участков (их наличие означало бы «убегание» Луны от Солнца). Траектория, таким образом, должна быть выпуклой. Произвольно проведенная через две точки гелиоцентрической орбиты секущая не должна содержать других точек пересечения.

Такие доводы приводят к логическому тупику. И задача преподавателя – вначале обозначить эту проблему, а потом дать возможность слушателям найти ее решение. Решение же нигде, кроме небесной механики, не встречается: это кривая, напоминающая правильный до-

декагон (двенадцатиугольник) с закругленными вершинами (рис. 2). (На самом деле правильной фигуры не получится, поскольку звездный год содержит не целое число месяцев – отношение этих времен составляет примерно 13,38).

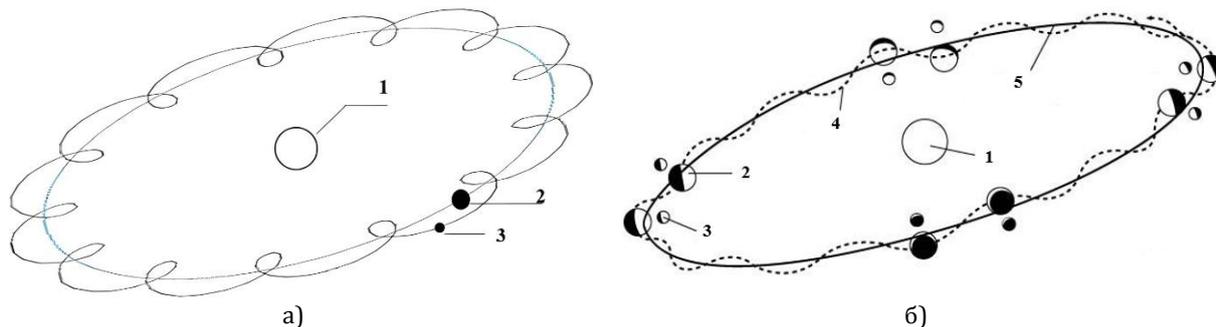

Рис. 1. Попыты неверного представления: Луна и Земля в их совместном движении вокруг Солнца:
а) винтовая линия; б) «синусоида»
1 – Солнце, 2 – Земля, 3 – Луна, 4 – траектория Луны, 5 – траектория Земли

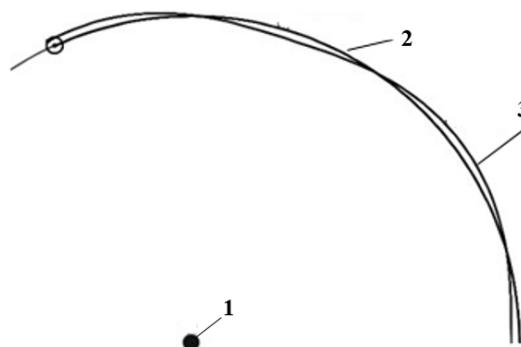

Рис. 2. Гелиоцентрические траектории Земли и Луны. 1 – Солнце; 2 – орбита Земли; 3 – орбита Луны

Семантическое пространство здесь должно быть сопряжено с графикой. И если удалить поисковый этап – просто представить правильный вариант как факт, будет утрачена возможность овладения эвристическими навыками. Будет получена информация. Но не будет усвоено знание.

Поэтому эвристические методы сохраняют свою актуальность; особенно важны они при изучении именно точных наук. В работе [10] приведены убедительные примеры эффективности этих методов – поиск старшеклассниками ответов на вопросы, связанные с относительным движением Солнца, Земли и Луны (хотя термин «эвристические» явно не используется).

Крайне интересен вопрос о скольжении коньков. Выше говорилось о неверном объяснении (якобы малое трение обусловлено тонким слоем воды, образующейся при повышенном давлении в процессе скольжения конькобежца). Достаточно предложить несложный мысленный эксперимент, результаты которого сразу же опровергнут это объяснение – просто представить легкую льдинку – например, небольшую сосульку, брошенную под малым углом на обширную плоскую поверхность льда. Она пройдет достаточно большое расстояние, прежде чем остановится. Кроме того, и при сильном морозе коньки неплохо скользят по льду. Но из фазовой диаграммы (рис. 3) видно, что ниже температуры (-22°C) жидкая фаза существовать не может.

Вопрос о том, почему лед скользкий, очень непросто. И он до настоящего времени окончательно не проработан, хотя догадка о том, что все дело – в особых поверхностных свойствах льда, была высказана еще М. Фарадеем почти 200 лет назад. Несомненно одно: на поверхности льда присутствует промежуточный слой, свойства которого отличаются от свойств обеих фаз – и жидкой воды, и льда [7; 20]. В отличие от воды, он обладает вязкостью, в десятки-в десятки раз превышающую таковую для воды. И в отличие от льда, молекулы этого слоя имеют частоту колебаний, приблизительно в 70 000 раз большую. Очевидно, необходимы дальнейшие исследования. И оставить вопрос открытым для слушателей – важно. Крайне непродуктивно представлять излагаемые науки как совокупность раз и навсегда установленных истин. Необходимо четко отделять известное от непознанного.

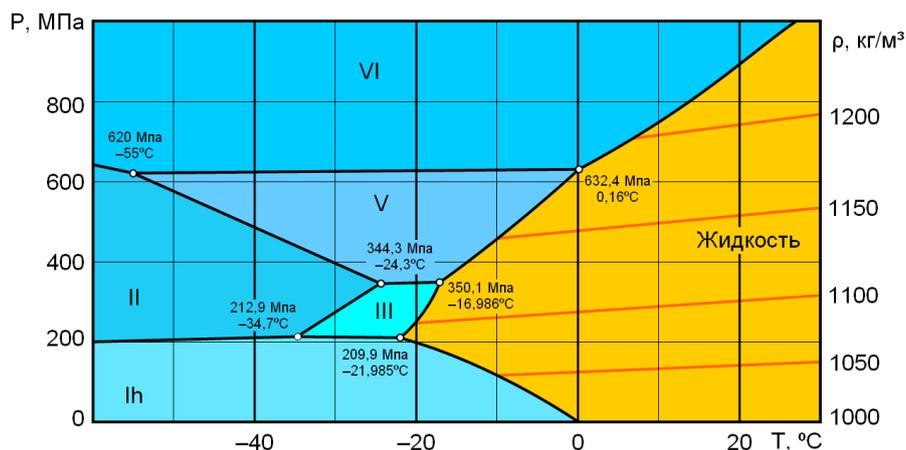

Рис. 3. Фазовая диаграмма воды [9]

Остановимся еще на одном заблуждении, устойчиво живущем в курсах физики – как школьном, так и вузовском. Это вопрос о замкнутости силовых линий магнитного поля. Силовые линии магнитного поля – важное модельное представление, с которого начинается изучение магнитных явлений еще в 7–8 классах, причем, на наглядном образе – полосках железных опилок, формируемых на стекле, который размещают над полюсами постоянного магнита и слегка постукивают. Такая модель позволяет, по сути, визуализировать главную характеристику магнитного поля – вектор магнитной индукции. Но практически во всех учебниках содержится категорическое утверждение: «... магнитные линии всегда замкнуты». Утверждение ошибочно именно своей категоричностью. Вдумчивый анализ вопроса можно найти в работе [2]. Авторы статьи заключают, что «магнитные линии не имеют истоков и стоков, однако это не означает, что магнитные линии всегда являются замкнутыми кривыми... при умеренных расстояниях от проводов с токами магнитные линии имеют запутанный, хаотический вид и лишь в редких случаях замыкаются...». На рис. 4 видна картина линий в достаточно простой ситуации, когда магнитное поле создается двумя скрещенными (перпендикулярными друг другу, но не имеющих контакта) проводами.

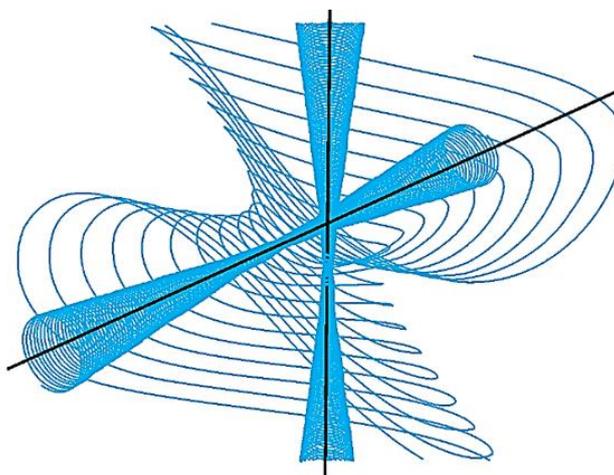

Рис. 4. Магнитное поле двух одинаковых взаимно перпендикулярных токов

Рисунок отображает наиболее интересную область поля – в окрестности точки максимального сближения проводников. «Конусы» с более плотным расположением линий есть образы индивидуальных полей проводников; более разреженные линии – это результат их наложения в более удаленном пространстве. Видно, что значительная часть линий уходит на бесконечность, не пересекаясь.

Аналогичные выводы следуют и из анализа, представленного в [3]. Автор иллюстрирует свои выкладки рассмотрением нескольких относительно простых ситуаций и утверждает, что в общем случае при произвольной геометрии токов практически все линии будут неза-

мкнуты. Интересен вывод, который по достоинству оценят математики – замкнутость столь же редкое исключение, как рациональные числа в континууме действительных чисел. Остается добавить – с рекомендацией преподавателям физики привнести это в учебный процесс, что будь магнитные линии всегда замкнутыми, активность Солнца была бы почти незаметна. Не было бы солнечных вспышек, магнитных бурь, полярных сияний.

С другой стороны, можно привести примеры отдельных удачных изложений и интерпретаций. Так, в литературе трудно найти вразумительное определение понятия «псевдовектор». Достаточно корректно и понятно оно изложено в [5]. В частности, говорится о произвольной векторной величине \mathbf{b} , изменение которой с течением времени может быть охарактеризовано как вращение с угловой скоростью ω . Утверждается, что для \mathbf{b} справедливо представление

$$\frac{d\mathbf{b}}{dt} = [\omega\mathbf{b}].$$

В квадратных скобках – векторное произведение величин ω и \mathbf{b} . Вектор ω , с которым уже проделана операция векторного умножения, объявляется «не совсем обычным вектором», и указана причина: если систему координат «отразить в зеркале», то величина ω должна поменять знак – только в этом случае не изменят знака векторы скорости V и координаты r частицы. Это обстоятельство и делает величину ω «псевдовектором», в отличие от истинных векторов V и r . Далее отмечается, что векторное умножение любых истинных векторов приводит к псевдовектору, и высказывается очень важное утверждение – «...объявлять векторной любую величину, имеющую направление и представимую в трех проекциях, было бы неразумно. Повышенные требования к объекту, претендующему на звание вектора, придают истинно векторным законам дополнительную доказательную силу».

Анализ, проведенный специалистами в области методологии научного познания, показывает, что в самой устоявшейся практике обучения физике десятилетиями устойчиво существуют и наследуются из одного поколения педагогов в другое семантико-методические ошибки при использовании идей, принципов, фундаментальных понятий-категорий, логики научного метода познания – многого из того, что образует методологическую культуру учителя, преподавателя физики [12]. Так, например, авторы указанной работы подчеркивают, что даже в учебниках часто происходит смешение понятий физического объекта и модели, что негативно влияет на формирование физического мышления обучаемых. Эта проблема решается, но решаться она должна на фундаментальном уровне – начиная с пересмотра школьных учебников и актуальных программ повышения квалификации учителей и преподавателей физики. Успешно зарекомендовавшими себя на практике начинаниями в этом направлении являются разработка и использование моделей занятий по физике, также разбор методологических оснований учебных материалов на курсах переподготовки и повышения квалификации кадров (методики Ю. А. Саурова, М. П. Уваровой [14]).

Отдельный интерес представляют особенности семантического содержания учебного процесса, осуществляемого на иностранном языке. На основе полученного авторами опыта преподавания физики на английском языке можно отметить ценность сопоставления перед слушателями особенностей определений и интерпретаций физических явлений в природе и технике, принятых в российской и зарубежной учебной литературе. Так, широко используемой в механике величине $p = mV$ (импульсу, равному произведению массы и скорости), в англоязычной литературе соответствует термин «momentum». Слово это напрямую заимствовано из латыни, с которой оно переводится как «напор». В русскоязычной литературе понятия «натиск», «напор» не имеют прямого соответствия с физическими величинами; но это не так в трудах основоположников (отметим в этой связи фундаментальный труд И. Ньютона [4]). Слово «Impulse» в англоязычных книгах служит для обозначения коротких сигналов, чаще электромагнитных. В России такое толкование тоже имеет место, и это просто второе значение термина «импульс».

Известно, что российские специалисты в области теоретической механики избегают использования термина «импульс», предпочитая говорить «количество движения», и в этом смысле они ближе к основоположникам, чем авторы учебников по общей физике и преподаватели.

Логика, близкая к основоположникам, восходит к унитарности: при переходе к механике вращательного движения нельзя обойтись без понятия «момент импульса» – у основопо-

ложников и в учебниках на английском языке (см., например, [4; 22]) этот переход просто отмечается определением «угловой»: «angular momentum» («угловой момент»). Своя логика, легко понятная вчерашним школьникам, есть и в русскоязычных учебных пособиях: «момент импульса» по аналогии с «моментом силы» несложно воспринять как произведение «плеча» (расстояния до оси вращения) на импульс ($\vec{L} = [\vec{r}, m\vec{V}]$). Рассказ о таких особенностях можно было бы продолжить. Наилучшая, на наш взгляд, тактика – рассказывать о таких семантических особенностях слушателям, изучавшим школьную физику на английском языке. По сути, такая тактика может рассматриваться как развитие методики полилингвального обучения, которой в последние годы уделяется особое внимание (см., например, [11]). При наличии достаточного учебного времени это представляется полезным и в учебном процессе, осуществляемом на русском языке.

На важность смысловой компоненты учебного процесса обращают внимание авторы [18; 19; 23], однако сколь-либо аргументированные попытки анализа семантического содержания представлений точных наук в современном учебном процессе не предпринимались. Авторы выражают надежду, что в данной работе этот пробел в какой-то степени восполнен.

Заключение. В работе сделан беглый абрис круга вопросов, редко обозначаемых как проблемы, в общем русле современной педагогической практики – вопросов о семантической составляющей точных наук; о пространстве смыслов в образовательном процессе по физике и другим точным наукам. Молчаливо предполагается, что именно «точность», облеченная в емкие и однозначные формулы, чертежи, свойственные учебным материалам по физике, химии, прочим естественным наукам, гарантирует содержательной части этих наук в учебном процессе защиту от неверной трактовки и, как следствие, от некорректного понимания, попросту – от заблуждений. Авторы попытались показать, что такой взгляд далек от реальности: на деле сопровождение обучающихся на их пути к знаниям точных наук весьма уязвимо при ненадлежащем отношении к содержанию образовательного действия. Ошибки, транслируемые десятилетиями из одних изданий базовой учебной литературы в другие, – красноречивое подтверждение этой ситуации. В работе это обсуждается на ряде достаточно интересных и известных примеров из физики. Путь преодоления семантической неопределенности авторы видят в эвристической и проблемной направленности процесса преподавания. Проводить границу между познанным и неизвестным; обозначать существующие «белые пятна»; предлагать получение ответов на основе ранее усвоенных знаний и логики; предоставлять альтернативные образцы терминологии и смыслового содержания усваиваемых понятий – вот круг активностей, которые авторы актуализируют, несмотря на то, что эти методики не являются неким ноу-хау, а в достаточной мере знакомы ученым и преподавателям. Представляется, что в работе они представлены под новым углом зрения, и в комплексе.

В заключение хотелось бы привести малоизвестные строки Альберта Эйнштейна: «Люди, овощи или космическая пыль – все мы исполняем танец под непостижимую мелодию, которую издали наигрывает невидимый музыкант...» [13, с. 60]. Эти слова заставляют задуматься о красоте и величии окружающего мира. Тот же Эйнштейн писал, что самым непостижимым в этом великом мире кажется его постижимость [16]. Однако процесс постижения очень сложен и трудоемок. И этот факт накладывает на всех нас, причастных к педагогическому труду, особую ответственность.

Список литературы

1. Герцен А. И. Былое и думы // Собр. соч. : в 30 т. Т. 10. Ч. 5. Гл. 10. М. : Изд-во АН СССР, 1956. С. 172.
2. Горбатый И., Эпиктетов Д. Линии магнитного поля – простые и сложные // Квант. 2015. № 3. С. 34–36.
3. Ершов А. П. Электромагнитное поле : курс лекций для ФМШ. Новосибирск : Изд-во НГУ, 2007. 56 с.
4. Исаак Ньютон. Математические начала натуральной философии: пер. с англ. М. : Наука, 1989. 692 с.
5. Кингсен А. С., Локшин Г. Р., Ольхов О. А. Основы физики. Курс общей физики : учебн. : в 2 т. Т. 1. Механика, электричество и магнетизм, колебания и волны, волновая оптика / под ред. А. С. Кингсена. М. : ФИЗМАТЛИТ, 2001. 560 с.
6. Леденев А. Н. Физика : учебное пособие для вузов : в 5 кн. Кн. 1.
7. Леенсон И. А. Почему лёд скользкий // Химия и жизнь. 2018. № 11. Механика. М. : ФИЗМАТЛИТ, 2005. 240 с.
8. Основы физики : в 3 т. Т. 1 / Н. П. Калашников, М. А. Смондырев. Изд. 2-е, электрон. М. : Лаборатория знаний, 2021. 545 с.

9. Певзнер Л. ТРИЗ-5 для «чайников». Типовые ошибки в развитии технических систем. Изд. 2-е. Издательские решения, 2020. 161 с.
10. Перевоицков Д. В. Освоение научного метода познания и формирование естественно-научной грамотности школьников при решении физических задач с астрономическим содержанием // Вестник Вятского государственного университета. 2020. № 1 (135). С. 94–103. DOI: 10.25730/VSU.7606.20.011 3.
11. Попов Н. И., Яковлева Е. В. Методические особенности полилингвального обучения математике иностранных студентов в вузе // Вестник Вятского государственного университета. 2020. № 2 (136). С. 64–75.
12. Сауров Ю. А., Уварова М. П. О методологической культуре учителя физики // Физика в школе. 2023. № 4. С. 3–10.
13. Сушко Юрий. Альберт Эйнштейн. Во времени и пространстве. М. : АСТ, 2016. С. 60. URL: <https://top-reading.net/bookread/33205-yurii-sushko-albert-einstein-vo-vremeni-i-prostranstve/page-60>.
14. Уварова М. П. Модель урока как средство формирования методологической культуры учителей физики // Настоящее и будущее физико-математического образования : мат-лы докладов VI всероссийской научно-практической конференции. 01 ноября 2023 // отв. ред. Ю. А. Сауров. Киров : Радуга-ПРЕСС, 2023. С. 42–46.
15. Физика для инженеров : учебник / А. В. Благин, Т. С. Беликова, Т. П. Жданова и др.; под ред. А. В. Благина; Донской государственный технический университет. Ростов н/Д : ДГТУ, 2022. 601 с.
16. Эйнштейн Альберт. Цитаты и афоризмы / пер. Н. Холмогоровой. М. : КоЛибри : Азбука-Аттикус, 2015. 320 с.
17. Якушкин А. А., Высикайло Ф. И. Проблемы разрушения поверхности оболочек тепловыделяющих элементов ядерных энергетических установок // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Физика-Математика. 2018. № 4. С. 92–111.
18. Abakumova I. V., Godunov M. V., Grishina A. V. Identification of Markers for Models of Meaning Constructs // International Journal of Cognitive Research in Science Engineering and Education. 2020. № 8 (2). Pp. 53–58. DOI: 10.5937/IJCRSEE2002053A.
19. Abakumova I. V., Zorina E. S. Sense-making techniques in educational process and their impact on the personal characteristics of students // International Journal of Cognitive Research in Science Engineering and Education. № 5 (2). Pp. 41–46. DOI: 10.5937/ijcrsee1702041A.
20. Canale L., Comtet J., Cohen C. et al. Nanotheology of Interfacial Water during Ice Glodng // Phys. Rev. 2009. X9. 041025. Pp. 041025-1-9.
21. Jon H. Kaas. The origin and evolution of neocortex: From early mammals to modern humans (англ.) // Progress in Brain Research. 2019. Vol. 250. Pp. 61–81.
22. Paul Fishbane. Physics for Scientists and Engineers (3rd Edition) / Upper Saddle River, New Jersey. 2005. P. 1379.
23. Pishchik V. I. Value-Semantic Bases of Ideas About the Profession and Satisfaction with the Profession of Higher School Teachers // International Journal of Cognitive Research in Science Engineering and Education. 2020. № 8 (2). Pp. 69–81. DOI: 10.5937/IJCRSEE2002069P.
24. Tavukcu T., Kalimullin A. M. Analysis of Articles on Education and Instructional Technologies (Scopus) / A. Litvinov, N. Shindryaeva, V. Abraukhova, N. Abdikeev // International Journal of Emerging Technologies in Learning. 2020. № 15 (23). Pp. 108–120. DOI: 10.3991/ijet.v15i23.18803.

The semantic component of the exact sciences: problems and possible solutions

Blagin Anatoly Vyacheslavovich¹, Popova Inna Grigorievna²

¹Doctor of Physical and Mathematical Sciences, professor, head of the Department of Physics, Don State Technical University. Russia, Rostov-on-Don. ORCID: 0000-0002-4513-6986. E-mail: a-blagin@mail.ru

²PhD in Physical and Mathematical Sciences, associate professor of the Department of Physics, Don State Technical University. Russia, Rostov-on-Don. ORCID: 0000-0002-8045-5915. E-mail: inna111109@rambler.ru

Abstract. The paper discusses the scientific aspects of the most important process in pedagogical activity – the process of perception, assimilation and memorization of new scientific ideas in the field of exact sciences. It is shown that in many cases the emphasis is on the capacity of information (achieved with the help of formulas and drawings), accuracy (the construction of mathematical models consists in a number of requirements-restrictions imposed on the studied object, which is replaced by a simplified image of it), and at the same time the semantic component, the space of meanings, remains without due attention. This state of affairs significantly reduces the effectiveness of the educational process. Therefore, identifying the causes of the semantic component deficiency and finding ways to overcome it is an urgent task. The paper attempts to identify some aspects of the semantic-deficient presentation of exact sciences (using the example of physics) and propose

possible algorithms for providing the stated scientific facts with meanings. The complex of these algorithms proposed by the authors includes heuristic (permanent discovery of knowledge by the subject of knowledge himself) and problematic (formulation of questions answered by physics in the form of paradoxes) approaches. In particular, the issues of the meaning of pseudovectors in physics, the orbit of the Moon, the slipperiness of ice, and magnetic field lines are discussed. The author's ideas can be characterized as the development of a heuristic and problematic approach. However, in the combination of these approaches, emergent effects arise, which can become the basis for the creation of new educational methods. The conclusions of the work on the effectiveness of combining these methods and systematically addressing the focuses of attention of students, fixed in their previous experience, can increase the effectiveness and attractiveness of the learning process for young people both in the system of secondary vocational education (SPE) and in higher education.

Keywords: semantic space, problem situation, educational process, heuristic methods, physics.

References

1. Herzen A. I. *Byloe i dumy* [Byloye i dumy] // Coll. works : in 30 vols. Vol. 10. Part 5. Chapter 10. M. Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1956. p. 172.
2. Gorbatyj I., Epiktetov D. *Linii magnitnogo polya – prostye i slozhnye* [Lines of the magnetic field – simple and complex] // *Kvant – Quantum*. 2015. No. 3. Pp. 34–36.
3. Ershov A. P. *Elektromagnitnoe pole : kurs lekcij dlya FMSH* [Electromagnetic field : a course of lectures for FMSH]. Novosibirsk. NSU Publishing House, 2007. 56 p.
4. Isaac Newton. *Matematicheskie nachala natural'noj filosofii: per. s angl.* [Mathematical principles of natural philosophy: transl. from English] M. Nauka (Science), 1989. 692 p.
5. Kingsep A. S., Lokshin G. R., Ol'hov O. A. *Osnovy fiziki. Kurs obshchej fiziki : uchebn. : v 2 t. T. 1. Mekhanika, elektrichestvo i magnetizm, kolebaniya i volny, volnovaya optika* [Fundamentals of Physics. General Physics course : textbook : in 2 vols. Vol. 1. Mechanics, electricity and magnetism, vibrations and waves, wave optics] / ed. by A. S. Kingsep. M. FIZMATLIT, 2001. 560 p.
6. Ledenev A. N. *Fizika : uchebnoe posobie dlya vuzov : v 5 kn. Kn. 1* [Physics : textbook for universities : in 5 books. Book 1].
7. Leenson I. A. *Pochemu lyod skol'zkiy* [Why ice is slippery] // *Himiya i zhizn'* – Chemistry and life. 2018. No. 11. Mechanics. M. FIZMATLIT, 2005. 240 p.
8. *Osnovy fiziki : v 3 t. T. 1 – Fundamentals of physics : in 3 vols. Vol. 1 / N. P. Kalashnikov, M. A. Smondyrev. 2nd ed., electron. M. Laboratory of Knowledge, 2021. 545 p.*
9. Pevzner L. *TRIZ-5 dlya "chajnikov". Tipovye oshibki v razvitiy tekhnicheskikh sistem. Izd. 2-e* [TRIZ-5 for dummies. Typical errors in the development of technical systems. 2nd ed.]. Publishing solutions, 2020. 161 p.
10. Perevoshchikov D. V. *Osvoenie nauchnogo metoda poznaniya i formirovanie estestvenno-nauchnoj gramotnosti shkol'nikov pri reshenii fizicheskikh zadach s astronomicheskim soderzhaniiem* [Mastering the scientific method of cognition and the formation of natural science literacy of schoolchildren in solving physical problems with astronomical content] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Vyatka State University*. 2020. No. 1 (135). Pp. 94–103. DOI: 10.25730/VSU.7606.20.011.
11. Popov N. I., Yakovleva E. V. *Metodicheskie osobennosti polilingval'nogo obucheniya matematike inostrannykh studentov v vuze* [Methodological features of multilingual teaching mathematics to foreign students at the university] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta – Herald of Vyatka State University*. 2020. No. 2 (136). Pp. 64–75.
12. Saurov Yu. A., Uvarova M. P. *O metodologicheskoy kul'ture uchitelya fiziki* [On the methodological culture of a physics teacher] // *Fizika v shkole – Physics at school*. 2023. No. 4. Pp. 3–10.
13. Sushko Yuriy. *Al'bert Eynshtejn. Vo vremeni i prostranstve.* [Albert Einstein. In time and space]. M. : AST, 2016. p. 60. Available at: <https://topreading.net/bookread/33205-yurii-sushko-albert-einshtein-vo-vre-meni-i-prostranstve/page-60>.
14. Uvarova M. P. *Model' uroka kak sredstvo formirovaniya metodologicheskoy kul'tury uchitelej fiziki* [The lesson model as a means of forming the methodological culture of physics teachers] // *Nastoyashchee i budushchee fiziko-matematicheskogo obrazovaniya : mat-ly dokladov VI vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 01 noyabrya 2023 – Present and future of physics and mathematics education : materials of reports of the VI All-Russian scientific and practical conference. November 01, 2023* // ed. by Yu. A. Saurov. Kirov. Raduga PRESS, 2023. Pp. 42–46.
15. *Fizika dlya inzhenerov : uchebnik – Physics for Engineers: textbook / A. V. Blagin, T. S. Belikova, T. P. Zhdanova, etc.; ed. by A. V. Blagin; Don State Technical University. Rostov-na-Donu. DSTU, 2022. 601 p.*
16. *Albert Einstein. Citaty i aforizmy* [Quotes and aphorisms] / transl. N. Kholmogorova. M. KoLibri : ABC-Atticus, 2015. 320 p.
17. Yakushkin A. A., Vysikajlo F. I. *Problemy razrusheniya poverhnosti obolochek teplovodyelayushchih elementov yadernyh energeticheskikh ustanovok* [Problems of destruction of the surface of shells of fuel elements of nuclear power plants] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Fizika-Matematika – Herald of Moscow State Regional University. Series: Physics-Mathematics*. 2018. No. 4. Pp. 92–111.

18. *Abakumova I. V., Godunov M. V., Grishina A. V.* Identification of Markers for Models of Meaning Constructs // International Journal of Cognitive Research in Science Engineering and Education. 2020. No. 8 (2). Pp. 53–58. DOI: 10.5937/IJCRSEE2002053A.

19. *Abakumova I. V., Zorina E. S.* Sense-making techniques in educational process and their impact on the personal characteristics of students // International Journal of Cognitive Research in Science Engineering and Education. No. 5 (2). Pp. 41–46. DOI: 10.5937/ijcrsee1702041A.

20. *Canale L., Comtet J., Cohen C. et al.* Nanotheology of Interfacial Water during Ice Gliding // Phys. Rev. 2009. X9. 041025. Pp. 041025-1-9.

21. *Jon H. Kaas.* The origin and evolution of neocortex: From early mammals to modern humans // Progress in Brain Research. 2019. Vol. 250. Pp. 61–81.

22. *Paul Fishbane.* Physics for Scientists and Engineers (3rd Ed.) / Upper Saddle River, New Jersey. 2005. P. 1379.

23. *Pishchik V. I.* Value-Semantic Bases of Ideas About the Profession and Satisfaction with the Profession of Higher School Teachers // International Journal of Cognitive Research in Science Engineering and Education. 2020. No. 8 (2). Pp. 69–81. DOI: 10.5937/IJCRSEE2002069P.

24. *Tavukcu T., Kalimullin A. M.* Analysis of Articles on Education and Instructional Technologies (Scopus) / A. Litvinov, N. Shindryaeva, V. Abraukhova, N. Abdikeev // International Journal of Emerging Technologies in Learning. 2020. No. 15 (23). Pp. 108–120. DOI: 10.3991/ijet.v15i23.18803.

Поступила в редакцию: 15.05.2024

Принята к публикации: 27.06.2024

Нейроандрагогика как область обучения взрослых в современной системе образования

Лебедева Наталья Васильевна

доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры политического анализа
и социально-психологических процессов, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова.
Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0001-8260-3371. E-mail: lebedeva1512@yandex.ru

Аннотация. Непрерывное образование не просто модный тренд, это данность, которая обеспечивает постоянное профессионально-личностное развитие. Цифровизация, технологизация, развитие искусственного интеллекта диктуют необходимость постоянного «прокачивания» цифровых навыков. Увеличение работоспособного возраста, а также современные условия неопределенности ставят задачи по развитию дополнительного профессионального и корпоративного образования.

Сегодня рынок образовательных услуг активно развивается. Однако это диктует необходимость актуализации системы обучения взрослых, поиска новых путей, способных обеспечить высокий уровень качества образования. Одним из таких направлений является развитие нейроандрагогика как новой прикладной области обучения взрослых. Целью данной статьи является изложение результатов изучения обозначенной проблемы. Проводится теоретико-методологический анализ, включающий генезис андрагогика как составной части темы и обзор современного этапа развития нейронаук. Раскрывается понятие «нейрообразование», акцентируется внимание на основных подходах нейробиологии и нейрофизиологии, необходимых для обучения взрослых, а также выделяются нейроандрагогические принципы обучения. Все это рассматривается с позиции работ зарубежных и отечественных ученых, а также доказательных практик.

Автором представлены результаты проведенного опроса слушателей дополнительного профессионального образования, обучающихся по программе «Практический психолог» в РЭУ им. Г. В. Плеханова. По результатам проведенного исследования сделаны выводы о необходимости разработки спецкурса для преподавателей по нейроандрагогике для дополнительного профессионального и корпоративного образования. Нейроандрагогика только начинает свой путь развития, пока нет методологической базы в силу отсутствия научных исследований по данной проблеме. Но активное развитие нейронаук диктует необходимость их интегрирования в систему современного образования для взрослых.

Ключевые слова: нейронауки, обучение взрослых, дополнительное профессиональное образование, нейрообразование, когнитивные функции, эмоционально-волевая сфера, нейроандрагогические принципы обучения.

Введение. Современный этап социально-экономического развития общества характеризуется рядом факторов, среди которых стоит выделить: 1) цифровизацию и технологизацию, ставших неотъемлемой частью нашей жизни; 2) трансформацию бизнес-процессов и активное развитие отечественных производителей во всех секторах экономики; 3) изменения на рынке труда, актуализирующих появление новых профессий; 4) нехватку рабочих специальностей, что ставит задачи по оперативной подготовке данных кадров; 5) повышение трудоспособного возраста, поддержку работающих пенсионеров, что обуславливает необходимость совершенствования профессиональных компетенций. Все это выводит систему образования взрослых в ранг приоритетных целей социально-экономической направленности.

Дополнительное профессиональное образование, корпоративные университеты находятся в постоянном поиске новых форм, технологий обучения взрослых. Как сделать обучение для данной целевой аудитории результативным? Как в период довольно коротких сроков (переподготовка в среднем проходит в течение года, а курсы повышения квалификации от двух дней до 2–3 месяцев) развить необходимые компетенции?

Одним из ответов на поставленные вопросы выступает использование данных нейронаук в системе образования взрослых. Однако стоит отметить, что несмотря на развитие нейронаук (нейробиология, нейрофизиология, нейромаркетинг и др.), проблеме нейрообразования пока уделяется недостаточное внимание. Так, запрос в elibrary по ключевому понятию «нейрообразование» выдает только 64 публикации, большая часть которых посвящена инклюзивному образованию, изучению иностранных языков и цифровизации. Обучение

взрослых, основанное на использовании данных современных нейронаук о работе мозга и поведении человека, остается недостаточно изученным.

С этой целью был произведен анализ исследований в области нейроандрагогики и сформулированы следующие задачи:

- 1) провести теоретико-методологический анализ понятия «нейроандрагогика»;
- 2) обосновать роль нейронаук в системе нейрообразования;
- 3) определить особенности нейроандрагогики, способствующие эффективности образования взрослых.

Методы. В процессе исследования применялись теоретические методы, включающие анализ и обобщение научных результатов по проблеме нейрообразования и андрагогики, а также эмпирические методы: опрос с использованием авторской анкеты, разработанной для определения качества образовательного процесса по программе переподготовки дополнительного профессионального образования «Практический психолог». Для обработки полученных в результате эмпирического исследования данных были использованы статистические методы. В статье представлены анализ и интерпретация результатов опроса, демонстрирующих значимость нейроандрагогических принципов обучения взрослых и необходимость знаний нейробиологии и нейрофизиологии для преподавателей дополнительного профессионального образования.

Обзор литературы. В настоящее время феноменом нейроандрагогики оперируют популяризаторы науки, бизнес-тренеры, методологи образовательных программ для взрослых. Для начала проанализируем понятие, в котором явно выделяются две составляющие: «нейро» и «андрагогика». Начнем с более изученного аспекта «андрагогика».

В 1833 г. немецкий педагог А. Капп впервые употребляет данный термин, который имеет греческое происхождение (андрос – мужчина, человек; агогейн – вести). Буквальный перевод показывает, что андрагогика – это «ведение взрослого человека». А. Капп ввел понятие андрагогики как педагогики для взрослых [12].

Проблемой обучения взрослых активно занимался Э. Торндайк, который указывал на особенности целевой аудитории в отличие от детской. Далее стоит выделить Э. К. Линдемана, который в 1926 г. внес предложения об образовании взрослых. Среди основных идей авторы выделяют наличие мотивов учебной деятельности, характерных для взрослых. Ученые рассматривают опыт взрослых людей как один из основных ресурсов обучения, а также потребность к самостоятельности. В результате роль преподавателя смещается с передачи знаний на совместные действия с обучающимися [12, с. 33].

Во второй половине прошлого века М. Ш. Ноулзом оформлена «первая история образования взрослых». Именно он предложил андрагогическую модель обучения, подчеркивая специфику взрослых обучающихся. При этом автор цитирует ключевые положения, высказанные Э. К. Линдеманом. Так, М. Ш. Ноулз пишет, что, находясь под сильным влиянием философии образования Джона Дьюи, Э. К. Линдеман заложил основание систематической теории учения взрослых [приводится по: 12, с. 34].

В российской науке понятие «андрагогика» встречается в публикации С. И. Змеева (1990 г.) об андрагогике за рубежом [8]. Но при этом отметим, что еще основоположник русской педагогики К. Д. Ушинский уделял внимание образованию взрослых и указывал на взаимосвязь обучения с их трудовой деятельностью. Особенно заслуживает внимания идея, высказанная великим русским педагогом, которая актуальна и сегодня, а именно, необходимость развития способности у людей старшего поколения обучаться самостоятельно и учиться всю жизнь [19, с. 21]. Данная мысль выступает основополагающей для всей современной системы образования.

С. И. Змеев первым в России высказал мысль о самостоятельности андрагогики как новой отрасли знаний и наук об образовании. Важно подчеркнуть, что ученый сразу отмечал, что принципы обучения, характерные для педагогики, не будут результативными для обучения взрослых [8].

Среди современных исследователей в области отечественной андрагогики стоит выделить С. Г. Вершловского [3], М. Т. Громкову [4], И. Кукуева [12], Н. В. Лебедеву [13]. В 2018 г. автор статьи, проводя диссертационное исследование по проблемам диверсификации дополнительного профессионального образования специалистов социальной сферы, рассматривал в докторской диссертации андрагогику как методологическую основу идеи непрерывного образования [15, с. 50].

Продолжая анализ понятия «нейроандрагогика», как одного из компонентов нейрообразования, важно рассмотреть, что означает составляющая слова «нейро».

Нейрообразование представляет собой отдельный подход, который включает теоретические и методологические основания, описывающие на разных аналитических уровнях процесс обучения индивида: физиологическом, генетическом, когнитивном, поведенческом, социокультурном и др. При этом важно вспомнить, что еще в середине XIX столетия К. Д. Ушинский в фундаментальном труде «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии» выделил новые подходы, раскрывающие взаимосвязь педагогического знания с другими науками, роль и место педагогики в общей системе научных представлений о природе, обществе, человеке. Так, в частности, К. Д. Ушинский указывал, что «если педагогика хочет воспитывать человека во всех отношениях, то она должна прежде узнать его тоже во всех отношениях» [19, с. 34]. Педагог впервые проанализировал и обобщил данные антропологических наук под педагогическим углом зрения, что в дальнейшем составило основу научного педагогического знания.

В конце XIX в. В. М. Бехтеревым был разработан естественно-научный антропологический подход, имеющий важное значение для развития современной нейроандрагогики. Ученый предложил исследовать человека как целостное явление высокого уровня организации, что предполагает системный подход к его изучению, реализуемый в логике от анализа анатомо-морфологических структур мозга к изучению физиологических процессов и психики, сознания как наиболее сложной и интегральной подструктуры человека [2]. Следуя убеждениям В. М. Бехтерева, психоневролог Г. Я. Трошин обращается к рассмотрению той части антропологии, которая обозначается как «развитие человеческого духа». Эта часть антропологии раскрывает все стороны психической природы человека: ассоциации, суждения, абстракцию, индукцию, пространство, время, чувства, волю, внимание, память и творчество [приводится по: 18].

Генезис нейрообразования обращает наше внимание на научные достижения И. П. Павлова, среди которых представляет интерес специфический тормозной процесс, возникающий в результате обучения. Это открытие является достижением нейрофизиологии и выявляет закономерности образования новых активных форм поведения. Именно внутреннее торможение дает возможность приспособления животных и человека к постоянно меняющимся условиям внешней среды. Внутреннее торможение играет решающую роль в организации правильного социального поведения человека, в реализации самых разнообразных форм его деятельности, от элементарных бытовых навыков до высших форм творческой активности. Важно подчеркнуть, что согласно убеждениям И. П. Павлова, творческая и научная деятельность человека заключается в поиске, отборе и закреплении гипотез, соответствующих действительности, и в отбрасывании, затормаживании неправильных, ошибочных умозаключений [16, с. 402].

В современном нейрообразовании вопросам интеграции наук большое внимание уделяет С. Н. Костромина, которая подчеркивает, что равная ценность разных наук, их совместный учет позволяют создавать новую методологию нейрообразования [11, с. 12]. Так, автор отмечает, что в настоящее время нейрокогнитивная теория обучения объединяет три самостоятельных направления:

- 1) нейрофизиологию, базисом которой выступают биологические основы работы мозга и исследования нейронных механизмов умственной деятельности, и нервной активности;
- 2) когнитивную науку, изучающую закономерности обработки информации и внутреннюю репрезентацию опыта;
- 3) теорию обучения, которая определяет сущность образовательного процесса, систему отношений «ученик-учитель» и технологии конструирования образовательной деятельности [11, с. 140].

В настоящее время в нейрообразовании лидирующие позиции занимает нейропедагогика. Так, с развитием нейропедагогики большие надежды возлагают на разработку методов преодоления проблем дискалькулии, дислексии, характерных для образования [23]. В. А. Бажанов и Ю. С. Шкурко в качестве важных направлений исследований в области нейропедагогики рассматривают «чувствительные периоды», наиболее благоприятные для конкретных видов обучения (особенно в отношении подростков и взрослых); особенности взаимодействия между ростом количества знаний и ухудшением исполнительных функций и памяти; влияние нейробиологических механизмов стресса на обучение и память, а также факторы, позволяющие уменьшить или контролировать данное влияние; конкретные виды обучения, для которых оптимальна интерактивность; роль гендерных, социокультурных отличий в образовательном процессе; способы преодоления «математической тревожности» [1, с. 31].

Научный интерес представляет статья болгарского ученого М. Д. Шошева, вышедшая в журнале «Психология человека в образовании» [20]. Автор делает анализ проблемы в области нейропедагогики как зарубежных, так и российских исследователей. Нельзя не согласиться с автором, который подчеркивает, что педагогика как наука вышла за пределы так называемого «классического» этапа в методике обучения, появление в классе компьютеров, мультимедиа и т. д. уже давно стало фактом. Однако при наличии нормотипичных детей все большее количество обучающихся всех возрастов могут быть охарактеризованы как «ленивые», «невнимательные», «трудно усваивающие учебный материал» и т. д. Становится ясно, что знания о том, как работает мозг, как изменяются его функции в процессе обучения, могут открыть качественно новый подход в преподавании и обучении. Это открывает путь к внедрению в практику учителя так называемого «мозгового обучения», которое позволяет учителям применять в своей практике реальные результаты исследований мозга [20].

За последнее время знания о человеческом мозге и биологических основах процесса обучения претерпели значительные изменения и привели к пересмотру в понимании природы процесса обучения. Новые методы и приемы исследования способствуют существенному улучшению понимания биологических основ человеческого познания. Достижения неврологии, и в частности, нейрофизиологических и нейровизуализационных методов, позволяют исследователям «заглянуть» в функционирование и физиологические изменения живого мозга, определить, каковы его активные области при выполнении тех или иных когнитивных задач. Со временем подобные исследовательские подходы позволяют дифференцировать не только структурные, но и функциональные различия мозга у разных людей [20].

В 2019 г. Жан Поль Хареримана описал теории обучения, основанные на работе мозга. Исследователь отмечает, что «память и обучение – неразделимые понятия в образовании. Память влияет на обучение, а обучение влияет на память... На преподавание и обучение в значительной степени влияют и направляют основанные на мозге теории обучения, преподавания и практики в классе» [22, с. 230]. С учетом того, что память выступает основой обучения, Хареримана сформулировал принципы, среди которых наиболее значимыми с точки зрения нейроандрагогики, на наш взгляд, выступают: 1) принцип хранения следов памяти и возможности их извлечения; 2) принцип социального опосредования обучения; 3) принцип игрового обучения.

Принцип хранения следов памяти и возможности их извлечения. По научным убеждениям Хареримана, «первая принципиальная теория заключается в том, что каждое воспоминание имеет две сильные стороны: способность хранения и способность извлечения..., чем усерднее приходится работать вашему мозгу, чтобы раскопать воспоминание, тем больше увеличивается способность к обучению (способность извлечения и сохранения)» [22]. В прикладной области данный принцип напрямую отражает ключевую идею когнитивной нейронауки, которая состоит в том, что информация, запомненная логическим путем, сохраняется успешнее, прочнее и дольше, поскольку в нейронах создаются постоянные ассоциативные связи. Мозг потребляет гораздо большее количество энергии, а связи хранят энергию. Соответственно, извлечение этой информации также требует достаточно больших усилий. На основе этого можно утверждать, что представленный принцип составляет базис, пожалуй, самого эффективного способа изучения учебного материала – логическим путем. С опорой на научно обоснованные и экспериментально подтвержденные модели работы мозга можно существенно повысить качество логической обработки информации.

Принцип социального опосредования обучения. Данный принцип базируется на теории социального научения Л. С. Выготского, который подчеркивал, что социальное взаимодействие глубоко влияет на когнитивное развитие. Культурно-историческая концепция Л. С. Выготского показывает, что биологическое и культурное развитие не происходят изолированно. Обучение успешно происходит тогда, когда учащиеся взаимодействуют со своими сверстниками, учителями и другими экспертами. Теория социального опосредования обучения помогает понять, как люди влияют друг на друга в среде обучения. Эффективное обучение происходит в социальных контекстах посредством взаимодействия. Теория социального опосредования обучения также информирует учителей о том, как можно построить активные обучающиеся сообщества.

Принцип игрового обучения. Результативнее будет запоминаться та информация, которая ассоциируется с яркими эмоциями и имеет выраженную эмоциональную окраску. Соответственно, в образовательном процессе необходимо не только организовывать познавате-

льную деятельность учащихся, но и вовлекать их в учебный процесс с помощью активизации эмоциональной сферы, а также стремиться поддерживать положительный эмоциональный фон учебной деятельности.

Также Жан Поль Хареримана обозначает принцип влияния семьи; принцип незавершенных действий Б. В. Зейгарник; принцип перцептивной дискриминации, принцип тестирования и принцип использования учебного материала для решения практических задач [22].

Возникновение и распространение нейропедагогики как самостоятельной междисциплинарной области вызвано потребностью в новой научной прикладной дисциплине, позволяющей применять результаты исследований в области работы мозга в практической плоскости образования. В 2009 г. Курт Фишер указывал на то, что «традиционная модель не будет работать. Исследователям недостаточно собирать данные в школах и предоставлять эти исследовательские данные педагогам, поскольку этот метод исключает учителей и учащихся из участия в формировании новых методов образования, основанных на знаниях о работе мозга» [21]. Таким образом, становится очевидной тесная связь между обучением и нейробиологией, в частности, образовательной нейробиологией, или нейропедагогикой.

О. В. Дружиловская на основе анализа современного этапа развития нейронаук предлагает при подготовке педагогических кадров в системе образования включать курс «Нейронауки в системе педагогического образования», созданного на основе интеграции нейронаучных дисциплин и педагогики. Автор определяет целью курса включение нейронауки в образовательные технологии современной школы. Задачами курса выступают изучение закономерностей образовательного процесса с учетом нейроонтогенетических преобразований применительно к возрастным этапам овладения системой знаний для консолидации ее в механизмах памяти [5, с. 321]. М. Д. Шошевым был разработан и уже проведен курс для болгарских учителей с присвоением квалификации «учитель-нейропедагог» [20, с. 577].

Поддерживая взгляды О. В. Дружиловской и болгарского коллеги М. Д. Шошева, считаем важной задачей включение подобных курсов в подготовку педагогических кадров и в нашем случае для преподавателей ДПО.

Продолжая анализ проблемы нейрообразования, обратимся к определению понятия «нейропедагогика». И. П. Клемантович, Е. А. Леванова, В. Г. Степанов в публикации «Нейропедагогика: новая отрасль научных знаний» определяют нейропедагогику как теорию и технологию воспитания и обучения детей, молодежи и взрослых на основе использования данных современных нейронаук [9, с. 9]. В указанном определении присутствует целевая аудитория взрослых обучающихся. Основные подходы нейропедагогики с опорой на нейронауки актуальны и для взрослых, но, бесспорно, имеют свою специфику.

Нейроандрагогику мы рассматриваем как область обучения взрослых с учетом современных данных нейронаук. При этом расширяя диапазон интеграции наук, отметим, что также важны знания физиологии, геронтологии, психологии, андрагогики, геронтогики. Междисциплинарные связи составляют основу данной научной области, исследующей и определяющей закономерности образовательной деятельности взрослых [13, с. 21].

Анализируя взаимосвязь педагогических и психологических наук в рамках нейрообразования, актуальными видятся убеждения И. П. Клемантович и В. Г. Степанова, которые считают, что нейропедагогику следует определять как нейропсихопедагогику. По мнению авторов, такое понятие более полно и широко отражает суть данной научной области, но звучит оно слишком громоздко. Поэтому исследователи предлагают иметь в виду полное название, но пользоваться сокращенным – «нейропедагогика» [10, с. 2465]. Аналогично мы определяем нейроандрагогику, учитывая наличие обязательного компонента – психологии. Именно связь с многими областями психологии (возрастная, социальная, психология личности, акмеология и др.) является в обучении взрослых основополагающей.

В качестве аргументов выделим для начала потребностно-мотивационную сферу, без которой невозможна сознательная и целенаправленная деятельность человека. Большой вклад в развитие данной области внес российский нейрофизиолог академик П. В. Симонов, который разработал специальную информационную теорию эмоций. Ученый проводил исследования мозга высших животных и человека. Опыты осуществлялись в рамках исследования проблемы «мозг и поведение». Монография «Мотивированный мозг: высшая нервная деятельность и естественно-научные основы общей психологии», несмотря на то, что она издавалась еще в 1987 г., остается актуальной и сегодня. Например, проблема интернет-зависимости объясняется П. И. Симоновым тем, что потребность в новой информации относится к

идеальным потребностям, одна из характеристик которых заключается в том, что они потенциально ненасыщаемы. Это дает объяснение тому, почему человек может часами пребывать в виртуальном мире, «скролить» страницу за страницей, поглощая информацию, которая ему никак не пригодится в жизни. Основная цель в данном случае – удовлетворение потребности в новой информации [17].

Профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, популяризатор науки В. А. Дубынин подчеркивает, что «любопытство – одна из самых главных программ, вставленных в человеческий мозг. Мы действительно очень любопытны, и для нашего мозга новая информация – это отдельный источник положительных эмоций» [6, с. 104].

Образовательную деятельность невозможно исследовать без учета эмоционально-волевой сферы личности. Еще И. П. Павлов связывал чувства с подкоркой (подкорковые структуры головного мозга). Особое внимание он уделял аффектам, которые объяснял «буйством подкорки». Современная наука большое внимание уделяет энергии чувств. Исследуются как отрицательные, так и положительные чувства. Последние стимулируют корковые процессы мозга, связанные с сознанием. Прежде всего ученых интересуют умственная деятельность и воля. А. Р. Лурия, внесший огромный вклад в развитие нейропсихологии, выделил ключевую роль лобных долей мозга в принятии волевого решения и организации всей целенаправленной деятельности человека. В то же время сознание регулирует направленность и протекание чувств [16, с. 14].

В рамках исследования проблем нейроандрагогики интерес представляют современные работы Ж. Е. Ермолаевой, которая занимается активным исследованием и продвижением идей нейропедагогики и нейроандрагогики. Автор подчеркивает, что нейроандрагогика позволяет найти ответы на вопросы о том, как учить новому и переучивать взрослых людей, учитывая особенности развития головного мозга, индивидуальность, жизненный и практический опыт, ценностные установки, жизненные цели, социальные ограничения [7]. В соавторстве с Н. И. Герасимовой Ж. Е. Ермолаева формулирует принципы нейроандрагогики как прикладной области, позволяющие эффективно решать педагогические задачи обучения взрослых. Так, авторы указывают на принцип безопасности в обучении взрослых, то есть отсутствие стресса, поскольку под воздействием стресса частично или полностью блокируется умственная деятельность человека. Авторы акцентируют внимание на роли жизненного и профессионального опыта обучающихся, подчеркивают значимость практикоориентированности обучения, гибкости образовательных технологий. При этом центральной линией авторы проводят учет особенностей работы мозга взрослого человека, что должно составлять основу образовательного процесса [7, с. 64].

Результаты исследования и их обсуждение. Поддерживая научные позиции дидактических принципов обучения взрослых (А. В. Даринский, Ю. Н. Кулюткин, Г. С. Сухобская и др.), теории мотивации образовательной деятельности (И. В. Дубровина, И. Я. Зимняя, Л. М. Митина и др.), теории развивающего профессионально-образовательного пространства (С. К. Бондарева, Э. Ф. Зеер, В. В. Рубцов и др.), психолого-педагогические концепции подготовки специалистов (Б. М. Бим-Бад, А. К. Маркова, Н. С. Пряжников и др.), акмеологический подход к образованию (А. А. Бодалев, А. А. Деркач и др.), исследования в области андрагогики (М. Т. Громкова, С. И. Змеев, Н. В. Лебедева и др.), предлагаем расширить архитектуру нейроандрагогических принципов, обусловленных психофизиологическими, нейробиологическими, социальными, профессиональными особенностями обучающихся взрослых.

Нейроандрагогические принципы обучения взрослых:

1) элективность образовательного процесса как возможность выбора обучающимися контента, форм, сроков, места обучения;

2) нейроандрагогическая позиция преподавателя, которая включает многообразие ролей и функций: эксперт, спикер, модератор, фасилитатор, советник, наставник, коуч и др. Данному принципу стоит уделить особое внимание, так как взрослый обучающийся в большинстве своем легко отказывается от обучения, если ему по каким-то причинам не нравится преподаватель. В отличие от учеников, где возможность смены преподавателя сложнее, взрослые смело высказывают собственное мнение о преподавателе. При этом важным выступает именно манера взаимодействия, та самая андрагогическая позиция, которую мы заявляем и позиционируем как фактор успешности образовательного процесса для взрослых;

3) применение современных образовательных технологий с учетом целевой аудитории: кейсы (как готовые, так и представляемые в качестве образовательного запроса со стороны обучающихся), тренинги, деловые игры, мастер-классы, воркшопы;

4) геймификация, игропрактика, создающие эмоционально-вовлекающую атмосферу для обучения взрослых;

5) учет роли нейромедиаторов, способствующих образовательному процессу (ключевые: дофамин отвечает за стремление к вознаграждению, регуляцию памяти, обучения, мотивацию; окситоцин «строит» социальные связи, мотивирует на проявление доверия к окружающему миру; ацетилхолин участвует в процессах, регулирующих внимание и др.);

6) индивидуальный подход к обучению взрослых на основе личностных, нейрофизиологических, возрастных особенностей, социально-психологических характеристик, ограничений, связанных с наличием ресурсов (временных, финансовых и др.);

7) практико-ориентированность обучения, способствующая оперативному использованию результатов обучения на практике [13];

8) экологичное образовательное пространство как залог эффективного обучения взрослых [14, с. 21].

Нами проведен опрос в Российском экономическом университете имени Г. В. Плеханова (далее – РЭУ имени Г. В. Плеханова), где респондентами были слушатели, обучающиеся по программе профессиональной переподготовки «Практический психолог».

Количество участников – 102 человека, в том числе 87 женщин, 15 мужчин. Возраст респондентов: 21–55 лет. Должности и сферы профессиональной деятельности: педагоги, специалисты службы персонала, коучи, социологи, бизнес-медиаторы, юристы.

Целью опроса было получение данных, необходимых для совершенствования образовательного процесса в рамках ДПО. Помимо маркетинговых задач, стоит выделить такую, как выявление необходимости применения принципов и подходов нейроандрагогики. Содержание опроса представлено в приложении 1.

По итогам проведения данного опроса мы получили следующие результаты (табл. 1).

Таблица 1

Результаты опроса, определяющие качество организации образовательного процесса в условиях дополнительного профессионального образования

№	Вопрос	Кол-во утвердительных ответов «да» в %
1	Интерактивная лекция наиболее результативна	97,4
2	Разбор кейсов должен присутствовать в каждой дисциплине	97,3
3	Тренинги, мастер-классы, деловые игры должны составлять более 50 % образовательной программы	95,2
4	Возможность дисциплин по выбору (вариативная часть) должна быть в программах переподготовки	94,8
5	Диалоговое взаимодействие – важный фактор обучения взрослых	93,4
6	Преподаватель ДПО – это эксперт, лектор, модератор, тренер	93,4
7	Формат обучения должен быть гибридным (очным и онлайн)	92,8
8	Эмоции и чувства важны в образовательном процессе	90,7
9	Преподаватели должны владеть основами нейробиологии и нейрофизиологии	88,9
10	Образовательная экосистема, эргономика важны для обучения взрослых	86,5
11	Социальное взаимодействие в группе среди слушателей – важный фактор успешности обучения	77,2

Таким образом, полученные данные указывают на необходимость применения нейроандрагогических принципов в образовательном процессе для взрослых. Важным видится тот факт, что 88,9 % слушателей ДПО отмечают, что преподаватели должны владеть основами нейробиологии и нейрофизиологии. Участниками опроса были психологи, и данная целевая аудитория хорошо понимает значимость данных нейронаук в образовательном процессе. Но тем не менее знания о работе мозга позволяют повысить качество образовательного процесса для любой целевой аудитории.

Вслед за исследователями, представленными в рамках данной статьи, необходимо подчеркнуть, что система образования для взрослых испытывает «жажду» информации о том, как работает мозг: в настоящее время пока не хватает современных знаний о моделях функционирования мозга при решении когнитивных, творческих и алгоритмических задач. Существует специализированная литература, однако она чаще всего предназначена для специали-

стов других научных областей и в силу этого не всегда доступна организаторам, методологам, преподавателям ДПО и корпоративного образования. Существует и популярная литература, в некоторых случаях провоцирующая формирование некорректных идей. Не всегда очевидны инструменты и границы применения нейрофизиологических исследований в образовательной практике, в результате чего их данные часто бывают интегрированы в нее в упрощенной или некорректно истолкованной форме. Для специалистов-нейрофизиологов задача интеграции результатов научных исследований в практику образования не очевидна и не рассматривается ими в числе актуальных. Поэтому существует разрыв между имеющимися научными данными и запросом системы образования.

В настоящее время, несмотря на активное развитие системы образования для взрослых, нельзя отметить рост исследований, научных трудов по данной проблеме. Однако в прикладной плоскости идет активная разработка массовых онлайн-курсов (здесь, бесспорно, повлияло активное дистанционное обучение в период карантина в условиях распространения коронавирусной инфекции). При этом некоторые программы курсов носят весьма сомнительный характер: отсутствие учебного плана, целей и задач обучения, развития необходимых компетенций. Но визуализация и «упаковка» данных образовательных курсов заслуживает высокой оценки.

Заключение. Таким образом, для развития нейроандрагогики в России необходимо решить ключевой вопрос: каким образом обеспечить внедрение достижений нейронаук (в первую очередь, нейробиологии и нейрофизиологии) в практику обучения взрослых, как донести до преподавателей фундаментальные знания о работе мозга, необходимые для качественного образовательного процесса, то есть повысить их компетентность в области нейронаук. Одновременно возникает вопрос: как поставить нейронауку на службу образованию? Исследования в области нейробиологии ориентированы на получение фундаментальных знаний о работе мозга. Тем не менее важна и обратная связь: необходимо проводить нейрофизиологические исследования, посвященные актуальным проблемам образования (например, усвоению понятий, контекстному научению, преодолению трудностей в изучении различных тем) [10]. Среди наиболее важных направлений исследований в области нейробиологии, результаты которых могут быть полезны сфере образования, можно выделить следующие: изучение когнитивной нагрузки; организация процесса решения задач; учет роли эмоций в ситуации обучения и др. Также немаловажным является поиск доказательств эффективности методов обучения, основанных на знаниях о функционировании головного мозга. Например, исследователи показали, что обучившиеся с помощью такой методики не только более успешны, но и оценивают такое обучение как более запоминающееся и приносящее удовольствие [24].

Существует необходимость теоретико-методологического обоснования совокупности подходов, факторов, функций, принципов, закономерностей, механизмов нейроандрагогики. Проведение исследований в области архитектуры и дизайна нейроандрагогики видится перспективным и необходимым. Система образования взрослых начинает активно развиваться, линейки образовательных программ в рамках дополнительного профессионального образования, корпоративного образования расширяются, стараясь отвечать образовательным запросам. Однако помимо образовательного контента важным является и сам образовательный процесс. Нейроандрагогика в настоящее время является самой результативной прикладной областью обучения взрослых. Образование на основе данных современных нейронаук, где ключевые позиции занимают нейробиология и нейрофизиология, позволяет сделать образовательный процесс для взрослых обучающихся наиболее эффективным и качественным. Важным представляется включение в подготовку профессорско-преподавательского состава, участвующих в реализации дополнительного профессионального и корпоративного образования спецкурсов по нейроандрагогике. В рамках данного спецкурса будут изучаться современные данные нейронаук (нейробиология, нейрофизиология, нейролингвистика, нейрокоучинг, нейроэстетика). Обучение взрослых будет эффективным, если образовательный процесс реализовывать с учетом знаний о работе мозга.

Необходимо отметить, что особенностью обучения следует считать желание взрослых применить полученные знания и навыки оперативно «здесь и сейчас» в своей профессиональной и личной жизнедеятельности, а не в отдаленной перспективе.

Нейроандрагогика находится в настоящее время на стадии становления, но необходимость дальнейших нейроисследований и внедрений полученных результатов в образовательную практику является перспективным и необходимым.

Список литературы

1. Бажанов В. А., Шкурко Ю. С. Современная нейронаука и образование: новые аргументы в пользу старых приемов // Педагогика. 2018. № 8. С. 29–37.
2. Бехтерев В. М. Личность и условия ее развития и здоровья. СПб. : К. Л. Риккер, 1905. 43 с.
3. Вершиловский С. Г. Преподаватель системы постдипломного образования как андрагог // Человек и образование. 2014. № 1 (38). С. 4–7.
4. Громкова М. Т. Андрагогика как методологическая основа управленческой деятельности // Новые знания. 2004. № 3. С. 18–34.
5. Дружиловская О. В. Нейронаука как источник становления нового направления современного педагогического образования // ЦИТИСЭ. 2020. № 3 (25). С. 314–321.
6. Дубынин В. А. Мозг и его потребности: от питания до признания. М. : Альпина нон-фикшн, 2021. 572 с.
7. Ермолаева Ж. Е., Герасимова И. Н. К вопросу о нейроандрагогике в языковом обучении и консультировании взрослых // Культура и безопасность. 2022. № 4. С. 63–70.
8. Змеев С. И. Теория обучения взрослых (андрагогика) за рубежом на современном этапе / НИИ общего образования АПН СССР. М., 1990.
9. Клемантович И. П., Леванова Е. А. Нейропедагогика: новая отрасль научных знаний / В. Г. Степанов // Педагогика и психология образования. 2016. № 2. С. 8–17.
10. Клемантович И. П., Степанов В. Г. Нейропедагогика: предмет исследования // Фундаментальные исследования. 2015. № 2-11. С. 2464–2468.
11. Костромина С. Н., Гнедых Д. С. Нейронаука в системе профессионального образования // Профессиональное образование и рынок труда. 2021. № 4. С. 8–29.
12. Кукуев А. И. Андрагогика: этимология и употребление термина в зарубежной науке // Проблемы современного образования. 2010. № 5. С. 30–35.
13. Лебедева Н. В. Дополнительное профессиональное образование: андрагогические основы обучения // Профессиональное образование. Столица. 2016. № 12. С. 20–22.
14. Лебедева Н. В. Нейроандрагогика: модный тренд или научная область обучения взрослых по законам мозга // Высшее образование сегодня. 2023. № 5. С. 18–22.
15. Лебедева Н. В. Андрагогическая позиция преподавателя психологии в вузе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2022. № 1 (842). С. 49–54.
16. Павлов И. П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. М. : Наука, 1973. 661 с.
17. Симонов П. В. Мотивированный мозг: высшая нервная деятельность и естественно-научные основы общей психологии. М., 1987. 266 с.
18. Трошин Г. Я. Антропологические основы воспитания. Сравнительная психология нормальных и ненормальных детей. В 2 т. Петроград, 1915.
19. Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания: опыт педагогической антропологии. М. : Фаир-Пресс, 2004. 574 с.
20. Шошев М. Д. Нейропедагогика как новая прикладная область в системе образования в Болгарии // Психология человека в образовании. 2023. Т. 5. № 4. С. 568–578.
21. Fischer K. M. Mind, brain and education: Building a scientific groundwork for learning and teaching // Mind, Brain and Education. 2009. Vol. 3. № 1. Pp. 3–16.
22. Harerimana J. P. Brain-based and learning theories: Application of the classroom // European Journal of Education Studies. 2019. Vol. 5. № 12. Pp. 225–242.
23. Howard-Jones P. A. Neuroscience and education: myths and messages // Nature reviews. Neuroscience. 2014. Vol. 15.
24. Yasar M. D. Brain based learning in science education in Turkey: descriptive content and meta analysis of dissertations // Journal of Education and Practice. 2017. Vol. 8. № 9. Pp. 161–168.

Приложение

Содержание опроса слушателей профессиональной переподготовки «Практический психолог»

№	Вопрос	Варианты ответов
1	С Вашей точки зрения, какой формат лекции наиболее результативен?	а) традиционная б) интерактивная
2	Разбор кейсов должен быть в каждой дисциплине программы?	а) да б) частично в зависимости от дисциплины в) не обязательно
3	Какой процент в программе должны составлять тренинги, мастер-классы, деловые игры?	а) 80 % б) 50 % в) 20 % г) другой ответ

Окончание табл.

№	Вопрос	Варианты ответов
4	Должна ли быть вариативная часть (дисциплины по выбору) в программе?	а) да б) нет
5	С Вашей точки зрения, диалог слушателей и преподавателя – важный фактор эффективности обучения?	а) да б) в зависимости от дисциплины в) не обязательно
6	Преподаватель ДПО – это эксперт, лектор, модератор, тренер?	а) все перечисленное б) частично в) не обязательно
7	Наиболее эффективный для Вас формат обучения?	а) очно б) онлайн в) гибридный (очно с применением ДОТ)
8	С Вашей точки зрения, эмоции и чувства важны в образовательном процессе?	а) да б) не обязательно
9	Как Вы считаете, все преподаватели ДПО должны владеть знаниями нейробиологии и нейрофизиологии?	а) да б) иметь общие представления в) не обязательно
10	С Вашей точки зрения, для эффективности ДПО важны образовательная экосистема и эргономические условия?	а) да б) не обязательно
11	С Вашей точки зрения, социальное взаимодействие в группе слушателей через создание чатов, профессиональных сообществ является фактором успешности обучения?	а) да б) не обязательно

Neuroandragogy as an area of adult education in the modern education system

Lebedeva Natalia Vasilyevna

Doctor of Pedagogical Sciences, associate professor, professor of the Department of Political Analysis and Socio-Psychological Processes, Plekhanov Russian University of Economics.
Russia, Moscow. ORCID: 0000-0001-8260-3371. E-mail: lebedeva1512@yandex.ru

Abstract. Continuing education is not just a fashion trend, it is a given that ensures continuous professional and personal development. Digitalization, technologization, and the development of artificial intelligence dictate the need for constant "pumping" of digital skills. The increase in the working age, as well as modern conditions of uncertainty, pose challenges for the development of additional professional and corporate education.

Today, the educational services market is actively developing. However, this dictates the need to update the adult education system, to find new ways to ensure a high level of education quality. One of these areas is the development of neuroandragogy as a new applied field of adult education. The purpose of this article is to present the results of studying the indicated problem. A theoretical and methodological analysis is carried out, including the genesis of andragogy as an integral part of the topic and an overview of the current stage of the development of neuroscience. The concept of "neuroeducation" is revealed, attention is focused on the basic approaches of neurobiology and neurophysiology necessary for adult education, and neuroandragic principles of learning are highlighted. All this is considered from the perspective of the works of foreign and domestic scientists, as well as evidence-based practices.

The author presents the results of a survey of students of additional professional education studying under the program "Practical Psychologist" at Plekhanov Russian University of Economics. Based on the results of the study, conclusions were drawn about the need to develop a special course for teachers in neuroandragetics for additional professional and corporate education. Neuroandragogy is just beginning its development path, there is no methodological basis yet due to the lack of scientific research on this problem. But the active development of neuroscience dictates the need for their integration into the system of modern adult education.

Keywords: neuroscience, adult education, additional professional education, neuroeducation, cognitive functions, emotional-volitional sphere, neuroandragic principles of learning.

References

1. Bazhanov V. A., Shkurko Yu. S. *Sovremennaya nejronauka i obrazovanie: novye argumenty v pol'zu staryh priemov* [Modern neuroscience and education: new arguments in favor of old techniques] // *Pedagogika – Pedagog.* 2018. No. 8. Pp. 29–37.

2. Bekhterev V. M. *Lichnost' i usloviya ee razvitiya i zdorov'ya* [Personality and conditions of its development and health]. SPb. K. L. Rikker, 1905. 43 p.
3. Vershlovskij S. G. *Prepodavatel' sistemy postdiplomnogo obrazovaniya kak andragog* [Teacher of the post-graduate education system as an andragog] // *Chelovek i obrazovanie – Man and education*. 2014. No. 1 (38). Pp. 4–7.
4. Gromkova M. T. *Andragogika kak metodologicheskaya osnova upravlencheskoj deyatel'nosti* [Andragogy as a methodological basis of managerial activity] // *Novye znaniya – New knowledge*. 2004. No. 3. Pp. 18–34.
5. Druzhilovskaya O. V. *Nejronauki kak istochnik stanovleniya novogo napravleniya sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Neuroscience as a source of formation of a new direction of modern pedagogical education] // *CITISE*. 2020. No. 3 (25). Pp. 314–321.
6. Dubynin V. A. *Mozg i ego potrebnosti: ot pitaniya do priznaniya* [The brain and its needs: from nutrition to recognition]. M. Alpina non-fiction, 2021. 572 p.
7. Ermolaeva Zh. E., Gerasimova I. N. *K voprosu o nejroandragogike v yazykovom obuchenii i konsul'tirovanii vzroslyh* [On the issue of neuroandragogy in language teaching and adult counseling] // *Kul'tura i bezopasnost' – Culture and safety*. 2022. No. 4. Pp. 63–70.
8. Zmeev S. I. *Teoriya obucheniya vzroslyh (andragogika) za rubezhom na sovremennom etape* [Theory of adult education (andragogy) abroad at the present stage] / Research Institute of General Education of the USSR Academy of Sciences. M. 1990.
9. Klemantovich I. P., Levanova E. A. *Nejropedagogika: novaya otrasl' nauchnyh znaniy* [Neuropedagogy: a new branch of scientific knowledge] / V. G. Stepanov // *Pedagogika i psihologiya obrazovaniya – Pedagogy and psychology of education*. 2016. No. 2. Pp. 8–17.
10. Klemantovich I. P., Stepanov V. G. *Nejropedagogika: predmet issledovaniya* [Neuropedagogy: the subject of research] // *Fundamental'nye issledovaniya – Fundamental research*. 2015. No. 2–11. Pp. 2464–2468.
11. Kostromina S. N., Gnedyh D. S. *Nejronauka v sisteme professional'nogo obrazovaniya* [Neuroscience in the system of vocational education] // *Professional'noe obrazovanie i ryok truda – Vocational education and the labor market*. 2021. No. 4. Pp. 8–29.
12. Kukuev A. I. *Andragogika: etimologiya i upotreblenie termina v zarubezhnoj nauke* [Andragogy: etymology and use of the term in foreign science] // *Problemy sovremennogo obrazovaniya – Problems of modern education*. 2010. No. 5. Pp. 30–35.
13. Lebedeva N. V. *Dopolnitel'noe professional'noe obrazovanie: andragogicheskie osnovy obucheniya* [Additional vocational education: andragogical foundations of education] // *Professional'noe obrazovanie. Stolica – Vocational education. Capital*. 2016. No. 12. Pp. 20–22.
14. Lebedeva N. V. *Nejroandragogika: modnyj trend ili nauchnaya oblast' obucheniya vzroslyh po zakonam mozga* [Neuroandragogy: a fashionable trend or a scientific field of adult education according to the laws of the brain] // *Vysshee obrazovanie segodnya – Higher education today*. 2023. No. 5. Pp. 18–22.
15. Lebedeva N. V. *Andragogicheskaya pozitsiya prepodavatela psihologii v vuze* [Andragogical position of a psychology teacher at a university] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki – Herald of Moscow State Linguistic University. Education and pedagogical sciences*. 2022. No. 1 (842). Pp. 49–54.
16. Pavlov I. P. *Dvadcatiletniy opyt ob'ektivnogo izucheniya vysshei nervnoi deyatel'nosti (povedeniya) zhivotnyh* [Twenty years of experience in the objective study of higher nervous activity (behavior) of animals]. M. Nauka (Science), 1973. 661 p.
17. Simonov P. V. *Motivirovannyi mozg: vysshaya nervnaya deyatel'nost' i estestvenno-nauchnye osnovy obshchej psihologii* [Motivated brain: higher nervous activity and natural science foundations of general psychology]. M., 1987. 266 p.
18. Troshin G. Ya. *Antropologicheskie osnovy vospitaniya. Sravnitel'naya psihologiya normal'nyh i nenormal'nyh detej. V 2 t.* [Anthropological foundations of education. Comparative psychology of normal and abnormal children. In 2 vols.]. Petrograd, 1915.
19. Ushinskij K. D. *Chelovek kak predmet vospitaniya: opyt pedagogicheskoy antropologii* [Man as an object of education: the experience of pedagogical anthropology]. M. Fair-Press, 2004. 574 p.
20. Shoshev M. D. *Nejropedagogika kak novaya prikladnaya oblast' v sisteme obrazovaniya v Bolgarii* [Neuropedagogy as a new applied field in the education system in Bulgaria] // *Psihologiya cheloveka v obrazovanii – Human psychology in education*. 2023. Vol. 5. No. 4. Pp. 568–578.
21. Fischer K. M. *Mind, brain and education: Building a scientific groundwork for learning and teaching* // *Mind, Brain and Education*. 2009. Vol. 3. No. 1. Pp. 3–16.
22. Harerimana J. P. *Brain-based and learning theories: Application of the classroom* // *European Journal of Education Studies*. 2019. Vol. 5. No. 12. Pp. 225–242.
23. Howard-Jones P. A. *Neuroscience and education: myths and messages* // *Nature reviews. Neuroscience*. 2014. Vol. 15.
24. Yasar M. D. *Brain based learning in science education in Turkey: descriptive content and meta analysis of dissertations* // *Journal of Education and Practice*. 2017. Vol. 8. No. 9. Pp. 161–168.

Поступила в редакцию: 18.01.2024

Принята к публикации: 19.07.2024

Возможности методов photovoice и sensemaking в формировании традиционных ценностей студентов (на примере ценностей патриотизма, гуманизма и гражданственности)

Бородатая Марина Николаевна¹, Ерофеева Оксана Николаевна²

¹кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной работы и молодежной политики,
Вятский государственный университет.

Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0003-3643-5690. E-mail: usr11428@vyatsu.ru

²кандидат экономических наук, доцент кафедры международного менеджмента,

Белорусский государственный университет. Республика Беларусь, г. Минск.

ORCID: 0009-0004-4333-8017. E-mail: erofeevaon@bsu.by

Аннотация. В условиях современных идеологических и информационных вызовов важно находить привлекательные формы и методы актуализации, воспитания традиционных ценностей у молодежи.

Цель исследования – изучить возможности применения метода photovoice (фотоголос) в сочетании с подходами смысловторчества (sensemaking, Meaning-Making) для организации результативной воспитательной работы, описать алгоритм применения метода и выполнить исследование с использованием метода фотоголос по выявлению смысловых характеристик традиционных ценностей (патриотизм, гуманизм и гражданственность) в представлениях студенческой молодежи для оценки практической возможности применения теоретических результатов исследования в воспитательной работе.

Основными методами исследования явились анализ научных трудов по исследуемой проблеме, сравнительно-педагогический анализ опыта, фотоголос.

В статье представлен алгоритм применения метода photovoice во взаимодействии с подходом sensemaking в изучении, выявлении и формировании смысловых характеристик традиционных ценностей. На примере результатов исследования с участием студентов российского (Вятский государственный университет) и белорусского (Белорусский государственный университет) вузов представлены результаты актуализации смысловых характеристик таких ценностей как гуманизм, патриотизм и гражданственность в представлениях студентов.

Новизна исследования определяется раскрытием возможностей применения метода photovoice в исследовательской, учебной и воспитательной работе с молодежью. Использование метода photovoice в сочетании с подходами смысловторчества существенно разнообразит воспитательный инструментарий учебно-воспитательного процесса, обеспечивая достижение поставленных целей наиболее результативным способом с позиции затрат ресурсов, мотивации участников, устойчивости полученных образовательных достижений.

Полученные результаты могут представлять интерес для исследователей, педагогов, специалистов по работе с молодежью и могут быть использованы при разработке программ воспитательной работы со студенческой и учащейся молодежью, проектировании воспитательного компонента учебных занятий по различным дисциплинам.

Ключевые слова: ценности, традиционные ценности, метод photovoice, sensemaking, смысловые характеристики традиционных ценностей, гуманизм, патриотизм, гражданственность.

Введение. Являясь базовой основой структуры личности, ценности влияют на выбор и направление деятельности человека, межличностные и межнациональные отношения [18, с. 86]. Обострение вызовов современности требует объективной диагностики, выявления актуальных трендов в сфере ценностей, последовательного выстраивания соответствующей государственной политики.

В соответствии с «Основами государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [14], совершенствование форм и методов воспитания, образования молодежи названо одним из направлений сохранения и укрепления традиционных ценностей.

Актуальность исследования ценностей подтверждается в самых разных областях – от исследования культуры и кросс-культурного взаимодействия, до социального управления. Ценностные ориентации активно исследуются на межстрановом уровне – наиболее известны исследования Р. Иглхарта и К. Вельцеля (World Values Survey) [27].

В научных кругах отсутствует однозначное определение ценности. Полемику этого вопроса можно свести к следующим аспектам: 1) ценности – это предметное выражение значимости или абстрактные сущности; 2) ценности – это сугубо индивидуальная или надиндивидуальная реальность; 3) ценности выступают в качестве эталона или могут быть рассмотрены как идеал [11].

Согласно М. Веберу индивид в своем поведении ориентируется на ценности, выступающие мотивом его социальных действий. Ценностно-рациональное действие индивида М. Вебер определяет, как следование «... своим убеждениям о долге, достоинстве, красоте, религиозных предначертаниях, благочестии или важности "предмета" любого рода», абсолютизируя и характеризуя его как идеальный [2, с. 629].

Т. Парсонс подчеркивает, что ценности выполняют важную для социальной системы функцию воспроизводства культурного образца, поддерживают связь между социальной и культурной системами [15, с. 368].

В представленном исследовании авторы концентрируются на возможностях актуализации смысловых характеристик традиционных ценностей в педагогическом процессе. Термин «традиция» трактуется по-разному. В словарном определении А. Б. Гофмана, традиция представляет «элементы социального и культурного наследия, передающиеся от поколения к поколению и сохраняющиеся в определенных обществах, классах и социальных группах в течение длительного времени; охватывает объекты социального наследия (материальные и духовные ценности); процесс социального наследования...» [4].

Анализируя разные подходы к рассмотрению традиционных ценностей, остановимся на исследовании, авторы которого (В. Н. Дежнев, О. В. Новикова, 2015) вкладывают в понятие «традиционные ценности» три значения. Во-первых, это неизменные ценности, пришедшие из давних времен, бывшие «испокон веков» или даже «всегда». Во-вторых, это такие ценности, которые отражены в нормах и принципах. В третьем значении традиционность указывает на уникальность ценностей для страны и культуры. Кроме того, они являются основой идентичности и ее объединяющим фактором [6, с. 72–73].

В соответствии с методикой Всероссийской программы «Проблемы социокультурной эволюции регионов России», разработанной ЦИСИ ИФ РАН (руководители Н. И. Лапин, Л. А. Беляева), в качестве основных форм социокультурной трансформации рассматриваются либерализация (модернизация) и традиционализация. Последняя при этом определена как «возникновение институционализации традиций, других элементов культуры и социальной структуры, которые обеспечивают приоритет предписанных норм и правил поведения субъектов (традиционных действий) по сравнению с возможностями их инновационных действий» [9, с. 8].

В России к традиционным относят ценности, призванные не допустить разобщенности общества и сохранить единство многонациональной страны [19, с. 687]. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей названо в составе национальных интересов Российской Федерации на современном этапе [13].

Статья 54 Конституции Республики Беларусь определяет, что «каждый обязан беречь историко-культурное, духовное наследие и другие национальные ценности. Сохранение исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа, патриотизм являются долгом» [8]. Утверждена «Программа патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 годы» [12].

Исключительная важность традиционных ценностей подтверждается результатами опросов. Так, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) *восемь из десяти россиян хотят видеть Россию будущего страной, сохранившей традиционные моральные, национальные и религиозные ценности (81 %) (ноябрь, 2023 г.)*. Традиционные ценности представляют собой накопленный опыт и мудрость предыдущих поколений, способствуют формированию нравственных принципов и этических норм, определяют приоритеты и ориентиры для каждого человека, помогают сохранять идентичность, объединять людей вокруг общих целей, создавать стабильность. Чем старше россияне, тем чаще они поддерживают этот тезис, тогда как молодежь находится в поиске ориентиров и смыслов, чаще других говорит, что подобные установки для нее не важны (43 % среди 18–24-летних и 6 % среди лиц старше 60 лет) [17].

По результатам исследования трансформации ценностей белорусского общества, в котором выполнен сравнительный анализ по годам по Типовой методике Всероссийской про-

граммы «Проблемы социокультурной эволюции регионов России», И. В. Лашук отмечает, что «в 2020 г. в Беларуси произошел рост значимости общечеловеческой группы ценностей за счет падения востребованности традиционных и современных» [10, с. 110].

Таким образом, на официальном уровне и в современных исследованиях вопрос о традиционных ценностях поднимается не только регулярно, но и концептуально: необходимо проведение должной воспитательной, образовательной и в целом культурной политики.

При высочайшей актуальности обозначенных задач, пути их практического воплощения в учебно-воспитательном процессе вариативны. При выборе форм следует сохранять субъектность участников взаимодействия, выстраивать педагогический процесс с учетом особенностей социокультурной ситуации в стране и мире, идеологии государства, современных достижений в науке и культуре и ряда других аспектов (см. [7, с. 73–74]).

Цель исследования – теоретически исследовать возможности применения метода photovoice (фотоголос) в сочетании с подходами смысловторчества (sensemaking, Meaning-Making) в организации воспитательной работы, описать алгоритм применения метода и практически апробировать теоретические результаты исследования.

Методы исследования. Проведению партисипативного исследования с участием российских и белорусских студентов предшествовала работа по изучению основных положений нормативно-правовых актов Российской Федерации и Республики Беларусь, регламентирующих деятельность в предметной области исследования, анализ опубликованных научных трудов по исследуемой проблеме, сравнительно-педагогический анализ опыта, а также исследовательская аналитическая работа по методу фотоголос и подходу «sensemaking», выявлению возможностей их применения в воспитательной работе.

Инструментом актуализации смысловых характеристик традиционных ценностей в учебно-воспитательном процессе авторы предлагают использовать качественный метод исследования photovoice во взаимосвязи с методами смысловторчества. Такой подход основывается на работе Г. Л. Будинайте и Т. В. Корниловой, где, в частности, указывается, что «личностными ценностями становятся те смыслы, по отношению к которым субъект самоопределился» [1, с. 99].

Метод «фотоголос» – это фотографирование объектов окружающей среды, которые наиболее целостно, с точки зрения участников, отражают смысл обсуждаемого понятия, явления, с последующим выявлением смысловых характеристик и их обсуждением. Метод относится к партисипативным, которые, в соответствии с аргументацией С. Wang, M. Burris [24] дополняют традиционные академические исследования, позволяя получить результаты непосредственно от исследуемых групп, а также развить их субъектность и обеспечить наилучшее использование полученных результатов.

В исследовательском дискурсе принято считать, что впервые метод «фотоголос» был описан С. Wang, M. Burris в 1997 г. (см., например [3, с. 168]). В то же время применение инструмента Google Books Ngram Viewer для анализа опубликованных работ свидетельствует, что первые упоминания метода имели место с 1976 г., что представлено на авторском рисунке 1. Соответствующая аргументация приведена и в публикации Р. Wihofszky (в соавт.): «Wang и Burris (1994, 1997) превратили метод, изначально разработанный фотографом и ученым Джоном Коллиером в исследовательский инструмент, призванный способствовать участию и расширению прав и возможностей социально незащищенных групп, особенно в проектах, связанных со здоровьем. Теоретической базой метода photovoice стали принципы документальной фотографии, феминистской теории и подход к расширению прав и возможностей Пало Фрейре (1973)» [26, с. 88].

Участники, как правило, сами фотографируют ситуации, объекты на заданную тему. Фотографии позволяют стимулировать разговор на сложные эмоциональные и социальные темы, помогая респондентам выражать свое отношение к ситуации, и затем использовать ее для рассказов и обсуждений в индивидуальном формате. Фотографии способствуют созданию комфортной коммуникации, позволяют проявить неочевидные или неосознаваемые аспекты опыта респондентов в процессе обсуждения. Снимки и вербальные истории участников анализируются и документируются исследователем.

Метод photovoice позволяет выявить формы и способы реализации ценностей. Так, в публикации А. Н. Данилова и Д. Г. Ротмана акцентировано, что «базовые ценности меняются очень медленно, в отличие от форм и способов их реализации – они зависят от социально-экономического и культурно-исторического контекста» [5, с. 473].

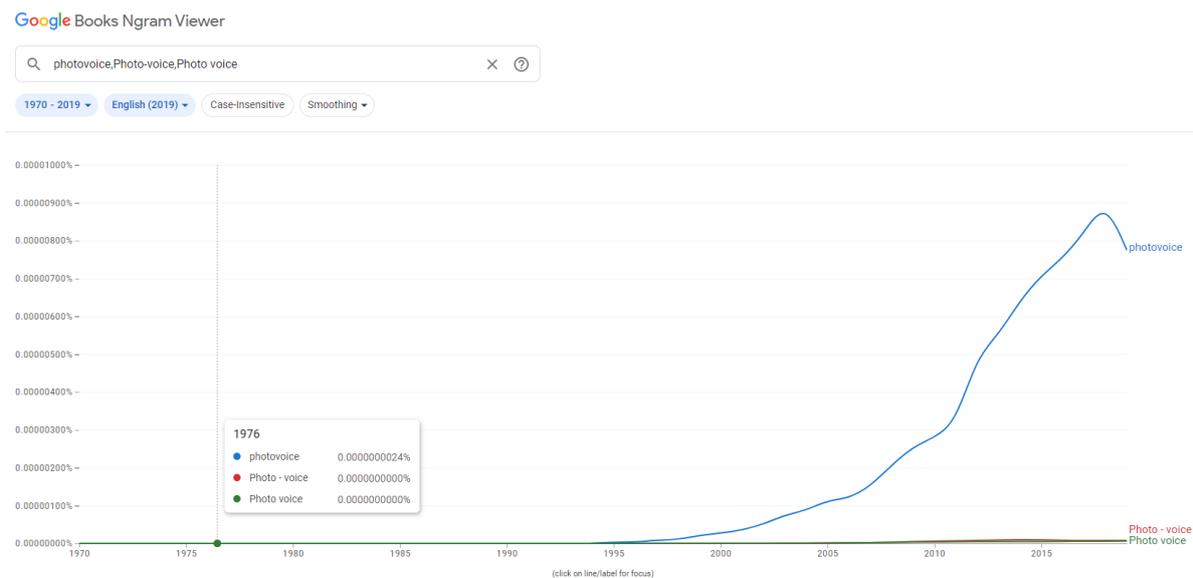

Рис. 1. Частота упоминания метода photovoice в англоязычных публикациях за 1970–2019 гг. [рисунок выполнен авторами]

Результаты. Основываясь на цели и описанных выше теоретических выводах, было проведено эмпирическое исследование. Исследование проводилось в апреле – сентябре 2023 г., с участием российских (Вятский государственный университет (ВятГУ)) и белорусских (Белорусский государственный университет (БГУ)) студентов. Полученные результаты отражают представления студентов о традиционных ценностях (гуманизм, патриотизм и гражданственность) и показывают возможности применения метода photovoice (фотоголос) в педагогическом процессе.

Основные задачи эмпирического исследования:

– разработать и апробировать алгоритм применения метода photovoice в изучении, актуализации и формировании смысловых характеристик традиционных ценностей студенческой молодежи;

– проанализировать кейсы, отражающие представления студентов о гуманизме, патриотизме и гражданственности;

– выявить общее и различное в ценностных представлениях студентов российского (ВятГУ) и белорусского (БГУ) вузов.

Авторами предлагается следующий алгоритм применения метода фотоголос:

1) знакомство студентов с методом, особенностями работы с ним. Студентам предлагалось сфотографировать объект, который с их точки зрения наиболее точно передает смысловые характеристики анализируемой ценности;

2) представление студентами своего фотообраза в формате сторителлинга: описание (что изображено на фотографии?), обоснование (почему возникла такая ассоциация?), выражение отношения к предмету обсуждения;

3) обсуждение ценности в формате коллективного диалога. Модератор группы, участники задают вопросы, делятся своими ассоциациями, в процессе обсуждения «привносят» в образ дополнительные смысловые характеристики;

4) резюмирование: обобщение истории, выделение смысловых характеристик обсуждаемой ценности;

5) оформление кейса;

6) рефлексия участниками процесса взаимодействия.

Метод позволяет не только *собрать* информацию о смысловых характеристиках ценностей в представлении студентов, но и организовать их обсуждение, выявить личностно-эмоциональное отношение студента к данному понятию. Это позволяет студентам развивать самосознание, чувство своей идентичности, креативность в обучении и познании окружающего мира.

Формированию смысловых характеристик способствует применение подхода sensemaking. Если метод photovoice позволяет отразить осознание реальной действительности субъ-

ектом через фотообъект, то применение подхода sensemaking позволяет выявить, актуализировать и формировать смыслы в процессе представления и обсуждения объекта.

Сенсейкинг способствует осмыслению коллективного опыта через спокойное погружение в ситуацию, ее осознание и равноправное изложение собственных наблюдений и гипотез. То, как участники осмысливают происходящее, оказывает огромное влияние на процесс их обучения и воспитания. Важность смысловорчества показывает известный психолог Роберт Кеган (Kegan R.). «Деятельность человека – это деятельность по созданию смысла. Нет ни чувства, ни опыта, ни мысли, ни восприятия, независимого от контекста создания смысла, в котором это становится чувством, опытом, мыслью, восприятием, потому что контекст создания смысла – это мы сами» [22, с. 7].

Глубокая рефлексия с помощью сенсейкинга позволяет выявить скрытые инсайты и представить сложившуюся ситуацию в виде многогранной, «стереоскопической» модели, ... расширенной панорамой видения реальности» [25]. При этом участник диалога в каждый момент времени не обладает исчерпывающей информацией об объекте. Ее наполнение формируется в рамках sensemaking. Участники представляют свои размышления об обсуждаемом объекте, интерпретация которого понимается ими как открытие. Этот процесс характеризуется сильным рефлексивным качеством [20]. «Рефлексия, то есть сознательное и целенаправленное обдумывание наших собственных мыслей и поведения, является фундаментальной частью жизни. Без рефлексии мы не можем понять, что с нами происходит, и предпринять действия, направленные на решение проблем, которые бросает нам жизнь. Рефлексия становится особенно важной, когда наши взгляды и ожидания подвергаются сомнению» [21, с. 476]. Одновременно участники развивают навыки формулирования и артикуляции своих мыслей и идей.

Проиллюстрируем вышеизложенное примером. При обсуждении понятия «патриотизм» студенткой Б. Т. для обсуждения был представлен фотообъект – цветущая яблоня (рис. 2).

Рис. 2. Фотоголос студентки ВятГУ для выявления смысловых характеристик ценности патриотизм

Выбор фотообъекта определялся студенткой так: «Яблоня – один из символов России. Она у меня ассоциируется с понятием Родина. Если о яблоне заботиться, ухаживать за ней, то она будет цвести, а затем плодоносить. Созревшие яблоки – это плоды нашего труда и благодарности яблони за любовь, внимание и заботу. Так и с Родиной: ты заботишься о ней, а она в ответ дарит тебе защищенность, чувство гордости за нее, достижения и результаты, счастье и хорошие перспективы на будущее».

Вопрос к участнику: «Яблоня не всегда цветет. Иногда ее цветы вянут, не дают плоды».

Б. Т.: «Если ты не ухаживаешь за ней, то яблоня может увянуть, листья опадут...».

Вопрос к участнику: «Ствол яблони могут повредить разные вредители».

Б. Т.: «Да...Я об этом не подумала...Но если правильно ухаживать, то вредители не смогут повредить ствол, листья, плоды. Пожалуй, да. Если не ухаживать, то заведутся паразиты. И тогда яблоню труднее сберечь».

Вопрос к участнику: «А как взаимосвязаны друг с другом яблоня и почва, на которой она растет?»

Б. Т.: «Почва дает яблоне питательные соки. От качества почвы зависит, пожалуй, качество яблони и ее плодов».

Вопрос к участнику: «Яблоня для вас – символ Родины. Как вы соотносите эти два понятия: Родина (яблоня) и патриотизм».

Б. Т.: «Родина и патриотизм взаимосвязанные понятия. Родина – это почва, среда, соки, силы, чувства, которые питают патриотизм человека. У каждого он свой. Как человек заботится, культивирует почву своей яблони, такой патриотизм, чувства и любовь к Родине он возвращает в себе».

Вопрос к участнику: «Можете ли Вы обобщить и выделить смыслы, характеризующие понятие «патриотизм».

Б. Т.: «Да: Родина и любовь к ней – источник нашего патриотизма».

Процедура реализации рассматриваемого подхода основывается на модели Терри Бортона. На первом этапе участники делятся данными собственных непосредственных наблюдений, отвечая на вопрос «Что происходит?». Второй этап охватывает интерпретацию полученных данных, генерацию смыслов, гипотез и выводов – ответ на вопрос «И что?». На заключительном, третьем, этапе участники сенсмейкинг-сессии с некоторой вероятностью приходят к принятию тех или иных новых убеждений о мире, а также к идеям практических действий – как воспитывать патриотизм?

В логике представленного примера студентка Б. Т. считает, что «воспитывать любовь к Родине, большой и малой, значит формировать и воспитывать патриотизм».

Таким образом, процесс осмысления «... предполагает интуицию, воображение, самосознание, сотрудничество, абдуктивные рассуждения, креативность и здоровую терпимость к неопределенности» [26].

Свойство «быть объяснением» – это не свойство высказываний, а взаимодействие людей, ситуаций и знаний. В процессе обсуждения происходит не только определение участником смысловых характеристик рассматриваемого понятия, их присвоение, но и благодаря диалогу, обсуждению – их обогащение, расширение представлений, видения иных граней явления. Достижение общей точки зрения у участников не является целью обсуждения [23].

Таким образом, «процесс осмысления представляет собой совместную деятельность, распределенную во времени и пространстве, осуществляемую в управляемой среде с одновременно взаимодополняющими и противоречивыми целями, обусловленный организационными ограничениями, эффективность которого во многом становится возможной благодаря опыту и экспертизе участников» [28].

Результат эмпирического исследования представляет собой кейс, состоящий из фотографии и истории к ней, отражающий смысловые характеристики традиционных ценностей в представлении студентов, предложения по их формированию. Всего были представлены 18 кейсов российскими и 14 кейсов белорусскими студентами по трем ценностям: гуманизм, патриотизм и гражданственность.

Актуализированные в процессе исследования смысловые характеристики ценности «патриотизм» по материалам обобщения кейсов представлены в таблицах 1 и 2.

Таблица 1

Смысловые характеристики патриотизма в представлении российских студентов

Студенты	Смысловые характеристики
И., студент 2 курса, ИГСН, ВятГУ	Часто про патриотизм говорят как о чем-то высоком. Но за этой высотой слов обычно пропадают все действия. Для меня патриотизм – это форма проявления любви, вниманья и бережного отношения к своему дому – Родине. Человек не ходит по своему дому в грязных ботинках, не бросает мусор на пол, окурки на кухонный стол. Но почему, выходя на улицу, этот же человек позволяет себе мусорить? Он не чувствует связи со своим городом, страной. В городе ответственность за порядок и чистоту пропадает. Но как может существовать патриотизм без глубокой связи со своей страной, без осознания сопричастности? Я считаю, что патриотизм – это отношение к месту, в котором ты живешь (улица, город, страна), как к своему родному дому, и соответствующее этому поведение.
У., студентка 2 курса, ИГСН, ВятГУ	Для меня патриотизм ассоциируется с цветком мать-и-мачехи. По мере своего развития этот цветок превращается в одуванчик. Семена, подхваченные ветром, разлетаются в разные стороны, и прорастают новые цветы. Так и патриотизм разбрасывает свои "семена" и прорастает в людях. Так и патриотизм есть в каждом человеке, пробивается даже через неприглядные условия, окружающие его. Несмотря ни на что, он живет.

Окончание табл. 1

Студенты	Смысловые характеристики
Б., студентка 2 курса, ИГСН, ВятГУ	Если об яблоне заботиться, ухаживать за ней, то она будет цвести, а затем плодоносить. Так и с Родиной: ты заботаешься о ней, а она в ответ дарит тебе защищенность, чувство гордости за нее, достижения и результаты. Но если ты не ухаживаешь за ней, то яблоня может увянуть, листья опадут и заведутся паразиты. Родина и патриотизм взаимосвязанные понятия. Родина – это почва, среда, соки, силы, чувства, которые питают патриотизм человека.

Таблица 2

Смысловые характеристики патриотизма в представлении белорусских студентов

Студенты	Смысловые характеристики
П., студентка 4 курса	Патриотизм – это любовь к своей Родине, Беларуси. Патриотизм – это знать культуру и историю своей страны. Так, в свободные выходные я всегда стараюсь ездить по уголкам Беларуси и изучать что-то новое.
А., студентка 4 курса	Уважение к собственной истории, сохранение и восстановление историко-культурных ценностей – как по мне, и есть отражение ценностей патриотизма.

Студенты обеих групп определили смысл патриотизма через любовь к Родине и внимательное отношение к изучению особенностей культурно-исторических процессов.

Приведем пример кейса по изучению смысловых характеристик ценности гуманизм в представлении студента ВятГУ (рис. 3).

Рис. 3. Фотоголос студента ВятГУ для выявления смысловых характеристик ценности гуманизм

И., студент ВятГУ, 2 курс: «На фотографии дом с разбитым окном, за которым виден уютный интерьер. Дом – это замкнутое единство, со своим внутренним миром и крепкими стенами, защищающими его. Так и человек: его внутренний мир тоже скрыт за стенами, и человеку порой бывает очень сложно открыться кому-то. Если ранее человек не получал поддержки, то новое хорошее отношение к нему может быть воспринято им негативно. Человек будет думать: почему мне помогают? Что за этим стоит? Надо мной хотят подшутить? Вмешательство в жизнь человека будет похоже на разбивание окна: добротой можно пробиться к сердцу любого человека, но опыт может быть и травмирующим. Человек может отвергать помощь, даже когда остро в ней нуждается.

Если изначально человека не воспитывать в рамках гуманизма, то последующие попытки установления контакта могут быть чрезвычайно болезненны для него и окружающих. Поэтому гуманизм должен быть осторожным.

Как воспитывать гуманизм: совершать добрые дела, помогать другим – тогда ваша деятельность будет лучшим примером и ориентиром для других. Слова без дела не работают».

Выявленные смысловые характеристики гуманизма по материалам обобщения кейсов, полученных в российской и белорусской группах студентов, представлены в таблицах 3 и 4.

Таблица 3

Смысловые характеристики гуманизма в представлении российских студентов

Студенты	Смысловые характеристики
И., студент 2 курса, ИГСН, ВятГУ	Если человек не получал ранее поддержки, ему никогда не помогали, то новое хорошее отношение к нему может быть воспринято негативно. Человек будет думать: почему мне помогают? Вмешательство в жизнь человека будет похоже на разбивание окна: добротой можно пробиться к сердцу любого человека, но опыт может быть и травмирующим. Если изначально не воспитывать в человеке гуманизма, то последующие попытки установления контакта могут быть чрезвычайно болезненны для него и окружающих. Поэтому гуманизм должен быть осторожным. Собственный пример и добрые дела могут стать ориентиром и примером для других.
У., студентка 2 курса, ИГСН, ВятГУ	Гуманное отношение к людям согревает, приносит радость и заставляет улыбаться. Но солнце может быть и ослепительным, поражая человека. Так бывает и при излишней гуманности к людям, которые не готовы принять чью-то помощь. Гуманизм нужен в обществе для оптимальной жизни человека, но для каждого существует свое "количество" проявления гуманизма для благоприятного существования. Для того, чтобы воспитывать гуманизм, нужны действия. Поступки, которые показывают доброжелательное отношение к другим людям и которые доказывают существование человеколюбия в нашем обществе.
Б., студентка 2 курса, ИГСН, ВятГУ	Считаю, что гуманизм – это поддержка, забота, принятие другого таким, какой он есть. Гуманизм основан на доверии, а довериться мы можем не каждому. Для того чтобы гуманизма стало больше в нашей жизни, необходимо начать со своей собственной семьи: уделить внимание своим родителям, погладить домашнего питомца, сделать свой дом тем местом, где можно получить понимание и заботу, чувствовать себя комфортно. Только человек, выросший в счастливой семье, может дарить счастье другим людям.

Таблица 4

Смысловые характеристики гуманизма в представлении белорусских студентов

Студенты	Смысловые характеристики
Д., студентка 4 курса	Гуманист – тот, кто признает ценность человека как личности, его право на свободу, счастье, развитие и проявление своих способностей. Тот, кто может помимо ценности своей собственной жизни осознать ценность жизни другого человека и своими действиями показать это, тот действительно может считаться гуманистом.
К., студентка 4 курса	Осознание такой ценности, к сожалению, происходит после того, как происходят такие события. [фотоголос – мемориальная доска на месте фашистских расстрелов мирных жителей в годы Великой Отечественной войны].
Д., студентка 4 курса	Гуманизм означает, что для всего в этом мире существует и должно быть дано свое место и право на процветание.
И., студентка 4 курса	Ценность, которая выражается в уважении не только к человеческой жизни, но и к животным.

Таким образом, студенты в обеих исследовательских группах демонстрируют схожее понимание ценности гуманизма.

Сложной для осмысления оказалась для студентов обоих университетов ценность «гражданственность». Продемонстрируем это с помощью полученных кейсов.

Студент И., ВятГУ, 2 к. (фотообъект представлен на рис. 4). «На фотографии экран телевизора с помехами, сверху надпись, свидетельствующая об отсутствии сигнала. Экран телевизора состоит из светодиодов или пикселей, так же как общество состоит из людей.

Если пиксели серые, то картинка не интересная. Хочется поскорее выключить телевизор. Но если появляются горящие пиксели, они освещают пространство вокруг себя, зажигают другие пиксели. Формируются целые группы красочных пикселей, проявляется картинка... Если таких групп немного – картинка неясная. Чем групп больше, тем интереснее, целостнее, гармоничнее, многообразнее становится телевизор – наше общество. Появляется сигнал – устанавливается связь. Гражданственность – это не формальная связь государства и гражданина.

Как воспитывать гражданственность? Нужно говорить о ней. На данный момент гражданственности уделяют мало внимания, мне кажется, не сформировалось четкое осознание, что такое гражданственность. Часто слышу, что говорят о гражданстве, о гражданском обществе, но явление «гражданственности» пока не находит отклика».

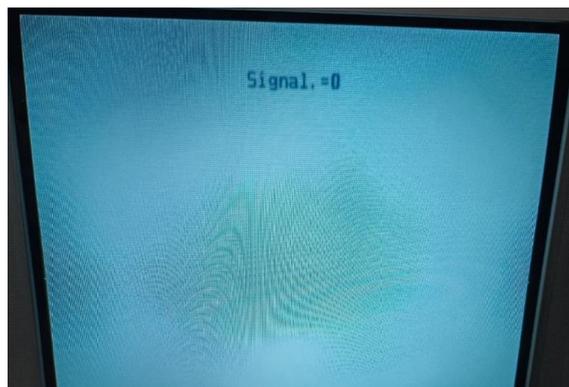

Рис. 4. Фотообъект студента 2 курса ВятГУ по выявлению смысловых характеристик ценности гражданственность

Смысловые характеристики ценности «гражданственность» по материалам обобщения полученных кейсов в российской и белорусской группах студентов представлены в таблицах 5 и 6 соответственно.

Таблица 5

Смысловые характеристики гражданственности в представлении российских студентов

Студенты	Смысловые характеристики
И., студент 2 курса, ИГСН, ВятГУ	Мне сложно дать определение слову «гражданственность». У меня нет никаких ассоциаций с этим словом, я практически не слышал и не слышу его в разговорах, в СМИ. Оно не находит у меня эмоционального отклика. Пока что гражданственность для меня – неясный термин, окруженный помехами. Наверно, это НЕ формальная связь личность – государство, которая заключена в наличии/отсутствии паспорта.
У., студентка 2 курса, ИГСН, ВятГУ	Для меня определить, что такое гражданственность, было очень трудно. Я сравнила граждан с чайниками: их много, они разные по цвету и форме. Чайники формируют сорт чая. Он может быть зеленым, черным, красным У каждого чая есть свой вкус и запах. Пожалуй, гражданственность – это люди с разными интересами, которые в процессе коммуникаций должны научиться учитывать интересы друг друга, объединять усилия для достижения целей. Тогда запах, цвет и вкус чая (или дела и достижения людей) будет полезным для здоровья общества.
Б., студентка 2 курса, ИГСН, ВятГУ	Гражданственность – это умение людей объединяться в сообщества для решения общих проблем, реализуя таким образом свои права и выполняя обязанности гражданина. Таким общим делом может стать защита природы. Это обязан делать каждый гражданин нашей страны. Проблема мусора в России стоит очень остро. От инициативы граждан и деятельного участия в сохранении экосреды зависит будущее нашей страны, нас самих и наших детей. Гражданственность проявляется в заботе о сегодняшнем и завтрашнем дне нашей Родины.

Таблица 6

Смысловые характеристики гражданственности в представлении белорусских студентов

Студенты	Смысловые характеристики
Д., студентка 4 курса	Проявление безразличия в проблемах и бедах знакомых и незнакомых людей, возможность оказать помощь в той форме, в которой возможно.
Д., студентка 4 курса	Гражданственность – качество личности, позволяющее человеку осознавать себя гражданином того или иного государства, чувствовать свою принадлежность к Родине, к той стране, в которой он живет и трудится. Каждое большое дело начинается с мелочей. И именно такая бытовая мелочь, как сортировка мусора, позволяет каждому ежедневно проявлять гражданственность. Это работа для будущих поколений (мы же это делаем не совсем для себя сейчас, но для будущих поколений). Моя жизнь сейчас не изменится от того, что я выброшу стекло в «Стекло». А через 10 лет... К сожалению, люди не по правилам сортируют мусор. Но это помогает на станциях приемки его разобрать на переработку.
А., студентка, 4 курса	Сплоченность. Каждый является частью чего-то большего.
И., студент 4 курса	Отнесение себя к какому-то государству.

Грань между понятиями «патриотизм» и «гражданственность» оказалась тонкой и сложной для понимания.

Обсуждение. Метод фотоголос в сочетании с подходом sensemaking позволяет вовлечь студентов в диалог о традиционных ценностях, сверять свои смыслы с другими, искать слова и определения, которые помогут наиболее полно и точно высказать свое мнение, отношение к ценностям. Это открывает новые возможности для применения данного метода в исследовательской, учебной и воспитательной работе с молодежью. Он развивает ассоциативное мышление: ассоциация – образ, возникший в сознании, направляет активность студента на поиск объекта для фотографирования. Фотообраз позволяет выстроить логическую цепочку рассуждения студента: что это? как это связано с исследуемым понятием? что их объединяет? История студента становится отправной точкой диалога в ответе на педагогический вопрос: «Каким образом можно это воспитать, формировать в представлении молодежи?» Задаваемые другими участниками диалога уточняющие вопросы расширяют, обогащают представление каждого о сущностных, смысловых характеристиках понятия. Несмотря на разные фотообъекты, некоторые смысловые характеристики, полученные в исследовании, тесно перекликаются – не только у студентов каждой из групп, но и в обеих группах. Например, очень схожие смысловые характеристики были получены при обсуждении понятия «патриотизм».

Работа в группе помогает получить опыт размышления, поиска личного смысла в понятийном анализе традиционных ценностей. В процессе обсуждения стало понятно, что одни ценности (гуманизм, патриотизм) активно артикулируются, другие (гражданственность) – практически нет, либо же упоминаются только в сочетании с другими ценностями. Для того чтобы ценности становились осознанным фундаментом социальных действий, необходимо раскрывать личностные смыслы их содержания в процессе активной рефлексии.

Следует остановиться на некоторых психолого-технологических и этических аспектах применения метода. Педагог/фасилитатор/исследователь должен создавать доброжелательную атмосферу, способствующую раскрытию индивидуальных смыслов, занимать позицию равного в процессе диалога. Необходимо обратить внимание на сохранение равенства статусов участников, следить за тем, чтобы участники обменивались идеями, но не осуждали мнения других людей. Мнение каждого должно быть услышанным, а кейсы, мнения и выводы участников приниматься как равноценные. Уместно подписание соответствующих разрешений на использование полученных материалов (в том числе фотографий). Целесообразно совместно с участниками определять правила обсуждения. Количество тем в рамках одной сессии обсуждения ограничено, что необходимо учесть при планировании работы.

Технологические вариации применения фотоголоса в педагогическом процессе разнообразны: от использования фотообъектов как «данных» для последующего анализа до фотографий как иллюстраций выявленного смысла. Может быть организовано голосование с целью выбора фотографии, наиболее полно представляющей смысл рассматриваемого явления по мнению группы, и последующее коллективное обсуждение и обобщение смысловых характеристик на основе выбора общего объекта для анализа. По результатам работы возможна организация фотовыставки с привлечением к обсуждению смысловых характеристик ценностей студентов и преподавателей вуза.

В ходе исследования студенты-участники смогли обогатить свой опыт социального взаимодействия в атмосфере доверия, ощутить значимость каждого мнения, выступили соисследователями. Для многих (по результатам состоявшейся рефлексии) подобная работа была первым опытом участия и впервые позволила глубоко погрузиться в осознание смыслов рассмотренных ценностей. Такая деятельность выступает интегрирующим фактором, позволяя осознанно интериоризовать содержание ценностей, развить навыки социального взаимодействия.

Заключение. Полученные результаты теоретического и эмпирического исследования позволяют заключить, что использование метода photovoice в сочетании со смысловотворчеством может быть рекомендовано для применения в педагогическом процессе, поскольку позволяет разнообразить применяемый воспитательный инструментарий, способствует актуализации и формированию личностных смыслов традиционных ценностей, развивает познавательную и исследовательскую активность студентов. Применение исследовательского метода photovoice в сочетании со смысловотворчеством в качестве педагогического инструментария является инновационной педагогической практикой.

Список литературы

1. Будинайте Г. Л., Корнилова Т. В. Личностные ценности и личностные предпочтения субъекта // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 99–105.
2. Вебер М. Основные социологические понятия // Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 602–643.
3. Волкодав Т. В., Волкодав Е. В. Метод онлайн-фотоголоса в кросс-культурном проекте: инновационный подход к обучению английскому языку студентов психолого-педагогического факультета // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2023. № 10. С. 166–184. DOI: 10.24412/2304-120X-2023-11102.
4. Гофман А. Б. Традиция // Словари и энциклопедии. URL: http://enc-dic.com/enc_sovet/Tradicija-89817/ (дата обращения: 25.02.2024).
5. Данилов А. Н., Ротман Д. Г. Молодежь современной Беларуси: базовые ценности, жизненные планы и поведенческие стратегии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 3. С. 469–481.
6. Дежнев В. Н., Новикова О. В. Традиционные ценности: к определению понятия // Вестник Шадринского государственного педагогического института. 2015. № 4. С. 71–74. URL: https://shgpi.edu.ru/files/nauka/vestnik/2015/4_28/20.pdf (дата обращения: 10.11.2023).
7. Иванова Г. П., Логвинова О. К. Культуросообразное воспитание в современном вузе: к постановке проблемы // Акмеология. 2017. № 4 (64). С. 72–75.
8. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.). Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2022. 80 с.
9. Лапин Н. И. Социокультурный подход и социально-функциональные структуры // СОЦИС. 2000. С. 3–11.
10. Лашук И. В. Трансформация ценностей белорусского общества // Вестник Белорусского государственного экономического университета. 2022. № 1 (150). С. 103–112.
11. Леонтьев Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 15–26.
12. О Программе патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 годы: Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 29 декабря 2021 г. № 773 // Национальный центр законодательства и правовой информации Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22100773&p1=1> (дата обращения: 10.11.2023).
13. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 15.11.2023).
14. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения: 15.11.2023).
15. Парсонс Т. Общий обзор // Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы / пер.: Воронин В. В., Зиньковский Е. В.; ред.: Осипов Г. В. М. : Прогресс, 1972. 392 с.
16. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р // Российская газета. 2015. 08 июня. URL: <https://rg.ru/documents/2015/06/08/vospitanie-dok.html> (дата обращения: 06.02.2024).
17. Традиционные ценности, современные цели // ВЦИОМ, Москва, 30 ноября 2023 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-sovremennye-celi> (дата обращения: 06.02.2024).
18. Шнайдер М. И. Актуальные направления исследования ценностей // Гуманизация образования. 2020. № 2. С. 83–92.
19. Щенникова К. Ю. Традиционные ценности как фактор сохранения и единения современной России // Власть. 2017. Том 25. № 1. С. 159–164. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/vlast/article/view/4897> (дата обращения: 25.02.2024).
20. Янчук В. А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: Интегративно-эклетикий подход. Минск : Бестпринт, 2000. 416 с.
21. A handbook for teaching and learning in higher education: enhancing academic practice / ed. by Heather Fry, Steve Ketteridge, Stephanie Marshall. 3rd ed. New York : Routledge, 2009. 525 p.
22. Ignelzi M. Meaning-Making in the Learning and Teaching Process // New Directions for Teaching and Learning. Summer 2000. Vol. 2000. Is. 82. Pp. 5–14. DOI: 10.1002/tl.8201.
23. Klein Gary & Moon, Brian & Hoffman Robert. Making Sense of Sensemaking 1: Alternative Perspectives. Intelligent Systems, IEEE. 21. URL: https://www.researchgate.net/publication/3454348_Making_Sense_of_Sensemaking_1_Alternative_Perspectives 6 (дата обращения: 15.02.2024).
24. Wang C., Burris M. A. Photovoice: concept, methodology, and use for participatory needs assessment // Health Education and Behavior. 1997. 24. Pp. 369–387. DOI: 10.1177/109019819702400309.

25. What is Sense-making? // Sensemaking 101. Sense-making news, education, resources, and collective sensemaking dialogue. URL: <https://sensemaking101.com/knowledge-base/sense-making-101/sense-making-basics/> (дата обращения: 15.02.2024).

26. *Wihofszky P. et al.* Photovoice als partizipative Methode: Wirkungen auf individueller, gemeinschaftlicher und gesellschaftlicher Ebene / S. Hartung, P. Wihofszky, M. Wright (eds) // Partizipative Forschung. Springer VS, Wiesbaden, 2020. DOI: 10.1007/978-3-658-30361-7_4.

27. World Values Survey. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (дата обращения: 15.02.2024).

28. *Zelik Daniel J., Emily S. Patterson, David D. Woods.* Measuring Attributes of Rigor in Information Analysis / E. Patterson, J. Miller, D. Woods. Macrocognition Metrics and Scenarios: Design and Evaluation for Real World Teams. Aldershot, UK : Ashgate, 2010. Pp. 65-83. URL: https://www.researchgate.net/publication/265022647_Measuring_Attributes_of_Rigor_in_Information_Analysis (дата обращения: 11.02.2024).

The possibilities of the methods of photovoice and sensemaking in the formation of traditional values of students (using the example of the values of patriotism, humanism and citizenship)

Borodataya Marina Nikolaevna¹, Erofeeva Oksana Nikolaevna²

¹PhD in Pedagogical Sciences, associate professor of the Department of Social Work and Youth Policy, Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0003-3643-5690. E-mail: usr11428@vyatsu.ru

²PhD in Economic Sciences, associate professor of the Department of International Management, Belarusian State University. The Republic of Belarus, Minsk. ORCID: 0009-0004-4333-8017. E-mail: erofeevaon@bsu.by

Abstract. In the context of modern ideological and informational challenges, it is important to find attractive forms and methods of actualization and education of traditional values among young people.

The purpose of the study is to explore the possibilities of using the photovoice method in combination with sensemaking, Meaning-Making approaches for organizing effective educational work, describe the algorithm for applying the method and perform a study using the photovoice method to identify the semantic characteristics of traditional values (patriotism, humanism and citizenship) in the representations of students to assess the practical possibilities of applying the theoretical results of the study in educational work.

The main research methods were the analysis of scientific papers on the problem under study, comparative pedagogical analysis of experience, and photographic voice.

The article presents an algorithm for applying the photovoice method in interaction with the sensemaking approach in the study, identification and formation of semantic characteristics of traditional values. Using the example of the results of a study involving students of Russian (Vyatka State University) and Belarusian (Belarusian State University) universities, the results of actualization the semantic characteristics of values such as humanism, patriotism and citizenship in students' representations are presented.

The novelty of the research is determined by the disclosure of the possibilities of using the photovoice method in research, educational and upbringing work with young people. The use of the photovoice method in combination with the approaches of meaning-making significantly diversifies the educational tools of the educational process, ensuring the achievement of goals in the most effective way from the point of view of resource expenditure, motivation of participants, sustainability of educational achievements.

The results obtained may be of interest to researchers, educators, and youth specialists and can be used in the development of educational work programs with students and youth, designing the upbringing component of training sessions in various disciplines.

Keywords: values, traditional values, photovoice method, sensemaking, semantic characteristics of traditional values, humanism, patriotism, citizenship.

References

1. *Budinaite G. L., Kornilova T. V.* Lichnostnye cennosti i lichnostnye predpochteniya sub'ekta [Personal values and personal preferences of the subject] // *Voprosy psikhologii* – Questions of psychology. 1993. No. 5. Pp. 99-105.

2. *Weber M.* Osnovnye sociologicheskie ponyatiya [Basic sociological concepts] // *Izbrannye proizvedeniya* – Selected works. M. Progress, 1990. Pp. 602-643.

3. *Volkodav T. V., Volkodav E. V.* Metod onlajn-fotogolosa v kross-kul'turnom proekte: innovacionnyj podhod k obucheniyu anglijskomu yazyku studentov psihologo-pedagogicheskogo fakul'teta [The method of online photovoice in a cross-cultural project: an innovative approach to teaching English to students of the Faculty of Psychology and Pedagogy] // *Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal "Koncept"* – Scientific and methodological electronic journal "Concept". 2023. No. 10. Pp. 166-184. DOI: 10.24412/2304-120X-2023-11102.

4. Hoffman A. B. *Tradiciya* [Tradition] // *Slovari i enciklopedii* – Dictionaries and encyclopedias. Available at: http://enc-dic.com/enc_sovet/Tradiciya-89817/ (date accessed: 25.02.2024).
5. Danilov A. N., Rotman D. G. *Molodezh' sovremennoj Belarusi: bazovye cennosti, zhiznennye plany i povedencheskie strategii* [Youth of modern Belarus: basic values, life plans and behavioral strategies] // Herald of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. 2021. Vol. 21. No. 3. Pp. 469–481.
6. Dezhnev V. N., Novikova O. V. *Tradicionnye cennosti: k opredeleniyu ponyatiya* [Traditional values: towards the definition of the concept] // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sociologiya* – Herald of the Shadrinsky State Pedagogical Institute. 2015. No. 4. Pp. 71–74. Available at: https://shgpi.edu.ru/files/nauka/vestnik/2015/4_28/20.pdf (date accessed: 10.11.2023).
7. Ivanova G. P., Logvinova O. K. *Kul'turosoobraznoe vospitanie v sovremennom vuze: k postanovke problemy* [Cultural education in a modern university: towards the formulation of the problem] // *Akmeologiya* – Acmeology. 2017. No. 4 (64). Pp. 72–75.
8. The Constitution of the Republic of Belarus of 1994 (with amendments and additions adopted at the republican referendums on November 24, 1996, October 17, 2004 and February 27, 2022). Minsk. National Center for Legal Information of the Republic of Belarus, 2022. 80 p. (in Russ.).
9. Lapin N. I. *Sociokul'turnyj podhod i social'no-funkcional'nye struktury* [Sociocultural approach and socio-functional structures] // *SOCIS* – SOCIS. 2000. Pp. 3–11.
10. Lashuk I. V. *Transformaciya cennostej belorusskogo obshchestva* [Transformation of values of the Belarusian society] // *Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* – Herald of the Belarusian State University of Economics. 2022. No. 1 (150). Pp. 103–112.
11. Leont'ev D. A. *Cennost' kak mezhdisciplinarnoe ponyatie: opyt mnogomernoj rekonstrukcii* [Value as an interdisciplinary concept: the experience of multidimensional reconstruction] // *Voprosy filosofii* – Questions of philosophy. 1996. No. 4. Pp. 15–26.
12. On the Program of patriotic education of the population of the Republic of Belarus for 2022–2025: Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus No. 773 dated December 29, 2021 // National Center for Legislation and Legal Information of the Republic of Belarus. Available at: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22100773&p1=1> (date accessed: 10.11.2023). (in Russ.).
13. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated July 2, 2021. Access from the help.- the legal system "ConsultantPlus". Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (date accessed: 15.11.2023). (in Russ.).
14. On the approval of the Foundations of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values: Decree of the President of the Russian Federation No. 809 dated November 9, 2022. Access from the help.- the legal system "ConsultantPlus". Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (date accessed: 15.11.2023). (in Russ.).
15. Parsons T. *Obshchij obzor* [General overview] // *Amerikanskaya sociologiya. Perspektivy. Problemy. Metody* – American Sociology. The prospects. Problems. Methods / transl. Voronin V. V., Zinkovsky E. V.; ed.: Osipov G. V. M. Progress, 1972. 392 p.
16. Strategy for the development of education in the Russian Federation for the period up to 2025. Decree of the Government of the Russian Federation dated 05/29/2015 No. 996-r // *Rossiyskaya Gazeta* – Russian Newspaper. 2015. June 08. Available at: <https://rg.ru/documents/2015/06/08/vospitanie-dok.html> (date accessed: 16.02.2024). (in Russ.).
17. *Tradicionnye cennosti, sovremennye celi* – Traditional values, modern goals // VTSIOM, Moscow, November 30, 2023 Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-sovremennye-celi> (date accessed: 06.02.2024).
18. Schneider M. I. *Aktual'nye napravleniya issledovaniya cennostej* [Actual directions of values research] // *Gumanizaciya obrazovaniya* – Humanization of education. 2020. No. 2. Pp. 83–92.
19. Shchennikova K. Yu. *Tradicionnye cennosti kak faktor sohraneniya i edineniya sovremennoj Rossii* [Traditional values as a factor of preservation and unity of modern Russia] // *Vlast'* – Power. 2017. Volume 25. No. 1. Pp. 159–164. Available at: <https://www.jour.fniisc.ru/index.php/vlast/article/view/4897> (date accessed: 25.02.2024).
20. Yanchuk V. A. *Metodologiya, teoriya i metod v sovremennoj social'noj psihologii i personologii: Integrativno-eklekticheskij podhod* [Methodology, theory and method in modern social psychology and personology: An integrative and eclectic approach]. Minsk. Bestprint, 2000. 416 p.
21. A handbook for teaching and learning in higher education: enhancing academic practice / ed. by Heather Fry, Steve Ketteridge, Stephanie Marshall. 3rd ed. New York : Routledge, 2009. 525 p.
22. Ignelzi M. *Meaning-Making in the Learning and Teaching Process* // *New Directions for Teaching and Learning*. Summer 2000. Vol. 2000. Is. 82. Pp. 5–14. DOI: 10.1002/tl.8201.
23. Klein Gary & Moon, Brian & Hoffman Robert. *Making Sense of Sensemaking 1: Alternative Perspectives*. Intelligent Systems, IEEE. 21. Available at: https://www.researchgate.net/publication/3454348_Making_Sense_of_Sensemaking_1_Alternative_Perspectives 6 (date accessed: 15.02.2024).
24. Wang C., Burris M. A. Photovoice: concept, methodology, and use for participatory needs assessment // *Health Education and Behavior*. 1997. 24. Pp. 369–387. DOI: 10.1177/109019819702400309.
25. What is Sense-making? // *Sensemaking 101*. Sense-making news, education, resources, and collective sensemaking dialogue. Available at: <https://sensemaking101.com/knowledge-base/sense-making-101/sense-making-basics/> (date accessed: 15.02.2024).

26. *Wihofszky P. et al.* Photovoice als partizipative Methode: Wirkungen auf individueller, gemeinschaftlicher und gesellschaftlicher Ebene / S. Hartung, P. Wihofszky, M. Wright (eds) // *Partizipative Forschung*. Springer VS, Wiesbaden, 2020. DOI: 10.1007/978-3-658-30361-7_4.

27. World Values Survey. Available at: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (date accessed: 15.02.2024).

28. *Zelik Daniel J., Emily S. Patterson, David D. Woods.* Measuring Attributes of Rigor in Information Analysis / E. Patterson, J. Miller, D. Woods. *Macrocognition Metrics and Scenarios: Design and Evaluation for Real World Teams*. Aldershot, UK : Ashgate, 2010. Pp. 65-83. Available at: https://www.researchgate.net/publication/265022647_Measuring_Attributes_of_Rigor_in_Information_Analysis (date accessed: 11.02.2024).

Поступила в редакцию: 19.07.2024

Принята к публикации: 07.10.2024

Лингвокультурологический анализ слова как части речи в обучении морфологии на уроках русского языка*

Левушкина Ольга Николаевна¹, Калачева Ирина Евгеньевна²

¹доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры методики преподавания русского языка Института филологии, Московский педагогический государственный университет.

Россия, г. Москва. ORCID: 0000-0002-8830-0969. E-mail: on.levushkina@mpgu.su

²аспирант кафедры методики преподавания русского языка Института филологии, Московский педагогический государственный университет.

Россия, г. Москва. E-mail: irina.kalacheva92@mail.ru

Аннотация. *Актуальность.* Ориентация процесса обучения русскому языку на постижение обучающимися духовно-нравственных ценностей, учет сопряжения языка и культуры как ключевой тенденции российской методической науки актуализирует использование в образовательном процессе культуроориентированных методик.

В современной методической науке разработаны такие методические направления, связанные с реализацией лингвокультурологического анализа текста в школьном обучении русскому языку, как методическая лингвоконцептология и методическая лингвокультурология текста. Однако остается неясным вопрос об особенностях применения лингвокультурологического анализа на уроках, посвященных изучению курса морфологии.

Цель статьи – описание результатов теоретического исследования, посвященного осмыслению возможностей и особенностей применения лингвокультурологического анализа в процессе обучения морфологии на уроках русского языка, представление методики лингвокультурологического анализа слова как части речи в процессе изучения школьниками морфологии русского языка.

В процессе исследования использовались такие теоретические *методы*, как анализ лингвистических и методических концепций; обобщение полученных результатов; описание и обоснование метода лингвокультурологического анализа слова как части речи в качестве обучающего аналитического метода современной лингвометодики.

Результаты. Использование лингвокультурологического анализа на уроке изучения морфологии предполагает опору на лингвистический анализ морфологических особенностей текста, в котором данное слово употреблено, а также проведение лингвокультурологического анализа слова как концепта и текста как целостной единицы языка, речи и культуры. В статье дано определение и алгоритм лингвокультурологического анализа слова как части речи. Обучающие возможности, культуроориентированный и текстоориентированный характер данного вида анализа проиллюстрированы примером изучения полных и кратких форм имен прилагательных на уроке обобщения и повторения в 5 классе. Доказывается, что данный вид анализа является необходимым видом деятельности на уроке русского языка в современной антропоцентрической личностно- и культуроориентированной образовательной парадигме.

Ключевые слова: обучение русскому языку, изучение морфологии, аксиологический подход, лингвокультурологический подход, лингвокультурологический анализ, лингвокультурологический анализ слова как части речи.

Введение. В современном ценностно ориентированном процессе обучения русскому языку актуальным является изучение и осмысление языка в его непосредственном сопряжении с культурой. Данная тенденция является ключевой для методики обучения русскому языку. Так, Ф. И. Буслаев отмечал: «Язык, многие века применяясь к самым разнообразным потребностям, доходит к нам сокровищницею всей прошедшей жизни нашей» [2, с. 270–271].

Современный ведущий ученый-методист А. Д. Дейкина подчеркивает: «Связь языка и истории, языка и культуры – внутренний стержень преподавания родного русского языка. Лингвоисторическая и лингвокультурологическая составляющие учебного предмета русский язык позволяют расширить интеллектуальные ресурсы личности средствами предмета» [6, с. 5].

© Левушкина Ольга Николаевна, Калачева Ирина Евгеньевна, 2024

* Статья подготовлена на основе доклада, представленного на научно-практической конференции с международным участием «Современное языковое образование и межкультурная коммуникация: вектор в будущее» в рамках педагогического Форума «Образовательная среда современного университета: вызовы XXI века» (21–22 февраля 2024 г., ДГТУ, г. Ростов-на-Дону).

Если главной целью филологического образования является формирование личности обучающегося, то процесс обучения русскому языку должен быть ориентирован на постижение духовно-нравственных ценностей.

Достичь данную цель и реализовать ценностную ориентацию процесса обучения русскому языку позволяет активно развивающаяся отрасль лингвистики – лингвокультурология, изучающая «определенным образом отобранную и организованную совокупность духовных ценностей и опыта языковой личности данной национально-культурной общности...» [3, с. 182] и направленная на изучение «человека как языковой личности, языка как воплощения культурных ценностей, культуры как наивысшего уровня языка и др.» [4, с. 182].

В. А. Маслова среди многочисленных направлений лингвокультурологии (таких ее разновидностей, как диахроническая, сравнительная, лексикографическая, региональная лингвокультурология и др.) называет «лингвокультурологические методики преподавания русского языка» [19, с. 11].

По мнению В. А. Масловой, лингвокультурология как наука имеет во многом аналитический характер, который проявляется в том, что она занимается не просто установлением «национально-культурной специфики языковых единиц и текста, а выявлением механизмов внедрения в языковой знак культурной информации, а также механизмов ее извлечения отсюда носителем языка» [19, с. 5]. Естественно, что ключевым методом исследования в лингвокультурологии является лингвокультурологический анализ, позволяющий осмысливать культурный фон, стоящий за единицами языка, «соотнести поверхностные структуры языка с их глубинной сущностью» [19, с. 9]. По мнению ученых, лингвокультурологическому анализу могут быть подвергнуты «единицы языка, которые приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре и которые обобщают результаты собственно человеческого сознания – архетипического и прототипического, зафиксированные в мифах, легендах ритуалах, обрядах, фольклорных и религиозных дискурсах, поэтических и прозаических художественных текстах, фразеологизмах и метафорах, символах и паремиях и т. д.» [19, с. 13].

Ориентация на лингвокультурологический анализ наиболее «культуроемких единиц языка» – слова и текста [17, с. 11] – дала возможность разработки и реализации в современной методической науке двух базовых методических направлений, которые построены на использовании лингвокультурологического анализа как обучающего инструмента: лингвоконцептология и лингвокультурологию текста [17, с. 11].

Первое методическое направление, методическая лингвоконцептология (термин введен и обоснован Н. Л. Мишатиной), основано на реализации в процессе обучения русскому языку работы с концептами. Слово как концепт является объектом прежде всего когнитивных исследований (С. А. Аскольдов, С. Г. Воркачев, В. В. Колесов, Д. С. Лихачев, Ю. С. Степанов и др.). В методике обучения русскому языку разработаны методики работы со словом как концептом (Т. К. Донская, Л. И. Новикова, Т. Ф. Новикова, Н. Л. Мишатиная и др.), создана концепция методической лингвоконцептологии (Н. Л. Мишатиная [21; 22 и др.]).

Методическая лингвоконцептология определяется как «теория и практика обучения оптимальным средствам введения в культуру (систему концептов) сквозь призму языка современного ученика – как формирующуюся языковую личность, субъекта индивидуальной картины мира» [21, с. 155]. Данное научное направление оснащено несколькими эффективными методическими приемами, используемыми в обучении русскому языку: составление лингвокультурологического портрета слова; работа над лингвокультурологическими задачами; создание собственного текста в виде концептоцентрического эссе. В нашей методической концепции было использовано прежде всего составление лингвокультурологического портрета слова, поэтому рассмотрим данный прием подробнее.

М. Т. Баранов, один из ведущих методистов XX в., основоположник методики обучения лексикологии в школе, описывает «составление парадигмы (семантического поля) слова» [20, с. 254] в качестве эффективного обучающего приема. В культурологическом лингвометодическом исследовании Л. И. Новикова (г. Москва) предлагает в качестве одного из обучающих приемов комплексную работу со словом, раскодирующую культурные его смыслы [23]. Т. Ф. Новиковой (г. Белгород) разработана система «Уроков одного слова», в которых реализован многоаспектный анализ слова и постижение его смысловых пластов [24]. Н. Л. Мишатиной данный прием назван «составлением лингвокультурологического портрета слова», что подразумевает «моделирование личностного концепта как варианта индивидуального зна-

ния – системы личностных смыслов, координирующих с системными значениями слова – имени концепта» [21, с. 157].

Второе научное направление, методическая лингвокультурология текста (термин введен и обоснован О. Н. Левушкиной), ориентировано на лингвокультурологический анализ текста, который В. А. Маслова в качестве исследовательского инструмента науки лингвокультурологии определяет как «поиски и объяснение того, как культура внедряется в текст и меняет его смыслы» [19, с. 9].

Лингвист, лингвокультуролог, лингвометодолог В. М. Шаклеин, опираясь на мысль о том, что основным материалом лингвокультурологического анализа в конечном итоге является текст, констатирует появление нового вида лингвокультурологии – «лингвокультурологии текста» [30, с. 78]. Взяв за основу точку зрения В. М. Шаклеина и лингвометодические исследования в лингвокультурологическом направлении А. Д. Дейкиной, Е. В. Любичевой, О. Н. Левушкиной, И. И. Шеляпиной, И. Е. Калачевой и др., О. Н. Левушкиной обосновано инновационное для методики обучения русскому языку понятие «методическая лингвокультурология текста» [17].

Современной инновационной методикой работы с текстом на уроках русского языка, позволяющей школьникам осмыслить текст, прежде всего художественный, как целостную единицу языка, речи и культуры, является методика лингвокультурологической характеристики текста, разработанная О. Н. Левушкиной. По мнению ученого, лингвокультурологическая характеристика текста занимает особое место среди различных форм работы с текстом. Это методика, позволяющая обучить школьников комплексной аналитической текстовой деятельности и осмыслению выявленных в ходе анализа культурных смыслов текста, интерпретации текста и рефлексии изменений в собственном мировоззрении, в оценках, в отношении к обсуждаемым проблемам, и процесс учебной деятельности (процесс анализа художественного текста), и жанр школьного сочинения [12].

Оба методические лингвокультурологические направления реализуются в учебном пространстве школьного курса по русскому языку. Методическая лингвоконцептология может быть реализована при изучении разделов «Лексика» и «Фразеология», а также на уроках развития речи школьников, которые названы Н. Л. Мишатиной уроками-концептами. Методическая лингвокультурология текста реализуется, по мысли О. Н. Левушкиной, по окончании изучения каждого раздела школьного курса и позволяет, погрузившись в пространство текста, посредством его многоаспектного анализа осмысливать текст как целостную единицу языка, речи и культуры, выявлять его культурные смыслы, выраженные посредством изученных языковых единиц и категорий. В процессе проведения подобных уроков, которые построены как лабораторные работы с текстом и являются системным разделом учебника русского языка под редакцией А. Д. Дейкиной [8], реализуются аксиологический, лингвокультурологический и функционально-семантический подходы.

Однако при изучении такого глобального раздела, как «Морфология», которое в школе длится почти три учебных года, возникают вопросы о специфике использования лингвокультурологического анализа.

Процесс обучения морфологии в контексте современных образовательных тенденций должен включать не только освоение школьниками знаний о слове как части речи в плане осмысления его лексико-грамматических категорий, особенностей его грамматических форм и грамматических значений, но и понимание того, какие культурные смыслы формируются в текстах благодаря использованию слов данной части речи с ее конкретными грамматическими категориями и системой словоформ.

Цель данного исследования – осмысление возможностей и особенностей применения лингвокультурологического анализа в обучении русскому языку; выявление необходимости и особенностей реализации лингвокультурологического анализа слова как части речи в процессе обучения морфологии.

Методы. Реализация поставленной цели потребовала применения прежде всего таких теоретических методов исследования, как анализ лингвистических и методических концепций и обобщение полученных результатов; продуцирование инновационной концепции и обоснование лингвокультурологического анализа слова как части речи в качестве инновационного метода в процессе изучения морфологии на уроках русского языка.

Разрабатываемая лингвометодическая концепция ориентирована на обучение русскому языку в русле инновационных подходов, таких, как аксиологический и лингвокультурологический.

Аксиологизация процесса обучения – современный тренд российского образования, ориентированного на объединение процесса обучения и воспитания. Основатель научной школы аксиологической лингвометодики А. Д. Дейкина приоритетом обучения русскому языку, ориентированного на развитие языковой личности обучающегося, считает формирование ценностного отношения к языку как национально-культурному феномену [5], в связи с чем должны быть актуализированы «содержательные аспекты, которые идут от истории и культуры страны изучаемого языка и обогащают духовно-нравственный мир личности. В наши дни они должны быть заново осмыслены и творчески осуществлены, ведь качество языкового образования тем выше, чем богаче культурная среда обучения» [7, с. 9].

Поэтому в современной методике обучения русскому языку особую актуальность приобретает лингвокультурологический подход, ориентированный на формирование языковой личности обучающегося в контексте культуры (Т. К. Донская, А. Д. Дейкина [6–9], Н. Л. Мишатина [21; 22 и др.], О. Н. Левушкина [8–9; 12–17 и др.]), обуславливающий изучение языка как феномена культуры.

Лингвокультурологический подход позволяет реализовать процесс обучения русскому языку с ориентацией на формирование языковой личности, «определить и использовать интегративные возможности русского языка и как учебного предмета, и как личностно формирующего мировоззренческого компонента учебного процесса» [9, с. 26].

Базовым методом исследования в лингвокультурологии является лингвокультурологический анализ. В методике обучения русскому языку данный метод стал основой для разработки инновационных методов обучения в русле лингвокультурологического подхода: лингвоконцептологического анализа (Н. Л. Мишатина) и лингвокультурологической характеристики текста (О. Н. Левушкина). В данном исследовании лингвокультурологический анализ рассматривается в контексте инструментальной базы обучения морфологии на уроках русского языка.

Результаты. Нами выявлено, что опора на лингвокультурологический анализ при изучении морфологии на уроках русского языка предполагает разработку методики его применения в школьной практике и прежде всего в процессе изучения грамматических особенностей слова. Также необходимо опираться на интеграцию уже имеющихся методик лингвоконцептологии и лингвокультурологии текста. С одной стороны, невозможно рассматривать грамматическую форму слова в отрыве от его лексического значения, от его культурных смыслов. Лингвокультурологический анализ слова как концепта позволяет выявить его базовые смыслы. Лингвокультурологический анализ слова как части речи способствует обнаружению смысловых акцентов, расставленных с помощью грамматических категорий и форм, выраженных с их помощью дополнительных смысловых наращений. С другой стороны, созданные в российской науке лингвометодические концепции «изучения морфологии на синтаксической основе» А. В. Дудникова и Л. П. Озерской, когнитивной ориентации процесса обучения русскому языку Л. А. Тростенцовой и др. определяют неразрывную связь лингвокультурологического анализа слова как части речи и лингвокультурологического анализа текста.

Обоснование данной позиции находим в современной когнитивной лингвистике, где принято выделять языковую и концептуальную картину мира. «Между концептуальной картиной мира как отражением реального мира и языковой картиной мира как фиксацией этого отражения существуют сложные отношения <...>. Возникает как бы «пространство значений» (в терминологии А. Н. Леонтьева). Так формируется мир говорящих на данном языке, т. е. языковая картина мира как совокупность знаний о мире, запечатленных в лексике, фразеологии, грамматике, паремиологии, тексте» [19, с. 39]. Единство, интеграция языковой и концептуальной картин мира выявляется в процессе анализа текста.

Таким образом, на уроках изучения морфологии лингвокультурологический анализ может быть применен к слову и как части речи, и как концепту; в то же время слово невозможно рассматривать вне контекста, следовательно, необходим лингвокультурологический анализ текста. Процесс лингвокультурологического анализа слова как части речи можно назвать и логоцентричным, и текстоцентричным одновременно, поэтому данный вид анализа слова позволит школьникам на уроках изучения морфологии понять, как грамматические категории и словоформы становятся языковым материалом для выражения авторской мысли, концентрации культурных смыслов, расстановки смысловых акцентов в тексте.

В настоящее время важно обращение к школьному курсу русского языка в лингвокультурологическом аспекте, в том числе к разделу "Морфология". Необходимо организовать про-

цесс обучения морфологии как системе в прочной связи с постижением школьниками культуры, формированием у них ценностных ориентаций. В связи с этим на первый план выходит ценность слова, имеющего определенную частеречную принадлежность, а значит, обладающего определенными категориями, имеющего определенную систему, парадигму словоформ, выражающего благодаря этому определенные смыслы в тексте. Важно научить школьников раскрывать культуруносный компонент текста посредством лингвокультурологического анализа его грамматических особенностей.

Если методика лингвокультурологического анализа слова и текста на уроках русского языка разработаны достаточно основательно, то понятие «лингвокультурологический анализ слова как части речи» вводится авторами данной статьи впервые. Ключевые понятия, которыми оперируют школьники при анализе слова как части речи, – *грамматическая категория* и *грамматическая форма*. Необходимо понимание того, каким образом применяется лингвокультурологический анализ к грамматическим категориям и грамматическим формам.

Как отмечает Л. В. Щерба, «грамматика в сущности сводится к описанию существующих в языке категорий» [32]. Понятие *грамматическая категория* не существует в отрыве от понятия *грамматическая форма*, поскольку определяется как «обобщенное значение, последовательно выражаемое в данном языке системой грамматических форм, структура которых зависит от морфологического типа языка» [33, с. 5], как «система противопоставленных друг другу рядов грамматических форм с однородными значениями» [18, с. 115].

Грамматическая форма определяется как «единство грамматического значения и способа его выражения» [27, с. 54], как «соотношение грамматического содержания с грамматическим выражением» [1, с. 62].

Понятия *грамматической категории* и *грамматической формы* сложны для школьников, поскольку они связаны с абстрагированием от лексического значения слова, с вниманием к отношениям данного слова с другими словами в словосочетании и предложении. Как осмысление грамматических категорий и грамматических форм позволит школьникам выявить культурные смыслы слов, имеющих обязательную частеречную принадлежность, в конкретном тексте? Несомненно, что школьники должны идентифицировать в тексте слово как часть речи, опираясь на осмысление грамматических категорий слова (например, у имен существительных – принадлежность к определенному роду, изменяемость по падежам и др.), на систему соответствующих грамматических форм, суммируя и обобщая собственные знания о данной части речи. В то же время отметим, что для адекватного понимания текста, выявления культурных смыслов важно научить школьников интерпретировать и грамматические особенности слова.

В уроках русского языка, предлагаемых О. Н. Левушкиной по окончании изучения морфологических разделов [13; 14; 15], для обучения лингвокультурологической характеристике текста реализуются такие виды деятельности, как

- классификация местоимений текста по разрядам;
- выявление в тексте имен прилагательных, употребленных в полной и краткой формах;
- выявление в тексте причастий действительных и страдательных, настоящего и прошедшего времени и др.

Классификация местоимений текста по разрядам способствовала определению смысловых наращений местоимений в миниатюре Ю. Коваля «Букет». Данное задание позволяет выявить особую роль вопросительных, отрицательных и неопределенных местоимений, которые дают возможность создать особую загадочность текста [13]. Выявление имен прилагательных, употребленных в стихотворении А. Фета «Чудная картина...» в полной или краткой формах, позволило более четко осмыслить предикативную функцию кратких форм имен прилагательных, дало возможность понять важнейшие смысловые авторские акценты в тексте, сделанные с помощью данных прилагательных [14]. Лингвистическое исследование отрывка из повести Н. В. Гоголя «Старосветские помещики», выявление причастий действительных и страдательных, настоящего и прошедшего времени показало, каким образом автор создает ощущение действия, происходящего здесь и сейчас [15].

Однако необходима более детальная проработка методического инструментария реализации лингвокультурологического анализа слова как части речи. Считаю необходимым обратиться к понятию *словоформа*, которое, с нашей точки зрения, позволяет осмыслить единство и взаимосвязь содержательной стороны слова и его формального грамматического воплощения. Так, А. И. Смирницкий, впервые предложивший данный термин, считает необхо-

димым соотнести понятия *слово* и *форма*. Словоформа находится на стыке данных понятий и является «с одной стороны, представителем данного конкретного слова, с другой стороны, – представителем определенной формы» [28, с. 18]. Э. Г. Азимов и А. Н. Щукин в «Современном словаре методических терминов и понятий» определяют словоформу как «форму, которую при склонении или спряжении получает конкретное слово, сохраняя свое лексическое значение, но приобретая новое грамматическое значение» [1, с. 315]. С. М. Колесникова отмечает важную особенность словоформ, которая заключается в их способности образовывать систему: «Система словоформ (форм слова) представляет собой собственно грамматическую (морфологическую) систему языка с ее универсальными (общими) и специфическими законами организации, функционирования и взаимодействия» [11, с. 11].

Понятие *словоформа* позволяет осознать ту «грамматическую идею», объединяющую все слова, принадлежащие к одной части речи, о которой писал М. В. Панов [26, с. 117]. Связь словоформ с сознанием отмечает Б. Ю. Норман в работе «Жизнь словоформы» (2016): «Парадигма, в которую входит словоформа, – не только научный конструкт, но и психологическая реальность в сознании носителя языка» [25, с. 23]. Ученый также дает определение понятию словоформа: «Словоформа – морфологическая единица. Но, по сути, она – слуга двух господ: лексемы, репрезентантом которой она является, и синтаксической функции, которой слово надделено в тексте» [25, с. 57]. Именно эта двойственность определяет особенности функционирования словоформы в тексте. На связь словоформы и сознания также указывает возможность словоформ аккумулировать информацию об окружающем мире путем участия в разнообразных высказываниях, что позволяет словоформе стать автономной и существовать самостоятельно [25, с. 148]. Ученый отмечает различные аспекты словоформы как языковой сущности, внутри которой «как в фокусе, сходятся интересы различных языковых уровней». Как отмечено выше, словоформа – это единица морфологии, но она также выполняет синтаксическую функцию и заключает в себе определенное лексическое значение, вместе с тем, выбор той или иной словоформы зависит от сознания носителя языка [25, с. 204].

Подчеркнем, что словоформы – явление системное не только в языке, но и в каждом конкретном тексте, являющимся, по Б. Ю. Норману, тем «речевым контекстом, в котором словоформа стремится “почувствовать” свою самостоятельность» [25, с. 103].

При изучении морфологии на основе лингвокультурологического анализа слова и текста средой для словоформы становится избранный для анализа текст, словоформы которого имеют особую специфику с точки зрения авторского замысла и потенциала для изучения частей речи на уроке русского языка.

В рамках конкретного текста словоформы также образуют некую систему, подчиненную замыслу автора. Ученые рассматривают словоформы как системное языковое явление, которое, реализуясь в речи, аккумулирует культурные особенности носителей языка. Следовательно, изучение словоформ позволяет увидеть и понять сращение лексического и грамматического значений, выявить смысловые наращения, культурные смыслы, вносимые в текст системой словоформ.

На уроке изучения морфологии на основе лингвокультурологического анализа эта работа включает в себя идентификацию словоформ, их классификацию, иными словами определение *системы словоформ конкретного текста* и интерпретацию полученных результатов, выявление *особенностей функционирования данной системы и ее связи с замыслом автора*.

Анализ словоформы с опорой на лингвокультурологический анализ включен в процесс лингвокультурологического анализа слова как части речи и предусматривает идентификацию и классификацию словоформ текста, выявление культурных смыслов, заложенных в систему словоформ текста, выявление связи между значением слова как части речи, выбранными автором словоформами и постижением авторского замысла, культурных смыслов, заложенных в текст.

Лингвокультурологический анализ слова как части речи мы определяем как культуроориентированный и текстоориентированный метод обучения морфологии на уроках русского языка, позволяющий осмыслить как общее грамматическое значение слова, употребленного в конкретном тексте, так и оттенки смыслов, вносимые в текст благодаря использованной части речи, ее грамматических категорий и грамматической формы.

Лингвокультурологический анализ слова как части речи в качестве одного из обучающих методов, базируется на методе, который А. В. Текучев называет анализом языка «выделение по определенным признакам явлений языка (грамматических форм, групп слов или ор-

фограмм) и характеристику их с определенной точки зрения (грамматической, стилистической)» [29, с. 73]. По А. В. Текучеву, метод анализа языка «находит выражение в 1) наблюдениях над языком, 2) в грамматическом разборе и в) в анализе художественных произведений со стороны словаря, стиля и изобразительных средств» [29, с. 73].

Следует рассмотреть, какие аспекты анализа языка аккумулировал лингвокультурологический анализ слова как части речи.

Прежде всего обратим внимание на то, что обязательным элементом лингвокультурологического анализа слова как части речи является наблюдение над языком, которое происходит на первом этапе знакомства с предъявленным на уроке языковым материалом, как и отмечал А. В. Текучев [29, с. 74]. Наблюдение над языком заключается в поиске в тексте изучаемых языковых явлений, обладающих определенными признаками и категориями, «в прослеживании того, как меняются формы слов... при изменении целей или содержания высказываний» [29, с. 75].

Грамматический разбор в контексте лингвокультурологического анализа слова как части речи не используется в полном объеме, поскольку грамматический разбор – это «вид занятий, преимущественно аналитического характера, при выполнении которого ученики по указанию учителя выделяют в данном тексте определенные грамматические явления <...>, относят их по определенным признакам к тому или иному разряду и дают им более или менее подробную (в зависимости от целей упражнения) грамматическую характеристику» [29, с. 75]. Для лингвокультурологического анализа слова как части речи важна идентификация определенных морфологических характеристик изучаемых слов (и в этом и заключается использование элементов грамматического разбора), но при этом важно соотнести лексическое значение слова, его грамматическую характеристику и те смысловые наращения, которые возникают в определенном контексте в соответствии с замыслом автора и выражением определенной авторской идеи.

Лингвокультурологический анализ слова как части речи, несомненно, опирается на анализ языка художественных произведений, поскольку, по А. В. Текучеву, анализ языка художественных произведений на уроках русского языка предполагает «постепенное накопление знаний по грамматике, тренировочные упражнения в запоминании <...> являются необходимой предпосылкой для того, чтобы можно было организовать работу по анализу языка писателя» [29, с. 78]. В ходе лингвокультурологического анализа слова как части речи применяется анализ языка художественных произведений – во всем его многообразии – применяются, как правило, элементы различных видов анализа текста (лингвистического, лингвистического, частотного, концептного, лингвокультурологического и др.). Это позволяет на уроках русского языка не только выявить грамматические и лексические особенности, но и увидеть взаимосвязь содержания текста и грамматических средств, использованных автором.

Таким образом, лингвокультурологический анализ слова как части речи – это метод, интегрирующий, развивающий и обогащающий аналитический методический инструментальный обучения русскому языку. Он опирается на аналитическую методологию и в то же время реализуется в русле инновационных подходов – аксиологического и лингвокультурологического, ориентирован на личностное, ценностное развитие обучающегося.

Логика текстовой деятельности при лингвокультурологическом анализе слова как части речи в целом определяется логикой познания, последовательностью мыслительных действий, проводимых в процессе анализа слова, функционирующего в тексте как часть речи. Детализация данного процесса реализуется в разработанном нами алгоритме, в основе которого лежит функциональная схема смыслового восприятия текста (И. А. Зимняя), формирующий уровень которой содержит четыре взаимосвязанные и взаимодополняющие фазы: 1) фазу смыслового прогнозирования; 2) фазу вербального сличения; 3) фазу установления смысловых связей (а) между словами и (б) между смысловыми звеньями и 4) фазу смыслоформулирования... [10, с. 31–33].

Также в данном алгоритме задействован весь комплекс базовых аналитических методов обучения: анализ языка художественного произведения – в процессе работы над текстом в целом, наблюдение над языком на первом этапе, элементы грамматического разбора – на втором этапе работы. Анализ языка художественного произведения в методике обучения русскому языку используется при работе с текстом традиционно, однако для реализации лингвокультурологического анализа слова как части речи используется инновационный вид анализа текста – культурологический (на третьем этапе). На четвертом этапе проводится систе-

матизация и обобщение сведений о слове как части речи, о системе словоформ данного текста и выявление оттенков смыслов, вносимых в текст благодаря данной части речи.

При работе на уроке русского языка лингвокультурологический анализ слова как части речи проводится в соответствии с приведенным на рисунке 1 алгоритмом:

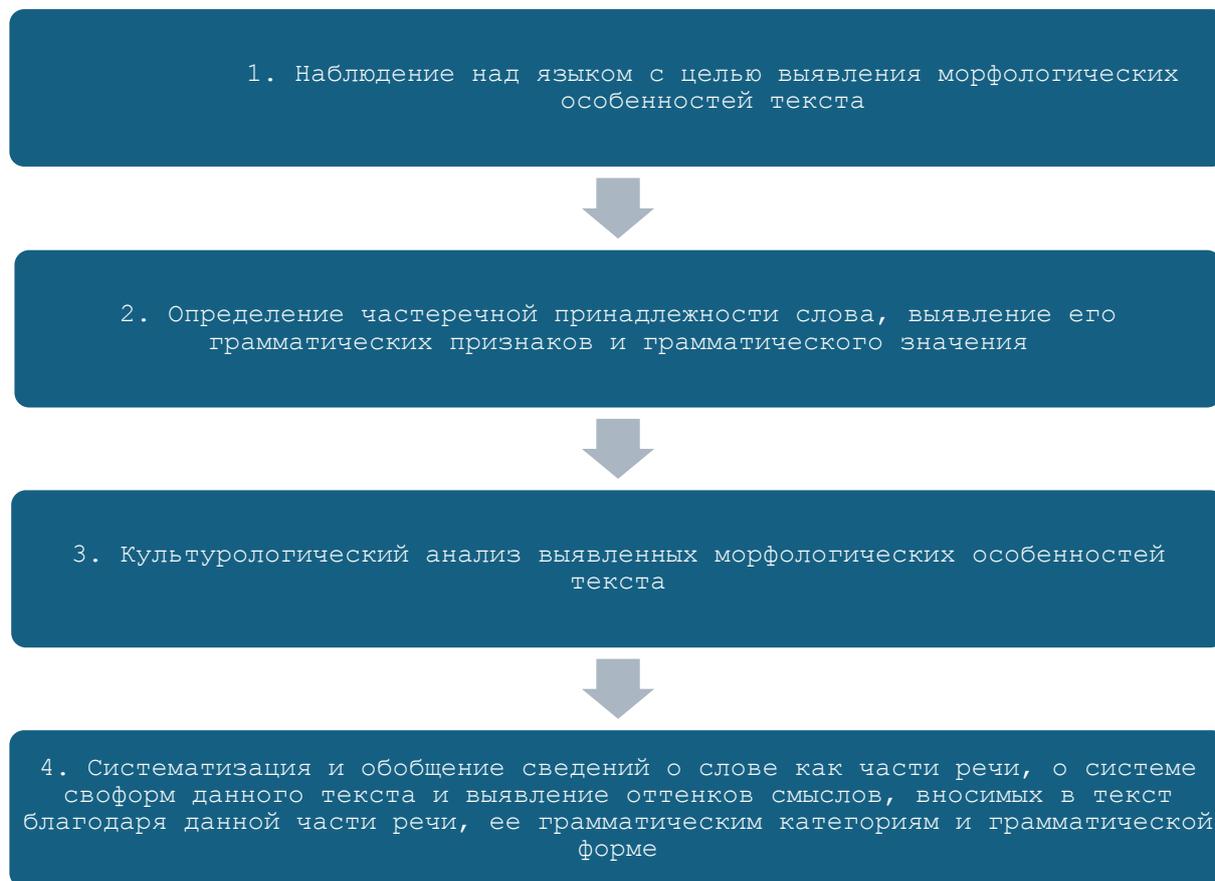

Рис. 1. Алгоритм лингвокультурологического анализа слова как части речи

Таким образом, в данном алгоритме учитывается работа учащихся не только с изучаемым грамматическим материалом, но и с культурным компонентом, глубоко существующим в тексте, который имеет определенные грамматические особенности.

Проследим, как лингвокультурологический анализ слова как части речи применяется на различных этапах изучения русского языка и позволяет осмыслить как лингвистические, лингвостилистические особенности текста, так и функционал слова как части речи в данном контексте.

Например, при изучении полных и кратких прилагательных в 5-м классе можно обратиться к отрывку из рассказа И. С. Соколова-Микитова «Береза».

Из всех деревьев русского леса милее всех мне наша береза. Хороши и чисты березовые светлые рощи. Белы стволы берез, покрытые тонкой берестою. Особенно хорош березовый лес весной. Как только сойдет в лесу снег, набухают на березах смолистые душистые почки. Из каждой случайно надломленной ветки березы каплет живительный сладкий сок. <...>

Чудесен и ранней осенью березовый лес, покрытый золотистой увядающей листвою. Крутятся в воздухе, падают на землю золотые листочки. От дерева к дереву протянуты тонкие липкие нити серебристой паутины. Прозрачен и чист воздух, малейший слышится в березовом лесу звук.

Наблюдение над языком с целью выявления морфологических особенностей текста позволяет школьникам определить особую роль в тексте имен прилагательных. Систематизируя морфологическую характеристику данных слов в тексте, учащиеся обнаруживают разнообразие форм использованных в тексте прилагательных – полных и кратких. Опираясь на различие синтаксических функций полных и кратких имен прилагательных в тексте, школьники понимают, что, в зависимости от формы и синтаксической функции, прилагательные в тексте несут различную смысловую нагрузку.

Полные имена прилагательные, согласуясь с именами существительными в роде, числе и падеже (*березовые светлые рощи; тонкой берестой; березовый лес; смолистые, душистые почки; живительный сладкий сок; золотистой листвою; золотые листочки; серебристой паутины; ранней осенью; малейший звук*) позволяют не только охарактеризовать предметы и явления, названные именами существительными, но и нарисовать картину весеннего и осеннего леса, показать то, что не названо именами существительными. Например, можно почувствовать не просто «смолистость» и «душистость» весенних березовых почек, «сладость» живительного березового сока, но и душистое весеннее тепло и свежесть весеннего леса; можно «увидеть» солнце, пронизывающее ранней осенью березовый лес, поскольку листочки не просто «золотые» оттого, что пожелтели осенью, но и вся листва «золотистая», паутина «серебристая».

Краткие имена прилагательные (*березовые светлые рощи – «хороши и чисты»; стволы берез – «белы»; березовый лес весной – «особенно хорош»; березовый лес ранней осенью – «чудесен»; воздух – «прозрачен и чист»*) помогают также не просто описать природу, но передать ощущения автора – чистоту и свет березовых рощ надо почувствовать самим, чтобы возобновить в своем сознании это светлое впечатление. Наверное, кульминационным кратким прилагательным в этом ряду является прилагательное *чудесен*: впечатление не просто света и чистоты, но духовной высоты как чуда! То есть краткие прилагательные помогают автору выразить свое отношение к тому, что он изображает.

Работа с еще одним фрагментом рассказа «Береза» И. С. Соколова-Микитова позволяет увидеть учащимся, что это светлое восхищение березовым лесом свойственно не только одному человеку – автору, описывающему его. Этот душевный восторг, это ощущение чуда свойственно всему русскому народу. Продолжение данного текста позволяет автору вывести читателя в культурологический контекст.

В народных песнях и сказках часто упоминалась береза. Простые деревенские люди ласково называли березу березонькой. В праздничные летние дни девушки завивали из ветвей молодых березок венки, пели под березами хороводные песни. Березами обсаживались в старину большие проезжие дороги – большаки. Из коры берез на севере нашей страны плели легкие лапти, удобные кошель, в которых носили на дальние пожни одежду и воду. Из коры берез гнали душистый деготь, делали красивые высокие туески.

Данный фрагмент текста интересен как культурологический комментарий к тому впечатлению от первой части текста, к которой были применены элементы лингвокультурологического анализа слова как части речи. Учащиеся отмечают, что авторское впечатление от березовой рощи не случайно: данное дерево сопровождало всю жизнь крестьянина – использовалось и в быту, и в религиозных обрядах, отражало высокий и чистый духовный настрой русского человека, поэтому березу считают символом России.

Обобщая и интерпретируя полученные в ходе анализа сведения, учащиеся делают вывод о том, что полные имена прилагательные, использованные автором в первом тексте, выполняют синтаксическую роль определений и позволяют передать красоту весеннего и осеннего березового леса, его внешний вид, запахи и даже вкусы. Краткие имена прилагательные, выполняющие роль сказуемых в предложении, дают возможность не только и не столько описывать березовый лес, сколько передать собственные впечатления, собственный высокий духовный и душевный настрой, который возникает в светлом и чистом березовом лесу в любое время года, передать ощущение случившегося в природе чуда.

Естественно, что в 5-м классе лингвокультурологический анализ слова как части речи используется в достаточно ограниченном виде. Главное – выявить морфологические особенности данного текста, обнаружить их связь со смыслами, сформулировать эти смыслы. База знаний о русской культуре позволяет связать личные впечатления с теми смыслами, которые зафиксированы в русской культуре. Тогда вся аналитическая работа со словом и текстом обретает смысл.

Таким образом, лингвокультурологический анализ слова как части речи строится прежде всего на основе выявления общего грамматического значения части речи, грамматических категорий, которыми обладает данное слово как часть речи, и его словоформ. Констатация данных фактов дает основание для интерпретации смыслов текста, которые присутствуют, появляются в тексте благодаря данным языковым особенностям. Таким образом, лингвокультурологический анализ слова как части речи позволяет школьникам постичь культурные смыслы через анализ морфологической специфики текста. Вместе с тем эмоциональный ком-

понент урока на этапе культурологического анализа дополняется привлечением культурологических сведений, позволяющих обогатить базу культурологических знаний школьников в связи с теми фактами, которые упоминаются в тексте. Идентификация языковых единиц, их классификация, выявление специфики полученной формальной системы позволяет обучающимся не только повторить и обобщить материал по изучаемой теме, но и обнаружить смысловые наращения, появляющиеся у слова в определенном контексте, обусловленные его морфологической принадлежностью и наличием определенных грамматических особенностей. Лингвокультурологический анализ слова как части речи способствует более прочному усвоению знаний на этапе обобщения лингвистического материала, а также способствует духовно-нравственному развитию школьников путем анализа ключевых образов русской культуры.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что ключевым постулатом в использовании лингвокультурологического анализа на уроках изучения морфологии в школе является учет трех важных моментов: 1) необходима опора на систематизированные знания об изученной части речи, знание грамматических категорий, которыми обладает данная часть речи, осмысление грамматического значения, которым обладает слово в данном контексте; 2) выявление культурных смыслов данного слова как части речи обусловлено опорой на те культурные смыслы, которыми слово обладает как концепт; 3) лингвокультурологический анализ слова как части речи связан с обращением к тексту как целостной единице языка, речи и культуры, использованием элементов лингвокультурологического анализа текста.

Подводя итоги, сформируем ключевые положения нашего исследования.

1. Лингвокультурологический анализ слова как части речи строится на основе определения общего грамматического значения части речи, грамматических категорий, которыми обладает данное слово как часть речи, и функций его словоформ. Данные особенности позволяют выявлять смыслы, которые присутствуют, появляются в тексте благодаря особенностям слов различной частеречной принадлежности.

2. Лингвокультурологический анализ слова как части речи с опорой на анализ словоформ позволяет обнаружить смысловые наращения, появляющиеся у слова в определенном контексте, обусловленные его морфологической принадлежностью и наличием определенных грамматических категорий, а также его функцией в тексте.

3. Комплексное использование возможностей лингвокультурологического анализа слова как части речи, слова в роли концепта и лингвокультурологического анализа текста способствует духовно-нравственному совершенствованию и личностному развитию обучающихся в процессе комплексного рассмотрения слова как части речи, включая его функцию в тексте и возможность функционирования слова как части речи в роли концепта.

Единство лингвистического и культурного компонента содержания обучения русскому языку, которое осмысливается школьниками в ходе лингвокультурологического анализа, позволяет расшифровать глубинные смыслы текста, что в целом становится открытием для школьников, помогает им обнаружить глубину и мудрость народной культуры, вызывает интерес к русскому языку и русской культуре, помогает осмыслить их неразрывную взаимосвязь. Можно сделать вывод о том, что комплексное использование возможностей лингвокультурологического анализа слова как концепта и как части речи и лингвокультурологического анализа текста способствует духовно-нравственному совершенствованию и личностному развитию обучающихся.

Список литературы

1. Азимов Э. Г. Современный словарь методических терминов и понятий. Теория и практика обучения языкам / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. Изд. 3-е, стереотип. М. : Русский язык. Курсы, 2021. 496 с.
2. Буслаев Ф. И. О преподавании отечественного языка // Преподавание отечественного языка / сост. И. Ф. Протченко, Л. А. Ходякова. М. : Просвещение, 1992. С. 25–373.
3. Воробьев В. В. О статусе лингвокультурологии // IX Международный Конгресс МАПРЯЛ. Русский язык, литература и культура на рубеже веков. Т. 2. Братислава, 1999. С. 125–126.
4. Воробьев В. В. Лингвокультурология: Теория и методы. М. : Изд-во РУДН, 2008. 336 с.
5. Дейкина А. Д. Формирование у школьников взгляда на родной язык как национальный феномен при обучении русскому языку в средней школе : дисс. ... д-ра пед. наук в виде науч. доклада. М., 1994. 44 с.
6. Дейкина А. Д. Русский язык как учебный предмет в общеобразовательном пространстве родной культуры // Культуроведческий подход: его реализация в школьном и вузовском курсах русского язы-

ка: доклады и тезисы докладов участников Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения академика А. В. Текучева (11–12 марта 2003 г.). М. : МПГУ, 2003. С. 5–10.

7. Дейкина А. Д. Формирование языковой личности с ценностным взглядом на русский язык: методологические проблемы преподавания русского языка. М. ; Оренбург : Пресса, 2009. 308 с.

8. Дейкина А. Д. и др. Русский язык. Учебник. 5–9 классы / А. Д. Дейкина, Т. Ф. Малявина, О. Н. Левушкина, О. Ю. Рязова, Е. А. Хамраева. Отдельно для каждого класса – в 2 частях. М. : Просвещение, 2021.

9. Дейкина А. Д., Левушкина О. Н. Роль лингвокультурологического подхода в методике преподавания русского языка как родного, как иностранного и как неродного // Вестник РУДН. 2012. № 3. С. 23–28.

10. Зимняя И. А. Психологическая схема смыслового восприятия // Смысловое восприятие речевого сообщения. М. : Наука, 1976. С. 31–33. URL: [https://psychlib.ru/mgppu/DSv-1976/DSv-005.htm#\\$p3](https://psychlib.ru/mgppu/DSv-1976/DSv-005.htm#$p3) (дата обращения: 7.08.2024).

11. Колесникова С. М. Современный русский язык. Морфология : учебное пособие для вузов. М. : Юрайт, 2023. 297 с. URL: <https://urait.ru/bcode/511374> (дата обращения: 28.09.2023).

12. Левушкина О. Н. Лингвокультурологические характеристики текста в школьном обучении русскому языку: теория и практика : дисс. ... докт. пед. наук: 13.00.02. М., 2014. 543 с.

13. Левушкина О. Н. Роль местоимений в художественном тексте // Русский язык в школе. 2016. № 2. С. 26–28.

14. Левушкина О. Н. Роль прилагательных в изображении зимнего пейзажа. Урок с лингвокультурологической характеристикой текста в 6 классе // Русский язык в школе. 2016. № 1. С. 23–24.

15. Левушкина О. Н. Урок характеристики текста. Роль причастий в художественном тексте // Русский язык в школе. 2016. № 9. С. 30–32.

16. Левушкина О. Н. «Язык – родной очаг»: учим пониманию текста на уроке русского языка // Русский язык в школе. 2016. № 7. С. 7–11.

17. Левушкина О. Н. Лингвокультурологический анализ как основа ценностно ориентированного урока русского языка // Русский язык в школе. 2023. № 84 (3). С. 7–16. DOI: 10.30515/0131-6141-2023-84-3-7-16.

18. Лопатин В. В. Грамматическая категория // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990. 683 с. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/linguistic-encyclopeditic/articles/375/grammaticheskaya-kategoriya.htm> (дата обращения: 9.07.2024).

19. Маслова В. А., Бахтикиреева У. М. Лингвокультурологический анализ : учебник для вуза. М. : Юрайт, 2022. 245 с.

20. Методика преподавания русского языка в школе: учебник для студентов вузов, обучающихся по педагогическим специальностям / М. Т. Баранов, Н. А. Ипполитова, Т. А. Ладыженская, М. Р. Львов; под ред. М. Т. Баранова. М. : Academia, 2000. 361 с.

21. Мишати́на Н. Л. Методическая лингвоконцептология и ее терминосистема // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2018. № 188. С. 153–164.

22. Мишати́на Н. Л. Методическая лингвоконцептология: новые идеи и антропопрактики : монография. СПб. : Книжный дом, 2022. 304 с.

23. Новикова Л. И. Культуроведческий аспект обучения русскому языку в 5–9-х классах как средство постижения учащимися национальной культуры : дисс. ... докт. пед. наук: 13.00.02. М. : МПГУ, 2005. 43 с.

24. Новикова Т. Ф. На пути к метапредмету: интегрированные «уроки одного слова» // Динамика языковых и культурных процессов в современной России (электронный ресурс) : мат-лы VI Конгресса РОПРЯЛ (г. Уфа, 11–14 октября 2018 г.). Вып. 6. СПб. : РОПРЯЛ, 2018. С. 1106–1110.

25. Норман Б. Ю. Жизнь словоформы : учебное пособие. М. : Флинта : Наука, 2016. 213 с.

26. Панов М. В. Позиционная морфология русского языка. М. : Наука : Школа «ЯПК», 1999. 275 с.

27. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 3-е, испр. и доп. М. : Просвещение, 1985. 399 с. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lingvistic/774/%D0%BC%D0%BE%D1%80%D1%84%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 08.07.2024).

28. Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. Изд. стереотип. М. : URSS, 2023. 294 с.

29. Текучев А. В. Методика русского языка в средней школе : учеб. для студентов пед. ин-тов по специальности № 2101 «Рус. яз. и литература». Изд. 3-е, перераб. М. : Просвещение, 1980. 414 с.

30. Шаклеин В. М. Лингвокультурология: традиции и инновации : монография. М. : Флинта, 2012. 301 с.

31. Шанский Н. М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка : пособие для учителя. Изд. 3-е, испр. и доп. / под ред. чл.-кор. АН СССР С. Г. Бархударова. М. : Просвещение, 1975. 542 с.

32. Щерба Л. В. О служебном и самостоятельном значении грамматики как учебного предмета // Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 15–27. URL: <https://ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba15.htm> (дата обращения: 07.08.2024).

33. Ярцева В. Н. Иерархия грамматических категорий и типологическая характеристика языков // Типология грамматических категорий. Мещаниновские чтения. М., 1975. С. 5–23.

Linguistic and cultural analysis of the word as a part of speech in teaching morphology in Russian language lessons

Levushkina Olga Nikolaevna¹, Kalacheva Irina Evgenievna²

¹Doctor of Pedagogical Sciences, associate professor, professor of the Department of Methods of Teaching Russian at the Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University. Russia, Moscow. ORCID: 0000-0002-8830-0969. E-mail: on.levushkina@mpgu.su

²postgraduate student of the Department of Methods of Teaching the Russian Language at the Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University. Russia, Moscow. E-mail: irina.kalacheva92@mail.ru

Abstract. *Relevance.* The orientation of the Russian language teaching process towards the comprehension of spiritual and moral values by students, taking into account the interface of language and culture as a key trend of Russian methodological science actualizes the use of culturally oriented methods in the educational process.

In modern methodological science, such methodological directions have been developed related to the implementation of linguistic and cultural analysis of the text in school teaching of the Russian language as methodological linguoconceptology and methodological linguocultural text. However, the question of the peculiarities of the application of linguistic and cultural analysis in the lessons devoted to the study of the course of morphology remains unclear.

The purpose of the article is to describe the results of a theoretical study devoted to understanding the possibilities and features of the use of linguistic and cultural analysis in the process of teaching morphology in Russian lessons, to present the methodology of linguistic and cultural analysis of the word as part of speech in the process of studying the morphology of the Russian language by schoolchildren.

In the course of the research, such theoretical *methods* were used as the analysis of linguistic and methodological concepts; generalization of the results obtained; description and justification of the method of linguistic and cultural analysis of the word as a part of speech as a teaching analytical method of modern linguistics.

Results. The use of linguistic and cultural analysis in a morphology lesson involves relying on a linguistic analysis of the morphological features of the text in which this word is used, as well as conducting a linguistic and cultural analysis of the word as a concept and text as an integral unit of language, speech and culture. The article provides a definition and algorithm for the linguistic and cultural analysis of a word as a part of speech. The educational possibilities, culture-oriented and text-oriented nature of this type of analysis are illustrated by an example of studying the full and short forms of adjectives in the lesson of generalization and repetition in 5th grade. It is proved that this type of analysis is a necessary activity in the Russian language lesson in the modern anthropocentric personality- and culture-oriented educational paradigm.

Keywords: teaching the Russian language, studying morphology, axiological approach, linguistic and cultural approach, linguistic and cultural analysis, linguistic and cultural analysis of the word as a part of speech.

References

1. Azimov E. G. *Sovremennyy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatij. Teoriya i praktika obucheniya yazykam* [Modern dictionary of methodological terms and concepts. Theory and practice of language teaching] / E. G. Azimov, A. N. Shchukin. Ed. 3rd, stereotype. M. Russian language. Courses, 2021. 496 p.
2. Buslaev F. I. *O prepodavanii otechestvennogo yazyka* [On teaching the national language] // *Prepodovanie otechestvennogo yazyka – Teaching the national language* / comp. I. F. Protchenko, L. A. Hodyakova. M. Prosveshchenie (Enlightenment), 1992. Pp. 25–373.
3. Vorob'ev V. V. *O statuse lingvokul'turologii* [On the status of linguoculturology] // *IX Mezhdunarodnyj Kongress MAPRYAL. Russkij yazyk, literatura i kul'tura na rubezhe vekov. T. 2 – IX International Congress of MAPRYAL. Russian language, literature and culture at the turn of the century. Vol. 2. Bratislava, 1999. Pp. 125–126.*
4. Vorob'ev V. V. *Lingvokul'turologiya: Teoriya i metody* [Linguoculturology: Theory and methods]. M. Publishing House of RUDN, 2008. 336 p.
5. Dejkina A. D. *Formirovanie u shkol'nikov vzglyada na rodnoj yazyk kak nacional'nyj fenomen pri obuchenii russkomu yazyku v srednej shkole : diss. ... d-ra ped. nauk v vide nauch. doklada* [The formation of schoolchildren's view of their native language as a national phenomenon when teaching Russian in secondary school : diss. ... Dr. of Pedagogical Sciences in the form of a scientific report]. M. 1994. 44 p.
6. Dejkina A. D. *Russkij yazyk kak uchebnyj predmet v obshcheobrazovatel'nom prostranstve rodnoj kul'tury* [Russian language as an educational subject in the general educational space of native culture] // *Kul'turovedcheskij podhod: ego realizaciya v shkol'nom i vuzovskom kursah russkogo yazyka : doklady i tezisy dokladov uchastnikov Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika A. V. Tekucheva (11–12 marta 2003 g.) – Cultural approach: its implementation in school and university courses of the Russian language : reports and abstracts of the participants of the All-Russian scientific conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of Academician A. V. Tekuchev (March 11–12, 2003). M. MPSU Russian language, 2003. Pp. 5–10.*

7. Dejkina A. D. *Formirovanie yazykovoj lichnosti s cennostnym vzglyadom na russkij yazyk: metodologicheskie problemy prepodavaniya russkogo yazyka* [The formation of a linguistic personality with a value-based view of the Russian language: methodological problems of teaching the Russian language]. M. ; Orenburg. Press (Pressa), 2009. 308 p.

8. Dejkina A. D. et al. *Russkij yazyk. Uchebnik. 5–9 klassy* [Russian language. Textbook. Grades 5–9] / A. D. Dejkina, T. F. Malyavina, O. N. Levushkina, O. Yu. Ryauzova, E. A. Khamraeva. Separately for each class – in 2 parts. M. Prosveshchenie (Enlightenment), 2021.

9. Dejkina A. D., Levushkina O. N. *Rol' lingvokul'turologicheskogo podhoda v metodike prepodavaniya russkogo yazyka kak rodnogo, kak inostrannogo i kak nerodnogo* [The role of the linguocultural approach in the methodology of teaching Russian as a native language, as a foreign language and as a non-native] // *Vestnik RUDN – Herald of Russian University of Peoples' Friendship*. 2012. No. 3. Pp. 23–28.

10. Zimnyaya I. A. *Psihologicheskaya skhema smyslovogo vospriyatiya* [Psychological scheme of semantic perception] // *Smyslovoe vospriyatie rechevogo soobshcheniya – Semantic perception of a speech message*. M. Nauka (Science), 1976. Pp. 31–33. Available at: [https://psychlib.ru/mgppu/DSv-1976/DSv-005.htm#\\$p3](https://psychlib.ru/mgppu/DSv-1976/DSv-005.htm#$p3) (date accessed: 07.08.2024).

11. Kolesnikova S. M. *Sovremennyy russkij yazyk. Morfologiya : uchebnoe posobie dlya vuzov* [Modern Russian language. Morphology : textbook for universities]. M. Yurait, 2023. 297 p. Available at: <https://urait.ru/bcode/511374> (date accessed: 28.09.2023).

12. Levushkina O. N. *Lingvokul'turologicheskie karakteristiki teksta v shkol'nom obuchenii russkomu yazyku: teoriya i praktika : diss. ... dokt. ped. nauk: 13.00.02* [Linguistic and cultural characteristics of the text in school teaching of the Russian language: theory and practice : diss. ... Dr. of Pedagogical Sciences: 13.00.02]. M., 2014. 543 p.

13. Levushkina O. N. *Rol' mestoimenij v hudozhestvennom tekste* [The role of pronouns in a literary text] // *Russkij yazyk v shkole – Russian language at school*. 2016. No. 2. Pp. 26–28.

14. Levushkina O. N. *Rol' prilagatel'nyh v izobrazhenii zimnego pejzazha. Urok s lingvokul'turologicheskoy karakteristikoj teksta v 6 klasse* [The role of adjectives in depicting the winter landscape. A lesson with a linguistic and cultural characteristic of the text in the 6th grade] // *Russkij yazyk v shkole – Russian language at school*. 2016. No. 1. Pp. 23–24.

15. Levushkina O. N. *Urok karakteristiki teksta. Rol' prichastij v hudozhestvennom tekste* [Text characteristics lesson. The role of participles in a literary text] // *Russkij yazyk v shkole – Russian language at school*. 2016. No. 9. Pp. 30–32.

16. Levushkina O. N. *"Yazyk – rodnoj ochag": uchim ponimaniyu teksta na uroke russkogo yazyka* ["Language is a native hearth": teaching the understanding of the text in a Russian language lesson]. 2016. No. 7. Pp. 7–11.

17. Levushkina O. N. *Lingvokul'turologicheskij analiz kak osnova cennostno orientirovannogo uroka russkogo yazyka* [Linguoculturological analysis as the basis of a value-oriented lesson of the Russian language] // *Russkij yazyk v shkole – Russian language at school*. 2023. No. 84 (3). Pp. 7–16. DOI: 10.30515/0131-6141-2023-84-3-7-16.

18. Lopatin V. V. *Grammaticheskaya kategoriya* [Grammatical category] // *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'* – Linguistic encyclopedic dictionary. M. Soviet Encyclopedia, 1990. 683 p. Available at: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/linguistic-encyclopedic/articles/375/grammaticheskaya-kategoriya.htm> (date accessed: 19.07.2024).

19. Maslova V. A., Bahtikireeva U. M. *Lingvokul'turologicheskij analiz : uchebnik dlya vuza* [Linguistic and cultural analysis : textbook for the university]. M. Yurait, 2022. 245 p.

20. *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka v shkole: uchebnik dlya studentov vuzov, obuchayushchihsya po pedagogicheskim special'nostyam* – Methods of teaching the Russian language at school: textbook for university students studying in pedagogical specialties / M. T. Baranov, N. A. Ippolitova, T. A. Ladyzhenskaya, M. R. Lviv; ed. by M. T. Baranov. M. Academia, 2000. 361 p.

21. Mishatina N. L. *Metodicheskaya lingvokonceptologiya i ee terminosistema* [Methodological linguoconceptology and its terminological system] // *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Herzen* – News of Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herten. 2018. No. 188. Pp. 153–164.

22. Mishatina N. L. *Metodicheskaya lingvokonceptologiya: novye idei i antropopraktiki : monografiya* [Methodological linguoconceptology: new ideas and anthropopractic : monograph]. SPb. Knizhny Dom (Book House), 2022. 304 p.

23. Novikova L. I. *Kul'turovedcheskij aspekt obucheniya russkomu yazyku v 5–9-h klassah kak sredstvo pozitiveniya uhashchimisy nacional'noj kul'tury : diss. ... dokt. ped. nauk: 13.00.02* [Cultural aspect of teaching the Russian language in grades 5–9 as a means for students to comprehend national culture : diss. ... Dr. of Pedagogical Sciences: 13.00.02]. M. MPSU, 2005. 43 p.

24. Novikova T. F. *Na puti k metapredmetu: integrirovannye "uroki odnogo slova"* [On the way to a meta-subject: integrated "lessons of one word"] // *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh processov v sovremennoj Rossii (elektronnyj resurs) : mat-ly VI Kongressa ROPRYaL (g. Ufa, 11–14 oktyabrya 2018 g.)*. Vyp. 6 – Dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia (electronic resource) : materials of the VI Congress of the Russian Academy of Sciences (Ufa, October 11–14, 2018). Vol. 6. SPb. ROPRYaL, 2018. Pp. 1106–1110.

25. Norman B. Yu. *Zhizn' slovoformy : uchebnoe posobie* [The life of word forms : textbook]. M. Flinta : Nauka (Flint : Science), 2016. 213 p.
26. Panov M. V. *Pozicionnaya morfologiya russkogo yazyka* [Positional morphology of the Russian language]. M. Nauka : School "YARK", 1999. 275 p.
27. Rozental' D. E., Telenkova M. A. *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov. Izd. 3-e, ispr. i dop.* [Dictionary of linguistic terms. Ed. 3rd, corr. and add.] M. Prosveshchenie (Enlightenment), 1985. 399 p. Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lingvistic/774/%D0%BC%D0%BE%D1%80%D1%84%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F> (date accessed: 08.07.2024).
28. Smirnickij A. I. *Sintaksis anglijskogo yazyka. Izd. stereotip.* [Syntax of the English language. Publishing house stereotype]. M. URSS, 2023. 294 p.
29. Tekuchev A. V. *Metodika russkogo yazyka v srednej shkole : ucheb. dlya studentov ped. in-tov po special'nosti No. 2101 "Rus. yaz. i literatura". Izd. 3-e, pererab.* [Methodology of the Russian language in secondary school : textbook for students of pedagogical institutes in specialty No. 2101 "Russian language and literature". 3rd ed., reprinted]. M. Prosveshchenie (Enlightenment), 1980. 414 p.
30. Shaklein V. M. *Lingvokul'turologiya: tradicii i innovacii : monografiya* [Linguoculturology: traditions and innovations : monograph]. M. Flint, 2012. 301 p.
31. Shanskij N. M. et. al. *Kratkij etimologicheskij slovar' russkogo yazyka : posobie dlya uchitelya. Izd. 3-e, ispr. i dop.* [A short etymological dictionary of the Russian language : a teacher's manual. Ed. 3rd, corr. and add.] / ed. by corresponding member Academy of Sciences of the USSR S. G. Barkhudarova. M. Prosveshchenie (Enlightenment), 1975. 542 p.
32. Shcherba L. V. *O sluzhebnoy i samostoyatel'nom znachenii grammatiki kak uchebnogo predmeta* [On the official and independent meaning of grammar as an educational subject] // *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* – Selected works on the Russian language. M., 1957. Pp. 15–27. Available at: <https://ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba15.htm> (date accessed: 07.08.2024).
33. Yarceva V. N. *Ierarhiya grammaticheskikh kategorij i tipologicheskaya harakteristika yazykov* [Hierarchy of grammatical categories and typological characteristics of languages] // *Tipologiya grammaticheskikh kategorij. Meshchaninovskie chteniya* – Typology of grammatical categories. Meshchaninovskiy readings. M. 1975. Pp. 5–23.

Поступила в редакцию: 07.05.2024

Принята к публикации: 04.09.2024

Педагогический инструментарий противодействия академической нечестности студентов: анализ публикаций российских авторов

Еременко Татьяна Вадимовна

доктор педагогических наук, профессор, Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина.
Россия, г. Рязань. ORCID: 0000-0001-5866-7690. E-mail: t.eremenko@365.rsu.edu.ru

Аннотация. Изложены результаты второго этапа исследования, посвященного педагогическим средствам противодействия академической нечестности студентов. После описания педагогических инструментов предупреждения нечестного академического поведения, проделанного на первом этапе, анализируется массив работ отечественных авторов с целью идентификации описанного ими инструментария для выявления и академической нечестности студентов, и применения санкций за допущенные нарушения. Эмпирической базой исследования выступает подборка из 68 публикаций, сформированная с помощью информационно-поискового инструментария РИНЦ, с окончательным отбором работ de visu. Применены методы терминологического, теоретического и сравнительного анализа. Установлено, что для выявления академической нечестности чаще всего используются методы контроля с использованием программных и аппаратных средств, систем антиплагиата, онлайн-прокторинга. Рассмотрены санкции за академическую нечестность, которые могут быть применены преподавателями; отмечено, что именно на преподавателей в российских вузах возлагается главная ответственность за противодействие академической нечестности студентов. Указывается, что роль этических комитетов и комиссий в принятии решений о санкциях обсуждается в отечественной научной литературе на уровне рекомендаций, административным структурам отводится функция только дисциплинарных наказаний, а студенческое сообщество как ключевой актор обеспечения этического регулирования практически не рассматривается. Подчеркивается, что в целом отечественные исследователи уделяют анализу педагогических инструментов выявления академической нечестности студентов и применения санкций за допущенные нарушения значительно меньше внимания, в противовес средствам предупреждения и профилактики. Результаты проведенного исследования могут быть применены в современной вузовской практике и могут стимулировать анализ феномена академической нечестности студентов как в теоретической плоскости, так и в организационно-практическом аспекте.

Ключевые слова: академическая нечестность, студенты, плагиат, высшее образование, педагогический инструментарий, выявление академической нечестности, нарушения академической нечестности, санкции.

Введение. В исследованиях феномена академической нечестности особое место занимает комплекс вопросов, связанных с проблемой противодействия академической нечестности студентов. Данная проблема закономерно рассматривается во взаимосвязи с вопросами качества подготовки кадров в системе современного высшего образования. В научной литературе анализируется опыт противодействия нечестному поведению обучающихся, обосновываются различные подходы к решению этой высокоактуальной на современном этапе развития общества проблемы.

Тема академической нечестности студентов в различных аспектах нашла отражение в публикациях таких российских авторов, как Е. Д. Шмелева [19; 20; 21; 23], М. Н. Кичерова и Г. З. Ефимова [8; 10], О. В. Дремова [6] и др. Постоянен интерес исследователей к плагиату как частому проявлению академической нечестности студентов. Укажем на наиболее цитируемые работы по этой проблеме: научный доклад Е. В. Сивак о детерминантах плагиата и списывания студентов [14]; статья Е. Д. Шмелевой о влиянии обучающей среды и личностных характеристик студентов на распространение плагиата в российских университетах [23]; статья А. В. Никитова, О. А. Орчакова и Ю. В. Чеховича о методах противодействия плагиату в работах студентов и аспирантов [12]. Понятие академического мошенничества, семантически близкое понятию академической нечестности, также изучается отечественными авторами. В частности, классификация практик академического мошенничества в вузе разработана А. Г. Бермусом [2]. В 2022 г. была защищена диссертация О. В. Дремовой об академическом мошенничестве студентов [5]. Значительным событием стало издание в 2021 г. монографии М. Н. Макаровой, в которой обобщается отечественный и зарубежный опыт о предотвращении студенческих нарушений в вузах [11].

Проведенный ранее на основе РИНЦ анализ массива публикаций российских авторов по исследуемой теме [7] показал, что педагогический инструментарий противодействия академической нечестности студентов складывается из трех основных составляющих: средства и методы *предупреждения* академической нечестности студентов; средства и методы *выявления* случаев академической нечестности; средства и методы *применения санкций* к студентам за академическую нечестность. На первом этапе исследования автором была изучена первая составляющая; анализ дал основания для выводов о том, что в российской высшей школе акцент в педагогических инструментах предупреждения академической нечестности делается на модернизацию самостоятельной работы и системы оценивания студенческих работ, улучшение качества взаимодействия преподавателя и студентов, использование активных методов обучения, введение специальных учебных курсов для формирования норм научной этики и компетенций академического письма [7].

В настоящей статье представлены результаты следующего этапа исследования, *цель* которого заключается в идентификации российского опыта применения педагогического инструментария для выявления академической нечестности студентов и применения санкций за допущенные нарушения норм академической этики. Основным *методом* выступает теоретический анализ содержания публикаций российских авторов; также в исследовании применены методы терминологического и сравнительного анализа. Для формирования массива публикаций российских авторов по проблеме противодействия академической нечестности студентов использован современный информационно-поисковый инструментарий и метрики, которыми располагает Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). Данные РИНЦ являются источниковой базой исследования.

Результаты. В статье, излагающей результаты первого этапа исследования [7], описана методика выявления массива работ российских авторов о противодействии академической нечестности студентов с помощью инструментария РИНЦ. Отобранные релевантные научные публикации по теме были сформированы в подборку из 68 записей, с просмотром подборки *de visu* для точности отбора.

Анализ полученного массива работ на предмет идентификации педагогических инструментов выявления академической нечестности и применения к студентам санкций за допущенные нарушения позволил выделить две основных тематических рубрики: (1) педагогический инструментарий *выявления* случаев академической нечестности; (2) педагогический инструментарий *применения санкций* к студентам за академическую нечестность. Каждая тематическая рубрика на основе изучения массива публикаций была дифференцирована на подрубрики. Содержание подрубрик отражено ниже в таблицах 1 и 2. В общей сложности выделено 6 подрубрик.

Таблица 1

**Педагогический инструментарий для выявления академической нечестности студентов:
по результатам анализа публикаций российских авторов**

№ п/п	Тематические подрубрики	Педагогические средства, методы и приемы
1.	Текущий контроль	– анализ свойств поступающих по электронной почте файлов выполненных заданий; – регулярные беседы преподавателя и студента через Skype при дистанционном обучении; – стеганографические методы уникальной маркировки текстов заданий; – выявление заимствований в письменных работах с помощью систем антиплагиата; – устный контроль знаний для проверки, сможет ли студент рассказать об основных положениях своей письменной работы, доказать свою точку зрения; – просмотр текста работы студента в режиме включенных символов разметки, которые выдают стиль работы «copy-paste»; – использование режима отображения кодов полей, которые позволяют увидеть в тексте гиперссылки, характерные для электронных документов энциклопедического характера.
2.	Промежуточный контроль	– прокторинг на онлайн-экзамене/тестировании.
3.	Итоговый контроль	– выявление заимствований в ВКР с помощью систем антиплагиата.

Таблица 2

Педагогический инструментарий для применения санкций к студентам за нарушения академической честности: по результатам анализа публикаций российских авторов

№ п/п	Тематические подрубрики	Педагогические средства, методы и приемы
1.	Действия отдельных преподавателей	– извещение деканата о случае академической нечестности; – отклонение работы от рассмотрения; – выставление оценки «неудовлетворительно» с возможностью переписать; – снижение оценки за работу; – замечание студенту при первом нарушении без дальнейших санкций; – беседа со студентом при первом нарушении без дальнейших санкций.
2.	Действия деканата	– дисциплинарное наказание (замечание, выговор).
3.	Рекомендации этической комиссии	– рекомендация о привлечении студентов к дисциплинарной ответственности; – вынесение рекомендации к отчислению.

Обсуждение. Педагогические инструменты для выявления академической нечестности и применения санкций к студентам за допущенные нарушения рассматриваются отечественными авторами менее развернуто по сравнению с инструментарием профилактики нечестного поведения.

В публикациях о педагогических инструментах для выявления академической нечестности преобладает анализ средств для текущего контроля. Акцент делается на обнаружение нарушений техническими приемами с использованием программных и аппаратных средств для анализа файлов и текстов студенческих работ [1; 4; 22]. Большое количество публикаций посвящается системам антиплагиата, при этом авторы анализируют как достоинства таких систем, так и их ограничения и недостатки [2; 12; 15; 16; 17]. Достаточно активно популяризируется метод прокторинга для выявления академического мошенничества на экзаменах, зачетах и во время тестирования. Прокторинг рассматривается как метод снижения масштабов жульничества, средство помощи преподавателю в выявлении случаев академической недобросовестности и снижения масштабов студенческого мошенничества, в особенности в процессе освоения онлайн-курсов [9].

Что касается санкций за академическую нечестность, то чаще всего в отечественных публикациях главенствующая роль отводится преподавателю. Весьма подробно описываются различные действия педагога в случае обнаружения нарушения, от докладной записки в деканат до проведения беседы воспитательного характера [18; 20]. Ученые, которые обращаются к анализу опыта зарубежных университетов, явно не усматривают в сегодняшней российской практике возможностей внедрения характерной для западного образования целостной системы академических санкций, построенной на вовлечении широкого круга акторов: преподавателей, студенческого сообщества, этических комитетов и комиссий, вузовской администрации на разных уровнях. В отечественных вузах на деканаты возлагается исключительно функция объявления дисциплинарного взыскания. Что касается отчисления, то Е. В. Анашкина и Е. Ф. Валяева справедливо отмечают, что «в российских учреждениях высшего профессионального образования отчисление как наказание за нарушение академических норм практически не применяется» [1, с. 112]. Об этических комитетах и комиссиях пишется, скорее, на уровне пожеланий и рекомендаций. Показательно, что при описании действительно реального опыта комитета по этике психолого-педагогических исследований в институте педагогики и психологии образования МГПУ А. И. Савенков констатирует, что, как показала практика работы комитета, проблемы предупреждения, профилактики «академического мошенничества» стали приоритетными [13]. Другими словами, от разработки и реализации системы санкций за академическую нечестность комитет, по сути, отказался.

То обстоятельство, что функции выявления академической нечестности и наложения санкций преимущественно ложатся на преподавателя, ведущего конкретный курс [18], ставит под сомнение как неотвратимость, так и справедливость академических наказаний в вузе. М. Н. Макарова пишет: «... вся ответственность за контроль нарушений и принятие решений по поводу санкций за них возлагается на преподавателей. Как правило, если нарушения на экзамене не столь серьезны, преподаватели стараются дать второй шанс студенту, и только в очень серьезных случаях дело доходит до администрации» [11, с. 89]. Отсутствие в российских

вузах эффективно действующего института академических санкций является угрозой качеству образования, а также создает для преподавателей, пытающихся последовательно бороться с академической нечестностью студентов, серьезные проблемы. На первом этапе исследования на основе проведенного анализа точек зрения и предложений российских авторов отмечалось, что применение преподавателями педагогического инструментария для противодействия академической нечестности студентов на современном этапе развития отечественной высшей школы обуславливает большой объем дополнительной работы и потенциально создает для преподавателей угрозу стресса.

Заключение. Обобщая результаты, полученные в ходе идентификации изученного и описанного в научных публикациях российских авторов педагогического инструментария для выявления академической нечестности студентов и применения санкций за допущенные нарушения, можно сделать следующие выводы.

1. В качестве педагогических средств для выявления академической нечестности чаще всего выдвигаются методы и приемы текущего и промежуточного контроля с использованием программных и аппаратных средств, систем антиплагиата, онлайн-прокторинга.

2. Довольно обстоятельно в научной литературе рассматриваются санкции за академическую нечестность, которые могут быть применены преподавателями; именно на последних возлагается главная ответственность за противодействие академической нечестности студентов. Роль этических комитетов и комиссий в принятии решений о наказаниях студентов обсуждается на уровне рекомендаций. Административным структурам отводится функция дисциплинарных наказаний; студенческое сообщество как ключевой актор обеспечения этического регулирования российскими авторами практически не рассматривается.

3. В целом педагогическим инструментам выявления и академической нечестности студентов, и санкций за нее отечественные исследователи уделяют, в противовес средствам предупреждения и профилактики, значительно меньше внимания.

Представляется, что перспективным направлением для дальнейшего исследования педагогического инструментария противодействия академической нечестности является анализ такого нового фактора, как распространение практик создания письменных студенческих работ с помощью генераторов текстов на основе искусственного интеллекта.

Список литературы

1. Анашкина Е. В., Валяева Е. Ф. Выявление и предотвращение нарушений академических норм при компьютерном контроле знаний // Профессиональное образование и общество. 2020. № 2 (24). С. 104–120.
2. Бермус А. Г. Академическое мошенничество и имитации в высшей школе как онтологический вызов образованию XXI века // Непрерывное образование: XXI век. 2022. Вып. 1 (41). DOI: 10.15292/j5.art.2022.8244.
3. Власова М. С., Суханов О. В. Технические средства для борьбы с плагиатом в целях повышения качества учебного процесса // Вестник гражданских инженеров. 2012. № 6 (25). С. 187–192.
4. Галяев В. С., Гасанова З. А. Об одном способе противодействия академической недобросовестности студентов при выполнении письменных работ // Информатизация образования и науки. 2022. № 2 (58). С. 72–80.
5. Дремова О. В. Критика и оправдание практик академического мошенничества студентами : дисс. ... канд. пед. наук: 12.00.01. М., 2022. 147 с.: ил.
6. Дремова О. В., Малошонок Н. Г. В поисках справедливости в университете: критика и оправдание практик академического мошенничества студентами / Е. А. Терентьев // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4 (158). С. 266–294. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.972.
7. Еременко Т. В. Педагогический инструментарий для предупреждения академической нечестности студентов (анализ исследований российских авторов) // Вестник Вятского государственного университета. 2024. № 1.
8. Ефимова Г. З., Кичерова М. Н. Анализ причин академического мошенничества и их классификация // Интернет-журнал Науковедение. 2012. № 4 (12). С. 116.
9. Ким И. А. Внеаудиторное жульничество: возможности выявления и минимизации // Высшее образование сегодня. 2018. № 8. С. 49–52.
10. Кичерова М. Н., Ефимова Г. З. Информационное общество и проблема академической недобросовестности // Интернет-журнал Науковедение. 2012. № 4 (17). С. 1.
11. Макарова М. Н. Академическая этика за рубежом и в России: как предотвратить студенческие нарушения в вузах? : монография. Ижевск, 2021. 256 с.

12. Никитов А. В., Орчаков О. А. Плагиат в работах студентов и аспирантов: проблема и методы противодействия / Ю. В. Чехович // Университетское управление: практика и анализ. 2012. № 5 (81). С. 61–68.
13. Савенков А. И. Комитет по этике психолого-педагогических исследований как инструмент борьбы с «академическим мошенничеством» студентов // *Nominum*. 2022. № 4. С. 99–114.
14. Сивак Е. В. Преступление в аудитории. Детерминанты нечестного поведения студентов (плагиата и списывания). М.: ГУ ВШЭ, 2006. 41 с.
15. Смирнова Е. А. Академическое мошенничество при дистанционном обучении и методы противодействия ему // Молодой ученый. 2022. № 2 (450). С. 59–61.
16. Чехович Ю., Ивахненко А. О практике обнаружения заимствований в российских вузах / О. Беленькая // Университетская книга. 2017. № 4. С. 74–75.
17. Чиркин Е. С. Использование систем антиплагиата в образовании // Вестник Тамбовского университета. Серия: Естественные и технические науки. 2012. Т. 18. № 6–2. С. 2280–2287.
18. Шелиспанская Э. В. Проблема академической нечестности студентов в период дистанционного обучения // *Философские, социологические и психолого-педагогические проблемы современного образования*. 2021. № 2. С. 69–72. DOI: 10.27286/2687-0576-2021-2-69-72.
19. Шмелева Е. Д. Академическое мошенничество в современных университетах: обзор теоретических подходов и результатов эмпирических исследований // *Экономическая социология*. 2015. Т. 16. № 2. С. 55–79.
20. Шмелева Е. Д., Сагитов Е. Б. Списывание и плагиат: установки студентов и реакция преподавателей: информационный бюллетень. М., 2022. 40 с. DOI: 10.17222/978-5-7598-2691-0.
21. Шмелева Е. Д., Семенова Т. В. Академическое мошенничество студентов: учебная мотивация vs образовательная среда // *Вопросы образования*. 2019. № 2. С. 101–129. DOI: 10.17222/1814-9545-2019-2-101-129.
22. Яковлев В. Ф. Современные методы противодействия академическому мошенничеству студентов при дистанционном обучении // *NovInfo.Ru*. 2017. Т. 1. № 68. С. 295–302.
23. Shmeleva E. Plagiarism and Cheating in Russian Universities: The Role of the Learning Environment and Personal Characteristics of Students // *Educational Studies*. 2016. No. 1. Pp. 84–109. DOI: 10.17222/1814-9545-2016-1-84-109.

Pedagogical tools for countering academic dishonesty of students: analysis of publications by Russian authors

Eremenko Tatyana Vadimovna

Doctor of Pedagogical Sciences, professor, Ryazan State University n. a. S. A. Yesenin.
Russia, Ryazan. ORCID: 0000-0001-5866-7690. E-mail: t.eremenko@365.rsu.edu.ru

Abstract. The results of the second stage of the study devoted to pedagogical means of countering academic dishonesty of students are presented. After describing the pedagogical tools for preventing dishonest academic behavior, carried out at the first stage, an array of works by domestic authors is analyzed in order to identify the tools described by them to identify both academic dishonesty of students and the application of sanctions for violations. The empirical basis of the research is a selection of 68 publications, formed using the information retrieval tools of the RSCI, with the final selection of de visu works. The methods of terminological, theoretical and comparative analysis are applied. It has been established that control methods using software and hardware, anti-plagiarism systems, and online proctoring are most often used to identify academic dishonesty. The sanctions for academic dishonesty that can be applied by teachers are considered; It is noted that it is the teachers in Russian universities who bear the main responsibility for countering the academic dishonesty of students. It is indicated that the role of ethical committees and commissions in making decisions on sanctions is discussed in the Russian scientific literature at the level of recommendations, administrative structures are assigned the function of disciplinary punishments only, and the student community as a key actor in ensuring ethical regulation is practically not considered. It is emphasized that, in general, domestic researchers pay much less attention to the analysis of pedagogical tools for identifying academic dishonesty of students and applying sanctions for violations, as opposed to means of prevention and prevention. The results of the conducted research can be applied in modern university practice and can stimulate the analysis of the phenomenon of academic dishonesty of students both in the theoretical plane and in the organizational and practical aspect.

Keywords: academic dishonesty, students, plagiarism, higher education, pedagogical tools, identification of academic dishonesty, violations of academic dishonesty, sanctions.

References

1. Anashkina E. V., Valyaeva E. F. Vyyavlenie i predotvrashchenie narushenij akademicheskikh norm pri komp'yuternom kontrole znanij [Identification and prevention of violations of academic norms in computer control of knowledge] // *Professional'noe obrazovanie i obshchestvo* – Vocational education and society. 2020. No. 2 (24). Pp. 104–120.
2. Bermus A. G. Akademicheskoe moshennichestvo i imitacii v vysshej shkole kak ontologicheskij vyzov obrazovaniyu XXI veka [Academic fraud and imitations in higher education as an ontological challenge to education of the XXI century] // *Nepriyvatnoe obrazovanie: XXI vek* – Continuing education: XXI century. 2022. Is. 1 (41). DOI: 10.15292/j5.art.2022.8244.
3. Vlasova M. S., Suhanov O. V. Tekhnicheskie sredstva dlya bor'by s plagiatom v celyah povysheniya kachestva uchebnogo processa [Technical means to combat plagiarism in order to improve the quality of the educational process] // *Vestnik grazhdanskikh inzhenerov* – Herald of Civil Engineers. 2012. No. 6 (25). Pp. 187–192.
4. Galyaev V. S., Gasanova Z. A. Ob odnom sposobe protivodejstviya akademicheskoy nedobrosovestnosti studentov pri vypolnenii pis'mennyh rabot [On one way to counteract academic dishonesty of students when performing written works] // *Informatizaciya obrazovaniya i nauki* – Informatization of education and science. 2022. No. 2 (58). Pp. 72–80.
5. Dremova O. V. Kritika i opravdanie praktik akademicheskogo moshennichestva studentami : diss. ... kand. ped. nauk: 12.00.01 [Criticism and justification of the practices of academic fraud by students : diss. ... of PhD in Pedagogical Sciences: 12.00.01]. M., 2022. 147 p.: ill.
6. Dremova O. V., Maloshonok N. G. V poiskah spravedlivosti v universitete: kritika i opravdanie praktik akademicheskogo moshennichestva studentami [In search of justice at the university: criticism and justification of the practices of academic fraud by students] / E. A. Terentyev // *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* – Monitoring public opinion: economic and social changes. 2020. No. 4 (158). Pp. 266–294. DOI: 10.14515/monitoring.2020.4.972.
7. Eremenko T. V. Pedagogicheskij instrumentarij dlya preduprezhdeniya akademicheskoy nechestnosti studentov (analiz issledovanij rossijskikh avtorov) [Pedagogical tools for preventing academic dishonesty of students (analysis of research by Russian authors)] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Vyatka State University. 2024. No. 1.
8. Efimova G. Z., Kicherova M. N. Analiz prichin akademicheskogo moshennichestva i ih klassifikaciya [Analysis of the causes of academic fraud and their classification] // *Internet-zhurnal Naukovedenie* – Online journal of Science Studies. 2012. No. 4 (12). P. 116.
9. Kim I. A. Vneauditornoe zhul'nichestvo: vozmozhnosti vyyavleniya i minimizacii [Extracurricular fraud: opportunities for detection and minimization] // *Vysshee obrazovanie segodnya* – Higher education today. 2018. No. 8. Pp. 49–52.
10. Kicherova M. N., Efimova G. Z. Informacionnoe obshchestvo i problema akademicheskoy nedobrosovestnosti [Information society and the problem of academic dishonesty] // *Internet-zhurnal Naukovedenie* – Online journal of Science Studies. 2012. No. 4 (17). P. 1.
11. Makarova M. N. Akademicheskaya etika za rubezhom i v Rossii: kak predotvratit' studencheskie narusheniya v vuzah? : monografiya [Academic ethics abroad and in Russia: how to prevent student violations in universities? : monograph]. Izhevsk, 2021. 256 p.
12. Nikitov A. V., Orchakov O. A. Plagiat v rabotah studentov i aspirantov: problema i metody protivodejstviya [Plagiarism in the works of students and postgraduates: the problem and methods of counteraction] / Yu. V. Chekhov // *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* – University management: practice and analysis. 2012. No. 5 (81). Pp. 61–68.
13. Savenkov A. I. Komitet po etike psichologo-pedagogicheskikh issledovanij kak instrument bor'by s "akademicheskim moshennichestvom" studentov [Committee on ethics of psychological and pedagogical research as a tool to combat "academic fraud" of students] // *Hominum* – Hominum. 2022. No. 4. Pp. 99–114.
14. Sivak E. V. Prestuplenie v auditorii. Determinanty nechestnogo povedeniya studentov (plagiata i spisyyaniya) [Crime in the classroom. Determinants of dishonest behavior of students (plagiarism and cheating)]. M. Higher School of Economics, 2006. 41 p.
15. Smirnova E. A. Akademicheskoe moshennichestvo pri distancionnom obuchenii i metody protivodejstviya emu [Academic fraud in distance learning and methods of countering it] // *Molodoj uchenyj* – Young scientist. 2022. No. 2 (450). Pp. 59–61.
16. Chekhovich Yu., Ivahnenko A. O praktike obnaruzheniya zaimstvovaniy v rossijskikh vuzah [On the practice of detecting borrowings in Russian universities] / O. Belenkaya // *Universitetskaya kniga* – The university book. 2017. No. 4. Pp. 74–75.
17. Chirkin E. S. Ispol'zovanie sistem antiplagiata v obrazovanii [The use of anti-plagiarism systems in education] // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Estestvennye i tekhnicheskie nauki* – Herald of the Tambov University. Series: Natural and Technical Sciences. 2012. Vol. 18. No. 6–2. Pp. 2280–2287.
18. Shelispanskaya E. V. Problema akademicheskoy nechestnosti studentov v period distancionnogo obucheniya [The problem of academic dishonesty of students during distance learning] // *Filosofskie, sociologicheskie i psichologo-pedagogicheskie problemy sovremennogo obrazovaniya* – Philosophical, sociological and psychological-pedagogical problems of modern education. 2021. No. 2. Pp. 69–72. DOI: 10.27286/2687-0576-2021-2-69-72.

19. Shmeleva E. D. *Akademicheskoe moshennichestvo v sovremennyh universitetah: obzor teoreticheskikh podhodov i rezul'tatov empiricheskikh issledovanij* [Academic fraud in modern universities: a review of theoretical approaches and empirical research results] // *Ekonomicheskaya sociologiya* – Economic sociology. 2015. Vol. 16. No. 2. Pp. 55–79.

20. Shmeleva E. D., Sagitov E. B. *Spisyvanie i plagiat: ustanovki studentov i reakciya prepodavatelej : informacionnyj byulleten'* [Cheating and plagiarism: students' attitudes and teachers' reactions : newsletter]. М., 2022. 40 p. DOI: 10.17222/978-5-7598-2691-0.

21. Shmeleva E. D., Semenova T. V. *Akademicheskoe moshennichestvo studentov: uchebnaya motivaciya vs obrazovatel'naya sreda* [Academic fraud of students: educational motivation vs educational environment] // *Voprosy obrazovaniya* – Education issues. 2019. No. 2. Pp. 101–129. DOI: 10.17222/1814-9545-2019-2-101-129.

22. Yakovlev V. F. *Sovremennye metody protivodejstviya akademicheskomu moshennichestvu studentov pri distancionnom obuchenii* [Modern methods of countering academic fraud of students in distance learning] // *NovaInfo.Ru* – NovaInfo.Ru . 2017. Vol. 1. No. 68. Pp. 295–302.

Поступила в редакцию: 06.02.2024

Принята к публикации: 15.04.2024

Исправление к статье

Куклина С. С., Греку Ю. В. Дифференцированный подход в индивидуализированном обучении школьников иноязычному общению // Вестник Вятского государственного университета. 2023. № 3. С. 96–106.

Написание на английском языке фамилии и имени второго автора в онлайн-версии статьи Греку Юлии Владимировны Greku Julia Vladimirovna заменяется на **Grecu Yuliya Vladimirovna**.

Процедура изменения проводится по инициативе ответственного автора статьи С. С. Куклиной.

В PDF-файл статьи на сайте издательства внесены исправления.

Информация о внесенных изменениях передана в НЭБ (elibrary.ru).

В печатную версию оригинальной статьи изменения не будут внесены.

**Вестник Вятского государственного университета
Научный журнал № 2 (152) (2024)**

16+

Редактор А. В. Мариева
Технический редактор **Л. А. Кислицына**
Дизайн обложки **А. К. Долгова**
Редактор выпускающий **А. Ю. Егоров**
Ответственный за выпуск **И. В. Смольняк**

Подписано в печать 20.11.2024 г.
Дата выхода в свет 17.12.2024 г.
Формат 60x84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 18,14. Тираж 200 экз. Заказ № 311.

Подписной индекс журнала «Вестник Вятского государственного университета»
в подписном каталоге «Почта России» – ПН085

Вятский государственный университет
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
www.vestnik43.ru, www.vyatsu.ru
Тел. (8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36